

# Стрелок ушел на войну

Герберт МакБрайд

*Капитан*

Двадцать первый батальон

Канадские Экспедиционные Силы

и

Сухопутные войска США

Описание опыта и наблюдений автора во время пребывания в рядах Канадского Экспедиционного Корпуса во Франции и Бельгии, с сентября 1915 г. по апрель 1917 г., с особым вниманием на использовании служебной винтовки в снайпинге, ее места в современном вооружении и работы индивидуального солдата.

Small-Arms Technical Publishing Company

Маринс, округ Онслоу, Северная Каролина

С.Ш.А.

1935 г.

# A Rifleman Went To War

By

HERBERT W. McBRIDE

*Captain*

Twenty-first Battalion  
Canadian Expeditionary Force

*and*

United States Army

Being a narrative of the author's experiences and observations while  
with the Canadian Corps in France and Belgium, September 1915-  
April 1917. With particular emphasis upon the use of the  
military rifle in sniping, its place in modern armament,  
and the work of the individual soldier.



SMALL-ARMS TECHNICAL PUBLISHING COMPANY  
Marines, Onslow County, North Carolina  
U. S. A.

Авторские права © Small-Arms Technical Publishing, декабрь 1935 г.



PRINTED IN U. S. A.

Русский перевод, комментарии и примечания © Сергей Бокарёв, 2022 г.

Перевод сделан по репринтному изданию 1935 года, вышедшему в издательстве  
*Kessinger Publishing* в 2008 году.

#### ЗАЯВЛЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

В связи со старостью и редкостью оригинального издания, многие страницы может быть сложно прочитать из-за нечеткого текста, возможных утерь страниц или фрагментов книги, или по другим причинам, находящимся вне нашего контроля.

По причине исключительной важности и редкости этой книги, мы полагаем, что сделали все возможное для аккуратного и точного воспроизведения исходного текста независимо от первоначального состояния оригинала.

Спасибо за понимание.

## БЛАГОДАРНОСТЬ

ОТТАВА, КАНАДА,

9 НОЯБРЯ, 1935 Г.

Автор этой книги — ныне покойный Герберт У. МакБрайд — служил в моем батальоне рядовым, сержантом и офицером. Он был одним из лучших бойцов, которых я знал, и получил повышение и награду по моей рекомендации.

Он считался одним из лучших “пулеметчиков” в союзной армии, а также одним из лучших стрелков из винтовки.

Герберт У. МакБрайд был выдающимся воином, бесстрашным и неутомимым, гением изобретательства, всегда добивавшимся оснований, чтобы получить возможность нанести ущерб врагу. Я чрезвычайно восхищался капитаном МакБрайдом как солдатом, и с армией таких людей можно было бы легко победить любое войско. Именно такие боевые способности позволили моему Двадцать первому батальону вернуться домой с записью о том, что за четыре года активного участия в войне у нас ни разу не было подмоченной репутации. Мы никогда не преследовали того, что не взяли, и никогда не отдавали ничего, что захватили. Из первоначальных 1058 человек личного состава батальона сейчас живы менее 150, большинство остальных похоронено на полях Фландрии и на Сомме.

У.С. Хьюз,

БРИГАДНЫЙ ГЕНЕРАЛ

## ПОСВЯЩЕНИЕ

Эта книга посвящена всем тем военнослужащим первоначального состава Двадцать первого батальона Канадских Экспедиционных Сил, служившим в пулеметной команде в то время, в какое я имел честь принадлежать к этому подразделению.

В нижеследующем списке, составленном по памяти и из тех скудных записей, которыми я располагаю, некоторые из них, возможно, не указаны. Если это так, то приношу свои самые искренние извинения. Я бы не стал намеренно пренебрегать ни одним солдатом этой доблестной команды.

* Аллен	* Грей	Паркер
Балдсон	Харт	Паудаш
Букер	Харви	* Певерелл
* Бушар	Джексон	Редпат
* Брукс	* Джендон	Ротвелл
* Каслман	† Джонстон	* Рассел
* Чарльз	Лейдло	Шангроу
* Кларк	* Ланнинг	Шепард
† Кьюри	Ли, Сесил	Смит
* Диган	Ли, Джек	Саутгейт
* ДеЛайсл	Линч	* Стиллман
* Дюпюи	† МакБрайд	* Тинкесс
Эндерсби	МакФарлин	* Томс
Эдсон	МакГиннес	* Вендт
Фланниган	МакНаб	† Уильямс
* Фримен	Мэнган	* Уилсон
Жилетт	Микс	
* Гордон	† * Нортон-Тейлор	

Те, кто отмечен “звездочкой” (\*), погибли в бою.

Все остальные были ранены.

Те, кто отмечен “крестиком” (†), были произведены в офицеры.

ГЕРБЕРТ МАКБРАЙД

## ОБЪЯСНЕНИЕ И ВВЕДЕНИЕ

На долю автора этого повествования выпало служить в рядах Британской Армии в ряде сражений недавней Великой войны. С момента моего возвращения в Соединенные Штаты сотни, а то и тысячи друзей и знакомых задавали мне бесчисленные вопросы относительно моего личного опыта участия в этом конфликте. Подавляющее большинство вопрошавших оказывалось стрелками или солдатами нашей собственной американской армии, которым “не посчастливилось” (как они выражались) послужить в бою или же когда-либо использовать свои служебные винтовки по тому назначению, для которого они были созданы. Тем не менее, они — как и я в начале этого великого конфликта, — чувствовали себя полностью подготовленными и стремились встретиться лицом к лицу с общим врагом и внести свой вклад [в победу]. Более того, как и все квалифицированные работники, они проявляли неподдельный пристальный профессиональный интерес ко всем без исключения вопросам работы, инструментам или технике, относящимся даже к самым незначительным нюансам избранной ими профессии — стрелковому делу.

Именно в назидание таким личностям, как они, я сподвигся написать эти страницы. При этом я намеренно избегал областей стратегии, прикладной тактики, военных действий, и — да, даже истории. Потому что, как ни странно, меня никто ничего не спрашивал об этих общих предметах войны; и я так понимаю, не потому, что они рассматривались во многих других отчетах, а потому, что они теоретичны и академичны, то есть бессмысленны до тех пор, пока их не заставят “работать”, пока не возьмут с бумаги и не продемонстрируют на поле боя. И здесь вскоре обнаруживается, что шевелиться их заставляет ЧЕЛОВЕК, и это как раз то, о чем и спрашивали мои исследователи. Их вопросы касались, казалось бы, малозначительных вещей, которые, — после того, как на них на все будут даны ответы, — создают своего рода картину ЛЮДЕЙ на ВОЙНЕ.

Поэтому — а также потому, что надлежащая подготовка к защите моей страны по-прежнему является для меня жизненно важным делом, — я попытался в меру своих скромных возможностей дать в следующих главах честный ответ на многие из этих вопросов, касающихся этих дел, — таких мелких и человеческих, но самых важных из всех, потому что они относятся непосредственно и конкретно к каждому человеку, с которым всегда побеждают в битвах.

Описывая эти события и переживания, и приводя [свои] наблюдения, я старался тщательно придерживаться правдивого, прямого и непосредственного подхода и рассказывать историю так, как она происходила на самом деле, без выдуманных “соплей” и излишнего драматизма. Поэтому, если вы не найдете [здесь] достаточно сведений о ружейной стрельбе, или о разведке, или о каком-либо другом аспекте войны, в информации о котором вы особенно нуждались, пожалуйста, будьте снисходительны к старику и помните, что не я вёл войну. Я выполнил в ней только лишь свою часть [работы] и должен рассказывать о вещах, которые произошли *на самом деле*, и о том, как они произошли. Я сделал это и только это.

\* \* \* \* \*

Я часто говорил, и говорю до сих пор, что солдат может превосходить рыбака, но

теперь пришел к заключению, что в этом деле он виноват лишь частично.<sup>1</sup> Правда состоит в том, что этого требует публика — *его* публика. Средний гражданин, будь то мужчина, женщина или ребенок, имеет такие своеобразные представления о реальных условиях современного боя, что невозможно заставить их понять что-либо еще, кроме того факта, что это бой. А ведение боя, как они его себе представляют, означает встать и сбить [противника] с ног, рукопашную схватку. Они думают, что поскольку человек служил в армии во Франции и принимал участие в некоторых великих сражениях, — например, в Аргоннах, — он должен был расстрелять, заколоть штыком или иным образом убить бесчисленное количество немцев, и склонны сомневаться в честности любой праведной души, пытающейся рассказать им непосредственную и правдивую историю событий так, как они происходили на самом деле. Люди просто не могут понять, что из миллиона или около того солдат, действительно внесших свою лепту в это великое наступление, едва ли десять процентов когда-либо видели немца до тех пор, пока он не перешел через линию фронта [и сдался] в плен. Солдат, действующий или бывший, вскоре узнает об этом, и чтобы избавить себя от необходимости длинных и утомительных объяснений, просто начинает выдумывать множество леденящих кровь зрелищных историй; при этом все остаются довольны. Люди верят в то, во что они хотят верить, и это то, что они хотят слышать. Это совпадает с их уже сложившимися представлениями о том, какой должна быть битва.

То же самое относится и к “народным” военным рассказам и картинкам. В тех случаях, когда эти рассказы и картинки вышли из-под пера людей, действительно служивших в армии, авторы прекрасно понимают, что они смехотворно преувеличены и искажены, но они также знают, что простая и неприукрашенная правда не будет принята публикой или, — что для них важнее, — издателями, поэтому они переходят к изготовлению острых ощущений на заказ. Я этого не делал.

Близкой к этой ситуации является идея, распространенная среди населения Соединенных Штатов в целом, идея о том, что нация надежно и достаточно защищена, потому что в случае иностранного вторжения или агрессии миллионы людей “немедленно взялись бы за оружие”, как выразился покойный г-н Брайан. Даже при том, что катастрофический пример прошедшей войны еще свеж, они просто не могут или не хотят принять ту истину, что обычный гражданин не может быть превращен в обученного солдата путем простой выдачи оружия ему в руки. Сами солдаты, те, кто “прошел огонь и воду”, знают об этом все, — но кто уделяет много внимания солдату в мирное время? И вновь, как в “Томми Аткинсе” Редьярда Киплинга:

*“Oh, it’s Tommy this and Tommy that.*

*And Tommy go away.*

*But it’s ‘Thank you, Mister Atkins,’*

*When the Band begins to play”.*<sup>2</sup>

---

<sup>1</sup> Имеются ввиду “рыбачьи рассказы”, “охотничьи истории”, “военные байки” и прочее устное народное творчество.

<sup>2</sup> Цитата из стихотворения Редьярда Киплинга “Томми Аткинс”:

Солдат — туда, солдат — сюда! Солдат, крадись, как вор.

Но “Мистер Аткинс, в добрый путь!” — когда играют сбор.

Когда играют сбор, друзья, когда играют сбор.

“Любезный Аткинс, в добрый путь”, — когда играют сбор. (Перевод С.Маршака).

Вероятно, ни одна другая вещь в солдатском ремесле не понимается так превратно, как стрельба из винтовки. Общее впечатление, кажется, таково, что все, что нужно, это дать человеку винтовку и несколько патронов, и что каким-то чудесным образом этот человек совершенно сразу же становится хорошим и компетентным стрелком, способным поразить любое количество врагов практически на любой дистанции.

МЫ то знаем [что это не так]: те из нас, кто потратил многие годы, пытаясь изучить правила этой игры, — но как мы собираемся вбивать их в голову “человеку с улицы”? Ваш писатель вырос в семье стрелков — и хороших стрелков, — и продолжал тренироваться все время, зимой и летом, на протяжении *многих лет*, однако ему было далеко за тридцать, прежде чем он действительно многое узнал о самой настоящей, истинно армейской винтовочной стрельбе, и потребовался еще долгий период интенсивных тренировок под руководством лучших инструкторов и участия в самых суровых соревнованиях, прежде чем он почувствовал, что на самом деле имеет право называться “стрелком”.

Вышеизложенное написано как частичный ответ на многочисленные вопросы, полученные от корреспондентов со всей страны, относительно того, считаю ли я, что все тренировки и стрельбы на стрельбище, а также ежегодные соревнования в Кэмп-Перри “того сто́или”. Наиболее категоричный ответ: да, не только сто́или, они абсолютно необходимы для надлежащей подготовки армейских стрелков. Без глубоких знаний об оружии, боеприпасах и погодных условиях, которые невозможно получить никаким другим способом [кроме как на практике], не было бы и настоящих стрелков. Каждая крупинка информации, которую можно получить на стрельбище, окажется полезной на войне. Правда, [в бою] не всегда — и не часто — удастся принять точные и правильные положения для стрельбы, используемые в соревнованиях; к тому же, необходимо приспособливаться — умственно и физически — к стрессу и напряжению на поле боя, но, тем не менее, все те фундаментальные принципы [стрельбы] будут оказывать важное, хотя и неосознанное, влияние на повышение эффективности стрелка.

Все эти “стрелковые чудачки” в этой стране помогают делу. Их непрекращающиеся эксперименты по снаряжению и разработке новых патронов и их компонентов, разработке новых пуль, прицелов и различных других механических усовершенствований; их неутомимое усердие в опробовании всего нового, как на стрельбище, так и в охотничьем деле — все это имеет исключительную ценность для работы с армейской винтовкой. Особую важность представляют крупные национальные стрелковые соревнования, ежегодно проводимые в Кэмп-Перри, и другие подобные встречи. Без всех тех людей, занимающихся подобными делами, и особенно без непрерывных усилий их великолепной организации — Национальной Стрелковой Ассоциации, — мы вскоре оказались бы далеко позади в большом параде прогрессивных государств в том, что касается военной подготовки. И на самом деле именно для этих людей я написал этот труд.

ГЕРБЕРТ МАКБРАЙД,  
ИНДИАНАПОЛИС, ИНДИАНА.



## СОДЕРЖАНИЕ

	СТР.
Предисловие переводчика .....	10
Глава 1. С чего все началось .....	13
Глава 2. Канада.....	21
Глава 3. Англия.....	32
Глава 4. Фландрия.....	45
Глава 5. Траншеи.....	52
Глава 6. Запись результатов.....	61
Глава 7. Разведка и патрулирование.....	77
Глава 8. Рейды в траншеи .....	93
Глава 9. Примечательные случаи.....	104
Глава 10. Пистолет на войне .....	120
Глава 11. Сражение у Сент-Элуа.....	132
Глава 12. Неразорвавшиеся боеприпасы, осечки и заклинившие затворы.....	148
Глава 13. Сомма .....	161
Глава 14. Мой последний отчет .....	170
Глава 15. Британская Армия .....	182
Глава 16. Заметки о снайпинге .....	201
Глава 17. Стрелок в бою .....	220
Глава 18. “Эмма Джис” (Пулеметы) .....	230
Глава 19. Солдат в бою .....	242
Послесловие.....	261
Об авторе.....	263

## ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

**Это честная книга.** Автор — смутьян, алкоголик, возмутитель спокойствия, охотник и путешественник. Стрелял из всего, чего только можно. Путешествовал по Западу, знаком с легендами Фронтира. Застал Золотую лихорадку, пожил на Клондайке. В возрасте 41 года (уже старик!) идет добровольцем в Канадский Экспедиционный Корпус, желая побывать на настоящей войне. По возвращении домой пишет книгу — одну из лучших о Первой мировой войне (если не лучшую), и одну из двух по снайперскому делу той эпохи. Из-под пера МакБрайда, никому и ничему не обязанного, не признающего никаких авторитетов, фактически выходит честный и беспристрастный, основанный только на его наблюдениях и опыте, учебник пехотной тактики, все мысли которого подчинены одному — *эффективной работе пехотинца на поле боя*. Как итог: книга, ставшая важнейшей, я бы сказал, этапной в развитии стрелкового и снайперского дела на Западе; книга, ставшая классической и до сих пор являющейся культовой среди стрелков.

**Это умная книга.** Поражает высокий интеллектуальный уровень и широкий кругозор автора. Свободно цитирует Киплинга и Шекспира, упоминает теорию Эйнштейна и законодательство Конгресса. Перечисляет подробности многих известных и малозначащих эпизодов мировой военной истории — от походов Цезаря и Наполеона до Войны за независимость США. Во время увольнительных в Англии любит гулять по историческим местам, связанным со вторжением на остров Вильгельма Завоевателя. Потом путь от французского побережья до Ипра — через Гавр, Арфлёр, Руан, Креси... И видно, что все эти вещи для него вполне естественны и привычны. И именно такой острый ум, наблюдательность и богатый практический опыт зрелого человека позволили МакБрайду тонко подмечать многие фронтовые детали, досконально разбираться в технических нюансах и особенностях применения разного рода оружия, давать взвешенный и непредвзятый анализ событий, не бояться высказывать рекомендации о том, что важно и что не важно на войне, что нужно внедрять и исправлять в американской армии. Потрясает его глубокий личностный анализ сильных и слабых сторон Британской Армии (во многом сохранившей эти черты и сейчас!), а многие сделанные автором выводы даже спустя сто лет звучат пугающе современно.

**Это страшная книга.** Несмотря на то, что в книге много живых, ярких, и душевных подробностей, автора упрекали в том, что он описывает Мировую бойню слишком отстраненно, холодно, без “человеческого интереса”. Но именно от этих его бесстрастных описаний веет оцепеняющей жутью — то, что у Ремарка является человеческими эмоциональными потрясениями, то у МакБрайда — обыденность войны, которая по-человечески цепляет гораздо глубже. Именно безэмоциональные строки этой книги заставляют в очередной раз вспомнить о том, какую цену иногда платят народы за амбиции своих политиков и генералов.

\* \* \* \* \*

**Несколько слов о переводе.** Перевод этой книги потребовал очень долгой и кропотливой работы и забрал у меня значимую часть моей жизни. Я брался за нее, бросал и возвращался снова, пытаюсь, с одной стороны, как можно точнее понять сложные, многослойные и глубокие мысли автора, вникнуть в повседневность тех далеких дней и почувствовать дух той безвозвратно ушедшей эпохи; а с другой стороны,

сохранить образный язык, структуру и исходный замысел повествования, — все эти длинные, перегруженные предложения; обилие устаревшей терминологии, всевозможных сленговых словечек, сокращений, совершенно непонятных современному читателю... И все это помноженное на устаревшую английскую грамматику и синтаксис вековой давности.

Я сохранил все аббревиатуры, дав их расшифровку в сносках; сохранил все акценты, на которых заострил внимание автор, выделив их, как и в оригинале, *курсивом*; сложно понимаемые термины и невысказанные (подразумеваемые) мысли автора дал в [квадратных скобках]. Для удобства читателя, в ряде случаев устаревшие понятия были заменены аналогичными современными (например, “бруствер” вместо “парапета”, “зрительная труба” вместо “телескопа” и т.д.), однако ряд терминов остались такими же, как и сто лет назад (“траверс”, “обоз”, “телескопический прицел” “передовая линия” вместо “фронта”, “партия” вместо “группа” и т.п.). Также, по возможности, я постарался чуть смягчить тяжеловесную авторскую лексику, сделав ее понятнее современному читателю, но максимально сохранив при этом авторский стиль. Названия всех населенных пунктов приводятся так, как они обычно указываются в русскоязычной исторической литературе по Первой мировой войне.

Работа над книгой потребовала многочисленных поясняющих комментариев. В своем стремлении вооружить читателя максимально полезной для понимания книги информацией, я с ужасом понял, что сделать это, не перегрузив исходный текст и не увеличив объем книги чуть ли не вдвое, не получится. Поэтому пришлось ограничиться необходимым минимумом. Тем любопытным читателям, которые заходят ознакомиться более подробно с историческими событиями, описываемых автором, могу порекомендовать любой отечественный или иностранный труд по истории Первой мировой войны (которых очень много). Тех же, которые захотят узнать о службе и истории Канадского Экспедиционного Корпуса в Первую мировую войну, я с удовольствием отсылаю к великолепной монографии Джеральда Ничолсона (*Gerald Nicholson. Official History of the Canadian Army in the First World War: Canadian Expeditionary Force, 1914-1919 — Ottawa: Roger Duhamel, Queen's Printer and Controller of Stationery, 1962. — 676 p.*), которая есть в сети интернет на языке оригинала.

\* \* \* \* \*

Все проблемы, возникающие во всех сферах человеческой жизни (и военное дело не исключение!) в конце концов сводятся к людям, реагирующим на обстоятельства. Чванство, зазнайство, пренебрежение опытом и знаниями других, узколюбое мышление, отсутствие кругозора, интеллектуальная нищета и немощность духа — вот неизменная первопричина всех неудач и бедствий. И если крупницы военного опыта и здравых мыслей, рассыпанные в этой замечательной книге, позволят снизить уровень скудоумия и расширят кругозор, заставят задуматься, переосмыслить какие-то важные вещи, и посмотреть на них в исторической ретроспективе, то переводчик будет считать, что не зря потратил свое время.

С.Б.



## Глава 1

### С чего все началось

Поскольку это история о состоявшемся стрелке, то предположу, что будет уместным привести некоторые доказательства в поддержку этого утверждения.

Мой опыт в этой сфере на самом деле начался около пятидесяти с небольшим лет назад, когда еще мальчишкой я обычно сидел и наблюдал, как мой отец готовит свое снаряжение для ежегодной охоты на оленя. Мы жили на северо-востоке штата Индиана, а места, отведенные для охоты, в то время находились всего в нескольких милях от Сагино, в штате Мичиган. У отца было два ящика, которые он соорудил сам. В одном из них хранилась кухонная утварь — все, начиная от рефлекторной печки и заканчивая ножами, вилками и ложками — все специально было изготовлено так, чтобы уместиться в сундуке. В другом ящике, меньшем по размерам, хранилось оружие и все необходимые к нему принадлежности. В те дни боеприпасы к оружию мы “снаряжали сами”, поэтому помимо обычных приспособлений для чистки, масла и тому подобных вещей, там были большие запасы пороха, — как для винтовки, так и для дробовика, — дробы, форм для пуль, патронных гильз, — как для винтовки, так и для дробовика, — и всякого рода “медь” (которая до появления бумаги служила гильзами для дробовых патронов); капсюли и хорошие запасы свинца. И естественно, у него было большое количество запасов заряженных патронов для обоих видов оружия. Поначалу для отстрела оленей у него был однозарядный дробовик “Ремингтон” .44-го калибра, под патрон с закраиной. Позднее он перестроил его под американский служебный патрон 45-70 калибра.

За несколько недель до начала охоты, вся компания собиралась вместе каждые несколько дней и проводила соревнования по стрельбе, на которых каждый пытался опробовать какую-либо новую идею, которую он придумал за время после последней экспедиции. Для половины торгового населения маленького городка не было ничего необычного в том, чтобы в середине дня закрыть свои магазины и вместе с адвокатами, докторами и даже с проповедниками, привести в порядок какой-то пустырь и без подготовки устроить соревнования по стрельбе из любого вида оружия, начиная от старинных “перечниц”<sup>3</sup> и заканчивая новейшими из имевшихся на тот момент моделями винтовок. В то время и в том месте практически все “мужики” были ветеранами Гражданской войны, и увлечение стрельбой было частью их веры. Естественно, что будучи мальчишкой, я заразился этим, и мой отец, веря в необходимость должной подготовки, давал мне предостаточно возможностей для изучения этой игры; позволяя мне даже стрелять из его тяжелых ружей тогда, когда он был уверен, что они соьбют с меня спесь. Он был хорошим и добрым человеком, но не для неженков.

Время от времени он покупал для меня винтовки, начиная с небольшого старинного “Флобера”, и заканчивая “Квакенбушем”. Так или иначе, я запомнил ту последнюю, с ее тяжелым, круглым, покрытым никелем стволом. Когда мне было около двенадцати лет, он заказал у местного оружейного мастера *настоящую* винтовку: заряжаемую с дульной части кентуккийскую винтовку для охоты на белок, со стволом, укоро-

---

<sup>3</sup> Револьвер с удлиненным барабаном без ствола, в котором выстрел производится непосредственно из барабана.

ченным до тридцати дюймов, ружейная ложка которой была подрезана на манер того, что сегодня мы называли бы “спортером”.<sup>4</sup> Та винтовка до сих пор со мной, и хотя выглядит она, что называется, “не ахти”, но когда я использовал ее, она определенно выполняла свои функции, — ястребу на коряге где-то в пределах сотни ярдов или дятлу на самой высокой ветке определенно не везло, а белка, которая была достаточно глупа, чтобы высунуть свою голову над веткой, оказывалась в горшке.

Я изготовил себе свой собственный рожок для пороха и патронную сумку, и, конечно же, свои собственные пули. Капсюли — “Elys” — мне нужно было приобретать, точно так же, как и порох и свинец на те деньги, которые мог заработать на случайных работах, одной из которых была ловля крыс вокруг наших помещений. За каждую пойманную крысу отец давал мне по пять центов.

Здесь была такая возможность. Любой мальчишка, выросший в такой атмосфере, обязан стать стрелком. Шли годы, и я переходил из класса в класс. Мой отец был капитаном роты старого Легиона Индианы, который существовал до формирования Национальной Гвардии, а я оказался одним из привилегированных мальчишек, которые устанавливали мишени на стрельбище, которое они соорудили на окраине города. В то время отряды Милиции были на полном самообеспечении. Даже после того, как я стал полноценным “солдатом”, мы не только покупали себе форму, но и платили за оружие, как и брали на себя все остальные расходы.

В некоторых случаях, нам, мальчишкам, разрешали стрелять по-настоящему, а более взрослое поколение занимало наши места в смотровых ямах. Какая же у этих старинных “Спрингфилдов” отдача! Она была нешуточная. Я встречал много старожил с иссиня-черными плечами после дня стрельбы, и как это ни странно, но помню, что большинство офицеров носило на плечах португеею. Было это еще до того, как кому-то в голову пришла идея занимать общепринятое сейчас положение для стрельбы под углом “сорок пять градусов”. До этого все располагались прямо против мишени и получали полную отдачу на верхнюю часть плеча, когда стреляли из положения лежа. Положения для стрельбы из-за спины, которые в то время широко использовали, тоже были неплохи. Для нас, детей, простыми оказались даже “Техасский хват” и “Стивенс”, но когда дело доходило до стрельбы, что называется, “от живота”, — да, нам она тоже давалась, но каждый выстрел отбрасывал нас назад на фут или даже больше.

В возрасте пятнадцати лет я поступил на военную службу и несколько лет числился в составе Третьего полка. За это время моего отца повысили в звании до полковника, а я стал сержантом. Затем я отправился работать в Чикаго, и немедленно был причислен к роте “I” Первого Иллинойского пехотного полка под командованием капитана Ченовета. Летом 1893 года, после того как опытный медик обнаружил у меня Т.В.,<sup>5</sup> я отправился разъезжать по Колорадо и Нью-Мексико, часть времени работав на скотобойне, а оставшееся время проводя в угледобывающей компании (предполагалось, что я работаю на них, но на самом деле, я просто использовал их как источник талонов на питание, поскольку каждую минуту своего свободного времени я тратил в поисках того, во что можно пострелять). Я встретил и познакомился со многими настоящими ветеранами: людьми эпохи тех лихих дней Абилина, Доджа и Хейс-Сити, и, конечно же, с теми, кто участвовал в разнообразных движухах, связанных с зачист-

---

<sup>4</sup> Спортивный карабин, переделанный из боевого оружия.

<sup>5</sup> *Tubercle Bacillus*, туберкулезная палочка (палочка Коха).

кой знаменитого земельного гранта Максвелла, на части территории которого эта шахта и располагалась.<sup>6</sup>

Городок Тринидад, рядом с шахтой (Соприс), в те старые добрые времена [Дикого Запада] был одной из горячих точек, многие из плохих парней встретили там, а также вдоль реки Пикетвайр — или, как гласит ее оригинальное испанское название, Purgatoire, — свое “заслуженное наказание”. Именно от этих людей и из своего практического опыта стрельбы вместе с ними в различных соревнованиях я узнал, насколько действительно хорошо они, их старые друзья — и враги! — стреляли как из пистолета, так и из винтовки. Если говорить только о самых лучших, то Бэт Мастерсон, Джим Ли, Швин Бокс и Нэт Чепин<sup>7</sup> были хорошими стрелками, но даже лучший из них никогда не смог бы сравниться с удивительными выступлениями многих до сих пор неизвестных “экспертов”, которые постоянно появляются в кино и в сенсационных историях, публиковавшихся на страницах уважаемых журналов в то господне лето 1930 года.

В вышеуказанный список мне следует включить и Брауна — трехпалого Брауна. Он был также хорош, как и самый лучший из них, хотя ему приходилось все время стрелять с левой руки: из-за того, что он позволил своему любопытству взять вверх над здравым смыслом в деле о расследовании преступлений банды “Penitentes”, он в итоге потерял большой и указательный пальцы правой руки.

Все эти люди выросли на Западе и прошли через различные “войны” и движухи, которые вспыхивали как тогда, так и сейчас на всем пути из Техаса к Блэк Хиллс. У них у всех остались шрамы после боев, но тот факт, что они выжили, по моему мнению, является самым лучшим доказательством того, насколько они были хороши. То были дни, в которых выживали самые приспособленные, особенно это касалось мужчин, занимавших, — как и те, кто упомянут выше, — должности законных защитников мира вдоль всей границы.

У этих людей я очень многому научился, самым важным из которого было то, на чем настаивали они все, и что было абсолютно необходимым: способность контролировать свои нервы и страсти — другими словами, *никогда* не волноваться.

У меня была возможность увидеть пару из них в действии во время небольших беспорядков, которые возникли во время празднования Четвертого июля,<sup>8</sup> и я никогда не забуду то, как, будучи вооруженными, они ни разу даже не сделали попытки схватиться за оружие: они просто подошли к агрессивным и полупьяным “плохим парням”, разоружили их, а затем отправили их остыть в кутузку. Да, я многому научился у этих людей. То, что они могли стрелять быстро и точно, не подвергается сомнению, но то, что дало им возможность дожить до средних лет, являлось скорее не их достижением, а [определялось] тем фактом, что они в изобилии обладали той вещью, которую общепринято называют “характером”. Это было тем самым моментом, который помимо всех прочих, произвел на меня сильнейшее впечатление и остался в моей памяти после того, как я вернулся на Восток. И с того времени я пытался жить по стандартам тех пионеров стрелкового дела.

---

<sup>6</sup> Земельный грант Максвелла (*Maxwell Land Grant*) — мексиканский земельный грант площадью 1714765 акров в округе Колфакс, штат Нью-Мексико, и части прилегающего округа Лас-Анимас, штат Колорадо. Одно из старейших и крупнейших частных землевладений в истории Соединенных Штатов.

<sup>7</sup> Легендарные стрелки эпохи Фронттира.

<sup>8</sup> Государственный праздник, день независимости США.

К тому времени, как я вернулся, моего отца назначили судьей Верховного суда, и моя семья переехала в Индианаполис. Я перебрался в свой новый дом и тотчас же присоединился к роте “D” Второго пехотного полка — к старой знаменитой “Индианаполисской легкой пехоте”, которая с конца семидесятых в армейских состязаниях стояла во главе всех первоклассных строевых подразделений страны. Но они могли не только занять призовое место по строевой подготовке в сомкнутом строю: среди офицеров были и те, кто знал цену способности стрелять, и хотя государственные и федеральные власти на это дело не давали ни цента, они умудрялись продолжать огневую подготовку. Ради привилегии принадлежать к Гвардии или, как тогда называли, “Легиону Индианы”, каждый член команды вносил плату. Мы сами покупали себе форму и сами платили за вооружение, а также покупали необходимые компоненты для боеприпасов, которые мы сами снаряжали, и которые расходовали потом на стрельбище. Затем мы арендовали часть какого-то фермерского пастбища для обустройства стрельбища и установили свои собственные мишени. Все ротные офицеры были энтузиастами стрельбы из винтовок; но один из них продвигал эту тему больше остальных — лейтенант (впоследствии майор) Дэвид И. МакКормик, “великий предшественник” практической стрельбы из служебной винтовки в Индиане.

После продвижения в пехоте, где я получил звание сержанта, меня перевели в артиллерию, — в батарею “A” Первого артиллерийского полка Индианы — известный во всей стране как “легкая артиллерия Индианаполиса”. Как вы заметили, в Индианаполисе были как пехотные, так и артиллерийские формирования, которые считались самыми лучшими. Они оба несли высокую честь во многих армейских соревнованиях, которые в то время проходили ежегодно. (Интересно, какие-нибудь из тех прежних воинских подразделений сохранили до сих пор свои первоначальные названия: “Ричмонд Блюз”, “Вашингтон Фенсиблз”, “Гвардия Чикасо”?)

Во время Испано-американской войны<sup>9</sup> эта батарея “A” являлась 27-й батареей Индианы и была основой 150-го артиллерийского полка (“Радужный дивизион”) во время Мировой войны, а ее тогдашний командир Роберт Л. Тиндалл стал полковником, командиром того полка. (Сейчас он генерал-майор, но как и прежде, для своих старых сослуживцев он всего-навсего Боб Тиндалл).

Моя работа привела меня в Цинциннати, и я присоединился к батарее “B” Первого артиллерийского полка Огайо — батарее капитана Херманна. Они с недоверием относились к практике названия батареи по имени ее командира (и я буду биться об заклад, что молодой лейтенант, который служил в батарее Рейли в Китае, согласится со мной — даже если сейчас он генерал-майор и начальник штаба).

В то время батарея “B” была в каком-то смысле особенным, возможно, уникальным подразделением: это была батарея, имевшая на вооружении картечницы Гатлинга.<sup>10</sup> На службе в Индианаполисе я изучил дульнозарядные орудия Родмана,<sup>11</sup> а во

---

<sup>9</sup> Военный конфликт между Испанией и США в 1898 году. По итогам конфликта США захватили принадлежащие Испании Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины.

<sup>10</sup> Многоствольное скорострельное стрелковое оружие с вращающимся блоком стволов было запатентовано доктором Ричардом Гатлингом в 1862 году. Первоначально вращение стволов осуществлялось вручную, потом появился электрический привод.

<sup>11</sup> Гладкоствольные крупнокалиберные пушки, отливавшиеся из высокопрочного чугуна по технологии, разработанной американским артиллеристом Томасом Родманом.



время службы в Первом Иллинойском полку часто наблюдал, как лейтенант Джек Клининн вместе с группой детей игрался с несколькими картечными, но я никогда не принимал эти хитроумные изобретения всерьез. Однако на тот момент это было все, чем нам приходилось заниматься. Конечно, у нас были пистолеты и сабли и все такое, однако наша основная задача заключалась в том, как применять этих “Гатлингов” наилучшим образом. Капитан Херманн был очень практичным офицером и заметил, что у нас есть всё для практической стрельбы на открытом воздухе, что только могли вынести закон и министерство финансов. Помню, что однажды на одном из тех соревнований по стрельбе я выиграл консервную банку устриц, и могу заявить, что ни медаль, ни любая другая награда, которую я выигрывал благодаря стрельбе, никогда не вызывала во мне такой трепет, как эта. Вознаграждаться могло каждое место, вплоть до десятого — в качестве призов у нас были индейки, ветчина и много другое, что дарилось патриотически настроенными немецко-американскими гражданами, “живущими вдоль Рейна” (в Цинциннати), и думаю, что там впервые в моей голове зародилась мысль о пулемете.

Во время событий на Клондайке я заразился “золотой лихорадкой” и остался там, проведя в северной Канаде больше двух лет. Когда я отошел от этого или, скорее, когда свернул мой путь, у меня появилась возможность оказать помощь в сборе группы новобранцев для кавалерийского полка Страткона,<sup>12</sup> как раз тогда, когда шла мобилизация для службы в Южной Африке. Я надеялся, что присоединюсь к ним, но тогда правила были таковы, что никто из британцев не имел на это право. Это было в 1900 году, и я снова вернулся в Индианаполис, примкнув к своему прежнему воинскому формированию — роте “D” Второго пехотного полка.

Живя на севере, я приобрел значительный опыт в охотничьей стрельбе и поддерживал свое мастерство на хорошем уровне; поэтому, когда снова начал участвовать в армейских соревнованиях, мне не потребовалась дополнительная практика в том, чтобы выполнять работу должным образом, будь то в тире, или на стрельбище. Командиром роты в то время был Роберт Л. Мурхед, сейчас он полковник 139-го артиллерийского полка, и я рад упомянуть здесь о том, что он, по моему мнению, был умнейшим офицером и одним из первых осознал тот факт, что индивидуальное умение обращаться с винтовкой является самым высоким достижением солдата-пехотинца.

Под его руководством рота ни до ни после не демонстрировала более высоких показателей по сравнению с любой другой подобной организацией в армии США, — не исключая даже морскую пехоту, где умение [метко] стрелять у меня вызывает высокую степень уважения. Однажды, после долгого и напряженного соревнования, мы собрали каждого члена полковой команды из двенадцати человек и затем отправили десятерых из них в команду штата. Каждый человек в своей роте в течение своего первого года службы должен был получить квалификацию как минимум “стрелка” или же он выбывал. Если за время второго года он не мог подтвердить квалификацию “меткого стрелка”, он также выбывал, а если в течение третьего года службы он не достигал квалификационного звания “стрелка-эксперта”, то он больше не имел права поступать на

---

<sup>12</sup> Королевский канадский кавалерийский полк, один из последних полков Британской Империи, сформированный и подготовленный частным лицом — Дональдом Александром Смитом, первым бароном Страткона и Маунт-Ройял.

сверхсрочную службу.<sup>13</sup> Это была реально крутая группа настоящих стрелков. Оттуда вышли Скотт Кларк, победивший на Национальных стрелковых соревнованиях в индивидуальном зачете в 1910 году; Джим Хёрт, который вместе со своим сыном, Джимми младшим, хорошо известен нынешнему поколению стрелков национального уровня; Хамп Эванс, и многие другие, кто сделал несчастной жизнь молодых парней, пытающихся преуспеть в Кэмп-Перри. Я стал капитаном, командиром этой роты в начале 1907 года.

Я стрелял вместе с ними во всех национальных стрелковых соревнованиях до 1911 года включительно, а затем мной вновь завладела непреодолимая тяга [к путешествиям], и я снова направился на северо-запад, где провел более двух лет, якобы помогая строить железную дорогу через перевал Йеллоу-Хед до Принс-Руперта. Но на самом деле мне хотелось выбраться куда-то, где бы я мог бы стрелять из винтовки, не тратя несколько месяцев и все свои деньги на строительство пулеуловителя.

Каким-то образом я умудрился получить работу, которая не позволяла мне иметь дело с железом на расстоянии от ста пятидесяти до двухсот миль, так как все время располагалась в девственно дикой местности. Лоси, карибу, медведи были не просто привычным делом; их было в изобилии. Как-то лоси разбудили меня, и мне пришлось сворачиваться, когда они стали тереть свои рога о растяжки моей палатки, появление медведей возле мусорных куч было настолько обыденным явлением, что никому даже в голову не приходило причинить им вред. Уезжая на день и возвращаясь обратно, на горе неподалеку легко было заметить диких коз и овец. Я и в самом деле видел стада коз, стоящих на выступе скалы не далее сотни ярдов выше того места, где группа сотрудников лесоповала делала подрыв динамитом, и наблюдал, как они бросились врассыпную, когда прозвучал выстрел. Да, я умудрялся практиковаться в стрельбе из винтовки.

Затем в марте 1914 года до нас дошли слухи о беспорядках в Мексике. “Теперь”, — сказал я себе, — “там встрянем во что-то стоящее. Это означало войну, и я буду дважды глупцом, если упущу этот шанс”. (Я еще не знал ни тогда, ни еще долгое время после, какого рода правительство мы имели).

Оттуда, где я находился, до ближайшей телеграфной станции было 46 миль — назад в пехоту. Как сейчас помню: это был день Святого Патрика, 1914 год. Тогда я взял с собой достаточно провизии и бутылочку “Джонни Уокера” и отправился в путь. Десятью часами позже я отправил телеграмму своему отцу, запрашивая информацию. Не думает ли он, что это означает войну? Он ответил: “Похоже, что это война, уверен в этом: скорее возвращайся”. Понимаете, мой отец был солдатом, а *его* отец до сих пор похоронен на американском национальном кладбище в городе Мехико (в 1847 году он воевал в Оккупационной армии в составе 7-го пехотного полка Армии США и погиб в Чапультепеке).

Оттуда, где я тогда находился, и до того места, где оканчивалось *транспортное сообщение*, было сто двадцать миль. “Железка” появилась в Форт-Джордже ранней зимой — временная конструкция, проложенная по кустам и всему такому, просто чтобы доставлять запасы зимой, — но временное дорожное полотно было разрушено, поэтому ни один поезд не мог проехать дальше указателя “90-я миля” — и это находилось на удалении 120 долгих миль. Преодоление этого расстояния, большая часть которого

---

<sup>13</sup> Квалификационные звания “*marksman*”, “*sharpshooter*” и “*expert*” соответственно.

была занесена снегом, заняло у меня три дня. Потом, преодолев 46 миль за предыдущий день, я покрыл 166 миль за четыре дня. (Неплохо старик тогда прошел, не так ли?). К тому же эта “90-я миля” — это станция, которую вы можете найти на картах и справочниках под названием МакБрайд.

Когда я вернулся в Индианаполис, то оформился и сразу же был восстановлен на действительной [военной] службе. (Все это время я числился в списке офицеров, ушедших в запас). Получив назначение — в роту “Н” Второго пехотного полка, — я делал все, чтобы подготовить ее к борьбе, которая, как я знал, скоро начнется. Мы участвовали в ежегодных маневрах в Форт-Гаррисон, а затем сидели без дела, ожидая отправки в Мексику. Как сейчас известно, это время так и не настало; но в то же время разгорелась война в Европе.

Когда началась эта так называемая “Мировая Война”, я играл в гольф в Риверсайте, в Индианаполисе, с Гарри Кулером и Уиллисом Насбаумом. Было уже далеко за полдень, когда мы добрались до восемнадцатой лунки. Мы разыгрывали синдикат, и я отставал на четыре удара. Это легкий пар для четырех лунок — каждый гольфист знает, что это означает — легкий, если ты попадешь в них, и мне посчастливилось выйти на грин со второй попытки, тогда как оба соперника поймали раф и только с третьей попытки добрались до дома. Оба, однако, были далеки от моего мяча, который находился всего в десяти футах от флажка. Затем подошел мистер Кулер и загнал тридцатифутовый патт. Но и это было еще не все — разбойник Насбаум проделал то же самое с двадцати пяти футов. И все же ситуация не выглядела безнадежной. Все, что мне нужно было сделать, чтобы расквитаться за матч, так это сделать патт. Но именно в тот момент из клуба прибежал мальчик, размахивая в руке газетными листами и крича: “ВОЙНА В ЕВРОПЕ: СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК! БОЛЬШАЯ ВОЙНА В ЕВРОПЕ”. До того момента я не знал, будет ли попытка забить мяч в лунку удачной или нет. Предполагаю, что расквитался сполна — не знаю — но с той минуты мне уже было не до гольфа. Началась война, и я не собирался ее упускать.<sup>14</sup>

Жаль, не могу сказать, что отправиться в Канаду, чтобы добровольно поступить на военную службу, и отдать свою жизнь во благо человечества меня вынудили те ранние истории о немецких зверствах или же новости о военном вторжении в Бельгию. Совсем нет, я лишь просто хотел узнать, что такое “реальная война”. Все выглядело так, как будто наконец-то начинается реальная схватка, и я не собирался упустить ее на этот раз. Я уже “выпал” из двух войн: испано-американской и англо-бурской, а сейчас в руках была реальная возможность, и я хотел получить билет в первый ряд. И я получил то, что искал.

Будучи в то время капитаном, командиром роты Национальной Гвардии Индианы, мне потребовалось какое-то время, чтобы сдать имущество, получить необходимые разрешения и уйти с должности, но как только все это было завершено, я уже находился на пути в Канаду, где генерал Сэм Хьюз, министр милиции и обороны, незамедлительно пожаловал мне офицерский чин капитана, должность инструктора по стрелковой подготовке, и меня назначили (или “объявили в печати”, как тогда говорили) в

---

<sup>14</sup> В этом абзаце автор использует специфическую терминологию игры в гольф: пар — “нормативное” количество ударов, которым гольфист должен пройти лунку при безошибочной игре; грин — ровный, финальный, участок поля с короткой травой; раф — участок высокой травы, специально оставленной по бокам большей части игрового поля; мяч, попавший в раф, значительно труднее выбить; патт — удар, загоняющий мяч в лунку.

Тридцать восьмой батальон. Но поскольку этот батальон еще не был мобилизован, то мне выдали предписание отправиться в Кингстон и начать работу вместе с Двадцать первым батальоном, который там готовился. Командиром этого (Двадцать первого) батальона был подполковник Уильям Сен-Пьер Хьюз, брат министра милиции и обороны. Он был не только выпускником Королевского военного колледжа, но и ветераном восстания на северо-западе 1885 года.<sup>15</sup> Как истинный солдат, он мне сразу понравился. Позднее мне суждено было узнать его как одного из самых благородных людей с широким кругозором, которых я когда-либо встречал.

---

<sup>15</sup> Речь идет о т.н. Северо-западном восстании франкоязычных метисов и индейцев против англо-канадских властей под руководством Луи Риэля в провинции Саскачеван в 1885 году.

## Глава 2

### Канада

Проведя пару месяцев с Двадцать первым батальоном, вернувшись затем в Оттаву, чтобы присоединиться к своему собственному подразделению, я вскоре узнал, что Тридцать восьмой батальон намечен к отправке на Бермуды, чтобы сменить Королевский канадский полк, который нес там гарнизонную службу. Это было не очень хорошо. Я намеревался попасть на настоящую войну, и гарнизонная служба на Бермудах меня несколько не привлекала. Если бы я знал тогда, как все мы знаем сейчас, что Тридцать восьмой батальон достаточно скоро окажется во Франции, чтобы принять участие в боях, о которых просили все, то думаю, что все было бы по-другому, но на тот момент мое главное беспокойство заключалось в том, что война закончится прежде, чем я смогу туда добраться.

Я был зол; да, я по-настоящему разозлился. Я ушел и попытался выпить все виски в Оттаве, чем выставил себя в таком глупом свете, что начальники были рады от меня избавиться. Однако перед этим я телеграфировал полковнику Хьюзу, в Кингстон, с просьбой принять меня в свой батальон в качестве рядового, на что он ответил: “Да, буду рад Вас видеть”. Моя отставка была быстро принята, и я сел в поезд на Кингстон, где и был приведен к присяге на следующий день в качестве рядового, после чего был назначен в пулеметную команду (“Эмма Джис”).<sup>16</sup>

Да, там я стал пулеметчиком, но пулеметчики в те дни также носили винтовки, и для меня этого было достаточно. Я находился в подразделении, которое безусловно отправлялось на войну, и этого тоже было достаточно. В Кингстоне мы тренировались всю зиму, следуя обычному распорядку дня — физические упражнения, строевая подготовка в составе подразделения (очень мало, однако), упражнения со штыком и иногда небольшие учения, которые можно было бы назвать “тактикой мелких подразделений”. Но лучшее, что мы делали, — это пешие марши и стрельба, стрельба и пешие марши. Никакой особенной подготовки для позиционной, “окопной”, войны не было — она появилась позже, в Англии. Здесь же, в Канаде, программа подготовки, которая была, конечно, разработана офицером, который знал свое дело (подозреваю, что это был полковник Хьюз самолично), была рассчитана на то, чтобы сделать всего две вещи: привести людей в физическое состояние, позволявшее выдерживать долгие марши и всесторонне обучить их использованию своего оружия. Позднее, в военные годы, мне довелось сравнить эту систему с той, которая была изложена в жестких программах подготовки Армии Соединенных Штатов, и чем больше я смотрел на нашу (американскую) систему, тем больше мне нравилась канадская.

Наши марши проводились в любую погоду, а зима в Онтарио — это настоящая зима. Один раз мы прошли от Кингстона до Гананока по снегу глубиной в фут и вернулись на следующий день — двадцать две мили в каждую сторону. Другой марш случился в Одессу — такое же примерно расстояние туда и обратно, на этот раз с полной выкладкой. Однако один или два дня каждой недели мы выходили на стрельбище Бар-

---

<sup>16</sup> “Эмма Джис” (англ. *Emma Gees*) — сленговое название пулеметных подразделений (Machine Guns, M.G.), образованное по первым буквам армейского фонетического алфавита того времени.

ефилд для проведения практических стрельб. Иногда, когда мы выходили на стрельбы, повсюду можно было кататься на льду, но мы, конечно, многому учились и получали закалку в преддверие грядущих горьких дней. Позже, в конце обучения, между сборными командами из разных рот и отрядов каждую неделю проводились стрелковые соревнования. В этих матчах пулеметчики всегда хорошо себя показывали.

В батальоне собрались многие лучшие стрелки Канады, в том числе майор Элмитт (член канадской команды “Palma”<sup>17</sup> 1907 года), сержант-майор Эдвардс, сержант Уильямс (в пулеметной команде) и многие другие, чьи имена сегодня мной позабылись. Полковник сам принимал участие в стрельбах, как это делали и все другие офицеры. Мне особенно хорошо запомнилось, какой энтузиазм по поводу этих занятий испытывал заместитель командира, майор Беннетт. Я просто упоминаю об этих вещах, чтобы показать, как так случилось, что именно этот батальон превратился в *настоящее* сообщество *стрелков*. В последующие месяцы и годы, эта подготовка в многочисленных случаях спасала их от бедствий, которые захлестнули иные подразделения, не подготовленные схожим образом. Весь патриотизм, смелость и решительность в мире никогда не смогут компенсировать отсутствие всесторонней подготовки в использовании оружия, которым вооружен солдат.

Мы использовали винтовки “Росс”, великолепное целевое оружие, и боеприпасы Mark VI — со старой, тупоконечной пулей; позже, уже в Англии, мы перешли на патроны Mark VII с остроконечной пулей и внесли требуемые изменения в значения поправок на превышение траектории.<sup>18</sup>

Подготовка в стрельбе из винтовки на британской службе, которая, конечно, включает в себя и Канаду, в основном аналогична той, которой следовали в армии Соединенных Штатов. То есть призывник поначалу тщательно изучает теорию и практику наводки и прицеливания, а затем проходит курс стрельбы с уменьшенным зарядом на коротких дистанциях (в тире). Тем не менее, когда он впервые выходит на стрельбище для стрельбы штатным боевым патроном, первое, что он должен сделать, — это провести стрельбу на “группу” на сто ярдов. В этом упражнении человек делает пять выстрелов без какого-либо подсчета [очков], это просто упражнение на его способность правильно наводить, прицеливаться и *удерживать* винтовку. После того, как он завершал свою серию, мишень опускалась, и офицер в мишенной яме измерял группу. Ее расположение на мишени во внимание не принималось: имел значение только ее размер. Во избежание задержек при таких измерениях, использовалось устройство, состоящее из ряда проволочных кругов-шаблонов. Если память меня не подводит, внутренний круг имел размер около четырех дюймов в диаметре, а диаметр остальных доходил что-то вроде до пятнадцати дюймов. Существует официальная шкала для оценки различных по размеру групп — если человек не может удерживать свои группы в пределах максимального круга, он возвращается для дальнейшего предварительного обучения и практики. Такая стрельба, как и вся обычная стрелковая практика на британской службе, ведущаяся в медленном темпе, производится из положения лежа.

---

<sup>17</sup> Вид практической пулевой стрельбы на дистанции от 300 до 1000 ярдов, ведется из положения лежа и из винтовки с открытыми (механическими) прицельными приспособлениями.

<sup>18</sup> Штатная магазинная винтовка канадской армии под патрон .303 British. В 1910 году на вооружение была принята ее третья модификация под названием Rifle Ross, Mark III.

Ремень на винтовке “Росс” (и на винтовке “Энфилд”, если уж на то пошло) не был специально предназначен для использования при стрельбе, однако на практике, получив разрешение, его можно было снять с антабки приклада и закрепить таким же образом, как мы привыкли делать на старых винтовках “Спрингфилд” .45-го калибра и винтовках “Краг”.<sup>19</sup>

Я уже упоминал, что процесс обучения стрельбе был, в основном, аналогичен такому же процессу в американской армии, и это правда. Целью обеих [методик] является обучение человека основам наводки, прицеливания, удержания и стрельбы из винтовки. Недостатком и одной, и второй, на мой взгляд, является отсутствие достаточной стрелковой *практики* после освоения вышеуказанных теоретических положений. Все из нас, кто служит, или кто находился на военной службе, слишком хорошо знакомы с “установленным расписанием” для обучения этому или иному предмету подготовки солдата. Время для обучения стрельбе, как правило, ограничено — как и выделяемые боеприпасы — и зачетные стрельбы выпадают на несколько суетливых дней. Все должно быть сделано именно так, и не иначе.

Ну, возможно, это и правильно, хотя я так не думаю. Моя идея обучения стрелка состоит в том, что его нужно было бы прогнать через полный учебный курс, а затем выдать ему много патронов и дать возможность время от времени выходить на стрельбище, и работать над своим собственным спасением, — иметь мишени, доступные в любое время, и людей, работающих с ними, но не вести никаких записей, за исключением тех, которые человеку будет предложено сохранить для своей собственной личной информации.

Некоторые люди учатся очень быстро, в то время как другим необходимо вколачивать любой предмет до тех пор, пока правильная идея не закрепится в их башке. Все это можно сравнить с игроком в гольф, который никогда не выходит [на поле], но может сыграть “матч” с кем-либо еще. У него никогда не получается один и тот же удар дважды, следовательно, нет возможности проверить его ошибки, когда они происходят. В результате он присоединяется к великой армии игроков “от девяносто до ста” и остается в этом классе до конца своей жизни. С другой стороны, если он окажется одним из тысячи, кто понимает важность практики, он возьмет пару десятков мячей и тележку для клюшек, поищет какой-то заброшенный пустынный участок и часами будет овладевать мастерством владения клюшкой. Со временем этот человек станет тем, кто постоянно будет попадать в семидесятки.

Ах, да; я очень хорошо понимаю, что процедура, которую я предложил, будет противоречить всем принятым в армии правилам, где каждое действие и движение человека должно осуществляться строго в соответствии с планами и наставлениями, предписанными многочисленными “руководствами”, но не думаете ли вы, что пришло время нам избавиться от некоторых из этих допотопных понятий и приступить к какому-то практическому использованию индивидуальных мозгов солдат? Для строевой подготовки и других подобных вещей, конечно, необходимо, чтобы [движение] каждого отдельного солдата соответствовало движению других людей, но когда человек ввязывается в драку, он в значительной степени действует “самостоятельно”, и если он не

---

<sup>19</sup> Имеются ввиду армейская однозарядная винтовка “Спрингфилд” M1873 калибра .45-70 Springfield и сменившая ее магазинная винтовка “Краг-Йоргенсен” M1896 под калибр .30-40 Krag, состоявшие на вооружении американской пехоты.

может, в силу своей натуры и своего обучения, немного думать самостоятельно, то ему — скажем так — S. O. L.,<sup>20</sup> вот и все.

Во время нашего обучения в Канаде мы использовали то, что было известно как снаряжение “Oliver”. Это было пугающая и чудесная совокупность ремней и пряжек. Действительно, там было место для всего на свете, — но на самом деле там было так много мест и так много маленьких ремней, что одно лицезрение этой вещи вызывало головокружение, и если кто-то не обладал мастерством и терпением Гудини,<sup>21</sup> то для того, чтобы снять это или надеть, он обычно должен был призвать на помощь кого-то другого.<sup>22</sup>

Позже, в Англии, мы получили снаряжение “Webb”, которое во всех отношениях было намного удовлетворительнее. Лямки были широкие и удобные для тела; ранец был достаточно большим, чтобы вместить всю необходимую одежду, а в плечевой сумке легко помещались все небольшие личные вещи, а также пайки на пару дней. Подсумки для боеприпасов располагались спереди. Это не только облегчало их извлечение, но и служило балансом для веса ранца на спине. Фляга с водой, вмещающая целую кварту — имперскую кварту, я имею в виду<sup>23</sup> — была перенесена на правое бедро, штык располагался слева, а плечевая сумка — прямо за ним. Шанцевый инструмент переносился на середине спины. В целом я считаю его самым удобным и подходящим снаряжением, которое я видел для пехотинцев. При вступлении в бой, рюкзак снимался практически мгновенно, и если было достаточно времени, то плечевую сумку можно было быстро перекинуть на его место, а если времени не было, то она оставалась на боку.

Во время своей подготовки, и первое время во Фландрии, мы носили форменную матерчатую фуражку с плоским круглым верхом, похожей на ту, которую носили в то время американские солдаты, только чуть больше. Позже их заменили другим головным убором — мягкой кепи с выступающим верхом и с боковыми клапанами, которые можно было отвернуть вниз, чтобы закрыть уши. В дополнение к этому у нас было то, что называлось шапкой-балаклавой — которая была ничем иным, чем знакомой всем “toque”,<sup>24</sup> которую носили канадские лесники.

Наша униформа шилась из хорошего шерстяного материала — на самом деле, каждый предмет одежды был шерстяным, особенно высокого качества было нижнее белье. (Очень жалею, что сейчас не могу купить что-либо такое же хорошее, по любой цене). Плотные шерстяные носки в изобилии поставлялись различными женскими организациями еще в Канаде. Ботинки, конечно, были тяжелыми и неуклюжими: их приходилось разносить, но в начале 1916 года мы получили комплекты настоящих

---

<sup>20</sup> Не повезло (от англ. *Shit out of Luck*).

<sup>21</sup> Гарри Гудини (англ. Harry Houdini, 1874 – 1926 гг.) — американский иллюзионист, филантроп и актер венгерского происхождения.

<sup>22</sup> Кожаный комплект снаряжения был разработан британским военным хирургом Дж.У. Оливером в 80-х годах XIX века, но был отвергнут в Британии и принят на вооружение канадскими милиционными формированиями. Англо-бурская война выявила многочисленные проблемы в этом снаряжении, что привело к появлению нового комплекта снаряжения (1908 Pattern Webbing), разработанного майором Британской Армии Арнольдом Бароузем.

<sup>23</sup> 1,14 литра.

<sup>24</sup> Шапка, колпак (фр.). Канадская вязаная зимняя шапка.



канадских “паксов” с шестнадцатидюймовыми голенищами и, при нахождении в окопах, у нас были резиновые сапоги. Нам выдавали даже форменные макинтоши<sup>25</sup> отличного качества.

Возможно, чуть более вдумчивое изучение вышесказанного объяснит, почему несмотря на то, что тогда мы неделями сидели в холодной и влажной погоде — живя как ондатры — у нас не было никаких заболеваний. Оглядываясь на официальную историю Двадцать первого батальона, я нахожу, что в период с октября 1914 года по апрель 1919 года общее число погибших составило: убито в результате боевых действий и умерло от ран — девятьсот двадцать человек, а погибших по любым иным причинам, — всего двадцать. Поскольку штатная численность батальона составляла около одиннадцати сотен человек, можно увидеть, что коэффициент смертности, за исключением боевых травм, составлял не более четырех человек на тысячу в год.

Все эти люди были просто обычными добровольцами, наверное, не лучше и не хуже, чем в среднем в подразделениях Национальной гвардии США, и я отношу их большую выносливость и невосприимчивость к заболеваниям на счет другого неоспоримого факта, — власти Канады предприняли все свои усилия для сохранения своих солдат в тепле и удобстве, как внутри, так и снаружи, используя для этой цели все доступные источники снабжения — вне зависимости от того, была ли это “униформа” или нет.

И прямо здесь уместно упомянуть об одном моменте, который проявился лишь три года спустя. Осенью и зимой 1917 года я командовал батальоном пулеметчиков в Кэмп-Шелби, в Миссиссипи. Я говорю пулеметчикам: ладно уж, так тому и быть, хотя в то время у нас не было никакого оружия. Та зима, как многие помнят, была очень суровой и даже в ноябре у нас, в Миссиссипи, стояла холодная погода. В палатках отопление не предусматривалось, и большинство подразделений были плохо обмундированы для подобной погоды. Мой отряд, который был частью Четвертого пехотного полка Индианы, имел только хлопчатобумажную форму хаки, за которую [солдаты] заплатили из своих собственных карманов, потому что у нашего “дядюшки Сэма” ее не было. Однако у большинства из них были свитера различных цветов и оттенков, которые они либо привезли с собой, либо получили от любящих матерей или возлюбленных — лично связанные из хорошей, добротной шерстяной пряжи.

В [одно] особенно холодное утро (с температурой далеко ниже нуля) я вывел их на практический марш и так случилось, что при выходе и при возвращении, нам довелось пройти мимо штаба бригады. К тому времени, когда мы возвращались, уже был полдень, Солнце немного пригрело, и большинство людей сбросило свои свитера и несло их, различными способами, на плечах.

Как только мы добрались до своих казарм, меня позвал молодой офицер, которого я хорошо знал, — адъютант генерала, — и сообщил, что генерал хочет немедленно меня видеть. От моей комнаты его отделяла всего сотня ярдов, поэтому я оказался там спустя несколько минут. Это был генерал G., — насколько я знаю, по всем стандартам, действовавшим в то время в армии Соединенных Штатов, очень способный офицер, — но он абсолютно ничего не знал о здравом смысле, применимом к заботе и комфорту войск. Он отчитал меня за то, что я позволил своим людям выйти из казармы, одетыми во все эти неуставные свитера, тогда как каждая деталь одежды, которую они носили,

---

<sup>25</sup> Непромокаемый прорезиненный плащ.

начиная с B.V.D.,<sup>26</sup> была куплена и оплачена их собственными деньгами — в то время во всем батальоне не было ни единой детали одежды, или снаряжения, которая не была бы приобретена в частном порядке.

Я лишь недавно вернулся с войны, из ада, который никогда невозможно будет точно описать, и эта проклятая туфта казалась настолько далеким от реалий войны детством и банальщиной, что мне поначалу стало нехорошо, но потом я начал психовать. В этом контексте разумно предположить, что я был неоправданно обеспокоен необоснованной и бессмысленной тирадой офицера, который, насколько я знал, ни хрена не знал о войне — конечно, о последней версии этой игры.<sup>27</sup>

Во всяком случае, я высказал ему все, что думал о его речи и, заодно, обо всем Генеральном штабе в Вашингтоне. До того, как инцидент был исчерпан, у меня была возможность рассказать то же самое, с подробностями, (я успел о них подумать), командиру Тридцать восьмой дивизии генералу Сейджу, — думаю, это был он (они менялись так быстро, что я никогда не мог уследить за ними).

Полагаю, они считали, что меня нужно вытащить и застрелить. До сих пор не знаю, почему они в итоге не предприняли никаких действий, поскольку я ясно сказал им, что ни один генерал, ни даже сам президент, не сможет помешать мне сделать все возможное для укрепления и сохранения здоровья и комфорта военнослужащих, находящихся под моим командованием. Уклоняясь от прямого указания, командир дивизии озадачил меня ношением португепи. У меня была одна-единственная (часть моего канадского обмундирования), поэтому я просто заметил, что все они будут носиться в ближайшее время и закрыть этот вопрос. Меня отпустили живым, позволив сохранить самоуважение, но после этого мне пришлось заставить своих людей спрятать свои свитера под мундиры.

Это было всего лишь одно из правил, принятых нашим вышестоящим командованием. Если бы оно потратило хотя бы одну десятую часть времени, пытаясь научить новоиспеченных солдат какой-либо реальной и практической стороне войны, то не было бы так много могил, чтобы их посещали матери.

Канаде повезло, что в момент, когда началась война, ее Военное Бюро — министерство по делам милиции и обороны — возглавлял генерал Сэм Хьюз. Мало у кого хватило бы смелости сделать то, что сделал он. С самого начала он, казалось, понял, что это будет великая война — гораздо бóльшая, чем когда-либо видел мир — и действовал соответственно. Гордиев узел волокиты он разрезал одним росчерком пера и начал использовать практические, основанные на здравом смысле, способы работы. Он санкционировал закупку необходимых материалов и снаряжения, где бы они ни находились. В Валкартье он построил один из величайших тренировочных лагерей и стрелковых полигонов, которые когда-либо видел свет. Он носился взад и вперед с одного конца Канады в другой с одной лишь мыслью — сделать Канадские Экспедиционные Силы в качестве боевого формирования тщательно подготовленными и на практике эффективными. Записи показывают, что он оказался чрезвычайно успешен.

---

<sup>26</sup> Нижнее белье, исподнее. Аббревиатура пошла от производителя такой продукции, — компании *Bradley, Voorhies & Day*.

<sup>27</sup> Это не первый и не последний раз, когда автор применительно к описанию войны и военных действий применяет карточную терминологию.

На протяжении всей моей службы с канадцами, охватывающей более двух лет, у меня было меньше проблем и скуки от бумажной работы и отчетов, чем у любого командира роты в армии Соединенных Штатов возникает за неделю — за любую неделю любого месяца любого года. Если бы наша армия (американская) систематически приняла бы методы работы любого из наших крупных производственных предприятий, она могла бы либо сократить наполовину ту сумму денег, которые она сейчас расходует, либо использовать их дополнительно для практических целей.<sup>28</sup> Даже просто в вопросе выплаты денежного довольствия можно было сэкономить тысячи долларов и бесчисленное количество часов. На канадской службе каждый человек имел свою “расчетную книжку”, в которой отмечалась дата его зачисления на службу, после чего [вносились] записи, показывающие, когда его повышали до следующего звания. Последующие страницы были предназначены для использования казначеем. Солдат мог подойти к любому полевому казначею и, показав свою книжку, получить все необходимые ему деньги в пределах положенного ему счета, который всегда указывался в книжке. Офицерам же никогда не приходилось протягивать руки, чтобы заполучить их. После зачисления на службу им вручалась банковская расчетная книжка и чековая книжка. Если их призывали на действительную службу из запаса, то сумма, причитавшаяся им в соответствии с их званием на момент призыва, сразу же отражалась на их кредитном счете. Во время войны и во время службы за границей им дополнительно начислялась сумма в размере пятидесяти фунтов (около 250 долларов США) для приобретения униформы и снаряжения. С этого времени, все офицеры только и должны были делать, что отслеживать свои чеки. Двадцать седьмого числа каждого месяца на их счет зачислялось их месячное жалованье. Не требовалось никаких расписок, ни чего-нибудь еще.

Второй дивизии, в состав которой мы входили, особенно повезло — мы получили около шести месяцев на подготовку в Канаде и еще четыре месяца в Англии. Первая дивизия и “Пэтсы”<sup>29</sup> были мобилизованы в спешке и отправлены как можно быстрее, но, поскольку эти формирования состояли в основном из старых, опытных солдат, они не требовали значительной подготовки. Когда дело дошло до Третьей и Четвертой дивизий, все обстояло по-другому. К тому времени, когда их стало необходимо мобилизовать, [эти соединения] необходимо было перебросить [на фронт] как можно быстрее, и поскольку среди них большой процент составляли люди, которые ранее не имели никакой военной подготовки, то у многих никогда не было возможности научиться стрелять. Некоторые из них, как мне говорили, сделали всего десять выстрелов до того, как вступили в бой. Этот же момент ярко подчеркивает опыт Соединенных Штатов. Многие солдаты нашей национальной армии вступили в бой, так ни разу и не выстрелив из своих винтовок. И тем не менее, у нас в стране есть мужчины и женщины — отцы и матери, — которые выступают против идеи подготовки наших молодых людей к пользованию оружием. Они знают — они *должны* знать, — что в случае войны их сыновья

---

<sup>28</sup> Скорее всего, намек на систему научной организации труда ее основоположника Фредерика Тейлора, очень популярную на промышленных предприятиях в конце XIX века. Еще одно свидетельство широкого кругозора автора.

<sup>29</sup> Полк канадской легкой пехоты принцессы Патрисии. Сформирован в 1914 году для участия в Первой Мировой Войне, назван в честь принцессы Патрисии Коннотской, дочери тогдашнего генерал-губернатора Канады.

пойдут на нее, нравится им это или нет, но они отказываются предоставить мальчикам шанс узнать что-либо об этой игре. Сейчас бесполезно рассуждать о том, сколько небольших белых крестов не украсили бы могилы за границей, если бы мужчины, чьи имена написаны на них, получили бы возможность научиться хорошо стрелять. Но уверен, что это число велико.

Во время всех наших маршей нас сопровождали наши оркестры. Да, я сказал оркестры, потому что у нас их было целых два, — оркестр волынок и духовой оркестр. И оба они были хороши. Я никогда не встречал ни одного, за исключением оркестра Шотландской гвардии, который мог бы сравниться с нашими, одинаково хорошими, оркестрами волынок и духовых инструментов. Они могли чередоваться, и пока один из них возглавлял марш, второй либо поднимал отстающих, либо маршировал в середине батальонной колонны. Один из них всегда играл. Благодаря какой-то системе сигналов или по предварительной договоренности, в тот момент, когда один переставал играть, начинал играть другой. Фанфары и барабаны, трубы и барабаны — но неизменно барабаны; да, это музыка для солдата. Входя в город после тяжелого и изнурительного марша, когда эти “Скотти” начинали играть *“The Cock 'o the North”* (который был нашим собственным полковым маршем),<sup>30</sup> вы могли видеть, как подбородки поднимались, распрямлялись плечи, и подразделение шло вперед, как будто просто возвращалось с завтрака. Столь же вдохновляющими были старые группы флейтистов и барабанщиков времен Гражданской войны, которые все еще были распространены в пору моей юности, и я никогда не мог понять, почему в американской армии их отменили в качестве “полевых оркестров”. Должен сказать, что это настоящая походная и боевая музыка.

На протяжении всей зимы и ранней весны, мы маршировали, стреляли и обучались. Строевая подготовка в составе подразделения на Британской службе гораздо проще, чем в армии США — кажется, все они в состоянии легко и быстро добраться до нужного места и в требуемом строю. Но в любом случае, подобного у нас было немного. То, чем мы занимались — это, в основном, было выйти и промаршировать примерно от десяти до двадцати миль и обратно, все время учась держать строй. Находясь на дороге, колонна британских солдат компактна, как змея. Нет никаких замыкающих, как нет и никаких офицеров, рыскающих за пределами колонны “по четыре”. Офицеры и унтер-офицеры просто проскальзывают внутрь построения и заполняют пустые ряды или формируют дополнительные ряды во главе или в хвосте колонны собственных подразделений. Часто, стоя на какой-либо возвышенности, я смотрел вперед (или назад) и удивлялся появлению этой длинной, плавной колонны. За весь период моей службы, как до войны, так и с ее времен, я никогда не видел ни одного крупного американского подразделения, которое обладало бы подобной маршевой дисциплиной.

Квартировали мы в двух отдельных зданиях, располагавшихся примерно в миле или чуть более друг от друга: “правая половина”, состоявшая из рот “А” и “В”, размещались в Арсенале, где также располагался и штаб, а “левая половина”, — роты “С” и “D”, размещались в большой мельнице. С последними также находилась и пулеметная команда. Поскольку сбор на все парады или маневры осуществлялся при штабе, мы на

---

<sup>30</sup> Военный марш размерностью 6/8 для волынки и жиги, название которого (“Петух севера”) происходит от прозвища Александра Гордона, 4-го герцога Гордона, который в 1794 году сформировал 92-й пехотный полк, впоследствии ставший Гордонским хайлендерским полком.

левой половине имели сомнительную “выгоду” ежедневных дополнительных маршей, как туда, так и обратно.

Существовали специальные курсы для обучения офицеров и унтер-офицеров — дни для спорта и отдыха и неизбежная церковная служба каждое воскресенье. Единственное, что я помню об этих последних, это то, что мы всегда пели старинный гимн *“Onward Christian Soldiers”*.<sup>31</sup> Мы ходили в разные церкви, так как это один из пунктов, в котором учреждения Британской Армии отличаются от остальных — когда человек вербуются или призывается на действительную службу, он должен указать свою религию, т.е. вероисповедание: Англиканская Церковь, Методистская Церковь или что-либо другое, и если вы не принадлежите к какой-либо из общепризнанных конфессий, вы либо выбираете одну из них, либо вас без всяких лишних формальностей прикрепляют к Англиканской церкви. У католиков всегда была своя группа, под руководством одного из своих офицеров. И хотя я никогда с ней не ходил, готов поспорить, что они также пели “Вперед, христианские солдаты”.

Ассоциация ветеранов армии и флота Кингстона с соответствующими церемониями преподнесла батальону красивые “вымпелы”. Перед нашим убытием во Францию они были сданы на хранение Верховному комиссару Канады в Лондоне.

После многих ложных тревог, мы, наконец, получили приказы на отъезд и вечером 5-го мая на поезде отправились в Монреаль. Жители Кингстона устроили нам грандиозные проводы. В других городах и поселках по пути в нашу честь устраивались восторженные демонстрации. Нельзя было ошибиться в характере этих людей. Совсем недавно мы получили сообщения о боевых действиях в Ипре и об отвратительной жестокости противника в использовании ядовитого газа против канадцев Первой дивизии. Ежедневно публиковались имена сотен жертв — многих из этих самых городов — и мы должны были пойти и очистить землю от дикарей.

В конце концов мы очистили немного, но прошло много времени, прежде чем у нас появился [для этого] шанс.

Мы отплыли из Монреаля 6-го мая 1915 года и 14-го числа высадились в Плимуте (в доке Девонпорт). На самом деле это все, что нужно сказать о нашем переходе, глядя на него с высоты пятнадцати лет, но в то время все прошло не совсем так гладко. Перед тем, как выйти из залива Святого Лаврентия, мы услышали о потоплении *“Лузитании”*.<sup>32</sup> Это было по-настоящему невероятно. Несмотря на то, что сама новость, несомненно, была правдивой, мы не могли представить, как нация, претендовавшая на цивилизованность, могла совершить такой ужасный поступок. Это дало нам, американцам (коих в батальоне было несколько), огромную пищу для размышлений. Помню, как мне пришло в голову, что если донесение [об этом] окажется правдивым, то была уверенность в том, что завтра Соединенные Штаты вступят в войну. В таком случае,

---

<sup>31</sup> Англ. “Вперед, христианские солдаты”. Английский гимн XIX века, тема которого взята из Нового Завета, что христианин является воином Христа; см., например, “Второе послание к Тимофею св. апостола Павла” 2:3: “Итак, переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа”.

<sup>32</sup> Британский трансатлантический пассажирский турбоход, принадлежавший компании “Кунард Лайн” (*Cunard Line*). С началом Первой мировой войны использовался как военный транспорт для перевозки войск. Корабль был торпедирован германской субмариной U-20 седьмого мая 1915 года и затонул за 18 минут в 19 км от берегов Ирландии, при этом погибло 1198 человек из 1960 находившихся на борту. Потопление пассажирского лайнера резко настроило общественное мнение многих стран (в особенности США) против Германии.

мое старое подразделение выступит на нее, и если бы я остался дома, то перешел бы в свою старую роту — возможно, с еще более высоким званием. Но я быстро отбросил эту мысль. Я поклялся защищать “Короля и страну” на протяжении всей войны и состоял в организации, которую полюбил. Офицеры и солдаты были моими друзьями и, что бы ни случилось, я прикипел к ним. Никому из нас никогда не приходило в голову, что существует какая-либо вероятность того, что Соединенные Штаты не объявят войну немедленно. Нет смысла говорить о том, что в действительности произошло, это хорошо всем известно.

На борту, помимо нашего батальона, размещались еще госпитальные отделения из больниц Куинс и Макгилл, в том числе около ста пятидесяти сестер милосердия — “Синие птицы”, как мы их называли из-за их аккуратной синей униформы. Они носили две звезды — [знаки различия] первого лейтенанта, того звания, которым они обладали, и поверьте мне, они того заслуживали. У многих из людей, находившихся на том корабле, позже были причины благословлять тех же самых “синих птиц” в госпиталях Франции и Англии. Так случилось, что одним из них оказался [впоследствии] и я.

Когда мы получили сообщение по радио, что “*Лузитания*” действительно торпедирована, была предпринята попытка скрыть эту новость, но вскоре она распространилась по всему кораблю. Имея большой опыт обращения с солдатскими слухами, которые доходили до нас из ниоткуда и ничего не значили, я лично в эту историю не верил, но когда на следующее утро мы из пулеметной команды получили приказ спуститься в трюм, взять свое вооружение и установить его на палубе, я начал думать иначе. Тогда у нас было шесть пулеметов, на два больше, чем обычно полагается на батальон, поскольку два пулемета “Кольт” были подарены нашему командиру старыми друзьями в Канаде всего за несколько дней до нашего отъезда.

Пулеметчики подняли все шесть пулеметов и установили их в выгодных местах на верхней палубе и на мостике, и мы оставались на посту до самого конца плавания. Думаю, что вся наша толпа понимала, насколько тщетны были бы наши попытки установить подводную лодку, но в психологическом плане это, вероятно, было оправдано, поскольку вселяло в других на борту, особенно в женщин, чувство безопасности. Во всяком случае, это дало нам возможность попрактиковаться в стрельбе по разным достойным мишеням, так что мы постоянно стреляли очередями по морским птицам или любым другим объектам, которые позволяли хоть как-то оценить дальность стрельбы и все такое.

Меня поставили у двух передних пулеметов, и поскольку несколько дней стояла по-настоящему плохая погода, это была холодная и мокрая работа. Корабль менял курс несколько раз в день, радио постоянно трещало и шипело. Во время перехода мы встретили несколько лодок, а конвоирующих нас военных кораблей не было, пока однажды ночью около девяти часов несколько темных и длинных теней не выскользнули из мрака и не расположились вокруг нас. Здорово! Каким великим и славным было это мгновение, одно из самых больших и волнующих для меня моментов войны. И вздох облегчения, вырвавшийся у этих пулеметных расчетов, был громким и искренним. Те британские эсминцы шли без судовых огней, и мы едва различали их очертания, когда они бесшумно скользили рядом с нами. Это была часть тех реальных вещей, ради которых я отправился [на войну] и которые хотел увидеть.

Известие о том, что мы идем в сопровождении эсминцев, вскоре распространилась по всему кораблю. Я забыл упомянуть, что одним из преимуществ дежурства у пу-

леметов в течение последних нескольких дней было то, что мы, пулеметчики и команда корабля, были единственными, кому разрешалось находиться на палубе. Когда остальная часть батальона узнала эту новость, сарафанное радио начало работать сверхурочно, и разные умники начали выдавать предположения, в какой порт мы направляемся — некоторые утверждали, что в Ливерпуль, другие — в Бристоль, а некоторые даже считали, что корабль направляется прямо во Францию. Однако перед самым восходом Солнца мы бросили якорь в внутри плимутского волнореза. Но в тот момент никто не возмущался, в то время любой порт выглядел хорошо. Прошло еще несколько часов, и корабль вошел в гавань и пришвартовался в девонпортском доке.

Весь день мы провели на причале, разгружая грузы и припасы. Шел дождь, но как правило он обрушивается на солдат каждый раз, когда они меняют позицию или идут в бой. Рядом с нашим кораблем стоял еще один большой транспорт, нагруженный войсками и припасами для Дарданелл. Это были Дублинские фузилёры,<sup>33</sup> и они радостно приветствовали нас в то утро, когда наш корабль вошел в гавань. Бедолаги, им там пришлось несладко.

Дождь лил весь день, но мы постепенно выгрузили с корабля весь свой груз, перегрузили его на поезда и ближе к темноте тронулись в путь. Никто не знал, куда мы направляемся. Единственным тренировочным лагерем в Англии, о котором мы слышали, была равнина Солсбери, где проходила обучение Первая канадская дивизия. Отчеты, которые они присылали домой, были отнюдь не обнадеживающими, поэтому мы надеялись на какое-то другое место. Нам велели расположиться в купе по восемь человек со всем снаряжением, и в этих душных маленьких вагонах мы ехали всю ночь. Вскоре после рассвета поезд остановился и нам приказали выйти. Станция называлась Вестерхенгер, что для нас ровным счетом ничего не значило. Вскоре выяснилось, что Вестерхенгер находится в графстве Кент, и после трехмильного перехода мы оказались в лагере Вест-Сэндлинг, ставшим нашим домом еще на четыре месяца.

От станции до лагеря мы шли как на параде, вдоль дорог выстроились солдаты, которые кричали и приветствовали нас. Еще несколько “детенышей старого Льва”<sup>34</sup> прибыли, чтобы стать плечом к плечу на защиту Империи. Как гордо мы маршировали вверх по длинному холму и мимо штаба бригады, волынщики от всего сердца издавали свои звуки, а наши барабанщики стучали так, как никогда раньше, выбивая ритм в два удара на шаг. Мы были на демонстрации и знали это. Груз был тяжелый, грязь глубокая, мы все устали, но ни один человек в этой колонне ни на что не променял бы свое место. И наш “стрелок”, который сейчас все это рассказывает, держал плечи так же прямо и опускал ноги так же сильно, как и все в этой колонне. Это было великолепно.

Потом наступит день, когда мы возненавидели этот холм и этот лагерь, как дьявол ненавидит святую воду, но в то воскресное утро, когда мы вошли в британский лагерь, окруженные безумно ликующими британскими солдатами, все почувствовали, что должны пересечь Ла-Манш и просто уничтожить Кайзера Вилли. Скажем так, самый невзрачный рядовой из Двадцать первого канадского батальона чувствовал, что может сделать это в одиночку голыми руками.

---

<sup>33</sup> Пехотный полк Королевских дублинских фузилёров (англ. *Royal Dublin Fusiliers*) — один из восьми регулярных ирландских полков на британской службе, сформированный в 1881 году.

<sup>34</sup> Намек на вооруженные формирования британских доминионов (символом Великобритании является лев).

## Глава 3

### Англия

Наш лагерь в Вест-Сэндлинг находился примерно в трех милях от известного стрельбища Хайт — центра [одноименной] стрелковой школы. Мы прошли курс подготовки, который включал в себя множество аспектов современной войны, которые были упущены во время нашей подготовки в Канаде. Отрывка траншей, подача сигналов и связь, метание гранат — всему этому уделялось внимание, но мы придерживались старой практики строевой подготовки и стрельбы. Много дней мы проводили на стрельбище Хайт. На протяжении нескольких недель наша стрелковая практика была ограничена той же программой, которой мы следовали в Канаде, [то есть] это была практическая стрельба, в своем простом и непосредственном виде. Однако позднее мы отстреляли весь квалификационный курс стрельб, и могу засвидетельствовать, что он был труден. Мишени для большинства упражнений этого курса не были обычными круглыми мишенями, а являлись силуэтами грудной фигуры человека, выкрашенные неброской краской. Они не были черными, как силуэтные мишени, используемые в американской армии, а были выкрашены в зеленовато-песочный цвет хаки, что чрезвычайно затрудняло их обнаружение на нейтральном фоне. Большинство стрельб по этим мишеням велось в быстром темпе — пятнадцать выстрелов в минуту — и, если ветер задувал со стороны Канала (стрельбище располагается прямо у берега) и закручивался среди старых башен Мартелло, ограничивавших береговую черту,<sup>35</sup> то никто не имел никаких гарантий последовательно положить два выстрела в одну точку. Но со временем, наша группа настолько научилась владеть своими винтовками, что нам удалось провести очень похвальную демонстрацию, [во время которой] доброе число солдат получили квалификацию “стрелка”, а двое или трое из нас получили очень высокую квалификацию “меткого стрелка”.

Часть курса стреляла с примкнутым штыком, и во время одной из послеполуденных стрельб, я выпала возможность заменить три винтовки, которые вышли из строя в результате того, что штык расшатался и закрутился так, что перекрыл дульный срез. Полагаю, впоследствии этот недостаток был исправлен путем изменения защелки штыка, но не уверен в этом. После этого я никогда не стрелял из винтовки с примкнутым штыком. Даже во время боя, если я хотел начать стрельбу, то перво-наперво отмыкал штык. Я знаю сейчас, как знал и тогда, что это было против всех правил, инструкций и приказов, но мы нарушили их — по крайней мере те из нас, кто рассматривал винтовку как точное оружие, предназначенное для ведения подготовленного, прицельного огня.

Конечно, в течение всего этого времени пулеметчики, помимо того, что прошли через весь пехотный курс, закончили полный курс обучения и стрельбы из пулеметов, как и предписывалось на то время. Позже мы узнали гораздо больше об этой игре, и соответственно создали свои собственные правила.

---

<sup>35</sup> Круглые в плане каменные укрепления, которые во множестве строились по берегам владений Британской империи в первой половине XIX века, в том числе и на восточном побережье Англии. В настоящее время большинство сохранившихся башен Мартелло являются историческими памятниками.



Наши четыре месяца в Англии являлись не только периодом работы и беспокойства. Мы следовали тщательно спланированному графику чисто военной работы, но этот же график позволял выделять достаточно времени для развлечений и отдыха, которые Верховное Командование считало необходимыми для благополучия солдат. Мысль том, что все английские войны выигрывались дома на полях для крикета, еще не умерла окончательно, и надеюсь, что ей никогда не позволят погибнуть. Мой скромный опыт, полученный в некоторых учебных лагерях в Соединенных Штатах в 1917 году, где каждый офицер и человек был чем-либо занят все время, от рассвета до поздней ночи, а потом ему позволяли отдохнуть лишь в субботу после полудня, убедил меня в том, что *эта* система неправильная. *Работа* назначается в слишком больших количествах. Шесть часов в день вполне достаточно для напряженной учебной работы — столько же, сколько на самом деле сможет выдержать и извлечь пользы из занятий средний человек. Дрючить людей от двенадцати до четырнадцати часов в день, как это происходило в Кэмп-Шелби — просто упомяну один лагерь, ситуация в котором, как я подозреваю, была типичной — это ошибка. Нет сомнений, что они могут это выдержать *физически*, но не морально. Короткий день тщательно спланированных занятий, с несколькими часами абсолютной свободы для отдыха, восстановления сил или учебы, даст результаты гораздо быстрее.

Вот так мы работали. Сомневаюсь, что мы когда-нибудь тратили более чем шесть часов на фактическую *работу* в день, — за исключением тех случаев, когда выходили на маневры и на стрельбище, и в обоих этих случаях на отдых и восстановление оставалось достаточно времени. Воскресенье целиком принадлежало нам, и многие из нас пользовались случаем, чтобы за этот день посетить многие исторические места вдоль морского берега. Наш лагерь располагался на месте, которое занимали римские легионы Цезаря, там были развалины старых римских построек, разбросанных по всему району. Солтвудский замок и замок Лимпн по-прежнему представляют собой остатки их работы, и все основные дороги в этой части Англии были построены теми же римлянами.

Мы пробыли в Сэндлинг около недели, когда у нескольких членов пулеметной команды выявили корь. Что ж, прекрасно. Нас всех посадили на карантин, запретив выходить куда-либо, и маршировать с остальным батальоном. Сначала нам приказали находиться в нашем бараке, но несколько хороших целенаправленных предложений нашему начальнику медслужбы принесли нам разрешение выходить ежедневно для проведения упражнений, только мы должны были передвигаться группой и оставаться в стороне от других войск. Можете ли вы представить себе что-нибудь лучше?

Мы могли начать утром и подняться на вершину Толсфордского холма и смотреть на Францию. Затем мы могли спуститься вниз с другой стороны и выискивать всякую живность — птиц, насекомых, змей — все, что угодно. Я всегда являлся чем-то вроде энтузиаста всех предметов естественной истории, поскольку был способен рекламировать любую живность.

Редпат поймал двух молодых грачей, которых он забрал и приручил, так что они могли прилетать к нему всякий раз, когда он их звал. У МакФэрлина был ежик — небольшая и безобидная копия дикобраза. Мы обнаружили гнездо древесных голубей, а также несколько молодых чибисов. Однажды пара ребят принесла мне змею, и как сделало бы на их месте большинство мальчишек, они убили ее. Я не одобряю убийство змей без разбора и собирался сказать им об этом, когда получше взглянул на рептилию

— и держите меня трое! — это была гадюка, насколько знаю, единственная ядовитая змея на Британских островах. Я открыл [ей] пасть и показал им зубы, а также объяснил, как они могут отличить ядовитую змею от безобидной. Да, на карантине мы отлично проводили время. Если мы уставали, или погода была ненастной, мы сидели в бараке и играли в покер. Жесткий режим для бедных солдат, не так ли?

Но была одна штука, на которую мы жаловались постоянно, и это была еда. Время, которое мы провели в Англии, было единственным периодом моего пребывания на канадской службе, когда у нас не было *вдоволь* хорошей еды. В Канаде, а позже, во Фландрии и во Франции, всего этого у нас было в избытке и наилучшего качества, но в то время в Англии мы были вынуждены мириться с тем, к чему люди привыкли. Это была довольно сурово, но некоторым из нас удавалось получать деньги из дома и использовать их в дополнение к скудному пайку. Как видите, в Соединенных Штатах и в Канаде — и, возможно, и в других британских колониях — существует определенный уровень жизни, о котором Европа не может и мечтать. Мы просто избалованы, вот и все. Люди могут жить и живут комфортно, обходясь без многого из того, что мы считаем абсолютно необходимым. Во всяком случае, мы выжили — и никому от этого не плохо.

Пока мы находились в Англии, многим были предоставлены отпуска, чтобы навестить своих родственников, живших в различных частях британских островов. Поскольку у меня не было родственников, о которых мне было бы известно, и так как мне особенно не хотелось никуда ехать, я оставался в лагере. Во время своих предыдущих визитов, я провел много времени в Англии и Шотландии, и осмотрел большинство известных достопримечательностей. Однако *по-настоящему* я любил короткие поездки вдоль побережья Канала. Здесь были написаны многие страницы английской истории, начиная со времени набегов первых морских бродяг, эпохи римского господства и до Норманнского завоевания. Она и не заканчивалась, по всему берегу стояли остатки огромных, каменных башен, — башен Мартелло, возведенных для защиты от вторжения французов времен Наполеона.

Кроме того, лагерь Сэндлинг был расположен посреди множества старинных и интересных мест, связанных с ранней историей Англии. Солтвудский замок, построенный в 499 году римлянами и позднее расширенный норманнами, находился примерно в миле от лагеря. Всего в шестнадцати милях, в месте, которое я посещал много раз, собирались заговорщики, планировавшие убийство Томаса Бекета Кентерберийского.<sup>36</sup> Хайт, один из старых “*cinque ports*”,<sup>37</sup> стоял всего в нескольких милях, и в нем находилась старая церковь эпохи Этельберта, короля Кента.<sup>38</sup> В ее крипте лежит прах сотен людей, участников Крестовых походов, в самой церкви хранилось оружие и до-

---

<sup>36</sup> Томас Бекет (англ. *Thomas Becket*; в старых русских переводах — Фома Бекет или Фома Кентерберийский; 1118 – 1170 гг.) — одна из ключевых фигур в английской истории XII века, первоначально канцлер Генриха II, затем архиепископ Кентерберийский. Вступил в конфликт с Генрихом II и был убит, возможно, по наущению короля, на ступенях алтаря Кентерберийского собора.

<sup>37</sup> “Пять портов”, изначально союз пяти портовых городов в английских графствах Кент и Сассекс (Дувр, Гастингс, Хайт, Нью-Ромни и Сэндвич). В Средневековой Англии являлся серьезной военной и экономической силой.

<sup>38</sup> Этельберт I (англ. *Ethelbert*, др.-англ. *Æthelbert*, *Aethelberht*; часто Святой Этельберт; ок. 552–616) — король королевства Кент (с 591 года). Первым из кентских королей принял христианство, за что после смерти был канонизирован.

спехи некоторых из тех старожилов, которые ходили в те же Крестовые походы. Но для меня самым интересным из всего оказалась табличка на стене, которая гласила: “Памяти капитана Роберта Финниса, командира корабля Его Величества *“Королева Шарлотта”*. Погиб в сражении на озере Эри в 1813 году”. Знаменитая победа Перри, и когда я стоял перед табличкой, мне на ум пришло название Кэмп-Перри.<sup>39</sup>

В трех или четырех милях находились Монкс Хортон, — хортонский парк и одноименный монастырь. Тамошняя церковь датировалась двенадцатым веком и примерно на столько же и выглядела. Также там стоял замок Лимпн, одно из самых старых римских укреплений, равнина и лагерь Цезаря, где, как предполагается, Гай Юлий Цезарь проводил свое время в той памятной экспедиции в Англию. Рядом находился Гастингс, и аббатство Баттл,<sup>40</sup> — место, [в котором] Вильгельм Завоеватель победил Гарольда и завоевал Англию. Многие дороги, по которым мы ходили, были построены римлянами, и история каждого города и поселка, которые мы посещали, уходили корнями в глубь веков. Все это мне было очень интересно, а для тех, кто не интересовался древней историей, существовали воскресные поездки в Рамсгейт, Маргейт, Дил и Дувр.

Тем не менее, у всех нас заканчивалось терпение. Слыша — особенно по ночам — рокот тяжелых орудий, и наблюдая за все возрастающим числом выздоравливающих раненых, которые располагались в различных местах не так далеко от нас, мы горели желанием отправиться туда, и поучаствовать [в боях].

В сентябре у нас прошла серия “смотров”. На нас глянул Король, а также лорд Китченер,<sup>41</sup> и полагаю, что мы снова это делали ради чьей-то пользы — будь я проклят, если знаю, кого. Спустя некоторое время все происходило довольно однообразно, но в первый раз, когда мы выступали, все оказалось весьма впечатляющим. В начале выстраивали по росту каждую роту, потом мы выходили для проведения смотра в поле, которое, в нашем случае, находилось примерно в трех милях. На одном большом поле выстраивалась вся дивизия, пехота впереди, а артиллерия и обоз сзади. Всех выстраивали как можно плотнее, и зрелище такого большого количества людей, проходящих в ротных колоннах, без промежутков между передними шеренгами одной роты и задними шеренгами другой, и, как и во всех подобных случаях, с примкнутыми штыками и поднятыми винтовками на плечо, напоминало мне ничто иное, как огромное поле пшеницы, колышущейся на ветру.

К этому времени мы уже знали, что на нас смотрели из-за нашего [скорого] “убытия” в неизвестном направлении. Мы, пулеметчики, получили приказ набить все ленты новыми патронами Mark VII, чем мы и занимались в то веселое время днем. Снаряжение восьмидесяти четырех лент занимает довольно много времени, — даже с заря-

---

<sup>39</sup> Сражение на озере Эри (Битва Пут-ин-Бей) — одно из крупнейших морских сражений во время Англо-американской войны 1812-1815 гг, во время которого девять судов ВМС США под командованием Оливера Х. Перри разгромили и захватили шесть судов Британского королевского флота.

<sup>40</sup> Аббатство Баттл (*Battle Abbey*) — бенедиктинский монастырь в небольшом городе Баттл в графстве Восточный Сассекс, основанный Вильгельмом I Завоевателем на месте битвы при Гастингсе. Изначально носил название “Монастырь Св. Мартина в Баттле”, в настоящее время частично разрушен.

<sup>41</sup> Горацио Герберт Китченер (1850 – 1916 гг) — британский военный деятель, военный министр Великобритании в начале Первой мировой войны. Создатель массовой армии за счет добровольцев, подготовил введение всеобщей воинской повинности, уделял большое внимание развитию технических средств ведения войны, прежде всего артиллерии.

жающей машинкой, — и мы потратили на это весь день. На каждый из шести пулеметов у нас было четырнадцать коробов, в которые укладывались ленты на 250 патронов. Помимо этого, на каждый ствол мы везли десять тысяч патронов в ящиках. Затем нам выдали по сто двадцать патронов на человека для наших винтовок. В общем и целом, в команде у нас было около девяноста тысяч патронов. Взяв свои штyki, мы отнесли их оружейнику и заточили у него на точильном камне, потом получили ножны, в которых хранили их острыми в будущем.

В последующих приказах предписывалось упаковать все дополнительное обмундирование и снаряжение, чтобы сохранить их ко времени нашего возвращения. (Я часто задавался вопросом, вернулся ли кто-либо из того подразделения назад, чтобы забрать вещи, которые он оставил).

Помимо своих пулеметов, винтовок, боеприпасов и другого подобного вооружения, мы должны были взять по одной накидке (прорезиненное полотнище, похожее на пончо, только без отверстия в нем), один дополнительный комплект нижнего белья, одну дополнительную пару носков, одну шинель (называемое большим пальто), и множество мелких предметов, которые дополняли наш комплект. Нам *разрешили* взять одно одеяло, но я не уверен, сделал ли это кто-либо из нашей группы. Знаю, что этого не сделал ни я, ни кто-либо еще из известных мне людей. Мы не взяли никакой дополнительной обуви, и я сожалел, что оставил две пары.

Затем мы получили свой “транспорт”. Не буду рассказывать вам, сколько у нас было фургонов, (причем двойной грузоподъемности), но во всяком случае вещи, которые мы сложили на их маленькие передки вскоре наполнили их доверху. Мы должны были *назначить* своих собственных возниц, но, к счастью, у нас было много людей, которые умели управляться с лошадьми.

Наконец, все было закончено в течение одного дня и последующей ночи, и когда мы завершили упаковку и погрузку, [время] было уже под утро. После завтрака поступил приказ выступать. Все ликовали, — наконец-то выступаем! Сформировав свой собственный парадный строй, мы затем вышли на дорогу. Но что это, черт возьми? Вместо того, чтобы повернуть вправо, и направиться к Фолкстоуну, мы повернули налево. О, должно быть, это просто какой-то маневр, чтобы вытянуть всю дивизию, решили мы. Да, у нас были еще мысли — на самом деле, несколько мыслей. Мы шли весь день и расположились лагерем в большом парке (это был Хэтч-парк) с оленями, бродившими вокруг нас.<sup>42</sup> Я сказал “разбили лагерь”, но [на самом деле] мы просто легли так, как стояли в походном порядке, и проспали несколько часов. Если кто-то задирает голову вверх, то находил там красивую, полную Луну; помню еще, как лежу тогда на спине за час или два перед сном, и гадаю, что там [на ней]. Это был 10-й день сентября 1915 года.

Да, сэр, мы топали через весь Южный Кент на протяжении трех дней. Конечно, это сейчас понятно, что это было сделано для того, чтобы просто придать всей дивизии форму с тем, чтобы там, во Франции, она могла идти по дороге, не занимая пространство, необходимое для целого армейского корпуса. Но тогда мы не могли этого постичь.

---

<sup>42</sup> Хэтч-парк (*Hatch-park*) — естественный биологический объект площадью 71,8 га в графстве Кент, представляющий особый научный интерес. Является частной собственностью, закрыт для посещения.

На третью ночь мы вернулись в наш лагерь Сэндлинг, но остановились там только на короткое время — на самом деле, лишь до наступления полной темноты, — а после двинулись снова. На этот раз мы направились к побережью и, после обычной путаницы и задержек, оказались в поезде, который куда-то направлялся. К этому времени все мои товарищи настолько устали, что засыпали в любом месте и в любом положении, поэтому то, что мы (пулеметная команда) находимся в поезде, мы обнаружили на следующее утро. наших лошадей и повозки (опять же, не забывайте о дополнительной грузоподъемности; это ведь Англия) погрузили в товарные вагоны — и, кстати, *они* также называются “вагонами”, так что, я думаю, отныне мы тоже должны будем называть так наши транспортные средства или передки — а мы, люди, расположились в обычных вагонах второго класса.<sup>43</sup>

Мы передвигались весь день и следующую ночь, идя очень хитрым и окольным путем — вероятно, чтобы обмануть любых шпионов, которые, возможно, попытались бы следить за нашими движениями, — и, наконец, на рассвете прибыли в Саутгемптон. Там мы были обязаны в течение дня располагаться только в доках и, насколько возможно, в укрытии. Наш корабль (никогда не помнил его названия) был пришвартован напротив одного из крытых доков, и мы могли грузить все наше снаряжение и лошадей, не выходя наружу. Рядом стоял еще один корабль, на который грузились британские войска. Они сообщили, что собираются в Дарданеллы, поэтому мы поняли, что, вероятно, нас всех определили в то же место.

Большинство из нас здесь писали и отправляли письма. У меня не было под рукой материалов для письма, но в доке я заприметил ящик с надписью: “Задания для моряков”, в котором было много открыток. На авось, что это может пройти, я обратился через один из них к своей матери в Индианаполисе и сообщил ей, что мы “не знаем, куда мы идем, но мы на пути туда”. Без штампа, но с магическими буквами: “O.N.M.S.”,<sup>44</sup> послание попало прямо к ней.

Когда мы отошли, или, как мне следует сказать, “отвалили от пирса”, стояла холодная и промозглая ночь. Все наши пулеметы были аккуратно уложены внизу, в трюме корабля, но не успели мы покинуть бухту, как паре из нас пришлось спуститься туда и вытащить два пулемета, принести и установить на палубе. За свои грехи я оказался одним из этих двух, вторым был Сэнди МакНаб, потому что он был не так хорош, а был другим. Ох, и хорошо, черт возьми! Мы все были так рады находиться снаружи и куда-то отправляться, что не беспокоились о подобной мелочи. В Канале находились подлодки, топившие все, что попадалось на глаза — и даже расстреливали экипажи на небольших лодках после торпедирования транспортов, так что существовал шанс, что мы смогли бы забрать с собой несколько “гуннов”,<sup>45</sup> если они все-таки достанут нас торпедой.

Как я уже сказал, мы с Сэнди, наконец, вытащили два пулемета и боеприпасы на палубу, и ночью их установили, свой я поставил с правого борта, а Сэнди — с левого.

---

<sup>43</sup> В оригинале автор обыгрывает разное название вагонов в английском языке — *waggons* для повозок и *freight car* для обозначения железнодорожного товарного вагона.

<sup>44</sup> На службе Его Величества (англ. *On His Majesty's Service*).

<sup>45</sup> Одна из презрительных кличек немцев во время Первой мировой войны, использовалась в значении “варвар”, “вандал”.

Затем корабль выходил из гавани, и мы оба “стояли” до рассвета, ожидая, пока что-нибудь не произойдет. Спустя несколько часов мы уже не беспокоились об этом.

Все было погружено в крошечную тьму, нигде — ни на борту корабля, ни где-либо еще — не горело ни одного огонька, и путешествие длилось без происшествий до середины ночи. Затем я увидел яркое свечение на горизонте, прямо по курсу. Это было очень странно, но корабельные вахтенные ничего не сообщили и не предприняли [никаких действий], поэтому я сделал то же самое и уж было решил, что это, должно быть, горит корабль, подумав еще [о том], что же будем со всем этим делать. Однако эта штука постепенно становилась похожей на огромную рождественскую елку, и у меня мелькнула мысль, что английская выпивка весьма забористая и долго держит. Наконец я не выдержал и прокрался на сторону МакНаба, чтобы посмотреть, видит ли он то, что вижу я. Он тоже видел это, но мы оба были слишком озадачены, чтобы задавать какие-либо вопросы, поэтому подождали, — и мимо нас прошло *госпитальное судно* Красного Креста, ярко освещенное сотнями электрических огней от носа до кормы и от ватерлинии до клотика. Свет прожекторов падал вниз, высвечивая зеленую полосу вдоль борта, как это и предписывалось Женевской конвенцией, чтобы корабль невозможно было спутать ни с чем другим в мире, — однако немцы потопили все эти “замковые” лайнеры<sup>46</sup> еще до окончания войны. Сэнди МакНаб, который стоял рядом со мной в ту ночь, вернулся домой на одном из этих кораблей через месяц, а я совершил свою первую поездку в Блайти<sup>47</sup> на корабле “*Замок Кэрисбрук*” примерно через год.

На рассвете мы увидели цепочку разноцветных огней и бросили якорь. Когда рассвело, мы рассмотрели гавань Гавра; я уже бывал там раньше и сразу узнал ее. Тогда-то мы и поняли, что направляемся во Францию и что Дарданеллы нам не светят.

Мы немного подождали, пока поднимется прилив, затем несколько буксиров прижали нас к причалу, и мы пришвартовались. Наконец-то Земля Обетованная. Доки кишели людьми, практически все были в форме и были очень заняты. Большинство французских солдат все еще носили старую красно-синюю униформу, а новую серовато-голубую еще не приняли. Многие пожилые английские солдаты были из так называемых “морских батальонов”. Но больше всего озадачивали те, чья форма была предметом многих предположений, пока мы случайно не заметили, что они всегда держались группами и что за ними неизменно следовал *poilu*<sup>48</sup> с винтовкой и примкнутым штыком. Так мы впервые увидели немецких пленных, и это был один из подлинно волнующих моментов войны, которая становилась к нам все ближе и ближе.

Высадка оказалась ничем иным, как обычным, повседневным, тяжелым трудом, сопровождавшимся необычной суматохой и руганью. Время от времени нас выручали

---

<sup>46</sup> Пассажирские и грузовые корабли британской судоходной компании “Юнион-Касл Лайн” (*Union-Castle Line*), большинство из которых имели в своем названии слово “замок” (“*castle*”). Во время Первой мировой войны использовались британским правительством как транспортные и госпитальные суда.

<sup>47</sup> Блайти (англ. *Blighty*) — английское жаргонное слово, обозначающее Британию (в частности, Англию); впервые оно было использовано во время англо-бурской войны как специфическое название родины для англичан или британцев, но широкое распространение получило лишь после Первой мировой войны.

<sup>48</sup> Пуало (от фр. “волосатый”) — жаргонное прозвище французских солдат времен Первой мировой войны.

выходки какой-нибудь лошади, которая не хотела спускаться по крутому и узкому трапу; было чертовски трудно поднять их на борт, и еще труднее было заставить их сойти на берег. Но наконец, около полудня мы все выгрузили, загрузили повозки, собрали людей, проехали через город и перебрались в так называемый “лагерь отдыха”. Самое время побриться и умыться, после этого печенье; но отдохнули мы совсем немного, так как снова двинулись в путь в темноте, и, как водится, под проливным дождем, пройдя несколько миль по городу.

Дождь не прекращался до тех пор, пока мы не погрузились на поезд, и это была ночь ужасов. Прошлепав по грязи, по незнакомым улицам и дорогам, мы вымокли до нитки, а после еще загружались на наш поезд, уходящий на фронт. Английский язык не в состоянии описать погрузку на этот эшелон, затаскивание всех наших повозок на эти маленькие плоские платформы, а затем погрузку лошадей. При этом лошадям жилось лучше, чем нам, потому что их было всего восемь, а нам надо было втиснуть сорок человек или более, и все это в точно такой же вагон — сорок и восемь. Надпись на борту каждого вагона гласила — *Chevaux huit; Hommes quarante*.<sup>49</sup>

Пока мы загружались в вагоны, нашим поварам каким-то образом удалось приготовить хороший горячий чай, и это здорово помогло. Затем мы получили порцию сыра, мясные консервы и печенье, которые прихватили с собой в вагоны. В то время в нашей [пулеметной] команде было пятьдесят шесть человек, но все мы умудрились забраться в один вагон. Не было места ни для того, чтобы лечь, ни даже для того, чтобы сесть, не нагромождаясь при этом в кучу по двое или по трое, но как-то мы ухитрились уживаться. Все промокли до нитки, и все наше снаряжение было в таком же состоянии, но что вы думаете сделали эти парни? Начали *петь*! Да, петь, и это продолжалось весь день. У нас было немного сыра, консервированной говядины и несколько кусков хлеба, так что мы неплохо устроились.

На пути к фронту мы проехали несколько наиболее исторических частей Франции, однако вся Франция является одной сплошной историей. Мы высадились в Арфлёре, как это сделала другая британская армия столетия назад, затем проехали через Руан с его воспоминаниями о Жанне д’Арк, Роллоне Норманском,<sup>50</sup> герцоге Вильгельме и Гарольде, каждый из которых оставил свой след на страницах истории. Хотя мы проехали через Руан, не останавливаясь, мы увидели чудесный собор и монастырский приют на реке. После переправы через реку можно было мельком увидеть коммуну Сент-Андриен, с ее интересной церковью, стоящей на утесе, куда на протяжении всего года приходят девушки молиться святому Бонавентуре<sup>51</sup> о даровании мужа.

Затем мы миновали поле в Креси, на котором несколько столетий назад вошла в историю другая британская армия, и пересекли Сомму, которая впоследствии стала для многих из нас настоящим испытанием. В Абвиле мы присоединились к остальной части батальона, который прибыл прямо из Фолкстоуна в Булонь. Из Абвиля весь ба-

---

<sup>49</sup> Восемь лошадей, сорок людей (фр.)

<sup>50</sup> Роллон Нормандский (лат. *Rollo*; ок. 860 — ок. 932 гг.) — первый герцог Нормандии (под именем Роберт I), основоположник Нормандской династии, к которой принадлежал английский король Вильгельм I Завоеватель.

<sup>51</sup> Бонавентура (лат. *Bonaventura*, настоящее имя Джованни Фиданца, ок. 1218 — 1274 гг.) — средневековый теолог, францисканский схоласт, генерал францисканского ордена, кардинал (с 1273). Католической церковью в 1482 году причислен к лику святых.

тальон вышел вместе, и около трех часов утра мы прибыли в Сент-Омер, где в то время располагался штаб британских войск во Франции. Потребовался почти год, чтобы сделать это, но война наконец была, что называется, за углом.

В Сент-Омере никто не слонялся без дела; мы немедленно свернули с дороги и еще до рассвета двинулись на восток. Остановившись на пару часов в каком-то маленьком городке, чтобы приготовить чай, мы отправились дальше. Это был самый трудный день в нашей жизни, и этот марш оказался самым трудным из всех, которые я когда-либо переживал, — а [ведь] я в то время был весьма закален. Было жарко, мы были перегружены ранцами и боеприпасами, как это всегда бывает у новичков. Кроме того, наши ранцы и одежда еще не просохли, и в дополнение к шестидесяти с чем-то фунтам снаряжения мы несли на себе двадцать-тридцать фунтов воды. Дороги были *pavé*,<sup>52</sup> вымощены бельгийскими блоками или булыжниками, как мы их называли, и наши подкованные железом подошвы скользили по ним, как по льду. На твердых гладких дорогах Англии мы не возражали бы против этого, но такой путь оказался для нас в новинку; наши лодыжки постоянно подворачивались, а ноги вечно скользили. В общем, я считаю этот марш самым трудным в моей жизни, хотя в свое время я прошел по снегу Северо-Запада сорок восемь миль за один день.

Насколько помню, никто из нашей группы на том марше не выбыл, но уверен, что каждый из нас хотел бы этого. Мы продолжали испытывать свои нервы после того, как физически истощились, и всякий раз, когда мы останавливались на короткий отдых, каждый засыпал быстрее, чем ложился. Ближе к темноте мы остановились на ферме, и разнесся слух, что мы располагаемся на ночлег и пробудем там неделю или даже больше. Там был большой амбар с большим количеством чистой соломы, и мы, пулеметчики, быстро завладели им, в то время как остальная часть батальона стояла вокруг, ожидая, когда квартирмейстер выделит им какое-нибудь место. Это потребовало борьбы со связистами и разведчиками, которым в конце концов и был выделен этот амбар; но мы пошли на компромисс и позволили им использовать более бедную часть этого места. На балках были начертаны имена солдат разных формирований, которые останавливались в этом сарае ранее, среди них были ребята из “Принцессы Пэтс”. Однако мы прочитали все это на следующий день, в ту ночь мы слишком устали, чтобы даже поесть, и все просто упали на солому и уснули. Мы получили здесь всего один день отдыха и были как новенькие — удивительно, как быстро здоровые, активные люди могут восстанавливаться.

На следующее утро все занялись уборкой или сушкой своего обмундирования в ожидании обещанного недельного отдыха. Однако около четырех часов пополудни нас построили и перебросили на две-три мили для строевого смотра и беседы с генералом Элдерсоном, главнокомандующим Канадским корпусом. Прибыв на площадку для построения немного раньше времени и, лежа в ожидании, мы впервые увидели настоящую войну. Она велась высоко в воздухе и далеко от нас, но все равно это было захватывающее зрелище. Несколько немецких самолетов были обстреляны нашими зенитными орудиями, и мы затаили дыхание, ожидая увидеть их падающими в любую минуту, так как снаряды, по-видимому, разрывались прямо рядом с немцами. Но никто не пострадал, и они продолжили свой путь. Вскоре мы узнали, что это действительно редкая вещь, чтобы самолет был сбит пушкой с земли. Позже я видел тысячи выстре-

---

<sup>52</sup> Булыжная мостовая, брусчатка (фр.)



лов, выпущенных по ним, но никогда не видел ни одного попадания “Арчи”,<sup>53</sup> и только одно попадание от пулеметного огня с земли. Большинство самолетов сбиваются пулеметным огнем с другого самолета во время боя.

Генералы всегда опаздывают на свои встречи, но этот наконец прибыл. Он окинул нас взглядом, а потом, как обычно, пошутил о том, какие мы замечательные люди, о славном боевом духе и все такое, а затем сказал, что в качестве награды за нашу великолепную выправку и подвижность он собирается послать нас прямо на передовую вместо того, чтобы отправлять батальон обычным порядком — вначале в резерв и потом во второй эшелон. От этого мы все были в восторге, но позже узнали правду — Британская армия собиралась начать большое наступление, известное сегодня как битва при Лоосе, и что в то время у нее не было достаточно войск во Франции, чтобы иметь возможность держать какой-либо резерв. Однако в тот день мы просто вернулись на постой и провели беспокойную ночь, собирая и укладывая вещи, так как нам предстояло выступить на рассвете.

С первыми лучами Солнца мы двинулись в путь и проделали еще один трудный марш, погода снова стала очень жаркой. Миновав Хейзбрук и множество маленьких деревушек, мы остановились в Байёле на часовой отдых. Пулеметная команда стала прямо на рыночной площади, так что у нас была прекрасная возможность увидеть главные достопримечательности этого древнего города: отель “Де Виль” с отделкой двенадцатого века и отель “Фокон”, который я особенно запомнил благодаря превосходному холодному пиву.

После отдыха мы продолжили свой путь и, продвигаясь на восток, стали замечать все больше шрамов, оставленных войной. Первый натиск немцев в августе 1914 года завел их далеко во Францию, но отпор, который они получили на Марне, был настолько внезапным и неожиданным, что у них не оставалось времени на грабежи. Домашний скот был убит или угнан, и жителям пришлось вытерпеть множество унижений, но, насколько мы слышали, не было никаких зверств, о которых сообщалось из Бельгии.

Один из мальчишек указал на дом, в котором была такая дыра, что через нее могла бы перепрыгнуть корова, и мы все, не говоря ни слова, поняли, что она была проделана снарядом. Это был первое свидетельство войны, которые по мере того как мы шли, увеличивались и умножались. Солдаты Инженерного корпуса были заняты ремонтом дорог, и в этой работе им помогали отряды немецких военнопленных, каждый из которых носил на спине бросающиеся в глаза буквы “P.G.”.<sup>54</sup> Мы уже видели некоторых из этих заключенных в гаврских доках.

Естественно, все это помогало нам держаться — даже после того, как мы совершенно выдыхались. Помню, однажды мы остановились на несколько минут, как раз напротив того места, где старый сапер выгребал грязь и мусор из придорожной канавы. Извлекая каждую лопату, он высыпал ее на небольшой холмик рядом с канавой и, прихлопывая его, сопровождал свое действие словами: “Вот ты где, мой мальчик, теперь спи спокойно”, — и множеством других вещей, о которых я не осмеливаюсь написать.

---

<sup>53</sup> Зенитное орудие, а также сам зенитный огонь (сл.).

<sup>54</sup> Военнопленный (от фр. *prisonnier de guerre*).

Любопытство побудило одного из нас спросить его, какого черта он делает, после чего тот повернулся и сделал два или три шага по направлению к нам. Он сунул руку в карман своей туники, вытащил множество пуговиц и пряжку ремня с надписью: *“Gott Mit Uns”*<sup>55</sup> и сообщил нам:

— Это Оолан, да, это был он. Я откопал этого мерзавца в канаве, он был довольно зловонным; да, так и есть. Как насчет шиллинга за пряжку и по таннеру<sup>56</sup> за каждую пуговицу — не желаете?

Кое-кто из нашей группы купил всю партию. С этого и началось наше увлечение охотой за сувенирами. Начиная с мелочей, подобранных таким образом, до различных предметов, найденных в развалинах домов, и различных типов взрывателей, или, как мы их называли, “колпачков”, — мы собирали и хранили все. Когда мы наконец начали добывать живых пленных, то это заметно замедлило ход этой игры. Выяснилось, что, хотя нам удавалось собрать и накопить самую замечательную коллекцию подобных трофеев, всякий раз, когда нам необходимо было передвигаться, все это необходимо было бросить. Я лично закопал несколько тележек с таким барахлом в разных частях Западной Фландрии в надежде, что когда-нибудь смогу вернуться и выкопать его.

По мере того как мы продвигались вперед, признаки войны становились заметнее. Все больше появлялось домов и построек, разрушенных снарядами, могил вдоль дороги еще больше, каждая из них была увенчана крестом. В поле зрения постоянно были самолеты — как наши, так и вражеские. Когда мы впервые увидели разрывы снарядов “Арчи” вокруг вражеского самолета, мы были уверены, что он был поражен. Дюжина — нет, сотня снарядов могла взорваться вокруг него, но, насколько нам было известно, ни один самолет не был сбит таким образом. Наблюдателю на земле могло показаться, что все разрывы снарядов были очень близко к самолету, в то время как на самом деле они могли быть — и обычно были — в сотнях футов от него.

Дранутрэ,<sup>57</sup> где мы останавливались в последний раз перед выходом на линию фронта, до войны была маленькой деревушкой, где жило около пятисот человек. Теперь его население увеличилось более чем в два раза благодаря беженцам, прибывшим с востока в преддверии немецкой оккупации. По той или иной причине этот городок не подвергался обстрелам, хотя все города, поселки и деревни в окрестностях были буквально *стерты* с лица земли. [Истинная] причина, конечно, заключалась в том, что здесь проживало несколько хороших немецких шпионов. Не знаю, удалось ли нашей разведке их обнаружить, но мне говорили, что позднее, в 1918 году, боши<sup>58</sup> действительно обстреляли город.

Мы разбили лагерь в поле, примыкающем к деревне, и нам разрешили побродить и побывать в самом городке. Однако очень немногие из нас имели достаточно денег, чтобы отпраздновать [прибытие], так что это было очень скромное мероприятие. Единственное настоящее волнение, которое я там увидел, было, когда кто-то из мальчиков, купаясь в городском пруду с рыбой, наткнулся на щуку около двух футов дли-

---

<sup>55</sup> “С нами Бог” (нем.) — традиционная надпись на пряжках немецких солдат.

<sup>56</sup> Таннер — монета в 10 пенсов.

<sup>57</sup> Сейчас это городок Драноутер в бельгийском муниципалитете Хойвелланд в западной Фландрии.

<sup>58</sup> Пренебрежительное прозвище немецких солдат, особенно во Франции.

ной. После безумной схватки, в которой участвовало по меньшей мере сто человек, рыба была поймана — и, полагаю, кто-то ее съел.

Мы провели в Дранутрэ только один день и одну ночь, то есть я говорю о пулеметной команде. На следующий день, 19-го сентября 1915 года, первые номера каждого пулеметного расчета отправились на поиски пулеметных позиций в расположение суррейцев и восточных кентцев (“Баффс”),<sup>59</sup> которых мы меняли. В ту же ночь прибыли остальные пулеметные расчеты, а на следующий день — пехота.

В то воскресное утро, когда мы двигались окольными путями через Локре и перевалочные пункты, признаки войны становились все более явственными, пока, наконец, мы не достигли деревни Вульвергейм. Это я говорю: “деревня”. Когда-то она была ею и, вероятно, процветающей, но сейчас превратилась в руины. Там никто не жил, каждое здание было полностью разрушено немецкими снарядами. Даже церковь была разрушена, уцелела только одна сторона часовой башни. Стрелки часов с этой стороны безжизненно висели, замерев на половине седьмого. И пока мы там находились, враг продолжал обстреливать разрушенное здание каждый день, как будто рассерженный тем, что даже этот маленький кусочек остался жить. Тысячи снарядов были потрачены впустую на это маленькое место. Из наших там никто никогда не располагался, и когда мы уходили, часы все еще оставались.

Так вот, наша небольшая группа была всего лишь средней частью длинной редкой полоски британских солдат, которые в то время сдерживали цвет германской армии. [Они были] не лучше, не хуже, чем все остальные, и то, что я собираюсь рассказать о них, будет *правдой*, несмотря на все возражения тысячи и одного человека, которые настаивают, чтобы я вложил в это дело чуть больше “соплей” или, как некоторые называют, “человеческого интереса”.

Но почему? Черт бы вас побрал и благослови вас Бог, ничего подобного не было. У нас внутри, вероятно, были свои чувства — меня, например, особенно интересовала странная птица, которую я не мог опознать, — но что касается всех этих демонстраций собственных эмоций с помощью выражения лица — ну, не было такого. Все эти “бла-бла-бла” были придуманы в голливудских киностудиях и чем-то подобном. Недавно я провел очень неудобный час с чем-то, наблюдая и слушая то, что рекламировалось как лучшая военная картина. Поскольку она так хорошо известна, я не вижу причин не называть ее — “На западном фронте без перемен”. Те ее части, которые касались реального сражения, были превосходны. Реквизит — униформа и все такое — были изображены точно, а вид разрывов снарядов — лучшее, что я когда-либо видел. У меня были определенные причины придирается только к изображению отдельных *людей* — но этого оказалось вполне достаточно, чтобы вызвать у меня отвращение ко всему этому зрелищу. Черт возьми, люди так не поступают ни на войне, ни в мирное время. Почти слышно, как какой-то режиссер кричит то одному, то другому: “Фиксируй УЖАС” — или что-то в этом роде. Черт побери, просто никто себя так не ведет! Конечно, мне ничего не известно о молодых немецких солдатах, но я даю им кредит доверия и предполагаю, что в этом отношении они были такими же, как солдаты других наций.

Я видел, как один человек вытаскивал из боевой линии своего брата-близнеца, разорванного от плеча до ягодиц стальным осколком “шерстистого медведя”.<sup>60</sup> Был ли

---

<sup>59</sup> Сленговое прозвище солдат Восточно-кентского полка в Британской Армии.

<sup>60</sup> “Шерстистый медведь” (англ. *wooly bear*) — жаргонное название немецкого фугасно-

он похож на кого-нибудь из тех, кого я видел в фильмах? Конечно нет. На его лице застыло неуверенное, но преисполненное надежды выражение, которое, вероятно, появилось бы у любого из нас, если бы кто-то из наших единокровных братьев был сбит водителем, сбежавшим после наезда.

— Надо вытащить Боба, его сильно зацепило, — вот и все, что он тогда сказал.

— Держи, сынок, рюмка рома сейчас никому из вас не повредит, — ответил я. Оба эти парня были трезвенниками и звездами спорта нашего батальона. Блондин, который нес своего брата, разговаривал с ним. Я не знаю, о чем они говорили. Второй был очень серьезно ранен и терял кровь с пугающей скоростью.

— Хорошо, — сказал он, — давайте его сюда.

Я налил каждому из них щедрую порцию рома и заставил проглотить ее одним глотком.

— Это *лекарство*, — произнес я, — принимайте все сразу.

И они это сделали. И рад сообщить, что оба они сейчас живы, хотя у каждого из них [на теле] есть по две *рассеченных* полосы.

Если кто-то из нас и испытывал какие-то особенные эмоции в тот день, когда мы впервые встали в боевую линию, то они очень удачно скрывались под обычным “ворчанием” и подшучиванием.

— Держу пари, что в меня попадут первым, — вот какое было последнее слово Джорджа Паудаша, обращенное ко мне.

— Черт возьми, так и будет, — ответил я. Вот и все сентиментальные или “сердечные” вещи, которые можно было встретить в том подразделении.

---

шрапнельного снаряда (нем. “*Einheitsgeschoss*”, т.е. универсального) к 105-мм легкой полевой и 150-мм тяжелой гаубицам. Получил свое название по большим клубящимся облакам светлого дыма, образовывавшихся при его разрыве в воздухе.

## Глава 4

### Фландрия

Штаб нашего батальона располагался в бывшем придорожном кабачке по дороге, идущей от Нёв-Эглиз до Плугштирта (искаженного нашими солдатами до Плутстрита), и дорога отсюда до передовой линии проходила по ходу сообщения, известному как “Суррейский переулок”, поскольку он был построен Суррейским полком, который мы меняли. Вход в траншею находился в маленьком саду, прямо за кабачком. Когда мы как раз собирались отправиться в траншею, подошел человек из “Баффс” и заговорил с одним из наших людей, а затем — *шмяк!* — и он посмотрел вокруг каким-то рассеянным, вопрошающим взглядом, упал на землю, загребая ее руками, потом вытянулся, и умер. Шальная пуля настигла его, поразив в самое сердце. Другой из “Баффс”, который сменялся в тот же день, подбежал и оттащил тело под прикрытие здания.

— Это был Уилл, — сказал он, — он здесь со времен Монса, а так и не научился укрываться; я бы сказал, сам и напросился.

Это был наш первый опыт встречи с человеком, который был убит на войне, но вот что интересно, — впечатления, что этот случай уж очень сильно поразил наших людей, не создало. Мы видели так много раненых в Англии и слышали их истории о том, как обстоят дела на фронте, что все оказалось примерно так, что мы того и ожидали.

Итак, мы прибыли. Путь на фронт оказался долог, но не произошло ничего такого, что могло бы побеспокоить нас, кроме слабо различимых звуков стрельбы огромными снарядами, доносившихся за несколько миль позади нашей линии, и направляемых в настолько же далекие места в “Германии”.<sup>61</sup> В этот день были выставлены только пулеметы (было воскресенье), а пехота “передала” свои позиции на следующий день. Это была обычная процедура, и для нее было много веских причин. Враг всегда был хорошо информирован о передвижении наших людей, поскольку в этой части Фландрии было много сторонников Германии и в их распоряжении было множество изощренных методов передачи информации через линию фронта. Повсюду, где бы мы не имели что-то вроде постоянной позиции (траншеи), пулеметы располагались таким образом, чтобы прикрыть все подходы в нейтральной зоне, и, пока они находились на позициях, то представляли собой достаточно устойчивое препятствие против любых рейдов. Если смена пехоты и пулеметчиков происходила одновременно, то это могло создать возможность для [вражеской] атаки, так что сначала происходила смена пулеметов, в то время как пехота прикрывала, и потом, уже после того, как новые пулеметы находились на позициях, сменялась пехота — только таким образом удавалось предотвратить угрозу.

Когда мы прибыли на линию фронта, нас поприветствовали пулеметные расчеты Суррейского полка и, хвала Господу, у них оказался чай с печеньем, и *джем*, специально приготовленные для нас. Благослови Бог тех парней. Они были из тех “Старых Презренных” — истинных суррейцев, находившихся в гуще событий больше года и знав-

---

<sup>61</sup> Здесь имеется ввиду не страна, а территория, оккупированная немецкой армией.

ших, что мы будем голодны после своего долгого марша.<sup>62</sup> После того, как мы покинули Англию, мы двигались настолько быстро, что у нас даже не было достаточно времени чтобы поесть, и мы были действительно очень благодарны.

Прихлебывая чай, я с любопытством наблюдал за человеком, который стоял у бруствера, и смотрел через перископ, который был установлен на стенке [траншеи], а его верхняя часть была умело укрыта среди рваных концов мешков с грунтом. Немного погодя он отошел на несколько футов и взял странное хитроумное устройство, которое напоминало винтовку и моментом позже послышался выстрел. Потом я увидел, что предмет, который он держал, в действительности являлся скелетным каркасом, к которому была присоединена настоящая винтовка, лежавшая поверх бруствера, дульный срез которой был завернут в мешковину и скрыт, как и перископ, среди беспорядочного нагромождения земляных мешков. Наблюдая за ним, я вскоре изучил все, что касалось этого устройства. Это потом подобные вещи стали привычными, но тогда я видел такое в первый раз. Устройство было простым, с его помощью можно было целиться и стрелять из-за бруствера, выставляя только винтовку, оставаясь при этом в укрытии. Наблюдение производилось через миниатюрный перископ, верхний конец которого находился прямо за затвором винтовки и совмещался с прицелом, а нижний конец был в положении, на котором обычно располагалось заднее прицельное приспособление. Соединительная тяга соединяла ложный спусковой крючок на скелетном каркасе со спусковым крючком самой винтовки, а к рукоятке затвора было присоединено что-то вроде кривошипного рычага.

Стрелок, заметив мой интерес, пригласил меня сделать выстрел, сначала подведя меня к большому перископу, который он использовал для наблюдения и выявления целей, пояснив мне: “Эти Вюртембергеры<sup>63</sup> пытаются восстановить свой бруствер, который наша артиллерия разрушила этим утром, и если ты внимательно присмотришься, то разглядишь их головы”. Достав свой бинокль, я приставил его к перископу. Очевидно, такое было в новинку для солдата-суррейца, и когда я передал свои “окуляры” ему, он очень удивился и позвал нескольких из своих сослуживцев посмотреть на них. Полевой бинокль или подзорная труба очень полезны при использовании их вместе с перископом в любом месте, но очевидно, эти парни этого не знали.<sup>64</sup> Имея бинокли, мы можем замечать любое движение над вражескими траншеями, приблизительно в трехстах ярдах [от нас]. По большей части, все, что мы могли видеть, это только мешки с грунтом, укладываемые на верх восстанавливаемой стены бруствера, но все время головы [врага] появлялись лишь на мгновение. Мне предложили взять винтовку и, вни-

---

<sup>62</sup> “Презренные” — жаргонное прозвище Британских Экспедиционных Сил (БЭС), части Британской Армии, принимавшей участие в боевых действиях на Западном фронте в ходе Первой мировой войны. Император Германии Вильгельм II, который чрезвычайно пренебрежительно относился к БЭС, якобы издал приказ от 19 августа 1914, где требовал “безжалостно истребить... коварных англичан и смести эту презренную шайку генерала Френча”. В послевоенные годы выжившие ветераны БЭС называли себя “презренными стариками”. Никаких документальных подтверждений тому, что Кайзер действительно отдавал такой приказ, не существует.

<sup>63</sup> Солдаты вюртембергских частей германской армии. В описываемый период именно они, в частности, 26-я и 27-я пехотные дивизии, противостояли Канадскому Экспедиционному Корпусу.

<sup>64</sup> Здесь уместно сказать, что перископы были зеркальными и не имели кратности, поэтому солдат и удивился.

мательно нацелившись на то место, где мы ожидали появления нового мешка, я стал ожидать команды. [Сурреец] стоял у большого перископа с биноклем, и когда он произнес: “Сейчас”, — я выстрелил. Он сообщил, что я поразил мешок. Не знаю точно, но уверен, что это был, на самом деле, первый выстрел по врагу, совершенный военнослужащим Двадцать первого батальона.

Таково было начало нашего “стрелка на войне”.

Первая потеря произошла той же ночью, когда разведчик, которого звали Бойер, был убит во время первой вылазки на нейтральную полосу. Затем, на следующий день, Старки решил, что он не может ничего разглядеть в перископ, поэтому решил взглянуть поверх бруствера. Мы похоронили их обоих в саду, позади нашей линии, где так же были похоронены многие из лучших и самых известных солдат британских линейных полков.

До того, как мы прибыли, на этом участке было очень тихо, но как только наша пехота заняла позиции, немцы решили поприветствовать нас. Они точно знали, кто мы такие и когда мы расположились на позициях, потому что тыл кишел их шпионами. Артиллерийского обстрела здесь не было уже несколько недель, но через день после того, как прибыла наша пехота, они начали ожесточенный обстрел 77-мм шрапнельными “свистелками” вместе с 5,9-дюймовыми (150-мм) “чемоданами”.<sup>65</sup> Был нанесен значительный ущерб нашему брустверу и несколько человек были серьезно ранено. Эта бомбардировка не была похожа на их последующие обстрелы, мы были крайне впечатлены, и на тот момент это дало нам возможность познакомиться со звуками и эффектами разного вида снарядов. Наши траншеи оказались достаточно разрушены, и потребовали большой работы с киркой и лопатой в несколько последующих дней, а это не всегда хорошо удавалось канадцам. Сейчас я мог бы сказать, что мы приняли их от “Баффсов” и Суррейцев, когда они были чистыми, сухими и комфортными, так как над ними в то лето много работали. Боюсь, мы не оценили этого должным образом, но оглядываясь на многие траншеи, которые у нас были после, считаю должным признать, что это была лучшая из всех, что мы когда-либо занимали.

Пулеметная команда прошла эти первые дни, оставаясь в хорошей форме, имея ранеными только одного человека, старого солдата Армии США по имени Мэнган, служившего на Филиппинах. Спустя восемь дней нас сменил Двадцатый батальон, и мы вернулись в Дранутрэ на свой первый “отдых”. Вскоре мы научились страшиться этого отдыха, и предпочитали оставаться в траншеях, поскольку [во время него] привычным было перемещать все, включая запасы боеприпасов. Месяц сидения в траншеях оказался предпочтительнее, чем необходимость постоянно таскать все барахло туда и обратно.

На протяжении нашего первого месяца или около того в траншеях, у меня не было времени или возможности взять в руки винтовку. Мы были слишком заняты своими пулеметами, и так продолжалось до октября, когда мы перебрались на Ипрский выступ,<sup>66</sup> и у меня появилась возможность проверить свои навыки, как с винтовкой, так и

---

<sup>65</sup> “Свистелка” (англ. *whizz-bang*) — жаргонное название шрапнельного снаряда, создающего при разрыве характерных свист. “Чемодан” — традиционное жаргонное название осколочно-фугасных снарядов тяжелой артиллерии.

<sup>66</sup> Ипрский выступ (англ. *Ypres Salient*) — местность в окрестностях бельгийского городка Ипр во Фландрии, ставшая ареной ожесточенных и кровопролитных боев во время Первой мировой войны.

с пулеметом.

Первый месяц был полностью посвящен нашему знакомству с ведением огня из наших двух пулеметов “Кольт”. Командир пулеметчиков суррейцев, которых мы сменили, оборудовал две огневые позиции за передовой линией, и мне посчастливилось быть назначенным на эту позицию. Я говорю *эту* позицию, потому что там было два различных поста для пулеметов, использовавшиеся поочередно — один ночью, другой в дневное время. Эта последняя позиция, которую я впоследствии изменил, была оборудована для обстрела самолетов, — в то время вражеские аэропланы приближались на высоте пятнадцати сотен футов или менее и являлись удобными целями. Наконец, мы поразили один, остальные затем поднялись так высоко, что мы уже не могли больше их достать.

Другая, настоящая, постоянная огневая позиция, была расположена таким образом, что мы могли вести огонь поверх наших передовых линий и наводить страх на команды вражеских подносчиков продовольствия, когда они приходили ночью. Мы однозначно сделали жизнь немцев в этом месте невыносимой. Однажды утром, после одного из наших обстрелов, мы увидели через бинокль, по крайней мере, десяток человек и столько же лошадей, лежавших грудой в месте, которое называлось “Баррикада” — в конце дороги, идущей через долину до немецких траншей. Оно находилось настолько далеко, насколько они смогли отойти со своей полевой кухней, доставляемой лошадьми. После этого они рисковали выходить только наверх хребта, прямо за “Богадельней”, но не далее. Мы назвали это место “Привал поваров”. Оно находилось примерно в двадцати двух сотнях ярдов от нашей позиции, однако выдвинув свои резервные пулеметы, мы смогли убедить их, что им лучше всего держаться позади холма. Полагаю, что многие “фрицы” проклинали нас, когда им приходилось складывать свои продукты и пайки в паре миль [от своих позиций]. Как раз это и было самым забавным — знать, что ты достал другого.

Одна из наших огневых позиций располагалась примерно в ста пятидесяти ярдах от передовой линии, перед несколькими разрушенными домами и в двух случаях с этой позиции среди бела дня мы “поймали” крупные рабочие партии [противника], серьезно проредив их. Наш огонь, ведшийся со стороны тех домов, заставил немцев поверить, что мы использовали их в качестве укрытия, и они стабильно обстреливали их из орудий, но так ни разу даже близко не попали в наше настоящее укрытие. Это преподало мне хороший урок, который я использовал впоследствии в снайпинге, и о котором я расскажу в свое время.

В то время у нас не было собственных инструментов для расчета данных для стрельбы, кроме тех, что мы позаимствовали у нашей артиллерии. Просто в назидание некоторым нашим знатокам математики (в американской армии, я имею ввиду — все они мои друзья), я [позже] расскажу, как мы иногда искали цели *без помощи угломерной шкалы*.

У нас было множество мелких игрушек, таких как “шнурок и приспособление с отверстием”. Да, черт побери, у нас было только это, ну и “сетка” на наших биноклях — вот и весь дальномер! Ребята, я повидал так много всяких дорогих инструментов, валявшихся вдоль дорог, что мог бы увести их на двухтонном грузовике, и мы очень старались извлечь как можно больше практической пользы от всех этих вещей, но об этом и речи быть не могло — мы выкинули их и вернулись к старой системе расчетов по градусам и угловым минутам. У нас, конечно, были хорошие карты всей местности, на ко-



торой мы сражались, и была одна вещь, которую необходимо было знать — то место, где мы точно находились на этой карте. Зная это, мы могли открывать огонь по любой цели, отмеченной на этом листе карты, или на любом другом, присоединенном к нему.

Где находились мы? Вот так, да — возможно. Вот, мы здесь, в “В-4-6-21”, а враг, по которому мы хотим открыть огонь, стоит в “А-2-6”. Ага, как теперь мы собираемся его достать? Взяв хороший компас и карту, мы узнаем, что отклонение (или азимут) магнитного компаса составляет 24 градуса. Так, хорошо; что теперь мы можем с этим сделать? Что делать, что делать — вот о чем я думал. Мы здесь, они там, и как же, черт возьми, мне разместить эти пулеметы, чтобы их пули попали в нужное место?

В то время у нас не было клинометра (квадранта), чтобы определить угол прицеливания — но в нашей саперной команде были *плотники*, а у них были угольники и уровни, и, по крайней мере, один из них знал соотношение углов на своем угольнике. Возможно, я не выразил свою мысль точным математическим образом, но я и не буду использовать технический язык из учебников с Форт-Силл или Форт-Беннинг.<sup>67</sup> Я просто рассказываю вам, как мы работали с этим. Если сказать вкратце о том, чего могло бы хватить на целую ночь рассказов — то мы все вычислили и *получили результаты*.

Сражение при Лоосе началось 25-го сентября и продолжалась около недели. Мы оказались в стороне от основных боевых действий, но нас привлекли к проведению демонстрации, чтобы не допустить снятие [противником] подразделений с нашего участка фронта и переброски их к месту основной битвы. Девятнадцатый батальон нашей бригады (Четвертой) провел ложную атаку, остальные просто стояли настороже, чтобы отразить контратаки. В демонстрации принимали активное участие все пулеметы бригады, и мы были заняты около 20 минут, ведя заградительный огонь вдоль линии бруствера вражеской траншеи, чтобы прикрыть атакующую пехоту, которая сблизилась лишь настолько, чтобы бросить в траншеи “фрицев” несколько гранат и потом вернуться обратно.

Потери с нашей стороны были незначительны, и полагаю, что такие же они были и у врага, но выполненная задача дала желаемый результат: мы удержали врага *qui vive*<sup>68</sup> и предотвратили отправку его подкреплений к войскам, сражавшимся южнее, где французы и британцы каждый час продвигались вперед. К сожалению, на тот момент, во время последующих атак, наше вышестоящее командование, очевидно, недооценило силу артиллерии противника, а наши артиллеристы расстреляли все боеприпасы, что заставило вернуться на исходную позицию. Если бы у нас было достаточно боеприпасов, думаю, что вполне вероятно, что союзные силы одержали бы решительную победу. Однако, прошло еще много изматывающих месяцев, пока союзники *не догнали* немцев по запасам оружия и боеприпасов, и к тому времени они понесли настолько значительные потери в людях, что были очень рады американцам со своими свежими дивизиями. Нет, я не думаю, что США выиграли войну, но они определенно сократили ее продолжительность. Если в генеральном сражении командующий держит позади существенные резервы до критического момента боя, и затем бросает их в сражение, чтобы победить ослабевшего и уставшего врага, выигрывая битву таким образом, вряд ли можно сказать, что эти резервы одержали победу. Те, кто принял на се-

---

<sup>67</sup> В Форт-Силл и Форт-Беннинг располагаются соответственно артиллерийская и пехотная школы сухопутных войск США.

<sup>68</sup> Здесь: начеку (фр.)

бя удар первых этапов сражения, по моему мнению, имеют на нее больше прав, чем все остальные.

Те из нас, кто работал с пулеметами в течение упомянутой выше небольшой демонстрации, просто отвели их назад от нашей линии фронта на небольшую возвышенность в тылу, чтобы обеспечить безопасность при стрельбе поверх голов нашей продвигающейся пехоты, и разместили их здесь, прямо на открытой местности. Это случилось ночью и нас не могли заметить, но мы были полностью открыты для винтовочного и пулеметного огня. Это был наш первый опыт подобного рода. Вокруг нас свистели пули, точно так же, как и в мишенных ямах Кэмп-Перри во время быстрого огня во время национальных матчей — единственная разница состояла в том, что мы были на самом верху бруствера, а не внизу за бетонной стеной. Ни меня, ни моего второго номера, который подавал пулеметную ленту, не задела. Он был еще ребенком, возрастом около семнадцати лет, и маленький негодник восторженно кричал и смеялся. Я конечно не разделял его восторги, даже если бы и хотел. На самом деле, я скорее *наслаждался* представлением. То, что меня могут задеть, мне в голову не приходило. Все закончилось примерно через полчаса, но за это короткое время, мы узнали одну вещь, которую можно узнать только в такой ситуации — что тысячи пуль могут пройти мимо или вблизи тебя, не причиняя никакого вреда.

В течение тех последних сентябрьских дней стояло прекрасное бабье лето. Помню один из дней, когда кругом было тихо, и мы с Бушаром улизнули осмотреться вокруг в поисках каких-нибудь сувениров, — в тот период мы все еще были их ценителями, и никогда не задумывались о месте расположения наших находок или о том, как мы сможем вывести их отсюда. Шанс прихватить что-то домой был только у людей из других служб. У пехотинца или пулеметчика было достаточно своего снаряжения, но это не мешало нам подбирать что-нибудь и радоваться этому до тех пор, пока не нужно будет сниматься с места, и тогда нам приходилось отдавать это артиллеристу, водителю или медику.

Мы осмотрели местность вокруг холма за нашими передовыми линиями, — того, на котором сидели, — за на милю или больше от гряды (Мессины), когда неожиданно наткнулись на большое количество ежевики, растущей вдоль изгороди. Там мы и провели остаток дня.

Мы сидели за изгородью и теплое сияние заходящего Солнца мягко касалось нас. Стоял поздний сентябрь, но в том году осень запаздывала, и легкий ветерок разносил летнее тепло. Я лениво набрасывал рисунок местности, раскинувшейся через широкую долину, а напарник проворно собирал и ел ароматные крупные ягоды.

Немного спустя, самый молодой из нас обшарил свой рюкзак и вытащил оттуда кусок хлеба и банку с остатками джема. Открыв банку большим ножом, он выскреб содержимое и намазал на хлеб. И, как по волшебству, десятки, сотни, да тысячи “желтых полосатых мундиров” вдруг появились ниоткуда и кинулись на вкуснятину. Он намазал немного джема на хлеб и до того, как он смог отправить его в рот, он оказался покрыт маленькими полосатыми насекомыми. После нескольких неудачных попыток откусить, он бросил это дело и затем с жестокостью, которая помогла его предкам покорить дикую природу Квебека, начал отбиваться от грабителей, которые испортили ему еду. Согнув крышку банки (или, как ее здесь называют, жестянки), он оставил небольшое отверстие, чтобы маленькие проказники могли туда заползти. И всего за несколько минут она была до отказа забита пчелами, этими маленькими охотниками за слад-

ким.

Я почти закончил рисовать схему, которая являлась предварительной частью карточки дальностей, которые я делал для наших пулеметов, когда Бу позвал меня:

— Теперь, когда я достал их, то какого лешего мне с ними делать? — Он прижал крышку банки — или “жестянки”, если тебе повезло быть англичанином, — и [только] стал протягивать ее мне с расстояния три, может быть четыре фута, как просвистела пуля и отлично решила дело. Она задела банку и ее содержимое и так же содрала часть пальца Бу — вот так все и было.

— Какого черта!? — Произнес Бушар, а я просто улыбнулся.

Мы забинтовали палец, и на том все было кончено. Закурив сигарету (это мой напарник; я, как всегда, курил трубку), мы улеглись и осмотрели долину, которая отделяла нас от гряды Мессины-Висшаэтт. Там была “Германия”. Блуждающие пули, как та, которая поразила банку (ей Богу, очень вовремя, в тот момент), пролетали вокруг нас тут и там, и пока мы наблюдали, несколько залпов шрапнели угодило в ход сообщения, прямо перед нами. По истечению более пятнадцати лет для меня это кажется непостижимым, но на самом деле менее всего мы обращали внимание на них и лишь слегка удивлялись, если они “попадали куда-то”. Сейчас я бы застыл в ужасе, если бы рядом со мной разорвался снаряд. Знаю, что так и было бы, но в те дни, когда мы принимали как должное то, что нас будут обстреливать большую часть времени — мы не очень об этом волновались.

Ежевика и пули — вот каким я навсегда запомнил тот день: бездельничая на Солнце, рассматривая долину, как будто где-нибудь в южной Индиане, нанося на схему заметные ориентиры на горизонте (чтобы использовать их как точки прицеливания для будущего пулеметного обстрела), в то время как напарник тут и там собирал ароматные ягоды, постоянно принося мне полную горсть. Над головой летали снаряды, некоторые пролетали [мимо], другие внезапно взрывались в сотнях ярдов или около того, частый свист или *шмяканье* пуль поблизости — ну, я скажу вам люди, это что-то такое, ради чего стоит жить — или умереть, если уж пришло ваше время.

## Глава 5

### Траншеи

Сражение при Лоосе происходило в тот период, который оказался нашим последним пребыванием в тех окопах возле Плуштира. Когда мы выступили снова, то в ту же ночь прошли далеко на север. На передовой прошел слух, что нас направляют в “Чистилище” и после обычного тяжелого марша под дождем, мы остановились днем в городке Ля-Клит, который оказался местом нашего постоя на протяжении многих месяцев. Пехота осталась там на отдых на несколько дней, но мы, пулеметчики, пошли дальше и заняли несколько позиций поддержки вдоль дороги Ипр — Нёв-Эглиз, возле Гроот-Виерстраат, сменив там кавалерийский полк короля Эдуарда,<sup>69</sup> который, как и вся кавалерия, действовал как [обычная] пехота.

В начале октября начались дожди, которые продолжались, с небольшими перерывами, до апреля следующего года. Мы читали о том, как солдаты герцога Веллингтона “проклинали грязь во Фландрии”. Нет сомнений в том, что они это делали, но держу пари, что если бы некоторые из этих ветеранов услышали, что говорили мы во время марша от Дранутрэ к Ля-Клит, они бы повесили головы от стыда. Проклятия, как и бóльшая часть всего остального, со временем улучшались и наша современная лексика теперь гораздо богаче, чем у наших предков. Когда пришел приказ двигаться, дождь как раз припустился. Конечно, стояла ночь — передвигаться по дорогам в дневное время не было никаких шансов. Как я хорошо помню, мы прошли Кеммель, потому что это была деревня, в которой был сделан короткий привал для отдыха, и я просто “откинулся” на спину, посередине дороги, закинул голову на ранец, и *мгновенно* провалился в крепкий сон. Я не был одиноким, большинство других сделали то же самое. Полагаю, остановка длилась самое большее десять минут, но за это время я получил ночной отдых, и не был “поющим под дождем”, а спящим под дождем. Затем мы поднялись и пошли дальше.

Наша позиция, когда мы все, наконец, добрались до нее, была угловой в юго-восточном “углу” Ипрского выступа, наш левый [фланг] находился напротив деревни Сент-Элуа и наш фронт протяженностью около одиннадцати сотен ярдов на батальон, простирался до дороги Фоормезееле — Висшаэтт. Справа от нас располагался Девятнадцатый батальон, занимавший примерно такой же фронт. Прямо напротив нас находился *Bois Quarante*,<sup>70</sup> перед которым были передовые немецкие траншеи. Расстояние между нашими позициями варьировалось от примерно семидесяти ярдов справа, до более чем двухсот ярдов слева, где немцы занимали господствующую высоту, обозначенную (на наших картах) как “Ферма Пикадилли”, примыкавшую к возвышенности в деревне Сент-Элуа, обозначенной как “Курган”. Позади нашей передовой линии, на расстоянии от четырехсот до шестисот ярдов, находилась наша вторая линия [позиция

---

<sup>69</sup> Скорее всего, речь идет о Кавалерийском полке Короля Эдуарда (Королевском кавалерийском полке заморских доминионов) (*King Edward's Horse (The King's Overseas Dominions Regiment)*), который был изначально сформирован из добровольцев-представителей британских доминионов, проживавших в Лондоне: азиатов (1-й эскадрон), канадцев (2-й), представителей Австралии (3-й) и южноафриканцев и родезийцев (4-й).

<sup>70</sup> Лес Каранте (фр.)

поддержки], которая на самом деле не была *линией* как таковой, а представляла собой лишь ряд редутов, или, как мы их называли, “опорных пунктов”, с участками готовой траншеи тут и там. Эти редуты были скрыты среди деревьев *Bois Carre*<sup>71</sup> и других лесов, названия которых я позабыл. Позади нее, на расстоянии от восьмисот до двенадцати сотен ярдов, проходило то, что называлось как линия G.H.Q. (Главного командования), которая являлась нашей последней оборонительной линией. В то время, когда я там был, эта линия оставалась незанятой, но это было то место, где немцы были остановлены во время их большого “рывка” в марте 1918 года. Сразу за ней находился “Риджвуд”, большой лес, где стоял штаб батальона и где мы создали кладбище. Я вдаюсь в подробности об этом только потому, что мы оборудовали в этом месте свой дом на восемь месяцев, и я время от времени буду ссылаться на эти места [по мере того], как мы идем дальше.

Двадцатый и Двадцать первый батальоны действовали совместно, чередуясь друг с другом на передовой линии и на линии поддержки; Восемнадцатый и Девятнадцатый батальоны делали то же самое справа от нас. Эти четыре батальона составляли Четвертую бригаду Второй дивизии Канадских Экспедиционных Сил (Канадского армейского корпуса).

В течение первых нескольких дней, после прибытия на новое место, пулеметы были выставлены в отдельно стоящих зданиях (я должен сказать, руинах) непосредственно за линией G.H.Q., где мы сменили подразделение кавалеристов полка короля Эдуарда. В то время я являлся первым номером, имел почетное звание ланс-капрала и отвечал за один из пулеметов. Наш пулемет стоял среди руин нескольких зданий фермы, которые на наших картах были обозначены как “Капитанский мостик”. Внутри развалин было оборудовано несколько хороших пулеметных гнезд и, хотя по нам часто вели сильный артиллерийский огонь, потерь мы не имели. На самом деле, в течение следующих месяцев, пока мы оставались в этом секторе, мы использовали их в качестве места отдыха, предпочитая отправляться туда, а не возвращаться обратно в деревню Ля-Клит, где у подразделения был так называемый “Лагерь отдыха”. Это была такая шутка. Наиболее напряженная работа, которую мы когда-нибудь должны были делать, выполнялась, когда мы возвращались в лагерь отдыха. Правда, существовал шанс помыться и получить чистую одежду, но вскоре возле “Капитанского мостика” мы устроили свою собственную баню и организовали себе помывку. Некоторые из солдат могли пойти в городишко, но некоторые из нас предпочитали оставаться “дома”, хотя он являлся объектом довольно тяжелых обстрелов через неравные промежутки времени.

Здесь мы немного прервемся, пока я немного расскажу о немецкой системе шпионажа, с которой мы столкнулись в полевых условиях.

Сегодня Бельгия состоит из конгломерата народов. Со времен Цезаря, который упоминает о белгах как об одном из самых свирепых и воинственных племен, с которыми он встречался во время своего завоевания Галлии, данный регион был своего рода полем боя, открытым для всех. На протяжении почти двух тысячелетий, частично или полностью, время от времени он был под контролем римлян, немцев, испанцев, англичан и французов, так что легко понять, что нация несколько смешалась. Однако мы можем игнорировать все из них, кроме двух, из которых, как мы теперь знаем, со-

---

<sup>71</sup> Лес Карре (фр.)

стоит Королевство, — двух, но на самом деле совершенно разных наций — фламандцев, родственных голландцам, живущим в Нидерландах, которые занимают местность вдоль северного побережья, известную как восточная и западная Фландрия, и жителей Брабанта и других провинций на юге. Эти последние говорят на французском языке, тогда как фламандцы придерживаются своего фламандского.

Вскоре после начала войны выяснилось, что если франкоговорящие бельгийцы в основной своей массе оказались очень преданы своей стране, то большая часть жителей Фландрии, скрыто или явно, была дружески настроена по отношению к германскому делу.

Поскольку мы, канадцы, провели в той части страны год или больше, у нас было достаточно возможностей убедиться в этом. Люди вели себя по отношению к нам, как правило, угрюмо и недружелюбно. Было трудно получить информацию, и она часто была заведомо ложной. Позади [передовых] линий, некоторые из них держали небольшие бистро (их называли “Хербергами”), и они были достаточно умны, чтобы собирать с нас все наши деньги, которые могли получить, — так же, как это делали французы, когда мы перебрались ниже, в Пикардию, — но фламандцы никогда не выказывали даже малых признаков настоящего дружелюбия, с которым нас приветствовали французы.

Однажды ночью наша группа сидела в кабачке в деревне Ля-Клит. Сержант в нашей группе купил на круг напитков и, как только он вытащил горсть серебряных монет, чтобы расплатиться, то заметил одну особенно яркую новую монету. Это был бельгийский франк и, когда он прошел к владельцу, тот тоже обратил на нее внимание, — на [аверсе] был изображен король Альберт.<sup>72</sup> Человек взял ее, посмотрел, а затем умышленно плюнул на нее, и в то же время почти выкрикнул: “Ба, это он развязал войну, -----”.

В группе нас было четверо, все стояли близко друг к другу, и если наши действия когда-либо и были единодушны и синхронны, то это было в тот самый раз. Человек, передававший деньги, стоял чуть ближе и ударил его первым, но каждый нанес, по меньшей мере, один хороший удар, пока не упал стол. Присоединились несколько других местных жителей и все хорошо провели время, пока не прибыла военная полиция и не взяла ситуацию под контроль. Все место было разломано, и я подозреваю, что многие канадские солдаты той ночью вернулись обратно на постой с одной или двумя бутылками, которые им удалось прихватить во время скандала. Военная полиция, проинформированная об обстоятельствах, решила, что парень получили только то, что заслужил, и не предприняла никаких других действий.

Это просто пример, чтобы проиллюстрировать характер этих людей. Весь регион являлся гнездом для шпионов, некоторые из них время от времени выявлялись, но, вероятно, большинство из них прошло всю войну, не будучи обнаруженными. Было довольно широко распространено мнение, что немцы на протяжении многих лет “рассаживали” шпионов в этом районе; на самом деле я полагаю, что нет сомнений в том, что они делали то же самое по всей Франции.

---

<sup>72</sup> Альберт I (фр. *Albert I*, 1875 – 1934 гг.) — король Бельгии с 1909 года из Саксен-Кобург-Готской династии. Пользовался большой любовью своих подданных, вошёл в историю своей выдающейся ролью в Первой мировой войне.

Никто не знает, сколько схем применяли эти люди для получения информации по всему фронту. Какое-то время они использовали ветряные мельницы, передавая кодом сообщения по буквам, поворачивая лопасти ветряков. Потом выяснилось, что у всех мельниц, когда они не работают, лопасти должны стоять под точно определенным углом. То, что они используют голубей, было хорошо известно, но в течение длительного времени являлось загадкой, как они проносили птиц из “Германии”. Когда однажды вечером, после наступления сумерек, один из наших людей случайно увидел маленький парашют, опускающийся с неба на приличном расстоянии позади передовой линии, головоломка была решена, так как в клетке, присоединенной к парашюту, сидело четверо голубей. Они были переданы в наш разведывательный отдел, и если там не смогли эффективно использовать их, то эти люди были не так умны, как я о них думал. Подобную возможность отправить вводящую в заблуждение информацию едва ли стоит упускать из виду.

В другом месте, недалеко от Вульвергейма, в старой стене разрушенного здания фермы мы обнаружили все еще установленный гигантский перископ, который выходил из первого этажа вверх через дымоход. С помощью такого устройства было очень просто отправлять сообщения, просто используя фонарь у нижнего зеркала.

Несомненно, были определенные люди, которые сделали переходы туда и обратно через линию фронта своим регулярным бизнесом. Это было совсем не так трудно, как может показаться. Под видом одного из наших солдат, они могли выходить прямо к передовой линии и бродить до тех пор, пока не находили подходящее место и просто ползли к нему. У нас тоже были некоторые [люди], кто делал такие же вещи, но по-другому, и, полагаю, не так часто, как противник, поскольку те ребята были как дома и знали каждый дюйм земли.

Однажды утром, сразу после подъема, я схватил немца, который заблаговременно перелез через наш бруствер. Он сообщил, что является канадским офицером, но так как он был одет в полную немецкую форму, я не принял его слова на веру, а отправил его под стражу. Он поклялся, что сделает со мной какие-то ужасные вещи, но они так никогда и не произошли.

Солдаты на фронте редко имеют возможность слышать о подпольной работе разведывательной системы, так как большая часть их работы ведется в тылу. На самом деле, для любого шпиона выпытывать информацию у людей с передовой, — это пустая трата времени. Они ни черта знают, кроме того [очевидного факта], что находятся здесь, — и жалеют, что не в другом месте. Начертание линий траншей и создание любых новых оборонительных сооружений почти всегда можно обнаружить из самолета-разведчика, что обе стороны делали постоянно. Нет, шпион приступает к своей работе в тылу, вокруг штаб-квартиры. Конечно, он может вывести какую-то незначительную информацию у любого простодушного солдата в каком-то кабачке, когда какое-либо подразделение возвращается назад на передовую, но она редко имеет большую ценность, поскольку солдат ничего не знает об этом, и болтает только ради следующей порции спиртного.

То, что в наших собственных рядах было несколько шпионов, не вызывает сомнений. Один из тех, о которых я знал, был сержантом, отвечавшим за колонну грузовиков снабжения, которые осуществляли подвоз грузов из базы в Сент-Омере. Я говорю, что он был шпионом. Ладно, так или иначе, он был на жалованье у противника, но его основной работой было принимать сообщения от настоящих шпионов в штабе и

передавать их другим агентам в конце своего маршрута, который в то время находился в деревне Ля-Клит, где располагался наш батальон, когда он не был на передовой линии. Это был благообразный, порядочный парень, очень популярный среди [военнослужащих] всех чинов. Не буду упоминать его имя, поскольку он был выявлен долгое время спустя, уже во Франции, и думаю, с ним разделились обычным способом, хотя никогда не слышал что-либо определенное по этому делу после того, как он был арестован, и его увезли. Хуже всего было то, что он был настоящим канадцем, что затрудняет понимание того, каким образом он перешел на “ту сторону”. Слава Богу, он не был военным служащим *нашего* батальона.

У нас были хорошие, из первых рук, доказательства того, что враг был хорошо осведомлен о наших передвижениях, поскольку они поприветствовали нас по номерам наших батальонов сразу же, как мы прибыли на передовую и довольно часто делали это впоследствии. Сомневаюсь, что наша сторона когда-либо была равна им в этом отношении. Там, где большинство населения было настроено против нас и других наших товарищей, это было почти безнадежным делом. Возможно, это одна из причин, почему они не пытались осуществлять рейды в траншеи ради захвата военнопленных, как это делали мы, — ведь это был единственный способ, обнаруженный нами, с помощью которого мы могли узнать, какие войска нам противостоят. Они (немцы) осуществляли рейды в траншеи во Франции, возможно потому, что там у них не было такой хорошей системы шпионажа с помощью мирных жителей.

Однако вернемся к нашей истории о делах, происходивших на “Капитанском мостике”. Однажды утром, вскоре после того, как мы заняли там позицию, я сидел на чердаке с сеном вместе с Бушаром, осматривая местность, когда послышался выстрел, очевидно сделанный поблизости, а затем мы услышали крик из траншеи на небольшом расстоянии справа от нас (это был ход сообщения, называвшийся “Маковый переулок”) и увидели там несколько человек, несущих другого к дороге. Бу схватил меня за руку и произнес: «Он там, Мак, тот человек, который выстрелил в него, этот ----- сын». Я посмотрел туда, куда он указывал, и, конечно же, крадущаяся фигура спускалась вдоль изгороди, которая скрывала ее от людей, находившихся в “Маковом переулке”, но делала ее открытой с нашей позиции. Я взял свой бинокль и увидел, что человек не был в униформе, но у него была винтовка и безусловно он пытался избежать обнаружения. Он смотрел туда, где вокруг входа в траншею собралась группа, и, пока смотрел на нее, сунул винтовку под кучу мусора и кусты, которые росли вдоль изгороди, а затем стал ползти в сторону леса — думаю, он назывался “Кленовой рощей”. У меня не было времени, чтобы подумать, просто я действовал под влиянием импульса. Тщательно прицелившись, я выстрелил в середину [туловища], и он упал.

После этого я начал чувствовать себя немного неуверенно. В глубине своего сердца я знал, что был прав, но все произошло так быстро и все вокруг на несколько мгновений стало настолько странным, что я был в растерянности относительно того, что делать. Результатом стало то, что я умолял Бушара сохранить тайну, и мы пошли вниз и присоединились к остальным на завтраке. Позже в тот же день, пришел Нортон-Тейлор. В то время он был сержантом, но хорошим солдатом и моим личным другом, и я рассказал ему все об этом, и поскольку начало темнеть, мы вышли, чтобы посмотреть. Конечно, мы обнаружили мертвого парня. Он был одет в обычный костюм, который носили местные фермеры, и кроме его одежды, больше при нем ничего не было. Вскоре я обнаружил винтовку, которую он спрятал, ею оказалась французская винтов-



ка “Лебел”.<sup>73</sup> Он даже не извлек пустую гильзу, и в магазине оставалось еще три патрона. Хью, то есть Нортон-Тейлор, согласился со мной, что чем меньше говорить об этом деле, тем лучше, так что мы просто перетащили тело под изгородь и оставили его там вместе с винтовкой. С того дня и по сей день я никогда никому не рассказывал об этом. В последующие дни имели место многочисленные случаи такого убийственного снайпинга позади нашей линии, некоторые из преступников были пойманы и казнены *toute de suite*.<sup>74</sup>

Пятнадцатого октября весь батальон выдвинулся на передовую (я запомнил эту дату, потому что это был мой день рождения), и на следующий день меня отправили на поиск подходящей огневой позиции, с которой мы могли беспокоить противника пулеметным огнем. Такой способ работы пулеметов являлся новым, но затем в течение последних нескольких месяцев был усовершенствован канадцами. Очень скоро это стало обычной процедурой и каждая пулеметная команда, где бы она не находилась, устанавливала один или два пулемета для ведения беспокоящего огня, если противник был в пределах досягаемости.

Я организовал хорошее снайперское гнездо в развалинах старой фермы, названной “Снайперским амбаром”. Предполагаю, что такое название было дано, потому что когда мы впервые туда пришли, то обнаружили тело французского солдата, лежащего с винтовкой, ствол которой был вставлен в маленькое отверстие в кирпичной стене, и восемь убитых немцев, лежащих перед ним. В конце концов, они достали его, но прежде, чем они сумели это сделать, он, безусловно, получил хороший счет в свою пользу. Это место, как и все хозяйственные постройки в этой части страны, представляло собой преимущественно кирпичное здание, вернее, группу зданий, состоящей из жилого дома, конюшен, сараев и всего остального, все они соединялись и были построены вокруг своего рода внутреннего дворика — открытого пространства или двора для хранения навоза. По частым обстрелам, которые пережила ферма, было очевидно, что немцы считали, что она непрерывно использовалась и используется нашими войсками, в то время как на самом деле ее никто не занимал на протяжении почти года. Поэтому, когда мне сказали выбрать хорошую позицию для беспокоящего пулемета, я решил, что “Снайперский амбар” окажется достаточно хорошим местом. Он находился всего примерно в четырех сотнях ярдов за нашей передовой линией и менее чем в пятистах от немцев, но располагался поперек узкой лощины, на одном уровне, а в некоторых местах, и на несколько ярдов выше траншей противника. Это был идеальный наблюдательный пункт, так как оттуда мы могли просматривать местность, простиравшуюся, по крайней мере, на милю за позициями наших товарищей, в то время как из нашей передовой траншеи мы могли видеть только узкую полосу нейтральной полосы между двумя позициями.

Когда я проверял место в первый раз, немцы сделали то, что в дальнейшем мы узнали как их “ежедневную ненависть”. То есть, они положили в это место пятнадцать или двадцать снарядов. Ну, это не выглядело слишком здорово, но после небольшой

---

<sup>73</sup> Винтовка образца 1886 г., “Винтовка Лебеля” (фр. *Fusil Modèle 1886 dit “Fusil Lebel”*) — французская магазинная винтовка под патрон 8х50R. После внесения некоторых изменений в конструкцию в 1893 г. получила наименование *Fusil M<sup>le</sup> 1886 M93* и несмотря на ряд недостатков, оставалась штатным оружием французской пехоты до второй половины 1930-х годов.

<sup>74</sup> Сразу же (фр.)

разведки вокруг, я заметил, что, в то время как здания несут признаки частых и тяжелых обстрелов, на земле перед ними практически полностью отсутствовали воронки. Осторожно передвинувшись ползком к забору, который окружал участок сада перед домом, я быстро решил, что это как раз место для пулемета. До этого, в Мессинах, я заметил, что когда наш пост для ведения беспокоящего огня находился перед группой зданий, противник упорно обстреливал здания, но никогда, за исключением случаев “недолетов”, снаряд не попадал рядом с нами.

Между оградой и ближайшим строением было не менее ста ярдов, и способ, которым стреляли немцы в те дни, характеризовался изобильной тратой снарядов. Если бы они захотели, то могли бы положить снаряд на каждые пять футов траншеи.

Мы немного обкопались и отстроились буквально за оградой, соорудив хорошее небольшое [пулеметное] гнездо, достаточно большое для двух человек и пулемета. (Не скапливайте полдюжины людей в одном месте, где один снаряд может вывести из строя целое подразделение).

Кроме пулемета, я всегда имел под рукой винтовку, и много времени тратил на проверку дальностей до разных точек, расположенных за неприятельской линией. То же самое я делал и с пулеметом. Вокруг было великое множество воронок, наполненных водой, и было достаточно просто выстрелить, чтобы всплеск показал попадание, хотя нужно было соблюдать осторожность, и выбирать подходящий момент. Делать это рано утром было нехорошо по двум причинам: мы стреляли на восток и условия освещенности были очень плохими, ну и, как правило, воздух был достаточно прохладным, чтобы вызвать видимый выброс пара возле дульного среза — как легкий дымок. Поскольку у врага, несомненно, были хорошие наблюдатели, это привело бы к тому, что они выкурили бы нас оттуда. Но во второй половине дня, когда свет играл в нашу пользу и температура была умеренной, мы делали это очень хорошо.

С самого начала этого боевого путешествия, мы могли наблюдать множество отдельных людей и групп. Иногда, в последнем случае, мы могли дать по ним очередь из пулемета, возможно даже два или три раза за день; могли выстрелить по одиночному человеку с винтовкой, но не предпринимали никаких попыток начать регулярную снайперскую кампанию по той причине, что наша линия фронта находилась в плачевном состоянии разрухи и наши люди при передвижении вдоль передовой линии вынуждены были подставляться, и как только враг внешне успокаивался, мы делали то же самое. Однако ночью мы регулярно обстреливали перекрестки, основные траншеи и насыпи, которые, как показывали наши ежедневные наблюдения, использовались регулярно. Поскольку наша позиция находилась на виду у противника, было необходимо разработать какие-то средства, чтобы скрыть дульные вспышки пулемета. Поначалу мы просто повесили экран из мешковины примерно в двух футах перед дулом, но это было не очень удовлетворительно, поскольку вскоре пули пробивали отверстие, достаточно большое для того, чтобы некоторые искры вылетали наружу. Тогда наши оружейники сделали множество приспособлений, которые выглядели (и являлись таковыми) очень похожими на обычные глушители, использовавшиеся на бензиновых двигателях. Они хорошо останавливали вспышку, но были настолько тяжелыми, что будучи установленными на дульный срез пулемета, они не только изменяли все наши вертикальные установки прицела, но и сильно снижали точность оружия. У меня были некоторые мои собственные идеи, и, рано или поздно, я нашел время для похода на наш оружейный склад и провел некоторые эксперименты, сделав, в конечном счете,

устройство, которое прекрасно работало. Оно было немного сырым по конструкции, но работу оно выполняло.

Изготовил я его из гильзы от французского 75-мм снаряда. Сначала я отрезал полосу шириной около двух дюймов с одного бока — от донца и до дульца — а затем приклепал узкую полоску из листовой стали вдоль противоположной стороны; эта полоска выходила за край дульца гильзы, и имела на конце обычную защелку для крепления штыка, наподобие тех, которые использовались на ружьях времен Гражданской войны. В донце гильзы я вырезал отверстие около дюйма в диаметре, находящееся на одной оси с осью ствола пулемета. После этого внутри гильзы я приклепал три фланца, изогнутые сверху вниз и к переду примерно на полдюйма. Это было все, что понадобилось на первых порах. Спереди вспышки отсутствовали, но мы нашли, что иногда некоторые из искр, которые отклонялись вниз и вылетали из открытой нижней части устройства, давали слабый огонек. После этого я добавил два небольших крюка, приклепав их спереди (в донце) гильзы, и повесил на них полосу мокрой мешковины из-под мешка с песком, завернув углы назад и прикрепив их к ногам треноги. Имея такое приспособление, я сидел на вершине нашего бруствера в пределах семидесяти пяти ярдов от передовой линии “фрицев” и стрелял в свое удовольствие. Оно было не настолько тяжелым, чтобы нарушить точность и оказывало лишь небольшое влияние на превышение траектории, в чем мы очень скоро убедились. Я не знаю, делались ли они еще. В одну из ночей наш полковник вышел вместе с группой офицеров, чтобы посмотреть на его работу, и одобрил его.

Через примерно месяц после того, как мы заняли линию фронта вокруг “Капитанского мостика”, события пошли своим чередом. Однажды на нашем участке случилось своего рода генеральное наступление, чтобы дать высшему командованию возможность испытать некоторые новые дымовые снаряды и бомбы. Это, как я полагаю, был первый раз, когда использовалась дымовая завеса. Наш батальон занял первую траншею и стоял там в готовности на случай контратаки, а мы — пулеметчики — взяли пулеметы и установили их для прикрытия, при необходимости, продвижения нашей пехоты. Оказалось, что мы не понадобились, и поэтому мы просто сидели там и смотрели на спектакль, который никогда не видели. При определенном сигнале, все орудия позади нашей передовой линии, начали стрелять этими новыми дымовыми снарядами сплошным огнем валом поверх немецкого бруствера; при падении каждый снаряд он взрывался, выпуская плотное облако дыма, который вскоре стал плотной стеной, через которую никто ничего не смог видеть. После этого вперед выходили наши гранатометчики и бросали несколько ручных гранат в траншею противника, а затем возвращались, даже не пытаясь захватить какую-либо часть траншеи или пленных.

Казалось, что с нашей стороны все идет хорошо, но немцы естественно ожидали начала общего наступления, поэтому они лупили снарядами по всем нашим траншеям, и разрушали абсолютно все. Это был, пожалуй, наихудший обстрел, с которым мы столкнулись, и он, безусловно, уничтожил в первую очередь те траншеи, которые были не слишком хороши. В то время почти непрерывно лили дожди, и вокруг не было ничего, кроме грязи, — грязь, грязь повсеместно. Укрепления просто размокли, как растаявшее масло и приходилось постоянно закладывать их мешками с песком. В довершение всего, немцы занимали возвышенности и были места, где они могли запруживать воду, удерживая ее, пока не пойдет необычно сильный дождь, после чего открывали плотину и давали нам возможность в полной мере нахлебаться этой порцией. Я

видел, как вода поднималась на шесть или семь футов в наших траншеях менее чем за час, и в некоторых местах в наших ходах сообщения она могла доходить до уровня головы человека, а однажды ночью там утонул человек.

В таких условиях копать было невозможно и лучшее, что мы могли сделать, это строить баррикады или брустверы из мешков с песком. Они давали некоторую защиту от пуль и мелких осколков, но были бессильны против прямых попаданий снарядов всех видов, даже небольшая шрапнель разбивала их или пробивала насквозь. Однажды в нашей передовой траншее обрушилось более чем двести ярдов бруствера, и в течение более чем двух недель мы не могли соорудить его снова. По этой причине, когда человеку нужно было передвигаться для выполнения своей работы, он полностью появлялся на виду у немецких снайперов и даже ночью у нас постоянно появлялись раненые шальными пулями. В дневное же время можно было быть уверенным, что тот, кто передвигается, будет поражен, так как у немцев были хорошие снайперы, которые только таких возможностей и искали.

Несмотря на такое невезение, наши люди смогли, наконец, соорудить своего рода экран, за которым, при содействии саперов, построили новую линию траншей чуть позади старой, которая затем была оставлена, за исключением постов прослушивания и двух-трех пулеметных позиций. Перед нашей позицией также был [выставлен] достаточно хороший забор из колючей проволоки. Кроме того, в то время немцы также получили свою долю несчастий и по ночам не сильно нас беспокоили, что позволило закончить все это строительство. Но в дневное время к нам всегда прилетало несколько снарядов и винтовочных гранат, и несколько навесных бомб,<sup>75</sup> но нашим союзником была грязь, потому что она гасила взрывную волну, и если только снаряды не падали прямо на вас, то они не причиняли особого вреда.

Самая тяжелая вещь во всем этом копании состояла в том, что вся система траншей здесь была не более чем одной большой могилой, и было трудно не найти тел в любом месте, где вы копали. Многие из этих могил были отмечены крестами, установленными товарищами с указанием имени, даты смерти и подразделения, но сотни из них были просто отмечены крестом или же оставались безымянными. Один из наших сержантов обнаружил могилу своего брата, который служил в Королевском стрелковом полку, а я наткнулся на могилу с надписью: "Майерс, Индианаполис, штат Индиана", служившим в полку Принцессы Пэтс и указанием о том, что это первый человек [из полка], погибший в бою. Как впереди, так и позади наших линий, находились ряды старых английских и французских окопов, и все они были в той или иной мере заполнены телами, которые никогда не были захоронены должным образом. Также было много немцев, перемешавшихся среди них. При любой возможности, мы хоронили тела должным образом, но со многими из них нельзя было ничего сделать без ненужных дальнейших потерь в живой силе.

Тем не менее, мы провели около месяца, расчищая все это месиво и траншеи, что бы они снова служили нам защитой, а почти в конце всего этого произошел инцидент, который изменил мои взгляды на войну. До этого времени я воспринимал ее как более-менее безличное дело и не искал специально неприятностей или кого-то, чтобы убить. Но 14-го ноября немецкий снайпер убил Чарли Вендта, одного из моих товарищей. Это поставило меня прямо на тропу войны.

---

<sup>75</sup> Имеются в виду мины первых окопных минометов.

В течение октября потери среди пулеметчиков составляли трое раненых. МакНаб, Редпат и Ли были ранены в один и тот же день, и все трое были комиссованы по инвалидности и отправлены обратно в Блайти. На этом этапе игры уклонение от несения службы, если ты мог любым способом продолжать “служить”, считалось неспортивным, и все трое, когда узнали, что они должны будут покинуть подразделение, громко вопили. Позже такое отношение изменилось, и Блайти стала самой классной штукой, которую человек мог себе представить или пожелать, и [даже] потеря руки или ноги не рассматривалась слишком дорогой платой, чтобы выйти из ада, в котором ты находился. Ни один из нас до сих пор не задумывался слишком много о наших потерях.

Установилась плохая погода и во время наихудших ее периодов, снайпинг был очень ограничен, так что мы часто ходили из окопа в окоп по открытой местности среди бела дня. То четырнадцатое число ноября месяца пришлось на воскресенье, и это был именно такой случай для передвижения по земле. Дождь задержал нашу смену Двадцатым батальоном примерно до полудня. Траншеи были забиты войсками, и это было настолько плохо, что, переговорив со своей группой, мы решили сэкономить несколько часов времени, отправившись по дороге. Все проголосовали за, поэтому я отправился первым, остальные последовали за мной с интервалом в пятьдесят ярдов. Наш маршрут проходил на виду у немцев, и мы добрались под прикрытие небольшого холмика без единого выстрела по нам. С этого момента мы были практически в безопасности, потому что местность частично закрывалась кустами и деревьями, и поэтому основная часть [группы] пошла прямо через этот закрытый участок. Но мы с Чарли Вендтом остановились на этом небольшом холме, чтобы распорядиться о смене пулеметного расчета, который я там разместил. Чарли оставался со мной несколько минут, а затем пошел сам, сказав, что встретится со мной в укрытии чуть дальше. Я продолжал разговаривать с Эндерсби, человеком, отвечавшим за пулемет, и вдруг все услышали крик Чарли: “О, Мак”, — и увидели его лежащим на земле примерно в сотне ярдах, пораженного выстрелом в живот.

Мы с Эндерсби оба бросились к нему, и пока тот побежал назад и позвонил по телефону, чтобы вызвать носильщиков, я перевязал рану. Чарли Вендт был очень сильным, жизнелюбивым молодым человеком, и на самом деле я думал, что он выживет несмотря на серьезную рану. Он думал иначе, но не высказал ни малейшего протеста, а просто говорил, что “все в порядке”. Наконец он попросил меня, чтобы я отомстил за него, забрав жизни десятерых [немцев], и я ответил ему, что сделаю это.

Между тем, этот снайпер вел по нам постоянный огонь, поражая все в окрестностях, но [только] куда он стрелял! Это была несчастная демонстрация стрельбы; дальность была всего около 500 ярдов и велась она ясным днем, и я сказал Чарли, что мне было бы стыдно так отвратительно стрелять по нашему подразделению. Выстрел, поразивший Чарли, несомненно, был простым везением. Наконец я попытался перетащить его в углубление, и убрать из поля зрения [врага], но это доставляло ему боль, поэтому я бросил эту затею и стал ждать носильщиков. Когда они подошли, я заставил их ползти к нам, и нам удалось переместить Чарли туда, где они смогли переложить его на длинные носилки и вынести его. Последнее, что он сказал мне, что все в порядке и попросил не беспокоиться. И на пути обратно, в течение которого немцы стреляли по мне, пока я был в поле зрения, они большую часть времени промахивались на двадцать или тридцать футов.

На следующий день мы узнали, что Чарли умер и был похоронен в Байёле. Он был одним из самых популярных у нас людей, и стал первым, кого мы потеряли убитым в пулеметной команде. Все ребята были сильно подавлены его смертью, и я получил разрешение и пошел в Байэль проверить, чтобы он был похоронен должным образом. В течение пяти минут похоронная служба привела меня к его могиле.

Я хочу еще немного добавить к этой личной истории Чарли Вендта. Может показаться, что его имя, казалось бы, показывает, что-либо он, либо его предки пришли откуда-то из-за Рейна. Это может быть правдой. Его родня жила в то время в Ниагара-Фоллс, в Онтарио. Говоря о самом Чарли, я могу только сказать, что никто никогда не выказывал более искренней преданности Королю и стране, чем он. Он нарисовал большой кленовый лист в нашем расположении на “Капитанском мостике”. Со своими художественными наклонностями он должен был стать художником или, по крайней мере, каменщиком. Он наносил метки на камне и кирпичах на стене, — и жаль, что я не имею их сейчас, в своем собственном доме: среди всех, чьи имена там написаны, мое имя — единственное имя живущего человека.

Я вернулся после посещения могилы Чарли и начал планировать пути и средства “заполучения” тех десяти немцев, которых я ему обещал. До этого времени я воспринимал войну как своего рода забаву. Живо интересуясь своим пребыванием на каждом этапе войны, я действительно наслаждался опытом. Теперь это дело стало личным. В частности, мой пулеметный расчет состоял исключительно из молодых ребят, а некоторые из них были призваны в шестнадцать лет, и не один из них не достиг избирательного возраста. А теперь они убили одного из них. Эта стрельба по Чарли была достаточно честной. Мы поднялись, чтобы идти по земле, вместо того, чтобы выбрать долгий, окольный путь, где мы были бы под защитой траншей, и его подстрелили. Вполне честно. Но это не помешало мне выйти за несколькими скальпами, чтобы, как говорят индейцы, “покрыть ими его могилу”. Таким образом, хотя мы и собирались на неделю отойти на тыловую линию, у меня не было трудностей в получении разрешения остаться там и [начать] работу по ним. На самом деле, мне было разрешено делать то, что я и любил делать в те дни.

И как раз в это же время, на самом деле это произошло 27-го числа, тот же снайпер — во всяком случае, я решил, что это должен быть именно он — убил несколько наших безоружных носильщиков. В то время наши продовольственные партии выходили до рассвета, и поскольку мы не могли использовать ходы сообщения, то они должны были пересекать ровное и открытое пространство за нашей линией. Тем утром, два человека, которые составляли продовольственную партию, Дюпюи и Ланнинг, немного задержались, так что когда они начали двигаться, было уже светло. Примерно в пятидесяти ярдах позади нас находился поворот дороги, называвшийся “Локоть дьявола”, и на том месте они были на виду у немцев. Как только носильщики достигли этого поворота, снайпер выстрелил и пробил Ланнингу легкие. Дюпюи опустился, чтобы помочь ему, получил пулю в голову и сразу же погиб. Несомненно, эти люди воспользовались своими шансами и проиграли.

Но некоторые носильщики из состава нашего оркестра находились всего в нескольких ярдах, и как только упал второй человек, один из этих шотландцев бросился к ним, чтобы вынести. Он был убит мгновенно, как и следующие три человека, которые тут же бросились выполнять свой долг. После этого туда добрался офицер и оставил всех, чтобы они не выходили; наконец ему, подползая через небольшие канавы,

удалось под прикрытием вытащить тела. Четверо из них были мертвы и двое ранены, один из которых в последствие умер через несколько часов. Шесть попаданий с дальности около ста ярдов, — расстояния, на котором можно было легко увидеть широкую нарукавную повязку с красным крестом, ясно видимую на рукавах этих четырех музыкантов-санитаров-носильщиков.

Там и тогда я дал торжественную клятву, что Чарли Вендт и эти люди:

“должны идти в Царство Божье:  
с пятьюдесятью немцами, чтобы они  
открыли им врата рая”.

## Глава 6

### Запись результатов

В то время, пока мы обучались в Канаде и в Англии, я никогда не видел телескопического прицела и не знал ни о каких осмысленных попытках обучить людей его использованию. Мне также не было известно ни о каких-либо школах для целенаправленного обучения снайпингу. Но однажды в сентябре я изучал окрестности в тылу наших линий напротив Мессинского хребта в поисках подходящего места для создания огневых позиций для наших пулеметов, когда набрел на снайперский пост, на котором находился офицер и два снайпера из “Баффсов”. Это был первый раз, когда я столкнулся с попыткой с нашей стороны использовать снайперов, и будучи очень заинтересованным в подобного рода работе, я, разумеется, застрял у них. Я просидел там пару часов, но такого рода снайпинг, который я увидел, не дал мне большого воодушевления.

Эти ребята из “Баффс” работали с обычными короткими винтовками “Ли-Энфилд”, на которых были установлены телескопические прицелы, изготовленные фирмой “Stanley-London”.<sup>76</sup> Прицелы имели короткую, латунную трубку, длиной около десяти дюймов и диаметром три четверти дюйма. У прицелов были устройства для изменения установок по вертикали, но не было механизма внесения поправок по горизонтали, поэтому для ввода боковой поправки вам приходилось были выносить точку прицеливания. Я не помню кратность, но припоминаю, что поле зрения было очень ограничено, хотя четкость была отличная. Поскольку они находились достаточно далеко позади нашей передовой линии, то им не было необходимости сооружать какие-то замысловатые укрытия, и предпринимать какие-либо особые меры предосторожности, чтобы избежать наблюдения. Все, что они сделали, это отрыли ячейку с одной стороны старого заброшенного хода сообщения и набросили поверх нее несколько веток.

То снаряжение, которое они использовали, могло быть очень хорошим для разумных дальностей, но эти ребята находились так далеко за [первой] траншеей, что было невозможно думать о ведении какой-либо осмысленной и точной стрельбы. Ближайшие вражеские цели находились, по крайней мере, в одиннадцати или двенадцати сотнях ярдов, но основную стрельбу они вели по целям на хребте Мессин, а я знал, что дальность до этих мест составляла около двух тысяч ярдов. На такой дистанции можно было дать очередь из пулемета по цели или группе людей, разогнать их и, возможно, попасть в одного или двух человек. Но мой личный опыт показывал, что стрельба одиночными выстрелами по индивидуальным целям на дальность более 1000 ярдов является пустой тратой времени и боеприпасов. Я пробовал делать это сам и видел многих других, кто тоже пытался, но не наблюдал никаких признаков того, что цель была поражена.

---

<sup>76</sup> Семейство магазинных винтовок “Ли-Энфилд” (*Lee-Enfield Mk II/Mk.III*) под патрон .303 British являлось штатным вооружением британских пехотинцев. Здесь автор скорее всего имеет ввиду ее укороченный вариант под названием “Винтовка, короткая, магазинная, системы Ли-Энфилда, образец III” (*Rifle, Short, Magazine, Lee-Enfield (SMLE) Mk. III*). Снайперский вариант этой винтовки имел индекс (Т). Большинство первых британских оптических прицелов имели кратность 2х, и очень узкое поле зрения — всего 1,25 градуса.



Но это снайперское подразделение от “Баффс” было убийственно серьезным в своих усилиях, направленных на поражение чего-то там в “Германии”, и я просто вынужден был восхититься их боевым духом, хотя само решение было плохим. Я переговорил с лейтенантом, которого только что перевели из Территориальных войск, и он сообщил мне, что соревновался в Бисли, и полагаю, что он действительно был хорошим стрелком; двое солдат также могли быть хорошими воинами. Когда я сказал им, что я тоже стрелок и стрелял в Кэмп-Перри, меня пригласили попробовать свои силы. Они протянули мне винтовку, которая, как уже говорилось, имела прицел, и сказали мне, чтобы я попал во что-либо, находящееся на немецкой линии на расстоянии около 1200 ярдов. У них было две замечательные зрительные трубы и люди смотрели, как я стрелял. Ветра не было, поэтому я навел [винтовку] прямо на одно из разрушенных кирпичных зданий, просто чтобы приловчиться, и нажал на спусковой крючок. Выстрел вызвал значительные поздравления и аплодисменты со стороны моих зевак, поскольку я действительно “попал в стену дома”.

Тогда я взял одну из зрительных труб и наблюдал, как стреляли другие. В целом, можно было видеть попадание пули, когда они стреляли по ближайшей цели, поскольку кирпичные стены давали во время попадания заметную “вспышку”. Но никто из нас не мог определить место попадания дальних выстрелов при стрельбе через долину. На таких дальностях они стреляли просто в пространство. Довольно хорошо узнав к тому времени эту группу, я отважился спросить офицера о том, полагает ли он, что стрельба по целям, расположенным в миле или более того, стоит того, и он ответил, что они действуют по приказу. Это были типичные “солдаты Империи”: просто делайте, как вам говорят, и не думайте об этом. После этого я отправился дальше, и полагаю, что группа находилось там на протяжении многих дней, занятая таким бесполезным трудом.

Я вспомнил об этом снайперском посту, и этих “специалистах” после гибели Чарли Вендта и носильщиков, а затем стал вопросительно оглядываться вокруг. Вскоре я узнал, что организуется специальная школа для снайперов, и для тех, кто обучен и прошел через эту школу, подготовлены специальные винтовки с телескопическими прицелами и снаряжение. Поэтому я отправился к нашему полковнику, и рассказав ему о своей квалификации стрелка, получил заявку на получение “снаряжения” без “обучения”. Я убедил их, что недавно уже [прошел обучение], и так как к этому времени немецкие снайперы, действовавшие против нашего фронта, стали действительно серьезной угрозой, у меня не было проблем немедленно приступить к борьбе с [этой] напастью.

Для того, чтобы получить эту винтовку и специальное снайперское снаряжение, я с разрешения полковника Хьюза вернулся во вновь организованную Снайперскую Школу, располагавшуюся недалеко от деревни Ля-Клит. Там я получил винтовку “Росс” — одну из тех, которые были изготовлены и использовались членами канадской стрелковой команды “Palma” в Кэмп-Перри в 1913 году.

Как вспоминают все старожилы, в тот год эта команда подошла к тому, чтобы обойти всех конкурентов. На самом деле, они проделали хорошую работу в индивидуальном зачете, в котором победил майор Харт МакХарг, который впоследствии был убит в Лангемарке.<sup>77</sup> Единственная причина, почему они не победили также в командном

---

<sup>77</sup> Лангемарк (фр. *Langemarck*) — деревня в нескольких километрах к северо-востоку от Ипра, ста-

матче, состояла в том, что они воспользовались случаем и начали экспериментировать с новой пулей, которая не была устойчивой на ветру.

Эти винтовки “Росс” [при использовании] с боеприпасами Mark VII, которые мы тогда применяли, были исключительно точны и надежны. Не уверен, но, по-моему, они превосходили нашу винтовку “Спрингфилд” при работе на ближние и средние дистанции, из-за наличия более длинного ствола и лучшего прицела.

Вместе с винтовкой я получил оптический прицел. Это был один из новых на тот момент образцов, изготовленный компанией “Warner & Swasey”. Он был призматическим и устанавливался с левой стороны винтовки; возможно, сейчас он не выглядит настолько крутым, но на то время это было лучшее из всего, что я когда-либо использовал. Одной из лучших его особенностей было то, что его можно было устанавливать и использовать, не мешая открытому прицелу. У меня возникла небольшая трудность в его надежном закреплении, чтобы оно не ослабевало при тряске, но в конце концов с помощью клина, — изготовленного из кусочка лезвия безопасной бритвы, — и соленой воды, я подтянул прицел настолько туго, что меня чуть не отдали под трибунал, когда я, наконец, вернул его. Оружейник не мог его снять.

Я также получил отличную зрительную трубу и штатив для нее. Зрительная труба имела довольно большую кратность — полагаю, что-то около 36. Каждый предмет — прицел, труба и штатив — укладывался в отдельный кожаный чехол с удобным ремнем для переноски через плечо.

Каждая винтовка была снабжена своим прицелом, и перед отправкой в войска тщательно опробована в Канаде. Мне попалась винтовка под №140 и прицел под №49. Всего несколько выстрелов на импровизированном стрельбище дали мне возможность освоить регулировки прицела, и проверить его настройки в сравнении с открытыми прицельными приспособлениями. Мне уже доводилось слышать множество неблагоприятных отзывов о прицеле “Warner & Swasey”, — по правде говоря, не помню, чтобы когда-нибудь слышал доброе слово, сказанное о нем, — но думаю, что в сравнении с другими, которые у нас были на то время, это был очень хороший прицел. Естественно, он не сравнится с современными прицелами, поскольку после войны [в их разработке] был достигнут большой прогресс. Тот, который использовал я, давал очень хорошие результаты, и был также точен и надежен, как и [прицел] “Winchester A-5”.<sup>78</sup> На последнем особенно трудно было “держат линию”. Таким образом, в конце ноября 1915 года я вернулся из Ля-Клит с самым хорошим и надежным на то время снайперским снаряжением, и на протяжении последующих двух месяцев я продолжал “вычеркивать” тех “пятьдесят немцев”, которых я уже мысленно пообещал своим погибшим товарищам. Я сделал это, и сделал с большим запасом.

Перво-наперво я взял с собой наблюдателя, [поскольку] это важная часть любой снайперской команды. По причинам, которые будут рассмотрены дальше, я не очень жалую “одиночного” снайпера. [Один] человек сам по себе не сделает настолько же хорошо и половины того, что сделает правильно сформированная команда из двух человек. Мой выбор пал на своего товарища, парня по имени Бушар, о котором вы услыши-

---

ла эпицентром англо-французского наступления во время т.н. “Третьей битвы за Ипр” в 1917 году.

<sup>78</sup> Американский коммерческий оптический прицел, разработанный в 1910 году. Имел кратность 5х, вес 10 унций, корпус был диаметром 0,765 дюймов и длину 16 дюймов, поле зрения составляло 18 футов на 100 ярдах.

те дальше в этой истории. Бушар был моим ближайшим другом в Канадских вооруженных силах, и, кроме того, он обладал качествами, которые делали его хорошим наблюдателем. Поэтому я взял его, чтобы он вел наблюдение, тогда как я буду работать с винтовкой.

У нас уже было идеальное расположение для основного снайперского поста в старом сарае, расположенном примерно в пятистах ярдах в тылу от нашей передовой линии. На этом месте стояла ферма, упомянутая выше, обладавшая всеми необходимыми преимуществами, и даже именем и предшествующей практикой. Когда британские войска впервые заняли это место, то обнаружили восемь мертвых немцев, лежащих напротив этого дома, а внутри был найден мертвый французский солдат, который, как они выяснили, уложил восьмерых до того, как они его смогли достать. Поэтому они назвали это место “Снайперский амбар”. Моя пулеметная команда уже использовала это место, мы расположились в небольшой изгороди, которая пролежала через старый сад перед амбаром, на стороне, выходящей к врагу.

На первый взгляд, идея выбрать место для пулеметного поста так близко к зданию, которое стояло на виду у немецких позиций и всего в пятистах ярдах от ближайшей цели, возможно, выглядела довольно безрассудной, но я помнил наш первый опыт выбора огневой позиции у Мессин, где мы находились примерно в ста ярдах перед зданиями, которые немцы усердно обстреливали, полагая, что мы расположены внутри них, и никогда не ложили снаряды рядом с тем местом, где мы были на самом деле. Так что все зависело от того, будут ли “фрицы” снова действовать нужным [нам] образом, и это сработало. Мы держали как пулеметный, так и снайперский посты перед “Снайперским амбаром” почти шесть месяцев, и все это время германцы регулярно обстреливали амбар, и за все это время, по-видимому, ни один снаряд не был выпущен по нашей позиции, за исключением одного или двух случайных, которые разорвались рядом с нами. Мы организовали отличное небольшое снайперское гнездо в изгороди.

Иногда мы стреляли из изгороди, но чаще из амбара, так как он стоял чуть выше и соответственно, давал больше возможностей контролировать окружающую местность. Вскоре я обнаружил, что несмотря на ежедневный обстрел, [в нем] было несколько углов, которые обеспечивали достаточную защиту от огня 77-мм “свистелок”, которые, казалось, являлись снарядами единственного калибра, работавшим по этой конкретной цели. Обусловлено это было тем, что там было две капитальные кирпичные стены, делившие здание на неравные части, стоявшие почти перпендикулярно линии огня тех [вражеских] орудий, поэтому, подойдя ближе и расположившись рядом с одной из этих стен, можно было в достаточной степени защититься от прямого попадания. Нас часто засыпало кусками кирпича и камня, иногда мы ловили несколько небольших осколков снарядов, а однажды, по какой-то гримасе судьбы, шрапнельный снаряд пробил прилегающую стену и отрикошетил таким образом, что рассыпал весь свой заряд прямо на нас. К счастью, несмотря на то, что шрапнель перебила у треноги две стойки, а одна шрапнелина угодила в ложу моей винтовки, никто из нас не был ранен, хотя наши шапки и накидки в нескольких местах были продырявлены. Случилось это еще до появления стальных шлемов. Мы все время делали новые “гнезда” и их, в конце концов, стало шесть, все хорошо замаскированные и обеспечивающие хорошие сектора ведения огня.

Каждый раз, когда мы создавали новые снайперские гнезда, мы немедленно приступали к засечке различных заметных объектов и местных предметов в определенных

секторах, в которых можно было бы вести огонь, и определению расстояний до них. Иногда эти сектора были значительно ограничены и “смотрели” не во фронт, а в ту или иную сторону. На практике, как правило, безопаснее стрелять под углом к линии фронта, поскольку опасность быть замеченным и попасть под ответный огонь [в данном случае] гораздо меньше. Как только “огневая точка” была выбрана и обустроена, мы с помощью пробных выстрелов и наблюдения определяли все возможные расстояния, а затем я записывал все эти данные в маленькой записной книжке, которая была при мне, — точно так же, как я это делал много раз раньше в своей обычной стрелковой книжке на стрельбищах в Кэмп-Перри и Си-Гирт. Единственная разница заключалась в том, что по целям, по которым я сейчас стрелял, нельзя было делать пристрелочные выстрелы, и там вообще не было никаких маркеров, если только вам не повезет поймать цель на открытой местности и увидеть, как она падает.

Первое измерение расстояний проводилось лишь для того, чтобы получить приблизительные дальности, чтобы мы могли оказаться достаточно близко к цели, чтобы прицелиться по ней в каждом случае, когда нам пришлось бы снова использовать это [снайперское] гнездо для снайпинга. Расположившись днем на любом подготовленном месте, всегда необходимо сначала сделать несколько прицельных выстрелов по доступным “самомаркирующимся” целям и убедиться в том, что прицел не смещался или его установки не сбились с момента последнего использования. Вы выбираете небольшую лужу с водой, или кусок кирпича или камня, на которых попадание будет четко видно, а потом двух или трех пробных выстрелов будет достаточно, чтобы определить настройки прицела или правильную дистанцию. Вот где целесообразно иметь как открытый, так и телескопический, прицелы, установленные так, что их можно использовать независимо друг от друга; во многих случаях вы можете проверить установки телескопического прицела и сравнить их с установкой открытого прицела, не делая выстрел. Если расстояние, на котором вы собираетесь работать, небольшое, то пристрелочные выстрелы делать не стоит; на самом деле, зачастую вести *любую* предварительную стрельбу невозможно или нецелесообразно, и вы должны подготовиться, чтобы достичь попадания с *первого выстрела*. Однако, как правило, происходит так, что вдоль передовой линии постоянно звучат отдельные винтовочные выстрелы, и несколько ваших пристрелочных выстрелов не привлекут пристального внимания. В этом моменте необходимо предупредить новичков — здесь не может быть ошибок: уделите *особое внимание* тому, что вы выбираете в качестве мишени для пристрелки. Не стреляйте в любые бочки, или пустые коробки, которые могут лежать поверх траншей противника; возможно, они были размещены там специально для провоцирования именно таких выстрелов, чтобы затем “посмотреть назад” через пулевые отверстия и обнаружить вашу позицию. Я расскажу об этом трюке чуть дальше.

У нас была замечательная стрельба. Пристреливаясь по различным заполненным водой воронкам и фрагментам кирпичной стены, как с телескопическим, так и открытым прицелами, мы могли стрелять практически в любую погоду. Временами было слишком туманно, чтобы [что-то] развидеть, а иногда было почти так же плохо ранним утром, когда мы стреляли на восток. (Это напомнило мне те времена, когда мне не везло, и я оказывался в утренней [стрелковой] смене в Си-Гирт). Но нам удалось все делать очень хорошо. Мы, конечно, добыли свою сотню — и затем еще чуть-чуть. У меня есть маленькая записная книжка, в которую я день за днем записывал различные выстрелы, и, насколько мы могли сказать, результаты. Я собирался включить ее в это по-

вестование *verbatim*,<sup>79</sup> но, по различным причинам, решил этого не делать. Тем не менее, вот несколько выдержек:

1 декабря. Туман — рядом с наклонившимся деревом. Один выстрел на 750. Упал и они вытащили его. Два выстрела по спасателям — попал в одного.

2, 3, 4 декабря. Дождь. N.G.<sup>80</sup>

6 декабря. К северу от наклонившегося дерева, пригнувшийся, рубил дерево. Один выстрел. Попадание.

7 декабря. Ясно, хорошая видимость. Свежий юго-западный ветер. Возле 92. Показались два человека. Три выстрела, уверен в одном. 50 ярдов справа, один человек — один выстрел. Справа от 02 наша артиллерия подавила пулеметную точку, обнажив край замаскированной траншеи. Люди попытались убежать — 4 выстрела — 2 подтвержденных попадания. 30 ярдов левее, 1 человек, один выстрел, достал его. (Это был удачный день).

8 декабря. До полудня дождь. После полудня туман. “Ферма Пиккадилли”. Пять хороших случаев и три подтвержденных попадания.

9 декабря. Туманно, холодно. Один опирается на дерево, стоит прямо. *Тиé*. (Если вы не знаете, что это означает, спросите кого-нибудь).<sup>81</sup> Два выстрела в группу позади 92. N.O. (это означает “Нет наблюдений”). Сто пятьдесят ярдов вправо. Упал поперек дерева. Расстрелял трех из тех, кто последовательно хотел помочь (все солдаты), все четверо лежали на виду до темноты.

10 декабря. Дождь. N.G.

11 декабря. Морось. Один выстрел — “Пиккадилли”. Вероятный промах.

16 декабря. Ясно. Прекрасная охота. 16 хороших выстрелов — 7 подтвержденных попаданий, и уверен еще как минимум в четырех.

Вот так оно и шло. Выше приведена копия [записей], точно в том виде, как я записывал их в то время. Ссылки — “92”, наклонившееся дерево и т.д., — просто относятся к нашей карточке дальностей, которая охватывала каждый фут вражеской территории в пределах дальности стрельбы из винтовки. Замечания в скобках добавлены [для того], чтобы объяснить некоторые вещи, которые могут быть не понятны читателю.

Да, мы доставали их там, когда и где мы могли их достать, и отправляли их души в ад, каждого из них. Они начали грязную работу, но мы ее закончили, и я нахожусь здесь, чтобы сказать, что никогда об этом не жалел. Мальчик, который работал со мной (Бушар), позже погиб, как и все остальные мои лучшие друзья, но они играли в эту игру и приняли свою судьбу как подобает мужчинам, хотя в большинстве своем были просто мальчишками, которые должны были ходить в школу. Да упокоятся они с миром!

Рано утром мы с Бу лежали, растянувшись, в нашем маленьком углублении, он с большой зрительной трубой, а я с биноклем, внимательно наблюдая за немецкой линией, находившейся примерно в пяти сотнях ярдов. Внезапно юноша произнес:

— Вот он, Мак, напротив большого дерева справа от поста №4, видишь его?

---

<sup>79</sup> Дословно (лат.)

<sup>80</sup> Не годится (от англ. *No good*).

<sup>81</sup> Вторник (англ. сокр.)

Я немного перевел окуляры, и, конечно, там в точке, о которой он говорил, был человек, видимо офицер, стоявший спиной к дереву и разглядывавший наши окопы через бинокль. (Кстати, вот совет: если вам когда-нибудь потребуется посмотреть на местность, и у вас есть основания полагать, что враг там будет начеку, выберите приличного размера дерево и встаньте прямо перед ним — и не шевелитесь). Только острое зрение юноши позволило обнаружить этого парня. Я осматривал это место несколько раз, но смог совершенно отчетливо увидеть его через бинокль только когда мое внимание к нему привлекли. Но когда я попытался поймать его в прицел, обнаружить его оказалось значительно труднее. Наконец, отметив некоторые характерные особенности окружающего фона, мне удалось найти нужное дерево, навести на него свой прицел и срезать. Я достал его.

Мы лежали довольно долго, весьма довольные собой и искали, куда еще бы пострелять, когда в наше небольшое гнездо внезапно шмякнулась пуля. Она никого из нас не задела, и мы восприняли ее как всего лишь одну из тех случайных пуль, которые всегда летали вокруг да около, выискивая какое-либо место, куда влететь; но когда всего через мгновение прилетела еще одна и пробила мою кепку, чудом не задев “мясо”, и сразу после этого просвистела еще одна, задев малыша, дело приняло серьезный оборот. Мальчик извивался и довольно забавно смотрел на меня, так что я на мгновение подумал, чего это он. Но только лишь на мгновение, поскольку он быстро “пришел в сознание” и произнес:

— Господи, Мак (одновременно перекрестившись — он был католиком), они почти достали меня.

Да, в него попали: я видел это, но, как говорят врачи, налицо были признаки жизни, поэтому мы предпочли выбираться оттуда *muu pronto*.<sup>82</sup> Осторожно, ползком, отойдя назад, мы оказались под защитой разрушенных зданий, и я решил осмотреть рану малыша. Пуля лишь оцарапала его в нескольких местах, пройдя сбоку головы и плеча, и немного содрала кожу на ноге. Я хотел было отправить его на перевязочный пункт, но он возразил:

— В чем дело Мак? Они заденут меня сильнее, еще до того, как я уйду со службы.

Тот негодник никогда не ушел с нее. После этого я видел его раненым несколько раз, но до тех пор, пока его не разорвало на Сомме, этот мальчик никуда не уволился.

Во всяком случае, нам необходимо было найти другое место, чтобы вести свою дневную стрельбу, так что мы осторожно осмотрели место позади группы полуразрушенных зданий, где у нас было другое гнездо. Оно находилось прямо в открытом поле, но к нему вела глубокая траншея, напоминавшая туннель, которую мы выкапывали на протяжении многих ночей тяжелого труда. Туннель был около трех футов глубиной и имел такую же ширину, и шел более чем на сотню футов от угла одной из крайних развалин. Выкапывая траншею, мы сначала сняли дерн и уложили его в стороне, затем прокопали землю до нужной глубины, вынеся весь грунт и спрятав его в руинах. После этого мы уложили поверх доски, взятые с разбитого здания, насыпали на них немного грунта и уложили дерн обратно. В конце траншеи, где у нас было “гнездо”, была оборудована землянка, достаточно большая, чтобы мы оба могли в ней комфортно разместиться, имевшая две бойницы, — одну для зрительной трубы, а другую для винтовки. Мелкие кусты и трава, находившиеся непосредственно перед ней (что было учтено при

---

<sup>82</sup> Очень быстро (исп.)

обустройстве) эффективно скрывали гнездо от наблюдения противника. Закончили мы его оборудовать более чем неделей ранее, но никогда не использовали, выжидая, чтобы посмотреть, сможет ли “фриц” обнаружить его или нет. По-видимому, нет, поэтому мы решили воспользоваться им сейчас. Оно было довольно грязным, но в те дни в этой части мира грязным было буквально все, поэтому мы расположились в нем и установили свои принадлежности, готовые к работе.

Мы долго выжидали, все время внимательно наблюдая за передовой линией противника и местностью, лежащей за ней. Именно тогда я приучился жевать табак. Курить мы не осмеливались, и мне хотелось чем-то это заменить. Малыш никогда не жевал, а я пристрастился, вот только так и не смог научиться сплевывать как настоящий табакожеватель. Думаю, вы узнали об этом в раннем возрасте.

Наконец, как только я собрался объявить день законченным и отойти, мальчик обратил мое внимание на определенное место в немецкой траншее, где мы наблюдали какие-то строительные работы, ведущиеся там несколько дней, — предположительно, по строительству новой пулеметной позиции, — и я заметил, что передвижение происходит за тканевым экраном грязноватого цвета под окружающую местность, который немцы поставили в этой точке. (Такие экраны из полос ткани во множестве ставили с обеих сторон, некоторые из них действительно скрывали реальные действия, но большинство из них были просто приманками — камуфляжем). Как мы вскоре обнаружили, этот экран оказался настоящим, поскольку смогли уловить редкие мелькания людей по краям [экрана]. Понаблюдав так за ними несколько минут, я решил сделать выстрел — просто на удачу. Бу внимательно наблюдал через трубу, и я выстрелил прямо в центр экрана. Потом мы увидели их. Я сделал еще два выстрела, когда пять или шесть человек попытались перебраться друг через друга, вылезая оттуда. Не знаю, попал ли я в кого-либо, но Бу сказал, что он уверен в одном из них. В таких условиях практически невозможно сказать, добились ли вы попаданий или нет.

Однажды, когда я в сопровождении капитана Кука, нашего офицера-медика, собирался вернуться обратно в “Снайперский амбар”, чтобы “увидеть то, что должен видеть”, пришел наш полковник. Он был просто чудо. Не проходило и дня, как невзирая на погодные условия, тяжелые обстрелы, он обходил свой участок линии фронта, не смотря на “огонь и воду”. Он задал обычные вопросы об обстановке и получил привычный ответ: “Все в порядке, сэр”. Теперь, с расстояния в четырнадцать лет, это кажется смешным, но это был обычный ответ, хотя у нас только что было несколько убитых и много раненых. Хорошо помню одно утро, когда “фрицы” просто “выпустили” одного из своих “шерстистых медведей” прямо над нашей траншеей и поразили двенадцать человек одним снарядом — около половины из них оказались убиты, а другие обезображены острыми, как бритва, осколками — а полковник пришел и как обычно спросил: “Ну, как дела у вас сегодня утром?” И ответ был точно таким же, как если бы ничего не случилось: “Все в порядке, сэр”.

В то утро, как я уже сказал, с ним был медик, и поскольку их обратный путь в “Риджвуд” проходивший по траншеям “Р” и “О”, совпадал с моим, я сопровождал их до места, где мы свернули, чтобы пройти к “Снайперскому амбару”. Прибыв туда, я пригласил их пройти и посмотреть на немцев. У полковника не было времени (он сделал это позже), а капитан Кук прошел со мной. Я наблюдал, ожидая, пока “фрицы” закончат свою “ежедневную ненависть”, и, увидев десяток снарядов, взорвавшихся внутри и вокруг амбара, был удовлетворен, [понимая], что днем больше обстрелов здесь не бу-

дет. Была еще одна забавная вещь. “Фрицы” были настолько тщательны и методичны, что день ото дня и с часу на час, мы всегда могли сказать, чего [от них] ожидать. Ежедневная рутина была одинаковая — определенные батареи в определенные часы обстреливали определенные места. Мы даже научились распознавать звучание различных орудий и могли, во многих случаях, очень близко указать место, где упадет снаряд и какого типа и размера он будет. У них была одна батарея 150-мм орудий, которые всегда стреляли тем, что мы называли “шерстистыми медведями”, — фугасно-шрапнельные снаряды со взрывателем замедленного действия, которые взрывались и разбрасывали острые, как бритва, куски стали на большой площади. Они были слишком быстрыми, чтобы от них уклониться. Как и шрапнельные “свистелки”, они прилетали прямо вместе с докладом о своем прилете. Гаубицы, любого калибра, заявляли о себе задолго до своего прибытия — звук [их снарядов] был короткий и резкий, в то время как они шли пару километров вверх, а затем падали вниз. Звук орудийного выстрела и начало их песни, если позволите позаимствовать термин из кинофильмов, достигали нас примерно в одно и то же время, сила и звук последней усиливались в течение некоторого времени, а затем убывали, пока снаряды достигали большой высоты — затем звук снова увеличивался, и тогда тебе можно было начинать беспокоиться. Он летел своим путем вниз, все время приближаясь, но где, черт возьми, он все-таки взорвется? Просто одна из тех вещей, которая вносит в войну разнообразие.

В любом случае, я был уверен, что обстрелов “Снайперского амбара” в тот день больше не будет, — если только кто-то по глупости не высунется так, что немецкие наблюдатели его увидят. Так что я не сожалел о приглашении капитана, и он был готов идти. Мы проползли по неглубокой траншее за изгородью и залезли в небольшую землянку, которую я оборудовал в качестве снайперского гнезда. Зрительная труба была уже на месте, и вскоре мы обнаружили нескольких фрицев, находящихся далеко позади своей траншеи. Они находились слишком далеко для ведения эффективного ружейного огня, но думаю, капитан получил нервную дрожь просто от того, что их увидел. До этого времени у него не было возможности взглянуть на кого-либо из врагов, за исключением пленных. Наш Медицинский корпус в те дни был очень занят, латая раненых, и они редко имели возможность побывать на экскурсии [на передовой].

В обычных условиях позиционной войны, когда передовые линии противников находятся всего в ста ярдах друг от друга, а зачастую и ближе, возможностей для точной стрельбы из винтовки с передовой линии очень мало и они редки, — если только в бруствере не будут обустроены особые снайперские позиции-гнезда. Несколько раз, выполнив большой объем ночной работы, нам удавалось оборудовать норы в насыпях под нашим бруствером с замаскированными бойницами, откуда мы смогли вести действительный и точный снайпинг на короткой дистанции. Если только такие огневые точки не планировались заранее и не создавались во время первоначального строительства траншеи, то для создания такого гнезда требовалось несколько ночей тяжелого труда, поскольку необходимо было углубить значительный участок насыпи, укрепить нору деревянными брусками, а затем заменить все мешки с землей и песком так, чтобы не оставить никаких признаков того, что тут что-то делали. Бойница должна была быть экранирована потертым мешком для песка и, чтобы быть безопасной, должна была быть сооружена из двух стальных пластин, которые обычно использовались в качестве смотровых щелей по верху бруствера; одна из них образовывала верх, или крышу, бойницы, а вторая устанавливалась под таким углом, чтобы любая пуля, попав в нее, от-



клонялась вниз, в землю. Если бойница находится в нижней части бруствера, противнику будет практически невозможно попасть в нее, — даже если он обнаружит место ее расположения. С одной такой позиции я смог вести огонь прямо в бойницу пулеметного гнезда, расположенного по диагонали на расстоянии не более ста ярдов. Я попытался сделать это лишь однажды, в один из дней, и когда попробовал, то все действие напоминало стрельбу в одной из тех галерей, у которых есть отверстие для “яблочка” мишени, позади которой висит металлическая пластина, что когда вы попадаете в нее, вы “звоните в колокольчик”. “Фрицы” просто вставили стальную плиту в бойницу и все, что я мог делать, — это “звонить в колокольчик”, не нанося им какого-либо ущерба. Предполагаю, что это было сделано с таким расчетом, чтобы можно было отбросить плиту в сторону, когда они хотели стрелять. Однако поскольку вся стрельба, которую они вели, производилась ночью, когда я, конечно, не мог использовать винтовку, то мне пришлось отказаться от этой затеи до тех пор, пока, действуя на основе моей информации, F.O.O.<sup>83</sup> Лахорской [артиллерийской] батареи не решил попробовать разобратся с ней сам.

Что за злобные стрелки были эти индийцы. Будучи ранее шестиорудийной конной артиллерийской батареей, они поменяли свои тринадцатифунтовые пушки<sup>84</sup> на восемнадцатифунтовые орудия,<sup>85</sup> принятые в регулярной полевой артиллерии. По той или иной причине, они никогда не казались настолько ограниченными количеством боеприпасов, которые могли тратить за один день, как это было в случае с другими нашими батареями в то время. Они попали в цель в рекордные сроки, а потом начали набрасывать фугаски в бешеном темпе. Вскоре они покрытие из земли и мешков с песком оказалось полностью сметено, обнажив находившееся под ними кубическое укрепление из бетона. Я знал, что оно там было; на самом деле я уже месяц наблюдал за его строительством, сообщая об этом снова и снова, но наши (канадские) артиллерийские офицеры, видимо, не поверили мне. Оно было настолько ловко встроено под старый бруствер, что ничто не указывало на его присутствие с нашей передовой линии; но с нашей позиции в “Снайперском амбаре” на возвышенности, мы легко могли видеть, как продвигается работа.

Те восемнадцатифунтовые орудия ничего не смогли с ним сделать. Конечно, прямое попадание могло выбить несколько кусков бетона, но орешек оказался слишком крепким для [такой] хлопушки, так что они сдались и передали работу 9,2-дюймовкам.<sup>86</sup> Эти большие штуки прикончили ее, и получилось так, что мы с Бушаром были в это время на работе и нам удалось сделать несколько хороших выстрелов в выживших, выкарабкивавшихся из “таблетницы”,<sup>87</sup> пока один из больших снарядов не выкорчевал ее, и не опрокинул на бок.

---

<sup>83</sup> Офицер-артиллерийский корректировщик (англ. *Forward Observing Officer*).

<sup>84</sup> 3-х дюймовая (76,2-мм) конная пушка, разработанная в Англии в 1904 году на основании опыта Англо-бурской войны.

<sup>85</sup> 84-мм полевая пушка, основное орудие британской артиллерии в Первую мировую войну.

<sup>86</sup> Британская 233,7-мм тяжёлая осадная гаубица, которая в годы Первой мировой войны составляла основу вооружения осадных батарей Королевской гарнизонной артиллерии.

<sup>87</sup> “Таблетница” (англ. жарг. *pill-box*) — долговременное огневое сооружение закрытого типа.

Я говорил о Лахорской батарее, как об индийцах. Дабы не быть неправильно понятым, хотел бы пояснить, что, хотя они прибыли из индийского города Лахор, личный состав состоял исключительно из белых мужчин — англичан, я должен сказать; потому что, как мне сказали, индийцы, по большей части, арии и, следовательно, рассматриваются как члены белой расы, несмотря на свои смуглые лица.

Но вернемся к нашей бойнице. Нецелесообразно делать ее непосредственно выходящей во фронт, лучше [оборудовать ее] под углом, вверх или вниз — и желательно влево для праворукого стрелка. Вражеские наблюдатели, используя перископ, склонны осматривать местность непосредственно перед собой, полагаясь на остальных [наблюдателей] вдоль всей линии траншеи, делающих то же самое; то есть, предпочитают вести наблюдение в своих секторах. Таким образом, достаточно просто иметь амбразуру, отлично закрытую от наблюдения с фронта, и при этом обеспечивающую хорошее поле для ведения огня вдоль смежного участка передовой траншеи. Конечно, всегда оставался способ создания пулеметных огневых точек, и мы всегда старались иметь как минимум три пулемета на позиции для ведения анфиладного огня,<sup>88</sup> пристреляв (каждый) фут местности перед нашим фронтом.

Использование различных скелетных креплений для винтовок, с помощью которых стрелок целился в перископ и манипулировал винтовкой через систему рычагов, меня никогда не привлекало. Правда, иногда я пользовался ими, но им никогда не было столько веры, как моей способности попадать в любой объект. Однажды днем я сидел и курил свою трубку (и смеялся), в то время как один из наших лучших стрелков делал пристрелочный выстрел со своей винтовки — и перископа, конечно же, — пытаюсь попасть в кого-то через дорогу. На таком расстоянии — менее ста ярдов — у него никогда не было шансов. Его визави оказался там первым и ждал его все время, и, кроме того, вероятно, хорошо окопался в каком-либо укреплении, описанном выше — и использовал телескопический прицел. Наш человек был настойчив, отдам ему должное; но, после того, как то же самое случилось в третий раз, он оказался [настолько] удовлетворенным, чтобы вернуться на возвышенность позади наших линий и постараться наверстать упущенное с дальности в пять или шесть сотен ярдов.

И прямо здесь я хочу сказать, что на коротких дистанциях — до трехсот, возможно, четырехсот ярдов — те немецкие снайперы могли стрелять. Не думаю, что они были очень хороши на дальних дистанциях; на самом деле я сомневаюсь, что они часто пытались делать то, что мы могли бы назвать дальнобойной стрельбой. Знаю, что на дистанциях свыше шести или семи сотен ярдов мы показали себя безнаказанными. Иногда они охотились на нас с 77-мм “свистелками”, особенно если в партии нас было больше двух-трех человек, но никогда с винтовкой. Наибольшая дальность, на которую, как я знал, немецкий снайпер стрелял по одиночному человеку, составляла около пятисот ярдов. Этот парень достал Чарли Вендта, но он сделал пятнадцать или двадцать выстрелов по мне, пока я оказывал первую помощь Чарли и пытался оттащить его в укрытие, и ни разу в меня не попал; так что вы должны признать, что у меня есть некоторые основания принижать их способности в качестве дальних стрелков.

---

<sup>88</sup> Продольный обстрел противника, когда выстрелы производятся вдоль (параллельно) его фронта. Позволяет нанести противнику значительно большие потери, чем при фронтальной стрельбе (пуля, выпущенная в цель, в случае промаха продолжает своё движение вдоль неприятельского строя, до тех пор, пока не поразит кого-то из врагов; вероятность промаха при этом сводится к минимуму).

Разумеется, это происходило не по причине неполноценности их винтовок. В этом отношении они превосходили нас с самого начала. Думаю, что это было обусловлено тем, что, с характерной для немцев скрупулезностью, они ради своего успокоения решили, что вести огонь одиночными выстрелами по людям с больших расстояний — это не прибыльное дело. Однако они оказались дьявольски хитроумны со своими “предустановленными” или “зафиксированными” винтовками. Такое оружие просто устанавливалось на самодельные станки и нацеливалось на некоторые незащищенные места, находившиеся позади наших линий — иногда на дальностях до пятнадцати сотен ярдов, — такие как пересечения дорог; или применялось для ведения анфиладного огня по некоторым тропам, которые по данным их авиаразведки, широко использовались нашими войсками ночью. При стрельбе ночью одиночными выстрелами через определенные интервалы, эти винтовки почти всегда убивали одного-двух человек, принимая во внимание тот факт, что, если бы они использовали пулемет или артиллерийское орудие, мы бы просто обходили это место. Одиночные пули летали вокруг всегда, и прежде чем наши люди получили бы представление о том, что это не случайность, появилось бы несколько жертв.

У нас были подобные устройства, некоторые из них довольно сложной конструкции. Они делались из стальных каркасов и хорошо закреплялись мешками с песком; на некоторых из них устанавливалось целых шесть винтовок. Кто-то инструктировался стрелять каждую ночь и тянуть спусковые крючки через определенные промежутки времени. Позже, после того, как мы усовершенствовали свой способ ведения беспокоящего пулеметного огня, мы отказались от этой процедуры и начали делать по одному или два выстрела одновременно с пулеметным огнем, и полагаю, что достигли примерно одинаковых результатов.

Тут один из моих товарищей, который прочитал вышеприведенные и последующие страницы, пожаловался, что недостаточно сказано о фактической стрельбе из винтовки.

Хорошо, я расскажу вам, каково это. Не я начал ту войну, так что не обвиняйте меня, если там происходило много всего, и если там было так много солдат, занятых различными другими развлечениями, такими как бомбардировки, артиллерийские стрельбы, пулеметная стрельба и так далее. Истина состоит в том, что бедному стрелку иногда приходилось торчать дни и недели — и даже месяцы, — не имея возможности выстрелить по чему-либо. Я попытался описать, насколько позволяют мои ограниченные возможности, реальные события так, как они происходили. Естественно, если бы событиями распоряжался я, то я бы ограничил вооружение всех противоборствующих сил одними лишь винтовками; но, как бы там ни было, мы должны были принимать вещи такими, какими они были. На войну пошло множество проповедников, у которых никогда не выпало шанса сделать проповедь, и то же самое касается людей всех остальных профессий, включая стрелков. Хорошо обученный солдат — это, пожалуй, самый универсальный человек в мире. Он умеет все — и делает это.

Так что, если кто-то из наших отъявленных стрелков разочарован, обнаружив, что он слишком мало занимается своим любимым делом и уделяет слишком много внимания другим вещам, то смею только надеяться, что он сможет принять утешение от того [факта], что многим из нас приходилось делать то же самое — и в гораздо более тяжелых условиях. Некоторые из этих выходов оказались довольно интересными. Например, охота в темноте, когда противная сторона тоже охотилась на той же терри-

тории, являлась хорошим развлечением для стрелков в те вечера, когда театр стал забытой вещью, принадлежавшей прошлой жизни. Этот вопрос я затрону в следующей главе.

### Пешая разведка и патрулирование

Стрелок, будучи охотником, естественно, всегда имеет глаза и уши [настороженными] на дичь. Передвижение крупной дичи на фронте происходило по ночам. Такое же движение в тылу, конечно, могло быть замечено во время наблюдения днем, а ночью становилось делом артиллерии и пулеметов. Но нейтральная полоса в спокойные времена была сценой почти исключительно ночной жизни. Снайперу везло, если в течение дня он видел пару германцев; но если он по-настоящему озаботился охотой, то ночью у него могло быть их с десятков, проходящих мимо в скольких-то футах от него. Ради такого он может позволить себе отказаться от своей винтовки — если сможет найти время для необходимого сна. Нет ничего подобно этому, что может вызвать чувство дома в траншее. Провести ночь в вонючем блиндаже или затхлом подвале, либо на передовой линии, на линии поддержки или в резерве, — все равно что закрыть палатку в сумерках после того, как вы разбили лагерь на склоне горы с видом на красивую — и неизученную — долину. Гораздо лучше выйти наружу и посмотреть, что происходит.

И так как пешая разведка (скаутинг) был необходимой и регулярной частью разведывательной работы, [снайпер] всегда мог присоединиться к нашим патрулям, найти себя полезным в общей схеме [работы], и в то же время еще больше упрочить свои знания из первых рук и удовлетворить свое любопытство. Кстати, он мог участвовать в стычках так же часто, как ему хотелось; и я [всегда] утверждал, что патрули должны были пользоваться им по максимуму — после того, как проделают свою обычную работу. Конечно, там были патрули, чьей реальной работой был бой; но у большинства из них были другие задачи, и они ввязывались в боевые действия только опосредованно — либо по необходимости. Их основной работой было осуществление контроля за неизменным полем боя, что являлось особенностью той войны. Состояние проволочного заграждения с обеих сторон, вражеские аванпосты и передовые позиции; создание время от времени постов прослушивания ночью, и дневных наблюдательных постов, проверка любой вражеской деятельности, патрулирование и т.д., и различные специальные поиски, — все это было делом патрулей и разведчиков. В общем, бой был необязателен; но поскольку это, в частности, солдатская работа, я понимал это так, что он не должен упускать свой шанс.

Как и многие другие хорошие вещи, такой скаутинг развивался бессистемно. В первую очередь это касалось разведывательной работы, которая в конце концов оказалась сосредоточенной вокруг снайпинга и наблюдения, а организация в Британской Армии стала [называться] S.O.S.,<sup>89</sup> [и находилась] под непосредственным руководством офицера разведки батальона, подчинявшемся начальнику разведки бригады. До момента моего убытия с фронта она не имела четкой организации, так что большую часть своего опыта я получил без нее. Не касаясь вопроса [добываемой] информации, полагаю, она имела важное значение в позиционной войне, значение которое я смог в полной мере оценить только во время своей крайней недели [на фронте], когда в разное время и в различных делах, у меня была возможность наблюдать. Это было зимой,

---

<sup>89</sup> Школа снайпинга и наблюдения (англ. *Sniper & Observation School*).

в начале 1917 года, когда на некоторое время мне придали другому батальону. Затем я помогал тренировать канадцев перед предстоящей атакой на Вими-Ридж (хребет Вими). (Однажды я даже какое-то время руководил выучным обозом, в другом случае мне в некотором роде пришлось регулировать движение — тот вид работ, который тоже может быть поручен стрелку).

Во всяком случае, я нашел время и повод, чтобы посмотреть на вещи и увидеть, на что стала походить позиционная война. Тому, кто на протяжении многих недель подряд не жил в окопе и не имел перед собой ничейной полосы земли, трудно понять условия, в которых работали патрули. Нетрудно представить себе участок земли, изрытый воронками, с оборванными проволочными заграждениями, и каждый может принять слова большого количества людей, проделывавших это, о том, что передвигаться сравнительно безопасно на такой местности не являлось такой уж большой проблемой. Но это оставляет нас с довольно недвижимой картинкой, которая совсем не отражает действительность, и трудности, о которых я рассказываю, — это не только передвижение, но передвижение эффективное, это закрепление результатов. Необходимо помнить, что эта территория простиралась от Северного моря до Швейцарии; через равнинные грязевые поля северной Бельгии, шла через полукруг холмов, которые огибали Ипр от Кеммеля до Пасшенделя, к низменностям от Плугштира до Нёв-Шапель; чуть поднимаясь вокруг Ля Бассе, идя оттуда к возвышенностям у Лооса, после чего оставалась неровной и возвышенной. Линия фронта проходила почти через любой вид местности, который может предложить Западная Европа и включала в свои границы холмы, долины, живые изгороди, сады, леса, реки и каналы. Она колебалась в одну и в другую сторону (там, где шла война, вы знаете), чтобы в нужное время и нужном месте отрезать и опустошить уединенный кабачок, в другом — отдельно стоящую ферму, а в третьем — всю деревню, которая могла быть стерта в порошок или остаться стоять относительно целой, как группа человеческих жилищ.

В этой игре обе стороны, конечно, пытались удержать господствующие позиции; в траншейной “войне” это состояло в основном из доминирования над вражеской территорией, не занимая ее. В лучшем случае, это означало держать его в грязи, где жизнь была беспросветной, а сильная оборона невозможной, пока мы занимали высоты, с которых могли наблюдать каждое движение и превращали в грязь все усилия по фортификационному строительству. Борьба за такие выгодные позиции выливалась в кровопролитные бои, зачастую на протяжении [многих] дней, колебавшиеся вперед и назад в таких местах, как хребет Пасшендель, Сент-Элуа, Вими, высота 60, “Телеграфный холм” и бесчисленные высоты поменьше, леса, терриконы, укрепленные пункты, сахарные заводы и другие, которые редко попадали в заголовки газет. Как правило, перед тем, как две линии могли установиться в виде траншей, застывших в мертвой точке, позиции оказывались практически равны в той мере, в какой позволяла топография. Затем доминирование принимало форму расширения наших знаний о территории и деятельности противника, с последующим вниманием к немедленным действиям, к предвидению и защите мест его [возможной] атаки или к началу одной из наших.

Я отважился на такой очевидный вывод, потому что вижу, что часто он теряется из виду, а также ради того, чтобы подчеркнуть важность патрулирования и наземного наблюдения.

Такое подготовительное доминирование было, прежде всего, делом системы разведки, в которой шпионы и воздушные наблюдатели были озабочены в основном ты-

ловыми районами, а также планами Верховного командования, передвижениями, сосредоточениями и расположениями людей, оружия и припасов. Фотографии с аэропланов, конечно, поставляли точный макет системы траншей и время от времени выявляли изменения [в ней]; но на них нельзя было полагаться в раскрытии многих жизненно важных деталей, таких как [расположение] снайперов, пунктов наблюдения и пулеметных позиций. Ради этого карта дополнялась путем бесконечного кропотливого наблюдения и изучения с земли, в которых работавшие патрули играли лишь второстепенную роль. Непосредственной — и жизненно важной — заботой патрулей была деятельность на нейтральной полосе. Именно они, и посты прослушивания, выставляемые ими, являлись почти единственной защитой против сап, тоннелей и мин. Они не были в первую очередь заинтересованы — как это происходило в старой-доброй маневренной войне, — в поиске врага. Мы всегда были с ним в контакте, и делом патрулей стало следить, чтобы этот контакт не стал катастрофическим. Беда приходила со стороны нейтралки, и ночью она принадлежала патрулям. Все, что находилось вне этой области, было, как правило, заботой дневных наблюдателей. Во многих случаях патрули могли узнать, насколько сильно удерживается передняя траншея, и зачастую они выявляли там расположение пулеметных позиций. Это само по себе имеет огромное значение, и может оказаться решающим: один пулемет, выгодно расположенный и не открывающий огонь до тех пор, пока линия пехоты не поравняется с ним на любом фланге, означает беду до тех пор, пока им не займутся, а смятение и потери, [возникшие] с самого начала, могут привести к полному провалу. Такое оружие, выдвинутое на передовые позиции, избегает разрушительного артиллерийского огня, стоит в готовности и непотревоженным, пока не появляется возможность приступить к своей работе. Но даже располагаясь на хорошей позиции чуть позади траншеи, если только эта позиция точно неизвестна, он может избежать артиллерийского огня; а одним из самых жалких зрелищ в современной войне являются солдаты, пойманные у проволочного заграждения перекрестным огнем из такого оружия.

Идея состоит в том, чтобы помнить, что ничейная земля является полем битвы. Когда она исчезала, война заканчивалась. Вы были всегда “в контакте с противником”. Не было никаких широкомасштабных патрулей, обходных отрядов и передового охранения, пытающихся обнаружить противоборствующую армию и определить ее движение; как и не было никаких форсированных маршей, чтобы перехватить ее и напасть на ее тыл или фланг, или разрезать ее надвое, прежде чем она сможет привести себя в порядок на выбранном ею поле битвы. Ничего подобного не было во всей Центральной Европе, где противники сталкивались сегодня в одном месте, отступали ночью, чтобы снова собраться через неделю или месяц где-нибудь в пятидесяти милях в стороне. Я имею в виду, что [в Западной Европе] сражение было начато в самом начале войны и продолжалось до самого ее конца, и каждый день мы одерживали частицу окончательной победы, не только расширяя наши знания о позициях противника, но и забирая жертвы среди его людей.

Такая позиционная, траншейная, война была единственным типом войны, который я знал на реальном опыте. Я вошел в нее, как и все остальные, не зная, какой она должна быть, но обладая своими представлениями, более или менее окрашенными историями из того, что я читал и слышал о великих битвах и войнах прошлого. Затем они начали оттачиваться получаемым опытом, я начал видеть, на что это похоже; и време-

нами ловил себя на мысли, что произойдет, если каждый человек в наших траншеях будет постоянно шевелиться и делать *свое* дело, чтобы добыть немецкого солдата.

В другом месте я намерен описать обычный метод проведения траншейных рейдов и рассказать кое-что об одном или двух, в которых я принимал участие, а также о траншейных рейдах вообще. Не думаю, что смогу достаточно полно описать этот вид войны. Его значение заключается не только в том, чтобы добывать пленных ради получения информации, но и в том, чтобы прореживать вражеские ряды и вселять в них страх Божий; и зачастую патрули хорошо могут это делать. То в одно, то в другое время в ходе войны [некоторые] мудрецы рассказывали нам, что было неправильно и как можно было бы быстрее и успешнее завершить конфликт. Иногда отдельные пророки меняли свои взгляды, как это всегда происходит с теми из них, кто всегда готов дать ответ, подкрепленный недавним примером. Другие придерживались своего любимого занятия несмотря ни на что, и были зловещи или уверены в победе в зависимости от характера недавнего примера, а также в зависимости от использования [предмета] своего конкретного увлечения или пренебрежения им. Одно время это были пушки; нам с уверенностью говорили, что когда в любой момент времени мы будем иметь превосходство в артиллерийском огне, то скоро увидим конец войны. Лагерь сторонников этого в полном составе возник при падении Антверпена.<sup>90</sup> И они были правы, вот только в той же мере, в какой были абсурдно неправы те, кто утверждал, что артиллерия шумна, но безвредна. Артиллерия — это еще не весь успех. После Вердена даже самые предубежденные и пристрастные из них были вынуждены более четко увидеть истинное положение вещей. Каждый из них видел в своем питомце ту жизненно важную *партию*, которую тот играл — в тесном сотрудничестве и при полной поддержке всех остальных. Но самым важным результатом этих скоординированных усилий, конкретным, определенным и прочным результатом подобного достижения стал чудовищный список жертв другой стороны. Единственное незаменимое дополнение к военной машине — это люди, и полагаю, что самый искренний сторонник той или иной линии [ведения] обороны или нападения в любой момент войны признал бы, что, как только у немцев не окажется достаточно людей, способных растянуться по всему европейскому континенту, на различных рубежах обороны, могущих обслуживать растянутые и расходящиеся линии коммуникаций и снабжения, они должны будут уступить.

Если два, три или полдюжины захваченных в налете или “пропавших” вражеских патрулей кажутся смехотворно незначительными по сравнению с огромной армией, из которой они вышли, следует помнить, что это являлось результатом операции, проводившейся всего лишь на [участке] фронта шириной ярдов в сто или около того. Выразите это в терминах сотен миль Западного фронта и умножьте это снова на [многочисленные] дни долгой, безрезультатной зимы, и вы получите список потерь, который, хотя и не может затмить список потерь в крупном сражении, значителен не только своими цифрами.

Цифры — это лишь половина эффекта. В другой же половине одна часть состоит также в ослаблении противника, а другая — в укреплении нашего собственного положения, не только относительного, но и абсолютного. Что касается первой [части], то тысяча жертв, нанесенных подобным образом, хуже, чем в два раза бóльшие потери,

---

<sup>90</sup> Имеется ввиду осада Антверпена в 1914 году, во время которой германская тяжелая артиллерия сыграла решающую роль.



полученные в битве, длящейся один день. Патруль, который никогда не вернется (часто [исчезая] без звука, дающего хоть какое-то представление о его судьбе), рейдовая группа, которая пропала, группа связистов, тянувших провод, сметенная пулеметным огнем после того, как была тихо замечена парой разведчиков, — [все они] исчезают без лишней шумихи, отвлекающей [других] людей от понимания того, что те пропали. В битве о них не так много думают; там есть возбуждение, и естественное ожидание расплаты, и удовлетворение от осознания того, что для противоположной стороны делается что-то [подобное]. В траншеях это не так. Жизнь и так отвратительна, и неопрятное месиво, оставленное гранатой в сонном блиндаже, ее не улучшает. Угнетенное состояние легко сменяется страданием и дискомфортом, и когда из ночи в ночь исчезают люди, а другие днем падают под снайперским огнем, тьма ничейной земли вскоре становится чем-то гораздо худшим, чем Дамоклов меч,<sup>91</sup> и люди начинают задаваться вопросом, действительно ли Бог на их стороне.

В другой части этого эффекта, которая не проявляется в списке потерь, мы смотрим на нашу собственную сторону. Лучший способ поддерживать машину в идеальном рабочем состоянии — это при должном уходе часто запускать ее. Когда эта машина состоит из живых людей, это *единственный* путь. Это известно даже самому крепкому и грубому старому строевому сержанту, — которого иногда обвиняют в том, что у него на уме только одно. Это общепринятый способ в местах расквартирования и тренировочных лагерях, но в траншеях это еще важнее. [В противном случае] выходит из строя не только машина; но отдельные ее части становятся вялыми, тупыми и апатичными, и весь батальон стóит примерно столько же, сколько бодрствующая рота. Общие термины — *мораль* и *esprit de corps*,<sup>92</sup> и когда они на высоте, войска непобедимы; когда они в упадке, войска почти бесполезны.

И наряду с таким моральным эффектом вы получаете практически единственную реальную и практическую тренировку, которую можно получить в качестве подготовки к большим сражениям. Люди проникаются духом боя, обретают уверенность в себе и видят, на что способны. Это часть того странного процесса, через который бессознательно проходят люди, и который позволяет им убивать других людей, не становясь убийцами. Когда они достигают своего совершенства, солдаты становятся охотниками, они наслаждаются битвой и убивают без ненависти. У такого первобытного человека не было особого шанса проявить себя через весь цивилизованный лоск под ужасающим артиллерийским огнем горячо оспариваемых участков фронта, где обе стороны цеплялись за сильно укрепленные позиции и обстреливали друг друга в обоих направлениях, ночью и днем, на протяжении недели или больше, зачастую под дождем, с людьми, выпотрошенными и разорванными на куски, в то время как другие не могли ничего сделать, кроме как съежиться в грязи и ждать своей очереди. Это было просто бесчеловечно, и уж конечно, не менее ужасно как для первобытного человека, так и

---

<sup>91</sup> По греческому преданию, сиракузский тиран Дионисий Старший предложил своему фавориту Дамоклу, считавшему Дионисия счастливейшим из смертных, занять его престол на один день. По приказу тирана того роскошно одели, посадили на место правителя, и все вокруг суеились, исполняя каждое его слово. Но в разгар веселья на пиру Дамокл внезапно увидел над головой меч без ножен, висевший на конском волосе, и понял призрачность благополучия. Так Дионисий показал ему, что правитель всегда живёт на волосок от гибели. В переносном смысле фраза “Дамоклов меч” означает нависшую над кем-либо постоянную угрозу при видимом благополучии.

<sup>92</sup> Честь мундира (фр.). В переносном смысле — боевой дух, дух войскового товарищества.

для цивилизованного. Но когда они собирались вместе и у них действительно появлялся шанс сразиться, в них было заметно меньше ненависти или мстительности. Ненависть — это медленное, расчетливое, хладнокровное дело. В бою на него не было времени. Вы часто слышите о нем, когда объясняют ощущения и чувства солдата; я сам пользовал его. Но в бою она исчезает.

В другом месте я уже рассказывал, как впервые стал снайпером после того, как увидел, как немцы расстреляли наших санитаров, Чарли Вендта и остальных. Мне пришлось только и думать об этом, но даже тогда я не испытывал к врагу такой ненависти, как мне хотелось бы думать. Моя ненависть измерялась интенсивностью множества других эмоций, которые были вызваны этим нечеловеческим убийством. Но уверяю вас, что, когда я был с винтовкой, основным чувством было острое удовлетворение и возбуждение того же рода, которые хорошо известны охотнику. Вот это и есть [боевой] дух. Вот что превращает [людей] в хороших стрелков и в хороших солдат.

И это тот дух, который возвращается работой на ничейной земле. (Под работой я имею в виду не каторжный труд, вроде рытья земли, чтобы перекинуть линию фронта через выступ неудобного холма; я имею в виду ведение войны. Что касается других вещей, то полагаю, пришло время, чтобы какой-то умник занялся и изобрел портативную, не разборную, всегда дезинфицируемую, водонепроницаемую траншейную систему).

Даже те люди, которые были предрасположены оставить все в покое и позволить кому-то другому бегать вокруг, полюбили разведку, патрулирование и рейды в траншеи, как только они их однажды распробовали. И знаю, что в последние недели моего пребывания во Франции я был немного разочарован, потому что не мог всегда находиться на фронте, где был непосредственный контакт с одной из противоположных сторон, необходимых для ведения войны. Пару раз мне удавалось оказываться на каждом новом участке фронта и видеть, как обстоят дела. И дела всегда обстояли лучше всего, когда я приходил туда прямо перед утренним подъемом, и находил всех бодрствующими, и знал, что где-то было какое-то воодушевление, — хотя, возможно, мог ничего и не слышать, и видеть только несколько огней с тех пор, как покинул свой блиндаж. Часовые забывали, что им чертовски надоело стоять и смотреть в никуда, и они были рады избавиться от искушения уснуть.

Где бы это не происходило, траншейная война была лучше всего тогда, когда это была война. Я всегда чувствовал себя лучше — и думаю, что так было со всеми остальными — когда в воздухе витало воодушевление. Многие люди были рады отправиться в патрулирование. Дело было не в том, что они были безрассудны или отчаянны, а просто в том, что они предпочитали действие острому и неумолимому дискомфорту. Патрулирование было, конечно, специфической обязанностью отдела разведки, и когда основная задача патруля состояла в том, чтобы дополнить работу наблюдения, необходимо было использовать людей из этого отдела. В других случаях было целесообразно — а зачастую и необходимо — использовать людей из взвода. Эти люди должны были из первых рук знать местность, лежащую перед ними, и это был лучший способ подготовить их к рейдам. Мудрый офицер разведки знал людей на передовой и проверял у командира взвода, кто из них оказался наиболее полезным и способным выполнять любые обязанности на ничейной земле. Затем, в последний момент, он мог превратить свою собственную небольшую партию по поиску информации в ту, которая отправлялась на поиски неожиданного и скорее надеялась, что это произойдет. И он

мог чувствовать себя уверенно, доверив неожиданное рукам взводного сержанта в те часы, когда ничейная земля не была прикрыта его собственными разведчиками.

Думаю, что именно такая организация была ответственна за бóльшую часть того бизнеса “молчаливой смерти”, благодаря которому канадцы приобрели определенную репутацию. Не существует ни единой причины в мире, по которой патруль, вышедший посмотреть за проволочное ограждение или защитить от внезапного налета, не должен был бы застать врасплох вражеский патруль, если это можно было сделать аккуратно.

Это как раз то, что приветствовал часовой на передовой. Когда шел рейд, все, конечно, были настороже; но регулярных выходов было немного, и разведывательные партии часто уходили и приходили без его ведома, более того, его предупреждали о том, что одна из них уже выходит. Партия могла отсутствовать часами, и он мог выбросить ее из головы, но не забывал дважды посмотреть и послушать пароль, прежде чем выстрелить в то маленькое волнение на проволочном заборе. Это однообразное занятие, когда ничего никогда не происходит; и есть постоянное искушение дать отдых закопчённым, покрытым гарью, глазам. Но когда некий дух овладевает взводом, когда нужный сержант возвращается из отпуска, когда Смит, ушедший в прошлый раз с искалеченной ногой, возвращается к делу, и старая комбинация работает, можно ожидать, что все наладится, и земля безумцев, лежащая перед ним, стоит того, чтобы на нее глянуть. Это [дело] тем более волнующе, что зачастую оно находится как раз на границе превышения полномочий. Патруль, на который возложена особая обязанность сообщать о передвижении ранее замеченной вражеской партии, чтобы проверить, является ли это ночной рутинной, может с таким же успехом вернуться однажды ночью, чтобы сообщить о неизбежном столкновении, — к которому он был достаточно хорошо подготовлен, вплоть до выбора места боя.

Меня с самого начала интересовала такая работа, но тогда у нас и без нее было полно забот. Но она стала действительно необходима (ее боевая часть) в течение следующей зимы, когда война окончательно свелась к скучному траншейному сидению. Бóльшую часть времени я сидел позади траншей, но старался вставать как можно чаще — иногда по делам — и начинал ценить тонизирующие свойства небольшого ночного возбуждения. Единственные утра, которые стоит помнить, — это те, когда что-то происходит или уже произошло. Приятно было войти в траншею, где в воздухе витало возбуждение, — в первом же часовом, к которому ты подходил, почувствовать что-то вроде вопросительного знака в темноте, как это произошло однажды утром со мной. Он хотел знать, из-за чего весь этот шум, и любой проходящий [человек] в тот час мог быть источником информации. (Солдат всегда смотрит в тыл, чтобы узнать, что происходит, и лучше информирован на постое, чем в окопах). Обычно два часовых работают вместе, стоя по очереди у бруствера. Свободный дремлет на стрелковой ступеньке или с несчастным видом ворочается в нише, пытаясь поддерживать циркуляцию крови. Он рад почти всему, что движется, что можно увидеть или услышать, — прислушиваться к чему-то, что никогда не приходит, и смотреть, когда так темно, что ничего не видно, становится утомительно. Так что за звуком крысы, бегущей по дощатому настилу, вероятно, будут следить с интересом. Однако пистолетный выстрел на ничейной земле, или разрыв гранаты, или приглушенный шум ударов, ругательств и восклицаний, подобно шуму приятной драки в переулке, приводят его к брустверу рядом с товарищем. У них есть удобное место, с которого они не могут ничего видеть, а могут только стро-

ить предположения, и очень важно, что наши войска всегда соответствовали этим предположениям; они никогда не сомневались в исходе и не боялись за безопасность наших патрулей. Через минуту или две тишина восстанавливается, и они могут только ждать, чтобы узнать результат — возможно, во время утреннего подъема.

Именно в этот момент я вышел из хода сообщения и столкнулся с человеком, стоявшим на углу первого траверса.<sup>93</sup>

— Не могли бы вы сказать нам, из-за чего весь этот шум, сэр?

Я не мог, — я не заметил ничего особенного с тех пор, как покинул расположение пулеметного расчета сразу за траншеей поддержки, где останавливался минут на пятнадцать.

— Ну, думаю, мы узнаем через минуту, сэр, если они вернутся тем же путем. Они вышли прямо там, вдоль маленького овражка под проволокой. Не могу себе представить, что они сделали. Сначала одна или две [гранаты] Миллза,<sup>94</sup> совсем близко друг от друга; потом что-то, похожее на фугаску, но это точно был не снаряд. После большого взрыва мы ничего не слышали, хотя он был не более чем в ста двадцати пяти ярдах.

Мы поднялись в нишу, поближе к часовому. Я спросил, не там ли их офицер разведки, и мне ответили, что нет. Это были взводный сержант и трое солдат.

— Тише, — сказал человек у бруствера, обращаясь скорее к самому себе. Другой человек быстро поднялся на стрелковую ступеньку, стараясь не поднимать глаз, стараясь, чтобы ближайшие предметы выделялись на фоне того, что являлось небом. Все закрыл обычный земной туман, [в котором] человек, который не издавал бы ни звука и передвигаясь по-пластунски, мог бы подобраться к нам ближе чем на пятнадцать футов. Мне показалось, что я услышал слабый скрип проволоки и легкий шорох, но тридцать секунд спустя не смог бы поклясться в этом. Но через две минуты мы услышали звуки движения. Винтовки были тихо наведены в том направлении, и голосом, достаточно твердым, но не более громким, чем считалось необходимым, часовой потребовал подтверждений. Мне было интересно снова наблюдать то, что я часто замечал в этом [обмене] паролем и отзывом на передовой, где опасность — это вероятность, а не просто вымысел, как это обычно бывает за пределами места боев. Во-первых, нежелание прибегать к формальности пароля и условного отзыва. Во-вторых, у часового есть склонность ждать, пока он не увидит достаточно хорошо, чтобы что-то предпринять в случае неудовлетворительного ответа. Мужчина не любит выдавать себя или выглядеть глупо, запрашивая пароль у любого шороха. Он хочет окликнуть что-то, во что в следующее мгновение сможет выстрелить. В данном случае оклик должен был исходить от часового справа. Шум с той стороны был ближе, хотя и направлялся в нашу сторону. Могу себе представить, как этот человек в тот момент ждал, пока не увидит башку, в которую можно было бы всадить пулю. Это прекрасно, для быстрых и определенных результатов; но это не тот способ, чтобы вовремя предупредить всех и удержать вражеские гранаты — и рейдовую партию — вне траншеи. Очень яркий свет

---

<sup>93</sup> Элемент открытых фортификационных сооружений, представляющий собой поперечные валы, которые располагают на протяжённых прямолинейных участках для прикрытия входов, защиты от рикошетов и т.п.

<sup>94</sup> Граната Миллза — британская ручная осколочная граната, первая в истории Британской армии. Благодаря простоте конструкции и надежности в работе пользовалась популярностью среди солдат, при разрыве давала множество тяжелых осколков.

все покажет; но его использование является плохой практикой — практикой “фрицев” — особенно когда вы знаете, что вышел один из ваших собственных патрулей. Это может вызвать пулеметную очередь.

Ответом на наш оклик было:

— Ай, Робинсон, заткнись, у меня есть для тебя сувенир, — и в темноте замелькали неясные очертания четырех человек, спешивших к траншее. Первый, перелезая через бруствер, уронил что-то в нишу.

— Вот ты где, — произнес он.

Теперь я позабыл, звали ли того человека Робинсон или нет. Что я запомнил, так это то, что второй часовой поднял предмет, и мы осмотрели — в основном на ощупь — новую версию старой доброй булавы, о которой я, в этой войне скрытых врагов и дальнобойных винтовок, даже не думал. Она выглядела смертельно опасной для работы вблизи, и мне это не нравилось. Насколько я понимаю, впервые они были обнаружены во владении некоторых австрийских войск (хотя до нас тут были немцы), и что позже они стали довольно многочисленными.

Крайний человек, забравшийся в траншею, потянулся за диковинкой.

— Давай посмотрим на эту чертову штуку, — произнес он. Он был сержантом. Я заметил на нижней части его рукава маленькие шевроны, указывавшие на то, что он находится тут с самого начала [боев]. Он рассудительно взвесил “булаву”, затем вернул ее. Когда я взял ее, он взглянул на меня, без сомнения догадавшись по рукаву моего плаща, что я офицер.

— Что вы об этом думаете, сэр?

— Довольно грубо, — произнес я.

— Слишком медленно и неуверенно в темноте, сэр? Я оставлю себе свой “Кольт”, а если окажусь слишком близко, то в дело вступит нож.

Затем, повернувшись к остальным, он сказал:

— Сражаемся до конца, ребята, но не шумите так, чтобы мог услышать часовой. Не забывай о своем деле, Робинсон.

И исчез в ходе сообщения, по которому я пришел. (Вскоре он вернулся в сопровождении командира взвода, пайка с ромом и приказом быть на посту в полной готовности). Остальные тем временем извлекали другие боевые трофеи, включая несколько “Люгеров”. Потом они вспомнили, что был бой. Часовой хотел получить объяснение того странного взрыва, и это добавило еще один новый штрих, не менее интересный, чем “булава”.

— Что, черт возьми, ребята, вы там делали? — спросил часовой. — Я не знал, что вы взяли с собой какую-то артиллерию!

— Разве это не был адский шум? — ответил один из них. — Ты когда-нибудь слышал, чтобы “картофелемялки”<sup>95</sup> собирали в кучу? — он продолжил обращаться ко всем и каждому из нас, но уже серьезно. — Я не знаю, что произошло, но это звучало так, как будто взорвался сразу целый ящик. Мы бросили четыре “Миллза”, и все это проклятое место взорвалось.

---

<sup>95</sup> “Картофелемялка” — жаргонное название немецкой ручной гранаты с длинной ручкой (*Stielhandgranate*) в войсках западных стран. После модернизации в 1924 году получила название *Stielhandgranate 24*, и широко применялась немецкими войсками во Второй мировой войне. У русских и советских солдат получила название “колотушка”.

— Они, должно быть, услышали щелчок наших [гранатных] чек, — сказал другой, который уже некоторое время взволнованно пересказывал разрозненные фрагменты боя, — Нас разделяло не более двадцати футов. Они прошли прямо у нас под носом, и даже не поняли, что произошло.

Я понял, что он был сравнительно новым человеком. Он и раньше бывал в патрулях, но сейчас впервые ему довелось сражаться в темноте. Легко было заметить, что траншейная война внезапно вызвала у него новый и очень решительный интерес. Он все еще был переполнен возбуждением.

— Не знаю об этом, — сказал первый оратор. — Возможно, они увидели нас и немало попридержали свои [гранаты], чтобы мы не могли отбросить их назад. Но не думаю, что они нас заметили. Во всяком случае, они их так никогда и не бросили, и сейчас уже не смогут вам об этом сказать; то место разрушено.

— О, черт возьми, — произнес Робинсон. — Что там случилось — если что-нибудь было?

По сути, именно так была рассказана эта история. Но прежде чем мы вернемся и начнем с самого начала, мы могли бы также сказать несколько слов о правдоподобности теории, объясняющей взрыв. Если вы никогда не видели гранату-“картофелемялку”, я могу вам сказать, что они на самом деле по своему внешнему виду очень похожи на картофелемялку. Вся эта штука имеет около шестнадцати дюймов в длину. Рабочий конец представляет собой металлическую оболочку из тонкого листа длиной около четырех дюймов, наполненную Т.Н.Т.<sup>96</sup> Граната Миллза, приземлившись прямо на кучу таких шуток и взорвавшись, вполне может привести к их взрыву. Такая рейдовая партия, как та немецкая, вполне естественно могла положить несколько гранат вместе, пока они отдыхали — не подозревая о какой-либо опасности — в воронке от снаряда. Человеку, хорошо ими нагруженному, некоторые из них вполне могут показаться неудобными, когда он сядет или прислонится к стенке воронки от снаряда, потому что они крепятся к поясу и болтаются на бедрах, как хвосты пушных зверей, на которых нападают определенные дикари в своей более официальной одежде. Если некоторые из них снять, сложить вместе в сухом и чистом месте, в котором нет проволоки и нет воды, в готовности к тому, чтобы их снова подобрать в темноте, то у нас была бы полностью готовая мина. Речь идет о ситуации, которая проявлялась, пока один и второй человек, по существу, рассказывали свою историю следующим образом:

— Ну, они сели в воронку от снаряда прямо у нас под носом, чтобы потолковать. Мы не могли двигаться, поэтому нам пришлось закидать их гранатами, если мы хотели вернуться домой к рассвету. Не знаю, ждали ли они остальную часть армии или просто придумывали историю о том, как наткнулись на вражеские патрули, которые помешали им выполнить свою грязную работу.

— Как ты позволил им держать свое совещание у тебя под носом?

— Вот для чего мы там были — для получения информации, — сказал остроумный участник вечеринки.

Но Робинсона было не превзойти:

— Я полагаю, вы послали им приглашение выйти и все обсудить!

— О, мы были внутри их проволочного заграждения, проверили их часовых и так далее, вышли и ждали, чтобы посмотреть, что сможем разглядеть, когда тут появился

---

<sup>96</sup> Тринитротолуол, тротил.

этот отряд головорезов. Мы были в воронке от снаряда прямо рядом с тем длинным оврагом. Они вышли на дело и продвигались вперед, пока не оказались справа напротив нас. Затем они остановились и склонили головы друг к другу. Мы могли видеть “картофелемялки”, подвешенные к их поясам. Казалось, они не понимали, в чем дело. Они пришли со стороны наших позиций, справа, и не могли принять решение. Через минуту наблюдатель напротив очнулся и выпустил сигнальную ракету, и мы увидели, что им нужно побриться. Пока она горела, они все попадали в воронку, ту, которая рядом с нашей. Мы немного подождали. Похоже, времени было достаточно. Их было восемь, мы сосчитали их, когда они стояли. Они точно находились в пределах дальности броска. Мы держали свои гранаты до тех пор, пока они не были готовы взорваться в наших руках, потом бросили их, и эта мина взорвалась, а мы вышли и подобрали их пистолеты. Нам бы никогда не удалось их найти, если бы “фрицы” не занялись делом и не выпустили ту кучу сигнальных ракет. Вам не нужно беспокоиться ни о каких раненых.

Это, на мой взгляд, прекрасный способ для патруля.

Прежде чем мы зайдем слишком далеко в этом патрулировании и окажемся слишком заняты настоящими боями, полагаю, мне лучше рассказать вам о том деле с флагом, в котором я участвовал; хотя на самом деле в то время в нем было не так уж много интересного. В любом случае, я немного вернусь к своей истории и расскажу, как это произошло.

Напротив нашей передовой линии (около правого фланга нашего участка и чуть левее дороги на Фоормезееле), немцы установили что-то вроде флага. Его история восходит к первым дням войны; похоже, они забрали его у кого-то другого, кто, в свою очередь, украл его в первый раз у кого-то еще. Как раз там, где эта штука *действительно* возникла, была своего рода неразбериха, но идея была такова: “Вот он, флаг, подойди и возьми его, если сможешь”. Это была темно-синяя штука с каким-то ромбовидным рисунком в центре, и она уже привела к двум или трем ожесточенным дневным схваткам. С позиции нашего “Снайперского амбара” мы могли видеть ее очень хорошо, и я часто лениво размышлял, стоит ли за ней охотиться.

Однажды ночью, — это было девятого ноября 1915 года, — я решил отправиться туда один и попытаться найти новую пулеметную позицию, которую, как мы были уверены, “фрицы” соорудили прямо напротив нашего правого фланга. По нашим наблюдениям, мы были уверены в том, что он строят что-то в этом роде, поскольку видели, как люди сносили в то место бревна и другие материалы. Это была темная, мрачная, дождливая ночь, похожая на ту, в какую Джордж Паудаш просунул голову в блиндаж и объявил: “Война откладывается из-за дождя”.

В то время я не пил, вернее, не пил совсем, но чувствовал потребность в небольшой порции “голландского мужества”,<sup>97</sup> поэтому, чтобы немного укрепить нервы, я убедил сержанта Харви дать мне пару хороших порций рома — по-моему, их было даже три — а затем перелез через бруствер. Отсюда до того места, куда я хотел попасть, было всего около семидесяти ярдов по прямой. Пробраться через нашу проволоку оказалось достаточно легко, так как для этой цели у нас были оставлены несколько небольших проходов, поэтому я вскоре там пролез, а затем пополз вдоль обочины старой дороги,

---

<sup>97</sup> “Голландское мужество” (англ. сл. *Dutch courage*) — пьяная удаль, пьяная бравада, храбрость во хмелю, хлебнуть для храбрости.

где неглубокая канава позволяла нормально укрыться. В одном месте в той канаве лежало тело солдата, и, попытавшись откатить его в сторону, я открутил ему одну ногу — именно здесь та дополнительная порция рома оказалась как нельзя кстати.

После того я прополз мимо мертвеца и медленно пробрался к немецкому [проводному] забору, но потребовалось много времени и много ползания вдоль заграждения, прежде чем я смог найти щель, через которую смог бы протиснуться. Наконец-то я все-таки пробрался и достиг [вражеского] бруствера. Все было спокойно; очевидно, немцы тоже были довольны тем, что отложили войну до тех пор, пока не улучшится погода. Наконец мне удалось обнаружить их новую пулеметную позицию, и, чтобы четко ее обозначить, я использовал страницу из *“Arms and the Man”*, — нашего старого журнала о стрельбе, который позже станет [называться] *“The American Rifleman”*. Этот журнал присылали прямо мне, и у меня был экземпляр, сложенный в моем плаще. Поэтому, прикрепив тот лист бумаги прямо под амбразурой, где он был бы хорошо виден с наших позиций, я начал прокладывать себе обратный путь.

Только тогда я подумал об этом флаге. Он стоял примерно в ста ярдах дальше вдоль немецкой траншеи от того места, где я тогда находился. “Пока мне удалось пробраться внутрь их проволоки, — сказал я себе, — почему бы не отправиться за этой чертовой штукой и не забрать ее обратно?” Наш офицер-пулеметчик, лейтенант Уайт, и офицер-разведчик только что обсуждали в моем присутствии вопрос о том, как подойти и заполучить этот флаг, и какие бы угрызения совести у меня ни возникали по поводу того, что я испортил им веселье, они были эффективно рассеяны действием тех глотков рома. Поэтому в конце концов я решил, что будет правильно и верно проскользнуть туда и забрать его.

Нужно было просто тихо и осторожно проползти по внешней стороне немецкого бруствера. Там находилось много жестяных банок и мусора, которого следовало избегать, но через непродолжительное время я подобрался к их флагу; он был установлен прямо посреди того места, которое мы называли “растяжкой”, то есть проволокой, натянутой на колья, которые были вбиты почти до земли, [и эта] проволока (колючая, конечно) торчала примерно на высоте щиколотки. Неприятные вещи, чтобы через них можно было нормально пройти. Флагшток был прочно воткнут в землю и дополнительно усилен несколькими растяжками, которые были закреплены на земле. Мне удалось отстегнуть эти проволоки, а затем вытащить шток из земли. Наверное, я что-то упустил из виду — какую-то проволоку, соединенную с сигнализацией в их траншее, или, возможно, с “предустановленной” винтовкой или двумя. Во всяком случае, раздалась пара винтовочных выстрелов, и пули пролетели неприятно близко [от меня]. Я думаю, что одна из них ударила по палке, на которой был закреплен флаг, и у меня на руке появилось два довольно серьезных пореза, подозрительно похожих на следы от пуль. Кто-то в немецкой траншее выпустил сигнальную ракету, и некоторое время стрекотал пулемет, но я лежал неподвижно, и через несколько минут волнение улеглось, и я направился домой. До этого времени я по-настоящему не замечал рома, который принял перед тем, как отправиться в путь; но примерно в тот момент он начал действовать. “Черт возьми, — сказал я себе, — что толку валять дурака; почему бы просто не встать и не пойти обратно?” Что я и проделал. Хотите верьте, хотите нет, но, как сказал Рипли, я вернулся к нашей проволоке так же небрежно, как сегодня шел бы по улице. Однако, добравшись до нее, я обнаружил, что пропустил проход, через который вышел, поэтому принялся ругать всех в целом за то, что меня заперли. (Тот ром, несо-



мненно, оказался забористым). Прошло всего несколько мгновений, пока кто-то не перелез через наш бруствер и не показал мне дорогу домой. Полагаю, это был лейтенант Бауэрбэнк. Знаю, что выставил себя совершеннейшим ослом; но они были очень снисходительны ко мне, и я спустился туда, где у лейтенанта Уайта находился его блиндаж, и отдал ему флаг с просьбой передать его полковнику. Вот и вся история. Позже мне даже дали за это медаль.

Бумага, которую я прикрепил прямо под амбразурой пулеметной точки, позволила нам точно определить ее местоположение на карте, и несколько дней спустя наша артиллерия вывела ее из строя.

На следующее утро, когда “фриц” обнаружил, что его флаг пропал, он начал нас обстреливать. Тогда мы сочли это серьезным, так как у нас было несколько убитых и раненых. Несколько месяцев спустя мы назвали бы это легким обстрелом. В тот вечер, когда я стоял в нише прямо за своим блиндажом вместе с несколькими другими, включая Сэма Комиго, они отправили множество винтовочных гранат. Вы когда-нибудь слышали одну из этих “птиц” в полете? Они издают звук, совсем как маленькая собачка, получившая быстрый пинок. Не могу передать это словами, но если вы когда-нибудь слышали маленького малыша, бегущего по улице и визжащего на каждом шагу — что ж, вот это оно и есть. Это относится, конечно, только к гранате старой формы, с шомпольным хвостом.<sup>98</sup> У более поздних образцов звук совершенно другой. При дневном свете увернуться от “визгунов” не составляло труда; они заявляли о себе заблаговременно и были хорошо видны, но ночью приходилось рисковать. К несчастью, один из них упал прямо в нашу нишу. Теперь этими дьявольскими штуками стреляют от земли вверх; то есть они взрываются при ударе, и, поскольку это обычно происходит на уровне земли, осколки, наносящие урон, всегда направлены вверх. Сэм находился в правом конце ниши, и именно туда упала граната. Некоторые из остальных получили несущественные царапины на ногах (эти обмотки — отличная защита), но Сэма, очевидно, сильно задело. Он схватился за живот — а был он крупным, толстым парнем — и проворчал: “Похоже, они меня достали”, — после сел на ящик с боеприпасами и умер почти мгновенно. Один из маленьких осколков вошел в его брюшную полость и прошел вверх к сердцу. Он, вместе со своим братом, — как и еще одна пара братьев, Паудашей в нашем батальоне — принадлежали к чистокровным индейцам из племени чиппева — и были одними из лучших солдат в подразделении. Он был похоронен на нашем маленьком кладбище в “Риджвуде” — рядом с лейтенантом Уайлгрессом, первым из наших офицеров, принесшим высшую жертву.

В то время по этому поводу я чувствовал себя довольно скверно. Я знал, что все эти обстрелы были вызваны кражей флага, но тогда что бы вы сделали? Война есть война. Много раз пехота безжалостно проклинала меня за то, что я использовал пулемет по кажущейся цели. “Нет, нет, — кричали они, — не делай этого. Они будут мстить!” И вот это вот слово: “Они будут мстить”... Что ж, черт возьми, давайте! Какого дьявола мы здесь? Это что, летний пикник? Хотя не думаю, что у меня был личный враг в батальоне — на самом деле я был рад и горд называть их всех своими друзьями,

---

<sup>98</sup> Скорее всего, речь идет о самодельных образцах таких гранат, когда бралась ёмкость со взрывчаткой, к которой присоединялся примитивный детонатор ударного типа и припаивался хвостовик из толстой проволоки (иногда для этого использовался ружейный шомпол). Для запуска такой гранаты требовалось вставить хвостовик в ствол винтовки, и произвести выстрел выстрел холостым патроном.

— тем не менее, невозможно обойти тот факт, что все они, индивидуально и коллективно, ненавидели меня в те времена, когда я думал, что стоит дать “фрицу” дозу яда. Если бы мне позволили идти своим путем, “фрицы” продолжал бы “мстить” на каждом шагу фронта.

Для меня это была игра, величайшая игра в мире. Всякий раз, когда они возвращались со своим возмездием, я был так же рад, как школьник, получивший самую высокую оценку из всех возможных. Это было несомненным доказательством того, что я их больно ужалил. Хорошо помню одну ночь. Незадолго до наступления темноты из нашего “Снайперского амбара” мы увидели немецкую батарею, занимавшую позицию в месте под названием “ферма Хиеле” — не более чем в восьмистах ярдах от передовой линии противника. Они всегда держали там артбатарею “свистелок”<sup>99</sup> и, очевидно, меняли ее; то есть прибывала новая батарея, чтобы заменить ту, которая находилась там на протяжении некоторого времени. Об этой батарее мы знали все — мы, пулеметчики, — и наша артиллерия тоже; но, похоже, между артиллерией с обеих сторон существовало своего рода “джентльменское соглашение”: оставить друг друга в покое и посмотреть, как весело они могут проводить время с пехотой. Однако, мы, как “Эмма Джис”, не были связаны никаким подобным соглашением.

Поэтому, когда я увидел, что приближается та батарея, я немедленно сообщил [о ней] нашим резервным пулеметам в укрытиях в *Bois Carré* и дал им номер цели. (У нас был нанесен на карту каждый дюйм “Германии”, находившейся в пределах досягаемости, и все, что мне требовалось сделать, это сообщить им номер и время начала стрельбы). Я полагал, что, как только начнет темнеть, весь личный состав выйдет наверх, продолжая работу по установке одной группы орудий, а остальные останутся в укрытиях. Сразу после наступления сумерек мы открыли по ним огонь из четырех пулеметов. Задача состояла в том, чтобы отстрелять по полной ленте, а затем, дав оружию немного остыть, вести периодический огонь всю ночь.

Позабывшись обо всем этом и оставшись до тех пор, пока не начала отстреливаться первая лента, я спустился к передовой траншее, где у нас в хороших местах были расположены другие пулеметы для целей обороны. У меня было предчувствие, что мы что-нибудь придумаем, и я ждал, чтобы убедиться, что ребята там и готовы к делу. Я сделал обход и объяснил им суть дела, оставшись на левом фланге нашей линии, где находился крайний пулемет, и разговаривал с майором Джонсом, когда совершенно внезапно стали прилетать снаряды. Так вот, “фриц” не очень любил ночную стрельбу — на самом деле редко делал это, если только не в качестве подготовки к атаке, — и когда начали прилетать снаряды, всем было приказано быть наготове.

Все столпились в нишах, в готовности вскочить на стрелковую ступеньку, как только огневой вал будет перенесен. Снаряды сорвали верхнюю часть бруствера и разрывались вокруг. Мы с майором стояли на открытом пространстве и на некотором расстоянии за бруствером, когда между нашими головами просвистела шрапнельная “свистелка” — нас разделяло не более двух футов — разорвавшаяся в блиндаже повара, который, к счастью, в то время был незанят. О, конечно, — мы переместились в другое место.

Конечно, я знал, в чем дело, и был очень доволен собой и теми меткими стрелками, которые стояли за пулеметами; но остальные, пехота, ничего не зная о обстреле,

---

<sup>99</sup> Т.е. батарея 77-мм полевых пушек.

который мы устроили этим батареям, находились в блаженном неведении. Все, что они знали, это то, что, когда враг устраивает ночью такое представление, это обычно означает *дело*. Насколько я мог судить, в ту ночь у нас не пострадал ни один человек, и я всегда считал, что это того стоило. Несомненно, мы нанесли определенный урон немцам, и то, что нас подняли по тревоге, было хорошей тренировкой для наших войск.

Так прошли первые зимние месяцы. Большую часть времени я стрелял из снайперской винтовки, но каждый день обходил пулеметы, просто чтобы посмотреть, как идут дела. Шел обычный обстрел, и из-за этого мы каждый день теряли людей, также как и из-за различных видов траншейных минометных снарядов и винтовочных гранат. Время от времени от винтовочного и пулеметного огня погибал человек, особенно среди связистов, которым приходилось выходить и чинить обрывы на линии. Наше положение на выступе было таково, что пули с большой дистанции могли попасть нам во фланг и даже в тыл, и таким образом был ранен не один человек.

При строительстве наших траншей мы должны были учитывать такой анфиладный огонь и через частые интервалы обустроить верхние траверсы. Они были спланированы исходя из теоретической траектории немецких пуль, на дальностях, с которых мы могли ожидать обстрела, но при этом не принимался во внимание тот факт, что пуля могла прилететь с расстояния примерно в две мили, — что иногда и случалось. Однажды я разговаривал с капралом Джонсоном, стоя прямо под одним из этих арочных проходов, — по-видимому, в самом безопасном месте, какое только можно было найти, когда пуля попала ему в щеку и вышла через шею. Должно быть, она задела яремную вену (или сонную артерию), но вскоре он был спасен. У врага были такие же защитные траверсы, и я часто жалел, что у меня нет патронов с малой начальной скоростью для небольших дистанций — что-то вроде наших караульных патронов с уменьшенными зарядами, используемых для стрельбы в тире, — чтобы я мог сделать несколько выстрелов в его траншею. На самом деле, я приложил усилия, чтобы наш оружейник снарядил кое-что из такого рода вещей, но так и не предпринял никаких действий по этому поводу. Я также предложил, чтобы нам выдали несколько дробовиков — или обрезов — и зарядов картечи, но британское начальство с ужасом отвергло это предложение, сообщив, что это неспортивно, или что-то в этом роде. Можете ли вы себе это представить — неспортивно против врага, который нарушил все правила ведения цивилизованной войны, как на суше, так и на море?

Меня не производили в сержанты примерно до Рождества, но по той или иной причине мне была предоставлена полная свобода действий, которую я хотел, — ходить, куда мне заблагорассудится, и делать то, что мне нравится. Все, что я особенно хотел сделать в то время, — это оставаться на вершине достаточно долго, чтобы покончить примерно с сотней немцев.

Единственный раз, когда я оказался вдали от линии фронта (то есть вне зоны активного обстрела), было 25-го ноября 1915 года, когда я отправился в Байёль, чтобы посетить могилу Чарли Вендта, после чего незадолго до рассвета уехал и вернулся на линию фронта вскоре после наступления темноты в тот же день. Находясь в Байеле, я впервые за несколько месяцев поел в доме. В отеле “Фокон” я хорошо поужинал, и, вспомнив, что это был последний четверг ноября, а, следовательно, дома был день

Благодарения,<sup>100</sup> я сделал все возможное, убедив шеф-повара (подкупленного бутылкой их лучшего вина) достать и приготовить для меня лучшую *poulet*,<sup>101</sup> доступную на рынке. Об индейке не могло быть и речи, но я заставил эту старую курицу послужить ей заменой — и это было совсем не плохо. Как раз в этот момент появилась пара парней из Пятого батальона и помогла мне справиться с ней — иначе я, возможно, не смог бы той ночью добраться “домой”.

Грязь. Грязь. ГРЯЗЬ. Это единственное, что я буду помнить всегда, превыше всего остального, — память о той грязи во Фландрии. Мы купались в ней днем и спали в ней ночью. Был один период в сорок два дня, в течение которого я ни разу не разделся. Я мог бы сделать это в один из нерегулярных случаев, когда подразделению разрешали отойти в тыл на постой, но это произошло в то время, когда меня больше интересовала снайперская стрельба, чем ванна, поэтому я решил остаться там, где мог продолжать практиковаться с винтовкой.

---

<sup>100</sup> Государственный праздник в США, отмечается в последний четверг ноября. С него начинается сезон Рождественских и новогодних праздников.

<sup>101</sup> Курица (фр.)

## Глава 8

### Рейды в траншеи

Патрули были естественной прелюдией к траншейным рейдам. Во время них добывалась большая часть необходимой информации, и они являлись лучшим способом тренировки для этих задач. На самом деле, боевые патрули были, по сути, рейдовыми партиями, которые ограничивались в своей деятельности нейтральной территорией. Им оставалось только взобраться на бруствер, поднять шум, взять пару пленных и вернуться. Я не собираюсь втягиваться в какие-либо споры по этому вопросу, и могу, конечно, ошибаться, но, обладая достоверной информацией, думаю, что систематические рейды на вражеские траншеи впервые были задуманы и осуществлены канадскими войсками в Плутштирте. Насколько помню, это были солдаты из Пятого батальона Первой канадской дивизии, которые провернули первую “демонстрацию”. Эти мероприятия всегда назывались “демонстрациями”.

Способ был довольно прост — подождите, пока враг успокоится, проскользните через бруствер, немного забросаете их гранатами, спрыгните в их траншею, схватите нескольких пленных и все пулеметы, которые вы увидите, и уходите домой. Звучит достаточно просто и, как это ни странно, это действительно просто — при условии, что какая-нибудь неожиданность не нарушит запланированное выступление.

Многие рейды были проведены с такой же простотой, с какой я теперь пишу о них. Они были осуществлены благодаря обыкновенной наглости. Медленный, методичный тевтонский ум не смог сразу воспринять идею о том, что несколько дюжин или около того человек посмеют вторгнуться в священные участки их траншей. Одним из результатов этого стало появление значительного количества очень эффективных рабочих на наших дорогах за линией фронта.

В то время, начиная с 1915 года, когда был проведен первый трюк такого рода, вплоть до начала 1917 года, когда автор этой книги покинул фронт, эти набеги выросли из небольших, местных (я чуть было не сказал *личных*) мероприятий до операций таких величин, что в последнее время в них принимали участие целые бригады.

Так вот, это утверждение верно в прямом смысле. Исходя из моего опыта, первое предприятие такого рода стало моим маленьким личным делом, которое описано в предыдущей главе и которое не принесло ни заключенных, ни информации, а только флаг; а последнее было, когда вся Четвертая бригада организовала демонстрацию у Булли-Греней и привела с собой 101 немецкого пленника. Первый эпизод случился в ноябре 1915 года, а последний 17-го января 1917 года.

Формально, цель этих рейдов заключается в добыче информации, — то есть захвате нескольких пленных, с тем, чтобы знать какие войска стоят напротив этой конкретной позиции. На самом же деле, с нашей точки зрения, их целью было внушить “благоговейный страх Господень” этим бедным сукиным сынам или чьим-то там сынам, и заставить их вести себя прилично.

Во время наших первоначальных экспериментов на этом поприще нам везло по-разному. Помню, как в первый раз наша группа попыталась перебраться через бруствер и захватить пленного. Я не принимал в этой попытке никакого участия, кроме того, что установил пулемет поверх бруствера и вел непрерывный огонь по верху вражеской траншеи (которая находилась менее чем в ста ярдах от нас), чтобы заставить их не высовываться до тех пор, пока наша рейдовая партия не проберется через их проволоку.

Попытка оказалась не очень успешной. Наша группа так и не смогла перелезть через германское проволочное заграждение, но они подошли достаточно близко, чтобы забросить в окопы противника несколько гранат и по-доброму верили, что смогли нанести некоторый урон. Во всяком случае, они вернулись назад — все вместе — злые, как шершни, и решили, что в следующий раз сделают это лучше.

И они таки сделали это лучше. Следующая попытка была предпринята далеко на другом фланге нашей боевой линии, где противоборствующие траншеи располагались в почти двухстах ярдах друг от друга. Как и ранее, я был просто наблюдателем, управляющим пулеметом с вершины бруствера и действующим в качестве этакго прикрытия для рейдовой партии, выпуская то тут, то там пулеметную очередь по вершине вражеского бруствера. Так как ранее я несколько раз подбирался к траншее противника, выискивая пулеметные и снайперские гнезда, мне удалось немного помочь [своим товарищам] в предварительной работе, но офицер, отвечавший за вылазку, лейтенант Миллер, хладнокровный и находчивый офицер, предпринял меры предосторожности, отправив в несколько ночей перед этим группы, чтобы прорезать проходы через германскую проволоку. Демонстрация была хорошо организована, и, несомненно, противнику был нанесен серьезный урон. Наша партия не привела никаких пленных, поскольку парни были вынуждены отступить из-за неожиданного прибытия большого количества немецких подкреплений; но каждый человек из нашей группы вернулся назад, несколько оказались слегка ранены, но ничего серьезного, в то же время было очевидно, что своими удачно брошенными гранатами они нанесли значительный урон врагу.

Следующий раз оказался еще лучше — по сути, это был полный успех. Тщательно спланировав схему операции, мы организовали то, что можно было бы назвать двойным счетом. На операцию вышли две партии, только одна как отвлекающая группа, а другая как настоящая рейдовая группа. Первая следовала той же тактике, что и предыдущие; — то есть пулеметы подчистили вражеский бруствер, разведчики прошли сквозь ранее прорезанные проходы в проволоке и приступили к забрасыванию гранат во вражескую траншею. Это привело к настоящей небольшой битве между гранатометчиками с обеих сторон и, как мы надеялись и ожидали, к тому, что все немецкие резервы были стянуты на место атаки. Но тем временем наша настоящая рейдовая партия, в которой мне посчастливилось быть участником (хотя я и должен был оставаться позади, наводя пулеметы), тихо проскользнула сквозь проволоку и была готова перепрыгнуть на ту сторону. Когда звуки боя убедили нас в том, что время пришло, эта группа бросилась через бруствер, спустилась вниз с той стороны к нескольким ничего не подозревавшим часовым, и очень быстро сопровождала их обратно через бруствер к своей передовой линии. Было несколько добротных рукопашных схваток, и одного немца пришлось пристрелить прежде, чем он мог бы сдаться. Другие, застигнутые врасплох, сопротивления не оказали. Наша группа вернулась домой с несколькими живыми пленниками и без серьезных потерь. В другой группе, проводившей отвлекающую демонстрацию, было несколько раненых осколками гранат, но никто убит не был. Мы полагали, что той ночью хорошо поработали.

Успех или неудача любого рейда в траншее в значительной степени зависит от тщательности подготовки к нему. Разумеется, офицер, руководящий операцией, должен быть компетентным, но на самом деле большая часть его работы будет заключаться в планировании боя, инструктировании своих людей и контроле за предваритель-

ной подготовкой. Когда дело доходит до фактической вылазки на позиции противника, он является всего лишь одним человеком, и лично не может делать больше, чем любой другой.

Первым обязательным условием является тщательное ознакомление со всеми физическими характеристиками участка позиции, на котором планируется вылазка. Эта информация должна собираться из отчетов наблюдателей и снайперов, с авиаснимков самолетов и, наконец, путем работы патрулей, которые добывают непосредственные практические знания об условиях, с которыми они сталкиваются — в темноте — вплоть до посещения вражеского бруствера и изучения реального поля боя.

Затем идет подбор людей — и это самая сложная часть. Эти *демонстрации*, как правило, предпринимаются только молодыми и инициативными сержантами подразделения, и каждый из них должен будет делать свой выбор из имеющихся в его подчинении людей. Ему не хочется обращаться за помощью за пределы своего взвода, поскольку эти вылазки являются предметом гордости для всех солдат любого подразделения, в них занятого. Если у него будет много закаленных солдат, его задача будет легкой, но если, как это часто бывает, [подразделение] переполнено новичками, прибывшими на замену, ему останется лишь о многом догадываться — и полагаться на Господа. Одно неверное движение со стороны одного человека может провалить все предприятие.

Выбрав свою цель и организовав свою группу, он собирает их вместе и обсуждает с ними весь план действий, описывая план вражеской позиции и территорию, которую необходимо пересечь, чтобы достигнуть нужного места. Для обычной, небольшой вылазки с целью захвата пленного, у него может быть где-то от двенадцати до шестнадцати человек, а иногда и не более восьми, в зависимости от местных условий.

Каждому из них назначаются определенные, четкие обязанности, которые я поясню позже. Когда это возможно сделать, особенно если у него есть несколько новых людей, он лично выводит их на линию фронта для проведения небольших разведывательных и патрульных вылазок на протяжении нескольких ночей, чтобы приучить их к трудной задаче передвижения на открытом пространстве, не будучи обнаруженными. Во время этого процесса ему, вероятно, придется отсеять некоторых и заменить их другими, которые лучше приспособлены для такого рода заданий.

Все, что только остается теперь сделать — это дожидаться благоприятной погоды. Лучшими из всех условий является холодный, сильный дождь. Тем не менее, ему, возможно, придется предпринять попытку независимо от погоды, особенно если срок службы приближается к концу, и ему поручено выполнить задание прежде, чем покинуть линию фронта. В любом случае, дата установлена, и он собирает свою команду в темное время суток для окончательных инструкций и смотра. Он внимательно просматривает форму и экипировку каждого человека. Не должен быть заметным ни один кусочек металла, который может дать блик под ярким светом осветительного снаряда. Лица и руки должны быть зачернены или затерты грязью. (В свое время для таких заданий нам выдавали маски). Предположим, что у него есть двенадцать человек, двое из них назначены для перерезания проволоки и они выходят примерно на час раньше остальных, чтобы в определенном месте проделать проход через вражеское проволочное ограждение, и оставаться там на протяжении всего выхода, чтобы направлять остальных, когда те возвращаются. Иногда они вывешивают вдоль прохода полосу белой ленты, но делается это редко, только в случае крупных рейдов.

Остальные десять человек разделяются на две группы по три человека в каждой и одну из четырех человек. Вся партия вооружена ручными гранатами, штыками и, при наличии, пистолетами. Каждая группа имеет назначенного командира — сержанта или рядового.

Кто-то внезапно обнаруживает, что в группе тринадцать человек, и лейтенант со вздохом смирения поворачивается к ближайшему солдату в траншее и приказывает ему сопроводить их до внешнего края нашего проволочного заграждения и оставаться там до тех пор, пока группа не вернется. Этот важный вопрос решен, он смотрит на свои часы и решает, что те, кто должен был перерезать проволоку, успели выполнить свою работу, затем выводит группу через бруствер и проходит через заранее подготовленные проходы в нашей собственной проволоке.

С офицером во главе, они медленно продвигаются через узкий отрезок ничейной земли, которая пролегает между противоположными заграждениями из колючей проволоки. Вверх взлетает осветительная ракета (очень яркая!), и все в рейдовой партии замирают, оставаясь неподвижными как статуи, пока свет не погаснет. Внезапный звук, слева, — и снова они останавливаются; затем, подчиняясь сигналу командира, тихо ложатся на землю. Лейтенант быстро соображает: «Что это было?» А! Взлетает другая ракета, и вдалеке на позиции, на освещенном заднем фоне, он может разглядеть фигуры нескольких человек — конечно же, немцев — их патруль. “Теперь вопрос в том, в каком направлении они идут? Если они идут сюда, то могут столкнуться с нами. Кроме того, вполне вероятно, что они могут увидеть проход в своей проволоке. Ну, все, что мы можем сделать, это притаиться и выяснить это. Если они захотят стычку, мы сможем отколошматить их, но, вероятно, потеряем одного-двух человек, а нам не нужно такое этим вечером”.

Спустя какой-то промежуток времени, который, должно быть, новичкам показался целым веком, но, вероятно, длился не более двух или трех минут, послышались звуки, указывающие на приближение патруля. Офицер бесшумно извлек свой пистолет, а все остальные держали наготове гранаты, в готовности вытащить чеки и бросить их, когда прикажут. Медленно и осторожно приближалась группа противника, их движения выдавал то случайный режущий ухо звук, когда кто-то наткнулся на какой-то старый кусок провода или другие обломки, то чмокающий звук сапога, вытаскиваемого из грязи. Господи, неужели они никогда сюда не дойдут? Тревожное ожидание такого столкновения быстро выматывает мужские нервы в этой игре — даже у старых опытных игроков. Сердце стучит так громко, что кажется, они обязательно это услышат.

Такое непредвиденное обстоятельство было предусмотрено, и каждый знал, что делать. Тысячу раз, в укромном месте за своим собственным бруствером, они отрабатывали все действия. Команды передавались простым прикосновением руки или шевелением ноги, и они с нетерпением ожидали какого-то сигнала от своего командира.

Приглушенные звуки все ближе и ближе. “Они натолкнутся прямо на нас, или пройдут мимо?” [Этот] вопрос скоро был разрешен (хотя и казалось, что *прошли* часы). Звуки постепенно стихали и теперь доносились справа. Они прошли, вероятно, на расстоянии пятнадцати футов от нас и отправились своей дорогой — что, как мы знали из прежних наблюдений, приведет их к месту, находившемуся дальше на безопасном расстоянии вдоль нашей передовой линии.

После короткого ожидания, рейдовая партия снова двинулась вперед и вскоре подошла к месту, где было приказано прорезать проход. Поначалу офицер подумал,



что произошла ошибка, и его сердце сжалось; но его быстро успокоил шепот Коллинза, одного из тех, кто резал проволоку.

— Мы слышали тот патруль, поэтому с внешней стороны разрезали только нижнюю проволоку, чтобы можно было проползти под забором, — сообщил он. — Внутри путь свободен.

— Молодец! Есть голова на плечах, — похвалил офицер. — Теперь можете перерезать остальное, чтобы расчистить нам проход. Вы с Джексоном держите ушки на макушке. Этот чертов патруль *может* вернуться прежде, чем мы будем готовы.

С этими словами он полез вперед по узкому проходу и вскоре с внутренней стороны забора, в нескольких футах от основания бруствера, встретил Джексона.

Без всякого другого приветствия, кроме пожатия руки, он тихо проскользнул внутрь и направлял остальных по мере того, как они следовали за ним. Группы из трех человек разошлись, — одна направо, а другая налево. Каждая из них должна была отойти на расстояние около пятидесяти ярдов, а затем выждать целую минуту, которую командиры отсчитывали с большой точностью, затем каждый бросал гранату и во время шума и смятения от разрывов сдвигались к центру, останавливаясь примерно в двадцати ярдах от фактического места атаки — которое находилось точно напротив прохода в заграждении. Группа из четырех человек, во главе с офицером, пробиралась по склону бруствера, располагаясь следующим образом: офицер в центре, вместе со своим опытным сержантом справа и еще одним ветераном слева от себя. Фланги прикрывались двумя опытными солдатами, чьей обязанностью было держать гранату наготове, с вытянутой чекой, и при первом взрыве гранаты, брошенной любой из фланговых групп, они бросали *свои* гранаты таким образом, чтобы она попала в участок траншеи справа и слева от места, выбранного для атаки.

Офицер и два опытных солдата с ним были единственными, кто на самом деле лезли в траншею — только если они не встречались с неожиданным сопротивлением. В этом случае двое остальных следовали за ними, пока фланговые группы забрасывали траншею с обеих сторон гранатами.

“ВУУУХ!” — пошла первая граната, и, прежде чем вспышка погасла, налётчики уже прыгнули [в траншею]. Двое солдат немедленно подскочили к краям участка траншеи и бросили свои гранаты за углы траверса. Офицер в центре полагал, что он приземлится на немца, но поди ж ты, ячейка оказалась пустой, поэтому он побежал к сержанту, который вошел в следующую ячейку и шарился вокруг в попытке что-либо найти. Сейчас в воздух взлетели многочисленные сигнальные ракеты, и при их свете офицер обнаружил вход в блиндаж. Приказав сержанту охранять его фланг, он отдернул брезентовый занавес и потребовал, чтобы те, кто находились внутри, выходили наружу, иначе он выкурит их гранатами. Поняли ли обитатели блиндажа его слова или нет, но они безусловно поняли его намерение, потому что трое людей спешно выкарабкивались наружу.

— Я их взял! Давай, ребята, убираемся к черту отсюда! — прокричал он, одновременно сгоняя пленных в следующую ячейку и вытаскивая их через бруствер, где их встречали Джексон и двое других человек, и начав двигаться, быстрым темпом, к нашим траншеям. Сержант и остальные следовали за ними по пятам, и развлекались, бросая гранаты вправо и влево в немецкие траншеи, пока не подошли фланговые группы.

Офицер пересчитал их, проверил, что все присутствуют и отослал к своим, пока прикрывал их с тыла. Никто не пытался спрятаться. С момента взрыва первой гранаты прошло меньше трех минут, и враг не успел понять, что происходит. Несколько отдельных гранат перелетали через его бруствер, и пулемет выдал очередь, но это была просто стрельба наугад, и никто не пострадал.

Это была замечательная работа — добыть трех невредимых пленных без потерь, кроме нескольких мелких царапин, которые двое из наших получили от небольших осколков “картофелемялок”. Но так было не всегда. Обычно, прежде чем мы уходили с пленными, происходило несколько рукопашных стычек, и слишком часто мы возвращались домой с пустыми руками. Но таков был способ действий, практикуемый нашими [частями], и всякий раз, когда он тщательно соблюдался, успех был почти гарантирован, а потери были незначительны. На самом деле, вероятность потерь почти не принималась во внимание, люди об этом не задумывались. Их главная забота заключалась в том, как нанести наибольший ущерб — самый удивительный и смелый — за ограниченное время.

Эти вылазки были хорошим стимулом для изобретательного гения, и в каждом взводе всегда находилось несколько человек, которые были заняты разработкой искусных методов причинения “страданий” “голландцам”.<sup>102</sup> Эта задача иногда вдохновлялась просто желанием отплатить гансам за то, что мы страдали от таких неприятностей, как *minnenwerfers*<sup>103</sup> и “лимонки”,<sup>104</sup> — чтобы отплатить им с процентами, чтобы дать им что-то большее и лучшее, как сказали бы кинорежиссеры. Но это был лишь случайный мотив; я думаю, что реальным и стойким мотивом был настоящий интерес к игре и желание выигрывать как можно чаще, а не ждать в грязи, пока что-то не произошло. После того, как изобретательные и искусные умы почувствовали вкус к тому, что могло быть сделано во время рейдов в траншеи, военные действия приобрели новый и личный интерес. Они стали рассматривать все ресурсы и орудия войны главным образом с целью их использования в рейдах; и позиции траншейных минометов, инженерные насыпи и склады снабжения даровали удивительные сокровища. На неразорвавшиеся снаряды смотрели с сожалением, с тем, что “динамит” и сталь пропадали зря, что не было способа добавить к ним короткий взрыватель, чтобы взорвать их в глубине немецкого блиндажа. Чем-то подобным стрелял миномет Стокса, хотя это был не неразорвавшийся, а боевой снаряд, взятый со склада боеприпасов.<sup>105</sup>

Я никогда не узнал, как они сделали так, чтобы это оказалось возможным протащить через нейтральную полосу и гарантированно подорвать, когда оно достигнет дна блиндажа. Насколько помню, первым, кто получил признание за доработку первого

---

<sup>102</sup> Таким прозвищем (*Dutchman*) называли немцев во время Первой мировой войны; для кого-то это слово, возможно, будет даже оскорбительным.

<sup>103</sup> Минометы (нем.)

<sup>104</sup> Жаргонное название французской гранаты F1, получившей его за характерный ребристый яйцеобразный корпус, а также других гранат с подобной конструкцией (включая отечественную Ф-1).

<sup>105</sup> Английский 81-мм миномет, первый подобного рода, созданный по схеме мнимого треугольника, ставшей затем классической для всех подобных артиллерийских систем. Мина представляла собой чугунный цилиндр, заполненный взрывчатым или отравляющим веществом, в донную часть которого вставлялась короткая огнепроводящая трубка меньшего диаметра.

снаряда, был янки<sup>106</sup> (их было много в Канадском корпусе). И не знаю, как часто они использовались; но каждому, кто заявлял, что он может приспособить снаряд, тут же говорили сделать свое дело, и всегда находился доброволец, готовый украсть или заимствовать снаряд у ближайшего минометного расчета. Если офицер, ответственный за следующий рейд, был хорошим разведчиком, он знал об этом и приветствовал такой вклад; если нет, то уладить это дело втайне было очень легко, довольствуясь тем, что результаты оправдают [такой] метод.

Собственно говоря, не могло быть никаких здравых возражений; но девизом в этих рейдах являлось тесное сотрудничество, [поскольку] индивидуальные деяния могли легко повлечь за собой неудачу или катастрофу. Тем не менее, в пределах ограничений тактическими необходимостями индивидуальная инициатива и смелость очень ценились, и идеальная рейдовая партия была той, которая пользовалась этими качествами в полной мере, задействуя весь взвод или роту для поиска идей и приспособлений. Таким образом, участником рейда становился каждый, и избранной дюжине людей поручалось претворение в жизнь — в ходе двадцати или тридцати активных минут — работы всего взвода или роты. И даже тот, кто никогда не выходил на ту сторону, но который, по пути в траншеи, замечал случайный ящик динамита недалеко от склада инженерных боеприпасов и предоставлял в распоряжение [рейдовой партии] одну или две шашки, так же интересовался рейдом, как и тот, кто принимал [у него] эстафету. Или, находясь в группе, которая пошла за пайком в ночное время, он мог повстречать группу саперов и вспомнить, что вылазка запланирована выйти завтра ночью: “Скажи, Джек, здесь есть склад? Как насчет ‘бакшиша’ — шашки динамита в подарок?”

Бакшиш — одно из тех полезных слов, которые используются в любой армии. У Британской Армии их было множество, собранных со всех концов земного шара, и так легко заимствованных и адаптированных, что сохранялся только след их первоначального смысла — а иногда и вовсе никакого следа. Это слово вернулось домой с войсками, которые служили в Индии, где, как мне кажется, оно писалось *бакшиш*. У нас оно означало то, чем можно было поделиться или использовать так, как не было предусмотрено официальными органами, которые это выдавали; или что-то, что осталось после обычного распределения; или случайная вещь, которая приходила в слишком малых количествах для раздачи, и, таким образом, не будучи ожидаемой, попадала, как правило, в рюкзаки интендантов.

Как правило, сапер был готов внести свой вклад. Он обязан был довольствоваться рассказом о том, где можно было раздобыть эти вещи; но если в данный момент он не находился под непосредственным надзором, то мог бы счесть своим долгом узнать, что можно найти среди запалов, детонаторов и т.д., и даже найти некоторые огнепроводные шнуры, которые применялись в начале войны для изготовления гранат из жестяных банок из-под варенья. Такая любезность может привести к обретению настоящего хранилища боеприпасов, которое потихоньку накапливалось до тех пор, пока не приходил приказ о вылазке. Когда люди отобраны и становилось официально известно, как и чем они должны быть вооружены, оставалось только отобрать пару человек, которым можно было доверить выполнить работу должным образом, и нагрузить их таким количеством этих вещей, которое они могли бы нести *неофициально*. Одной ми-

---

<sup>106</sup> Общепринятое жаргонное прозвище американцев.

нометной мины Стокса, или двух шашек динамита, связанных и закрытых соответствующим образом, на человека было достаточно.

Если вы считаете, что это были безвредные шалости, вы просто должны представить себя в подземной комнате шириной в шесть футов или около того, у основания узкой двенадцатифутовой лестницы. Теперь вы сидите тихо, в то время как снаряд Стокса разрывается среди вас. Чем больше я думаю об этом, тем более убеждаюсь в том, что рейды в траншеи были жизненно важной частью траншейной войны. Знаю, что с нашей стороны это работало с очень удовлетворительными результатами. [Такие рейды] обеспечивали наилучшую подготовку в таком важном аспекте как совместная работа, умении использовать удачный момент, когда он наступает; [позволяли] делать не только то, что от вас ожидали, но и все, что вы хотели бы ожидать от себя, и все же быть в состоянии уйти вместе с группой, четко и в установленном порядке, с осознанием хорошо проделанной работы.

По мере того, как война продолжалась, идея о том, что подобные вылазки в траншеи могут быть приемлемыми, наконец, пробралась в голову “фрицев”. С присущей немцам основательностью, они должны были, в том или ином виде, попробовать подобное. Хотя я не являюсь доверенным лицом немецкого высшего командования, и никогда им не был, я совершенно уверен, что могу интерпретировать их выводы. Они с самого начала узнали, что у них нет никаких шансов пробраться внутрь и удивить нас. Наша система разведки и наши часовые были слишком хороши для этого. Тогда у них зародилась идея о том, чтобы изолировать определенную область окаймляющим заградительным огнем, а затем направить против защитников этого изолированного участка траншеи превосходящие силы. Они испробовали на нас этот метод несколько раз, но безуспешно, поскольку мы достаточно быстро догадались об их намерениях для того, чтобы принять эффективные предупредительные меры. Через месяц или два наблюдений почти всегда можно понять, что подразумевается под какой-либо артиллерийской демонстрацией. Наши вылазки, как правило, проводились без какой-либо артиллерийской подготовки. Скрытность и бесшумность были главными предпосылками успеха. Гранаты и огнестрельное оружие обычно бралось с собой, но использовались они только тогда, когда необходимость в скрытности отпадала.

Самым эффективным оружием была не винтовка, а хорошо заточенный штык в руке. Мне где-то встречалось заявление о том, что затачивать штык противоречило признанным правилам войны. Ну что ж, очень жаль. Последнее, что мы сделали, прежде чем покинуть Англию, — это отнесли все свои штыки к оружейнику и заточили их до бритвенной остроты, а позже всегда держали напильники, чтобы поддерживать их в таком состоянии. Что касается меня, то если меня пырнут штыком, то думаю, я предпочел бы, чтобы он был острым, а не тупым; но, конечно, у других людей могут быть разные представления об этом.

Возможно, они не были должным образом проинструктированы французами или [произошло это] из-за известной самоуверенности и тщеславия американского солдата, но когда первые войска Соединенных Штатов вышли на передовую линию у Батлемона, 3-го ноября 1917 года, они попались на старую уловку с окаймляющим заградительным огнем и потеряли довольно много пленных, несколько раненых и троих солдат убитыми — Гришамы, Хэя и Энрайта, из Шестнадцатого американского кадрового пехотного полка. Нетерпеливые, но слишком самоуверенные, они дали завлечь себя в ловушку, на которую никогда не купились бы более старые, опытные солдаты. Ни один

разумный противник не будет зря растрачивать несколько тысяч хороших снарядов, и когда начинается какой-то обстрел, то это что-то означает, и способность читать [эти] признаки и интерпретировать сообщение, является ответственностью того, на кого возложено командование. Через месяц или два человек узнает признаки и почти всегда может догадаться о том, что задумано, и предпринять любые меры предосторожности, чтобы сорвать попытку рейда.

Когда начинался обстрел, который указывал на то, что на данном участке траншеи будет предпринята вылазка, в Канадском корпусе мы обычно делали одну из двух вещей. Если это было возможно, мы быстро покидали передовую траншею и отходили в траншею поддержки, в готовности задать чертей той рейдовой партии, как только они выходили на нашу сторону и оказывались в наших оставленных траншеях. Иногда мы отходили в примыкающие траншеи на флангах, а оттуда помогали отбросить их, как только немецкий заградительный огонь переносился, а их рейдовая группа перебиралась через наш бруствер. Без сомнения, людям, попавшим под такой огненный шквал и вынужденным оставаться в блиндажах, пока рейдовая партия не появится в их траншее, совершенно точно не везло (S.O.L.). Что нужно делать, так это быть где-то в другом месте и на ногах, готовыми ответить им, как только перенесется артиллерийский огонь, и они окажутся по нашу сторону.

Бывали случаи, когда те, кто попадали в такое огневое окаймление, выходили прямо на открытую нейтральную территорию перед своим бруствером и встречали рейдовую партию то того, как она что-то по-настоящему начинала и портили ей игру прямо на месте. Все это зависело от условий и обстоятельств, но опытные войска вскоре научились быть не там, где “фрицы” ожидали их встретить, — и это всегда с треском проваливало план “голландцев”.

Был еще один довольно поразительный, но и забавный, момент в крупном рейде в январе 1917 года. Наши люди тренировались на протяжении недели или более — работали на учебных траншеях, которые были построены за нашими линиями, и являлись точными копиями траншей противника, в которые намечалась вылазка. Рано вечером группа, которая прорезала проволоку, вышла на ту сторону и проделали проходы через линию обороны противника, и незадолго до рассвета туда проскользнула рейдовая партия, состоящая из целого батальона. Все шло как по нотам, но там, где в передовой траншее они ожидали встретить только обычную редкую цепочку людей, они свалились прямо на голову нескольким сотням немцев, которые только что собрались там для вылазки в *нашу* траншею, запланированную ровно на пятнадцать минут позже. Вот так мы захватили 101 пленного. Обычно улов составлял не больше пятнадцати или двадцати человек. Захваченный совершенно врасплох, противник понес существенные потери, тогда как наши полные потери составили примерно шесть или семь человек раненых.

Получилось так, что для каждого батальона считалось делом чести организовать демонстрацию и захватить пленника или двух во время каждого периода пребывания на линии фронта. Как правило, это были мелкие мероприятия, — обычно работу выполнял взвод, — и многие молодые сержанты, возглавлявшие их, заработали свой Военный Крест.<sup>107</sup>

---

<sup>107</sup> Военный Крест (англ. *Military Cross, MC*) — третья по значимости военная награда для офицеров Британской Армии и вооруженных сил стран Британского Содружества. В описываемое время ею

Это то, что сделало траншейную войну действительно войной — в перерывах между более крупными стычками. Я смог лучше оценить ее по достоинству в течение последних нескольких недель, когда вернулся ненадолго к своим специальным обязанностям и мог смотреть на вещи со стороны. Вспоминаю еще один случай на этом же участке, который произошел незадолго до большого рейда, который принес 101 пленного Четвертой бригаде. Это место находилось как раз слева от того участка фронта, и рейд был небольшим, как я описывал в другом месте, — хотя каждая вылазка отличалась от других и имела [свои] интересные особенности, не думаю, что должен бесконечно продолжать рассказывать о них просто потому, что они меня заинтересовали. Поэтому я упомяну об этой, просто чтобы зафиксировать появление другой выдумки “фрицев”. Это был маленький фонарик формой и размером с карандаш, прикрепленный к стволу винтовки, очевидно, разработанный, чтобы дать возможность “фрицу” завалить своего человека в темноте. Он попытался опробовать это на одной из наших рейдовых партий, но, как это зачастую случается со многими нововведениями, не получив подробного ознакомления с устройством, “фриц” оказался слишком медленным со спусковым крючком. Наш человек просто сел на дно траншеи, и с этого положения использовал свой “Кольт” — и прихватил винтовку с фонариком с собой, чтобы показать ее нам.

Немец мало что мог сделать, чтобы защитить себя от наших набегов. Мы взяли верх и оставались наверху. На войне, как и в большинстве других областей, ничто не оказывается настолько эффективным, как успех. Наши парни были уверены в себе, в то время как немцы просто привыкли ожидать, что их возьмут, что делало их сравнительно легкими мишенями.

И “фрицы” ничего не добивались, когда они пытались совершить атаку подобным образом. Наряду со своими делами с заградительным окаймляющим огнем, они пробовали использовать некоторые из наших методов, среди которых были бесшумные рейды, в которых не была предусмотрена предварительная стрельба, а рейдовая партия просто незаметно ползет, пока не доберется до бруствера, перебрасывает через него гранаты, а затем пытается продолжить начатое в последующей суматохе, кидая гранаты в блиндажи и хватая тех часовых и людей, которых она может схватить. Мне не известно ни об одном человеке, павшем жертвой этих набегов; но один из них случился в батальоне, с которым я служил, прежде чем покинуть фронт. В тот момент там произошло очень интересное событие, поэтому, полагаю, вам придется потерпеть, пока я не расскажу все об этом случае, прежде чем старик перейдет к новой теме.

Эта немецкая рейдовая партия состояла только из восьми “фрицев”, и они добрались почти до нашей проволоки до того, как их обнаружили часовые. Это основная защита от вылазок в траншеи такого рода: просто имейте часовых, которые стоят на ногах и бодрствуют, делая то, что они должны делать, — наблюдать. Этот часовой немедленно поднял тревогу. Другие часовые тоже не зевали и быстро очистили те участки траншеи, куда начали падать “картофелемялки”. Некоторые из них поднялись на бруствер, как только немцы вошли в траншею, и направились к тому, что казалось центром всего движения — им был глубокий блиндаж, точное расположение которого немцы, вероятно, хорошо знали, поскольку он был построен несколько месяцев назад.

---

награждались чины в звании капитана и ниже за проявление “актов образцовой храбрости во время активных действий против врага на суше”.

Люди, находившиеся в этом блиндаже, слышали тревогу и к тому времени, когда немцы очутились на этом участке траншеи, уже находились на пути к выходу. Случилось так, что в это время в этом блиндаже находился ротный сержант-майор (первый сержант),<sup>108</sup> пришедший туда, чтобы увидеть по какому-то вопросу взводного сержанта, и он оказался первым человеком, который выбрался наружу, в основную траншею, где столкнулся лоб в лоб с тремя “фрицами”, наступающими вперед, выдерживающими шнуры-чеки и размахивающие своими “картофелемялками”.

Сейчас, после войны, мне зачастую случается бывать с людьми, которые разглядывали один из тех пистолетов Вери,<sup>109</sup> и неизменно кто-то из толпы начинает интересоваться, каким будет результат, если вы выстрелите в человека из одной из таких ручных пушек. Ну, я могу сказать им, потому что видел одного немца, в которого из нее выстрелили, и случилось это во время того самого случая, о котором я сейчас рассказываю. У старшины был пистолет Вери, засунутый за пояс, когда раздался сигнал тревоги, поэтому он вытащил его, когда вышел из блиндажа и сразу же бахнул в лицо первому “фрицу” с расстояния около трех футов. Пуля или картечь, или что там *находится* в этих гильзах, попала этому человеку в висок, сбила его с ног, а затем со дна траншеи совершила прекрасный полёт, который обеспечил людям наверху бруствера хорошую стрельбу. Они быстро выстрелили в двух других немцев, убив одного и ранив другого. Остальные пять участников рейдовой партии так и не вышли из участка, куда они свалились, трое были там убиты, а два других были взяты в плен. У того “голландца”, который получил заряд из Вери, полностью снесло часть головы.

И таким обычно был исход дела, когда “фрицы” пытались подражать нашей тактике в деле рейдов в траншеи. Лучшая защита от таких небольших вылазок — это быть начеку, немедленно поднимать тревогу, а после выводить всех [людей] из блиндажей и передовых траншей и атаковать нападающих. Открытое пространство в самом деле является самым безопасным местом из всех, потому что враг не может стрелять в то самое место, где совершается вылазка, из-за опасения поразить своих людей. Пожалуй, это все, что касается защиты от таких рейдов.

---

<sup>108</sup> Старшина роты, по-нашему.

<sup>109</sup> Сигнальный пистолет, разработанный лейтенантом ВМС США Эдвардом Вери в 1878 году. Имел калибр 1,5 дюйма (38,1 мм) и изготавливался из бронзы. В английском языке термины “сигнальный пистолет” и “пистолет Вери” являются синонимами, даже если речь идет о других ракетницах.

## Глава 9

### Примечательные случаи

Та зима 1915-1916 годов выдалась влажной. Дождь шел почти каждый день, и хотя редко когда становилось достаточно холодно, чтобы [все это] замерзло, ночи всегда были достаточно промозглыми, чтобы вызывать острый дискомфорт. Несколько раз все покрывалось тонким слоем льда, и случилась пара небольших метелей. Вода и жидкая грязь в наших траншеях стояла на уровне от лодыжек до пояса, и жили мы как ондатры. Глядя на это с высоты сегодняшнего дня, я не понимаю, как люди могли это пережить, но удивительный факт заключается в том, что мы не только выжили, и у нас было очень мало всяких разных болезней, и, судя по тому, что мне известно, не было ни одного случая ревматизма или пневмонии.

Как это воспринимали другие? Полагаю, примерно так же, как и я. Они были очень патриотичными, эти канадцы. Гораздо больше, чем средний человек, которого я встречал позже в армии Соединенных Штатов. У американцев, похоже, не было ощущения, что они в буквальном смысле боролись за родину. Это был скорее жест признания за помощь, оказанной нам французами во время Войны за независимость, и, вместе с участием солдат-добровольцев, он воспринимался скорее как забава и приключение, чем как патриотический долг. Но **МЫ**, канадцы (я подчеркиваю это *мы*, потому что, пока я находился на канадской службе, я сердцем и душой был канадцем) осознавали, что мы сражались за Британию — за Родину. Мы воспринимали эту игру серьезно, понимая, в общем-то, что грязь является ее частью, а бюрократизм или начальство, которые делали все возможное, чтобы предоставить подходящую одежду, не заслуживали наших обвинений. Кроме того, мы чувствовали, что они и в самом деле были обеспокоены нашим благополучием.

Все это время мы больше узнавали о войне и быстро становились теми, кого можно было назвать “настоящими солдатами”. Знаете, на изучение этой игры уходит много времени. Конечно, многие из тех, кто наиболее подготовлен как физически, так и морально, никогда не научатся ей. В современной войне дела идут таким образом, что многие просто погибают прежде, чем они окажутся в милях от врага. И с теми снарядами, прилетающими по всей территории [на расстояние] примерно миль десять за линию фронта, особенно по дорогам, многие из них — такие люди как водители санитарных и транспортных машин, артиллеристы и некоторые штабные офицеры — вообще никогда не попадают на фронт. Их убивают, и я полагаю, они [также] имеют право на всю ту честь, которую им можно оказать, но очень жаль, что у них даже не было возможности увидеть в чем тут дело. Это можно узнать только на фронте. Знаю, что здесь многие очень хорошие люди и хорошие солдаты придут в бешенство и обидятся на такое замечание. Они, как и артиллеристы, будут утверждать, что *они* были “на фронте”. Что ж; все, что я могу сказать, так это то, что “на войне существует только один *настоящий фронт*, — там, где между вами и противником нет никаких других чертовых людей”. Время от времени его видят офицеры-артиллеристы, корректирующие огонь, и сопровождающие их связисты; также замечалось, что некоторые штабные офицеры в спокойное время обходили линию фронта, но, по большей части, их обязанности удерживают их вдали. Прямо здесь, я хочу упомянуть одного офицера штаба, который, похоже, получал удовольствие, приходя на передовую линию, и это был не



кто иной, как Н.Р.Н. принц Уэльский<sup>110</sup> — или, как он был тогда известен, капитан Виндзор. Этот парень точно хотел увидеть все [своими глазами].

Вот такое заявление, вероятно, прозвучит весьма глупо, но я готов смириться с последствиями: “Ни один солдат не годится для битвы, пока он не пройдет через нее”. Обмозгуйте это сами.

В мирное время солдат можно поготовить к *войне*. Для случайного человека, обывателя, и даже для самого неопытного солдата это может считаться достаточным для того, чтобы сделать его пригодным к *бою*. Но я надеюсь продемонстрировать вам, что это совсем не так. Подготовка к войне, то есть обучение, которое получают все солдаты, заключается в том, чтобы обучить их личной санитарии (чтобы они могли поддерживать себя в хорошей физической форме); действиям в сомкнутом и развернутом строю; использованию оружия, которым они вооружены, и его обслуживанию; а также *дисциплине*, которая в широком смысле охватывает все другие требования.

Все эти вещи они могут изучить в любом учебном лагере. Но опыт, который делает их пригодными к *бою*, имеет гораздо более серьезный характер. Как легко понять, его можно обрести только в самом сражении. Невозможно повести людей сквозь артиллерийский и пулеметный огонь (который наверняка убьет и ранит некоторых из них) в учебном лагере. Сразу после почти двух лет реальных боевых действий, в 1917 году, автор этих строк, будучи командиром пулеметного батальона Тридцать восьмой дивизии в Кэмп-Шелби, в штате Миссисипи, предложил [сделать] такое генералу, командиру дивизии, и после этого был назван сумасшедшим. “Ну, — сказал я, — многим из них все равно придется получить свое, как только они пойдут в бой, так почему бы не дать остальным [возможность] кое-что узнать об игре, прежде чем они зайдут настолько далеко, что санитары-носильщики не смогут найти их два или три дня”.

Но, как я уже сказал, эту идею быстро отвергли, поэтому все, что я смог сделать, это попытаться рассказать тысяче или около того людей, находящимся под моим командованием, что они могут ожидать, и больше об этом не задумываться.

Подготовку к сражению можно назвать “последипломным” образованием, и никто не может претендовать на получение по нему диплома, пока он фактически не участвовал в качестве бойца, по крайней мере, в одном бою. Ничто из того, что может быть написано или сказано, никакие слова, не могут выразить или принести понимание реального опыта. Обычная подготовка к войне — это только основа, а настоящая игра должна быть изучена только в ее процессе.

Человек может вызубрить все учебники наизусть и может быть способен повторить их досконально, может быть опытным стрелком и все такое, но только в реальном бою он может по-настоящему *обрести* себя. В старые времена, когда люди шли в бой плечом к плечу и выигрывали или проигрывали [сражения] благодаря массовым построениям, это было не так уж важно, но в этом году от Рождества Христова, после начала светопредставления, это в значительной степени индивидуальное и личное дело, когда каждый солдат [сам] по мере сил находит лучшее решение, ради блага общего дела и сохранения собственной жизни.

Стрелок находит положение дел совсем иным, чем то, к которому он привык на стрельбище. Тяжелое и трудное передвижение, подкрадывание или переползание по адскому опустошению, которым является современное поле битвы, среди разрывов

---

<sup>110</sup> Его Королевское Высочество (англ. *His Royal Highness*).

взрывающихся снарядов и диких пронзительных звуков рикошетирующих осколков, треска и свиста пуль, среди дыма и пыли — да, это другое. Здесь он должен научиться использовать все имеющиеся укрытия, и в то же время держать темп наступления; он должен научиться выискивать отдельные цели и целенаправленно стрелять *по ним*, а не просто вести огонь в общем направлении противника. Такого в избытке будут производить пулеметы и автоматические винтовки.<sup>111</sup> Если стрелок и будет вообще сохранен в составе будущих армий, то это произойдет только благодаря тому факту, что он может и будет добросовестно и умело вести точный и *эффективный* огонь по отдельным, индивидуальным целям.

Напрасно было бы ожидать, что любой человек, впервые подвергшийся такому испытанию, сможет должным образом себя контролировать и начнет делать что-либо, что приближается к разумному, логическому мышлению. Когда человеку приходится переползать через бруствер, где пули вспарывают мешки с песком, а снаряды-“свистелки” с грохотом проносятся поверх его головы и разрываются вокруг, у него из головы улетучиваются многие вещи, которые он учил в тренировочном лагере. Его единственная мысль — что он непременно получит свое, как только высунет голову поверх. После нескольких таких представлений, если он выживает, то уже прекрасно знает, что между пулями и снарядами есть достаточно места, и у него есть как минимум равные шансы избежать их.

Когда наступает такое время, он имеет право называться “обученным” солдатом — ветераном. (Я смиренно утверждаю, что ни один солдат не заслуживает почетного звания ветерана, если он лично не прошел хотя бы через один настоящий бой в качестве полноценного участника).

За день до рождества 1915 года, сразу после полудня, я бездельничал на нашей огневой позиции на ОП-7 (опорный пункт №7). Это был один из редутов нашей второй линии траншей. [Стоявший] всего лишь в четырехстах ярдах от нашей передовой линии и менее чем в пятистах от позиций противника, он был оборудован на небольшом возвышении под прикрытием деревьев на опушке *Bois Carré*. Оттуда, под защитой нависающих веток деревьев, я мог просматривать не только большую часть нашей собственной траншеи, но и значительную часть территории, занятой противником. Прямо передо мной лежала дорога, ведущая из Ипра в Висшаэтт. В том месте, где эта дорога пересекала нашу линию фронта, у нас был пулеметный пост, который теперь — мы находились в [огневой] поддержке — была занят пулеметной командой Двадцатого батальона. Справа от меня простиралось поле цикория, через которое шёл один из наших ходов сообщения. На этом поле, примерно в ста ярдах за нашей передовой линией, одна из наших батарей траншейных минометов только что закончила оборудовать окоп, в котором они установили один из своих минометов. Очевидно, враг обнаружил это место, потому что сейчас они подвергались обстрелу падающими вокруг да около гаубичными снарядами, скорее всего, пятидюймовками, и я от нечего делать смотрел на это и думал, когда случится прямое попадание. Людей там не было, потому что подобное оружие, [как у них], применялось только по ночам. Так вот, траектория этих снаря-

---

<sup>111</sup> В данной книге под автоматическими винтовками автор подразумевает ручные пулеметы, типа пулеметов “Льюис”, о чем он дальше рассказывает подробнее. Ключевая мысль здесь состоит в том, что в описываемое время станковые (или “настоящие”, как он говорит) пулеметы относились к артиллерийскому вооружению, в то время как ручные пулеметы относились к пехотному.

дов пролежала прямо над пулеметным постом на передовой, и [пулеметный] расчет как раз там обедал, когда один из снарядов, не достигнув цели, упал посреди них, убив и ранив несколько человек.

Один из раненых находился в таком тяжелом состоянии, что было крайне необходимо немедленно отвезти его на перевязку, чтобы спасти ему жизнь. Ход сообщения в цикории, почти полностью залитый грязью, был непроходим. Офицер призвал добровольцев, чтобы те вынесли раненого в тыл по дороге, вследствие чего они оказались бы полностью на виду у врага. Мы уже потеряли на этой дороге несколько человек убитыми, и знали, что вон там в лесу прятался хороший снайпер, но офицер рассудил, что в канун Рождества вряд ли кто-нибудь станет стрелять по безоружным носильщикам. Но он так думал, не понимая хладнокровных и совершенно нечеловеческих инстинктов тех немцев. Когда они вышли на дорогу, двое мужчин с носилками и сопровождающий их офицер (он не просил бы своих людей рисковать там, где он не был бы готов разделить с ними риск), я внимательно наблюдал за ними, страшась того, что и случилось на самом деле. Как только они дошли до открытого участка дороги пуля попала в одного из носильщиков, и, прежде чем остальные успели спрятаться, упал и второй. Третий выстрел сразил офицера, который пытался помочь раненому.

Со своей позиции я мог видеть каждую пулю, попадавшую в воду на дороге, и, таким образом, очень точно отвизировать позицию снайпера. Суда по небольшому углу падения — пули падали в пределах пятидесяти футов от людей, пройдя через их тела, — было очевидно, что снайпер находился на одном из деревьев за передовой линией противника. На протяжении месяца я пытался найти этого парня, и, прослеживая траекторию от попаданий некоторых его пуль, сузил его местонахождение очень ограниченным участком местности. Теперь я был в нем уверен — крупное дерево с толстыми ветвями, верхушка которого была срезана снарядом и при падении расположившаяся таким образом, что образовывала плотную массу запутанных ветвей высотой около двадцати пяти или тридцати футов. Без сомнения, это и было тем самым местом.

Так вот, этот редут ОП-7 был секретной позицией. Замаскированный, скрытый деревьями, он так никогда не был обнаружен противником — или, по крайней мере, у нас была причина так думать, поскольку его никогда не обстреливали. Помимо пулеметного расчета, там располагался пехотный взвод и пост связистов, которые удобно размещались в настоящих блиндажах на обратной стороне холма. Были отданы очень строгие указания, что с этой позиции не должно производиться никаких выстрелов, за исключением случая атаки [противника]. Конечно, я знал об этом, — но это был не первый раз, когда я не подчинился приказам, и не последний, если уж на то пошло.

Не долго думая, я развернул пулемет и начал осыпать пулями эту верхушку дерева, одновременно выслав одного из своих людей на нашу батарею (Шестнадцатую), чтобы те начали действовать. Внизу, на передовой линии, пулеметы Двадцатого [батальона], казалось, уловили суть дела, поскольку там быстро открыли огонь из всех своих стволов, и когда через нескольких минут к нам присоединилась артиллерия, это зазвучало как настоящая битва — однако, односторонняя, поскольку ответного огня не открывалось. Один из наших людей, наблюдавший через полевой бинокль, сообщил, что видел, как с дерева свалился человек. Не могу за это поручиться, но знаю, что с того дня у нас больше не было проблем с тем конкретным снайпером, и я всегда с любовью лелеял надежду, что мы действительно в него *попали*.

Той ночью я принял приглашение офицера-артиллерийского наблюдателя одной из наших батарей провести с ним рождественский ужин в кафе “Дикебуш Этан”. Рядом с нашими позициями и в пределах зоны досягаемости вражеского огня было несколько мест, где все еще оставались местные жители, удовлетворявшие аппетиты солдат. Одним из них было и это место — на берегу пруда Дикебуш. Очевидно, до войны это было приметное и дорогое придорожное заведение, теперь же оно было буквально окружено артиллерийскими орудиями, вероятно, не менее чем полдюжиной батарей, которые пользовались укрытием, предоставляемым лесом “Риджвуд”, находящимся прямо перед ним, а многие артиллерийские офицеры квартировали в самом кафе.

Мы выскользнули с передовой вскоре после наступления темноты и через час уже были на месте встречи. Его батарея, казалось, устроила большое застолье. Кроме меня, там было еще несколько гостей, офицеров разных подразделений с этого участка фронта. Я был единственным не-офицером (сержантом), но капитаны и майоры относились ко мне как к равному — и лейтенантам пришлось, волей-неволей, делать то же самое. Это такая штука, характерная для работы на переднем крае, — если вы играете в игру и проявляете небольшую инициативу, то звание и чин ничего не значат.

У них оказалась настоящая индейка и, конечно же, в дополнение ко всем обычным гарнирам, рождественский сливовый пудинг. А напитки? Безусловно! Все, что вы хотели, было прямо здесь, и ждало вас. Все мы, конечно же, были в восторге, но не думаю, что кто-то стал недееспособным. У всех нас была наша работа, которую нужно было делать, и мы знали это — и полагаю, выполняли ее. Но на два-три часа мы забыли войну. Настало время песен, и как же зазвенели те старые стропила. Были спеты все привычные святочные песни и рождественские гимны, а затем мы взялись за остальные. Мне посчастливилось знать несколько характерных американских песен, которые я и добавил в меру своих способностей. К счастью, все чувствовали себя так хорошо, что почти любой шум звучал как музыка, поэтому мне это сошло с рук. Всем пришлось по душе “*The Old Grey Mare*” (спетая без цензуры),<sup>112</sup> и еще долгое время после этого мне доводилось слышать эту песню, когда ее напевали или пели офицеры и солдаты многих британских полков по всей линии фронта.

Но это была просто небольшая передышка. На следующий день было Рождество — по обоюдному согласию, стрельбы не было. Было так тихо, что это беспокоило, — казалось таким неестественным. Солдаты обеих сторон показывались безнаказанно, даже ходили на нейтральную территорию, чтобы поохотиться за сувенирами, но не было никакого близкого братания, подобного тому, как мы слышали, случилось в прошлом году.

В рождественский день 1914 года, по-видимому, войска вышли прямо из своих позиций и развлекались на ничейной земле. Припоминаю, что впервые прочитал об этом в книге Яна Хэя “Первая сотня тысяч”.<sup>113</sup> Во всяком случае, я часто слышал об

---

<sup>112</sup> Англ “Старая серая кобыла” — американская народная шуточная песня. Идиоматическое выражение *Grey mare* также означает женщину, у которой муж под каблуком.

<sup>113</sup> Ян Хэй (настоящее имя Джон Хэй Бейт, 1876 – 1952 гг.) — британский школьный учитель, романист и эссеист. Во время Первой мировой войны служил офицером во Франции, его отчет об армейской жизни “Первая сотня тысяч” (“*First Hundred Thousand*”), опубликованный в 1915 году, стал бестселлером.

этом из уст других, которые там были. Представьте, в одном месте немцы даже вынесли пианино и провели настоящий концерт.

Однако в это второе Рождество, несмотря на то, что по обоюдному согласию или по предварительной договоренности по подпольным каналам, обеим сторонам было хорошо известно, что стрельбы не будет, мы, тем не менее, избегали их. Они фактически намеренно убили нескольких наших невооруженных носильщиков во второй половине предыдущего дня, и я, например, не мог этого забыть; поэтому, пока остальные парни ходили там между позициями, и немцы также бродили вокруг у всех на виду, я проводил свое время прямо за затвором пулемета — с опасением, или, может быть, это была надежда — что они что-то начнут.

У меня есть и всегда было много близких друзей, как рожденных в Германии, так и немецкого происхождения, но я готов официально заявить, что пока жив, я *никогда* не буду доверять чести или человечности любой германской военной организации. Это просто не в рамках их кодекса чести или поведения — называйте это, как хотите — соблюдать что-то, граничащее с человечностью, когда они воюют.

Через несколько дней после Рождества немцы обстреляли то кафе в Дикебуше и попали в майора и еще в двух или трех других [офицеров], которые были на нашей вечеринке. Конечно, мы знали, что кто-то из завсегдатаев этого места передал сообщение на ту сторону фронта, но так и не узнали, кто это был. Во всяком случае, во время обстрела никого из гражданских лиц там не было. Это была одна из трудностей в той войне во Фландрии. Слишком большая часть местных была за Германию, и у них существовало много способов передачи информации на ту сторону.

Так тянулась зима. У нас было достаточно возможностей для наблюдения и изучения различных видов снарядов, а также минометных мин и винтовочных гранат. Из [числа] последних, примерно в это время немцы выпустили гранату под названием “ананас”. Она была размером с человеческий кулак и имела форму, напоминавшую фрукт, который и дал ей название, и, чтобы довершить сходство, имела глубокие насечки крест-накрест спереди и сзади, придававшие ей клетчатый вид. После взрыва каждый из маленьких сегментов превращался в смертельный боеприпас, точно так же, как и у ручных гранат Миллза — только эти были несколько больше [по размерам]. Ими стреляли из обычной служебной винтовки обычным боевым патроном, в центре их находилось отверстие для пули, а сама граната приводилась в движение пороховыми газами выстрела. Задний конец гранаты был снабжен тремя маленькими лопастями, которые действовали как рули, удерживая эту штуковину в прямом положении, поскольку они взрывались только при ударе, посему если их носик не ударялся прямо о какой-то твердый предмет, они не срабатывали.

При запуске этих штуковин немцы следовали определенной практике, делая несколько выстрелов из винтовки, как своего рода маскировку, и прямо посреди них выстреливали гранату, но мы быстро научились замечать разницу в звуке выстрела, когда граната запускалась — он был своеобразно приглушенным и легко узнаваемым. Поэтому, когда мы слышали его, то просто прятались и наблюдали, чтобы посмотреть, где приземлится граната. Всего за один день, в непосредственной близости от одного из наших пулеметов, упало более пятидесяти этих балабаек, не нанеся при этом ни малейшего ущерба. Несколько из них, не разорвавшихся, было подобраны, поэтому у нас появились широкие возможности их изучить. Однако примерно через день они все-таки смогли поразить одного человека — “Пэдди” Логана. Он услышал ее приближе-

ние и прижался к стенке бруствера, но, к сожалению, граната ударила по верхней части тыльного траверса сразу за ним и взорвалась, осколки попали ему в голову, вследствие чего он вскоре умер.

С тех пор мы редко видели какие-либо винтовочной гранаты старой формы — я имею в виду шомпольного типа. Этот более новый вид [гранат] мог выстреливаться из боевой винтовки штатным патроном, в то время как другие должны были выстреливаться с помощью холостого патрона и, в некоторых случаях, из специальной винтовки. Кто-то, примерно в то же время, обнаружил, что расширяющиеся пороховые газы, вылетающие из дульного среза винтовки, были на самом деле эффективными метательными зарядами, и что эти газы сами по себе, без помощи шомпола или другого штыря, засунутого в ствол оружия, вызывали силу, достаточную для метания одной из небольших гранат на несколько сотен ярдов.

Что касается ручных гранат: да, сначала они были именно такими, сделанными вручную и бросаемыми вручную. Если кто-то захочет изготовить один из первых образцов, которые использовались нами, я могу легко рассказать ему, как это сделать.

Во-первых, возьмите небольшую консервную банку из-под варенья. Будучи американцем, вы, возможно, не поймете, что я именно имею в виду, но, глядя в кухонный шкаф, я вижу несколько маленьких банок из-под молока “*Borden*”.<sup>114</sup> Как раз то, что нужно. Найдите себе банку такого же размера, и откройте ее, не используя обычный консервный нож. Если у вас нет под рукой штыка, возьмите хороший кухонный нож или топорик для разделки мяса и прорежьте ее наверху крест-накрест, отогнув углы — точно так же, как вы открыли бы любую банку где-нибудь в лагере, где у вас нет под рукой обычного консервного ножа. Затем возьмите шашку 40- или 60-процентного динамита и отрежьте от нее около дюйма. После этого возьмите детонатор и около дюйма обычного огнепроводного шнура, вставьте шнур в детонатор и обожмите его. (Если вы действительно крепкий парень, вы сделаете это своими зубами). Пробейте в шашке отверстие и вставьте в нее детонатор — осторожно зажав его, чтобы он не выскользнул. Вставьте в банку динамитную шашку<sup>115</sup> и наполните пространство вокруг нее какими-нибудь мелкими, но тяжелыми предметами, которые вы сможете найти. Если под рукой нет россыпи гаек и болтов, вполне подойдет гравий. Потом все, что вам нужно сделать, это прижать углы открытой банки, и она готова к работе. Чтобы быть уверенным, что она загорится легко и быстро, разрежьте конец огнепроводного шнура там, где он торчит из банки и обмажьте его щепоткой динамита. Некоторые люди настолько консервативны, что им не нравится это делать, поэтому они просто вставляют в разрезанный взрыватель оторванную спичечную головку.

Вот и все. Все, что вам нужно сделать, когда вы захотите ее использовать, — это зажечь ее и бросить. Я [специально] написал дюйм огнепроводного шнура, потому что боюсь, что какой-нибудь предприимчивый юноша может воспринять это всерьез, и мне хочется дать ему шанс. На самом деле, многие такие гранаты, зажженные и брошенные из одной траншеи, подбирались и возвращались обратно до того, как они взрывались.

---

<sup>114</sup> Т.е. банку от сгущенного молока. Компания *Borden Inc.* — американский производитель продуктов питания, основанный в 1857 году. Первоначально ее основным продуктом было сгущенное молоко, принесшее ей известность.

<sup>115</sup> В оригинале ошибочно написано “порох”, редкий случай ошибки самого автора.

Во время войны было разработано множество других видов гранат. Немецкая граната-“картофелемялка” была довольно топорной на вид, но на самом деле очень удобной в использовании. У них была шутильная привычка оснащать некоторые из этих штучек взрывателями *мгновенного* действия, а затем оставлять их лежать на нейтральной полосе, где их мог подобрать кто-то из наших людей. Если бедняга пытался использовать эту штуку, он подрывался в ту же минуту, как только дергал за шнур.

На мой взгляд, граната Миллза была лучшей из всех, разработанных во время войны. Она была компактной, легко переносилась, и была надежна в работе. К этому времени могли появиться гранаты и получше, я не знаю.

Очень многие люди, в том числе те, кто действительно служил в армии, говорят и пишут об осколках снарядов или гранат как о “шрапнели”. Когда я слышу или вижу в печати эту фразу, — “осколок шрапнели”, — это всегда действует мне на нервы. Любой человек, который хоть сколько-нибудь разбирается в этом, знает, что не существует таких вещей, как *осколков* шрапнели — если только каждая отдельная пуля не называется осколком. В кого-нибудь может попасть колпачок взрывателя, что, как я знавал, случалось, или кто-то может быть поражен корпусом [шрапнельного снаряда], как я имею веские основания знать из болезненных воспоминаний. Но сама шрапнель, пули, которые и составляют реальный, эффективный компонент этого особого класса снарядов, полностью отличается от осколков обычного фугасного боеприпаса. Изобретенный полковником Британской Армии Шрапнелем на излете восемнадцатого века, снаряд, носящий его имя, является не чем иным, как летающим дробовиком — это полый стакан, наполненным железными шариками, с разрывным зарядом в основании. Трубка взрывателя может устанавливаться на подрыв на любой желаемой дистанции, после чего шарики рассыпаются и накрывают значительную площадь. Шрапнель особенно эффективна на открытой местности, но очень редко используется против укрепленных позиций. Единственное, что способно пробить или разрушить бруствер — фугасный (Н.Е.) снаряд.<sup>116</sup>

Примерно в то же самое время мы познакомились с новыми бронебойными пулями, выпущенными немцами. Однажды утром я стоял с несколькими солдатами в нише, где у нас была резервная пулеметная установка. Бойница была защищена одной из обычных стальных пластин, которые обыкновенно использовались в смотровых щелях, через которые мы вели наблюдение за фронтом. Не помню точную толщину этих пластин, но обычные винтовочные пули их не пробивали. У немцев были точно такие же, и было обычным делом кому-то время от времени постреливать в них — для пристрелки, или чтобы просто “позвонить в колокольчик” ради забавы.

Так что, когда в пластину ударила пуля, никто не обратил на это никакого внимания. Вскоре прилетела другая и после еще одна. К этому времени мы начали задаваться вопросом, что бы это значило. Вдруг кто-то вскрикнул и показал на пластину. Да, этот парень, конечно, умел стрелять, и очень жаль, что он никогда не увидел эту группу [попаданий]. В пластине было три отверстия, всех их можно было накрыть трехдюймовым кругом. Только по счастливой случайности — и ничего более — никто из нас не стоял прямо на линии огня, и пули летели в тыльный траверс и поверх него (в этом месте он был очень низким). Мы быстро навалили несколько мешков с песком на заднюю стенку, чтобы словить следующую [пулю], но на сегодня это было все. Другие все-таки

---

<sup>116</sup> От англ. *High Explosive*.

подобрали одну или две пули позже, и еще одну я вытащил из амбразуры на другой огневой позиции. Это был один из немногих настоящих сувениров, которые я привез с собой. Пуля эта была очень компетентно описана капитаном Кроссманом в статье в журнале *“Scientific American”*. Она состояла из цельного сердечника из очень твердой стали, примерно двадцать пятого калибра, завернутого в лист мягкого свинца, и все это было заключено в нечто, напоминающее обычную медно-никелевую оболочку обычной пули. Оболочка той, которую я сохранил, была настолько сильно смята, что в этом моменте я не могу быть уверенным, и хотя мне довелось увидеть еще пару других, извлеченных целыми из мешков с песком, я не могу их припомнить. Конечно, мы сразу же нагромодили за этими пластинами много мешков с песком, и на этом все.

Столкнувшись с такой ситуацией, наши люди начали искать способ сровнять счет. Они усовершенствовали свои собственные бронебойные пули, но лично я никогда их не видел и не использовал. Позже, когда танки стали обычным явлением на поле боя, в [таких пулях] возникла значительная потребность, но так случилось, что пока я находился с подразделением, моя команда никогда не имела их в своем распоряжении.

Но я видел множество “слоновых винтовок”, которые были привезены и розданы для применения против амбразур “фрицев”.<sup>117</sup> И хотя у меня много раз выпадал шанс опробовать эти тяжелые двухствольные винтовки, по тем или иным причинам — которые даже мне сейчас кажутся странными, — в то время я не интересовался ими в достаточной мере, чтобы хотя бы тщательно их осмотреть. Полагаю, я был настолько полностью погружен в свой пулемет и снайперскую работу, что в моем одностороннем сознании в то время не было места для чего-либо еще. Не знаю, сделали ли эти большие двухствольные ружья какую-либо эффективную работу. Это был лишь один из многих маленьких второстепенных вопросов, наподобие того, как привезти на фронт собак, чтобы убить крыс.

Да, они действительно так сделали — привезли собак, чтобы те ликвидировали втраншеях крыс. Когда первой собаке довелось попасть в наш сектор, я находился прямо на месте, и мог лично наблюдать трагический конец того, что начиналось как безобидное оживление и веселье. Можно также немного отвлечься и рассказать об этом прямо здесь, потому что история, о которой я вам рассказываю, так или иначе много раз пересказывалась от начала до конца.

Примерно в трехстах ярдах за нашей передовой линией находился небольшой ручей или “бек”, как его называют на фламандском. Этому случилось называться Балларбеком. Он был узким, шириной может быть футов двадцать, но глубоким, и по обеим его сторонам каймой тянулись небольшой кустарник и неизбежные ивы, которые в этой части мира можно встретить повсюду, особенно вдоль изгородей и каналов, — обычно “подстиженные”, то есть с отрезанными верхушками, поэтому они никогда не вырастают высокими, а имеют широкую форму с наклоненными к земле ветвями, что создает тем самым хорошее укрытие.

Так вот, среди этих густых ивовых деревьев мы обнаружили очень укромное местечко и организовали там небольшой личный полевой склад боеприпасов или тайник.

---

<sup>117</sup> Мощные крупнокалиберные однозарядные винтовки, выпускавшиеся в одно- и двухствольном исполнении для охоты на крупную дичь, боеприпасы которого обладали значительным останавливающим действием. В эпоху расцвета африканского сафари в начале XX века, основными применявшимися калибрами были .577 Nitro Express, .375 H&N Magnum, .416 Rigby, .404 Jeffery, .505 Gibbs, .450 Nitro Express, .470 Nitro Express и многие другие.



В то время мы скопили около шестидесяти или семидесяти тысяч “истинных” пулеметных патронов, и внимательно за ними присматривали.

Время от времени мне приходится отклоняться от темы, чтобы объяснять эти вещи, потому что многие из тех, кто прочтет [эту книгу], не имели возможности из первых рук научиться многим вещам, которые мы познавали на собственном опыте, и, зачастую, в самых неблагоприятных условиях. Хотя нам редко доводилось сталкиваться с серьезной нехваткой боеприпасов, то есть патронов фабричного производства, использовавшихся нами, мы вскоре обнаружили, что очень немногие торговые марки, производимые под давлением требований войны, хоть чего-то стоили при использовании в пулеметах. Чтобы оружие работало идеально, совершенно необходимо, чтобы патроны были *подходящими*. Под этим я подразумеваю, что они должны иметь такую однообразную конструкцию и сборку, чтобы все они правильно помещались в патроннике, плотно прилегали [в нем], чтобы гильза не разрывалась под давлением при стрельбе; капсюли должны располагаться одинаково; гильзы не должны быть слишком твердыми или слишком мягкими, а пули должны иметь одинаковый калибр и быть посажены в гильзы на точно заданную глубину.

Это просто для напоминания о некоторых вещах, которые отличают хорошие боеприпасы от всех прочих. Существовало несколько торговых марок, выпускаемых старыми, известными компаниями и некоторыми правительственными Арсеналами, которые действительно соответствовали стандартам и мы могли рассчитывать на то, чтобы они будут работать должным образом в любое время. И когда нам попадались партии [патронов] этих конкретных фирм, мы взяли себе за правило припрятывать все, что можно, для использования в чрезвычайных ситуациях, стреляя между делом остальными, когда у нас было достаточно времени на устранение задержек, замену сломанных выбрасывателей, и тому подобное.

Этот конкретный полевой склад, или, как его называли мы, канадцы, “тайник”, был наполнен всеми теми хорошими боеприпасами к пулемету, которые мы смогли “сэкономить” за последние два месяца. В предыдущие годы я часто “накапливал” боеприпасы в Кэмп-Перри, поэтому такая практика в эти дни оказалась полезной, и я обычно думал о патронах, которые таскал там, в Огайо. (Там стрельба прекращалась в шесть часов; однако здесь она продолжалась всю ночь). Один из наших ходов сообщения проходил прямо рядом с нашим тайником, и когда нам удавалось прихватить коробку с хорошими боеприпасами, мы сразу же проскальзывали туда и прятали ее вместе с остальными. Ход сообщения был оборудован таким образом, чтобы переход через ручей находился в укрытии. Это был просто мостик из съёмного настила с опорой или “перилами” посередине, достаточно крепкий, чтобы выдержать цепочку солдат.

Четверо наших людей (из пулеметной команды) находились в тайнике с боеприпасами, припрятывая несколько коробок, которые удалось добыть в тот день. Мы брали их, когда и где только могли, и если некоторые из пехотных рот в непосредственной близости недосчитывались своего боекомплекта, — то неважно, нам обычно удавалось заменить то, что мы взяли, равным количеством других патронов, которые хорошо работали в их винтовках, и они не чувствовали разницы.

Примерно в это же время по ходу сообщения случилось проходить группе вновь прибывших новичков, и странным было то, что один из группы, офицер, нес на руках собаку. Это был симпатичный маленький песик, и все останавливались, чтобы посмотреть на него и удивиться, “как же так [он здесь очутился]”, — нам было известно, что

для того, чтобы его привезти, нужно было особое разрешение, собаки на фронте были строго запрещены. За годы, прошедшие после войны, я узнал о “боевых собаках” все — точно тем же образом, каким я узнал о феноменальной стрельбе из пистолета моих бывших соратников на [Великих] равнинах: посредством фильмов. То, что я, человек, на протяжении последних сорока или около того лет исколесивший весь Запад от Мексики до Канады, так и не научился “поливать огнем” из пистолета или попадать в человека в каком-то конкретном месте навскидку по сигналу, который обычно давали, когда требовалось стрелять, заставляет меня стыдиться за самого себя. Ну, такова жизнь — век живи, век учись.

Как только офицер с собакой подошел к мостику, из-под его ног стремглав выскочила большая крыса и спикировала в ручей. Эти крысы выглядели чем-то средним между обыкновенными крысами и ондатрами. Как в воде, так и на суше, они чувствовали себя как дома. (Маленькая ремарка: мы были вынуждены стать такими же, так что они могли научиться этому тем же способом, что и мы — в силу обстоятельств). Как бы то ни было, как только офицер (я так никогда и не узнал его имени или звания) повернулся, чтобы сказать своим людям пригнуться и немного растянуться при переходе [через ручей], собака увидела крысу и, будучи истинным псом, сразу же погналась за ней. Выпрыгнув из рук своего хозяина, она приземлилась на мостике и оттуда сиганула в воду, следуя за крысой, которая уже развила хорошую скорость вверх по течению, к тому месту, где наши люди прятали боеприпасы.

Я как раз пришел посмотреть, как у парней идут дела и как раз вовремя, чтобы стать свидетелем “трагикомедии”, — если вы понимаете, о чем я. Не думая ни о чем другом, офицер и люди во главе колонны начали преследовать эту крысу. Они помчались прямо вдоль берега на открытое пространство, где их могла увидеть вся Германия, пытаясь заколоть эту крысу штыками. Томас (он отвечал за наш наряд) закричал:

— Ложись! Ложись, вы, охламоны! — И присовокупил еще более выразительные ругательства — Ложись! Ложись, Христа ради, неужели вы выжили из ума? Из-за вас немцы обстреляют нас через минуту!

Он и другие из нашей группы пытались остановить погоню и, увидев меня, как только я прибыл на место происшествия, подбежали ко мне. Я уже знал, что это значит, и увел их обратно в относительное укрытие траншеи, а затем вышел и попытался словами достучаться до возбужденных охотников за крысами. Но все было бесполезно; они были охвачены охотничьей лихорадкой и были полны решимости догнать этого грызуна. Пробыв несколько недель, люди уже привыкли бы к тому, что по ночам в блиндажах крысы ползают прямо по ним, но они были новичками в военной игре и не знали этого.

Не прошло и минуты, как прилетели “свистелки”, взрываясь в округе с пугающей точностью. “Фриц” знал все об этом месте, поэтому использовал только шрапнель. Люди растянулись в ручье и рядом с ним, в то время как длинная колонна в траншее укрылась как могла. Обстрел длился всего несколько минут, но, по крайней мере, дюжина человек оказалась убита и гораздо больше людей было ранено. Поскольку офицер исчез, мне удалось с помощью страшных проклятий выровнять голову колонны и вывести их вверх по траншее. Томас и другие ребята из нашего подразделения делали для раненых все что могли, пока не появились санитары. Офицера же и собаки и след простыл. Позже я узнал, что пёс был тем, кого называют “гончая для охоты на выдр”, и что его привезли, чтобы посмотреть, будет ли подобная собака полезна для избавления

траншей от крыс. Из того, что я разглядел в действиях этого [человека], я бы без колебаний проголосовал: “ДА”.

Полагаю, некоторое время назад мы говорили о бронебойных пулях. Что ж, пока мы обсуждаем эту тему, я могу с таким же успехом рассказать вам о своем опыте с “разрывными” пулями. Мы много слышали об этих пулях — точно так же, как вы будете время от времени сталкиваться с солдатом, который скажет вам, что он был ранен одной из них. Не претендуя на авторитет в подобных вещах, [скажу], что я не верю и никогда не верил, что немцы когда-либо использовали что-то подобное, по крайней мере, не на солдатах в окопах.

Конечно, я знаю, что разрывные пули выпускались. У меня есть большой том, напечатанный правительством США, представляющий собой отчет наших офицеров, которые выступали в качестве официальных военных наблюдателей во время Крымской войны, и в котором очень точно описаны несколько видов таких пуль. Также есть еще один официальный отчет комиссии, возглавлявшейся генералом Шериданом, которая наблюдала за операциями во время Франко-прусской войны. Более того, я на самом деле видел их, использовавшихся в патронах .45-го и .50-го калибра, выпускавшихся для использования в наших американских винтовках. Все, что я попытался отобразить здесь, — это [лишь] мое мнение о том, что такие пули не использовались во время последней войны. Помимо сложности и затрат на их изготовление для современной, мощной винтовки, для этого не было никаких иных причин. Эффект подобной пули, как таковой, уже достаточно “взрывной”.

Воздействие любых пуль, выпущенных из немецкого “Маузера”, было очень похожим на воздействие пули весом 150 гран, выпущенной из “Спрингфилда”. На коротких дистанциях, из-за высокой скорости, она имеет взрывное действие, и не только его, — когда она попадает в цель, она и звучит как взрыв. Пули могут злобно свистеть вокруг вас, но потом внезапно вы услышите “шлеп”, и человек рядом с вами падает. Если это случается днем и вы смотрите в его сторону, вы сможете увидеть небольшой пучок ткани, торчащий из его одежды. Где бы не вылетала пуля, она захватывает с собой чуток одежды — лишь небольшой кусочек ткани — но это ни с чем не перепутаешь, точно так же, как безошибочен звук пули, попадающей в человека. Как я уже сказал, на коротких дистанциях это [слышится как] громкое и отчетливое “чмок” или, как уже говорилось, “шлеп”. (Если кто-то из читателей может вспомнить звук вылетающей пробки от шампанского, это вот примерно такой звук). И воздействие пули на близком расстоянии также наводит на мысль о взрыве, особенно если она попала в крупную кость. Я помню один случай, когда один из наших солдат был ранен в колено (это был человек по имени Т.М. Фленаган, и он был ранен 2-го января 1916 г.), и пуля почти оторвала ему ногу. Он умер еще до того, как его смогли доставить на перевязочный пункт. Я упоминаю эти детали, чтобы любой человек с пытливым умом мог проверить меня в случае, если он усомнится в любом из моих утверждений.

На более длинных дистанциях пуля *проскальзывает внутрь*, если только можно использовать этот термин. Если она не попадает в голову, возникает лишь слабый звук. Могу припомнить только один случай, когда в человека попала пуля, застрявшая у него в ноге, и в тот момент он не имел об этом никакого представления. Он просто выходил из уборной в тысяче или около того ярдов позади передовой линии и запутался в какой-то старой [колючей] проволоке у входа. Один из шипов застрял в его штанине выше колена и сильно его уколол. Выругавшись, солдат выпутался и пошел дальше.

Той ночью он все еще жаловался на боль, и брат сказал ему, что ему лучше вернуться на перевязочный пункт и попросить их обработать царапину йодом. Он так и сделал, — и из “царапины” хирург извлек немецкую пулю. Просто одна из случайных, шальных пуль, которые время от времени залетали сюда, но она поразила его как раз в тот момент, когда он наткнулся на проволоку. Этого человека звали Уильямс — это был брат одного из наших сержантов-пулеметчиков.

Мои друзья дома часто спрашивали меня об опыте, который мы получили с отравляющим газом. Полагаю, что лучший способ объяснить его, — это заявить, что после первой разрушительной атаки с газообразным хлором в апреле 1915 года, до того времени, как я уехал в феврале 1917 года, у нас возникало очень мало серьезных трудностей с ним.

Когда в сентябре 1915 года моя дивизия прибыла на фронт, мы были оснащены так называемыми “респираторами” — капюшонами или шлемами из ткани, которые были пропитаны определенными химическими веществами, служащими для нейтрализации действия хлора. По моему опыту, единственный случай, когда они нам потребовались, случился ночью 19-го декабря, когда враг снова попытался удушить нашу линию обороны и пустил газ. Бóльшая его часть досталась войскам слева от нас и в нашем тылу, но кое-что перепало и нам. Однако мало кто из нашего батальона был выведен из строя. Атака закончилась неудачей, так как она была быстро остановлена винтовочным огнем.

Примерно в то же время немцы начали использовать различные химические снаряды, — в основном со слезоточивым газом, — и нам выдали специальные защитные очки с губчато-резиновой прокладкой, которые оказались достаточной защитой от такого газа. Они только начинали использовать фосген и другие действительно смертоносные газы, горчичный газ<sup>118</sup> начал применяться намного позже, после того, как я покинул фронт, поэтому ничего не могу сказать по этому поводу.

Примерно первого января 1916 года мы получили несколько противогазов нового типа. Их называли “башенными шлемами” — Бог знает почему — и по одному было выдано каждому пулеметному расчету, вместе с одним из новых стальных шлемов. Идея, я полагаю, состояла в том, что, по крайней мере, один из членов расчета мог бы выжить и продолжать [работу], даже если бы все остальные оказались убиты. Никто особенно не хотел быть обремененным этим дополнительным весом, поэтому их обычно скидывали на кого-то из новичков. У всех нас были наши респираторы, и мы полагали, что они являлись достаточной защитой.

Вскоре мы научились различать *настоящие* и химические снаряды как по звуку в полете, так и по взрыву. Звук нельзя выразить словами, но в дополнение к обычному “свисту”, у химических снарядов был какой-то булькающий или журчащий звук. Взрыв был очень легким — ровно настолько, чтобы открыть контейнер и выпустить газ, и его невозможно было ни с чем перепутать, если кто-то оказывался достаточно близко, чтобы заметить его вообще.

Со временем поступило достаточно запасов, чтобы снабдить всех солдат как противогазами нового типа, так и стальными шлемами, но многие из нас откладывали ношение последнего до тех пор, пока не были вынуждены это сделать, получив лич-

---

<sup>118</sup> Боевые отравляющие вещества: фосген — удушающего действия; горчичный газ (иприт) — кожно-нарывного.

ный приказ и т.п. Всякий раз, вспоминая, когда я впервые *надел* свой, не могу удержаться от улыбки. До этого я носил его, перебросив через руку. Получив очень резкий и решительный “нагоняй”, я надел его и пошел вдоль траншеи, чтобы взглянуть на стоявший там пулемет. Не пройдя и десяти ярдов, прямо над моей головой разорвался большой “шерстистый медведь”, а кусок стали угодил прямо по этому “кумполу” с достаточной силой, чтобы сбить меня с ног и оставить в шлеме весьма заметную вмятину.

Как я только что сказал, пока я находился в Канадском корпусе, ядовитый газ не приносил нам никаких значительных неудобств. Большую часть неприятностей нам причиняла артиллерия. “А теперь скажите мне: почему так было?” (Этот вопрос задала девушка). Я отвечу вам: только потому, что солдаты-пехотинцы полагались на собственные ноги и собственную выдержку — а эти вещи не слишком-то хорошо защищают от снарядов.

Артиллерия работала с разных дальностей. Трехдюймовка американской армии, 75-миллиметровая французская пушка, британские 18-фунтовки — все они имели примерно одинаковую дальность; в этот же класс попадали и немецкие 77-мм орудия.

Что многие из нас, пехотинцев и пулеметчиков, никогда не могли понять, так это почему артиллеристы не стреляли друг в друга. Они точно знали, где стоят батареи противника. Для чего, черт возьми, существовали их самолеты-корректировщики?

Каждое действие в войне имеет целью отобрать определенные участки местности у врага. Либо это, либо настолько разметать его личный состав, что они просто лягут на землю и станут “хорошими щенками”. Что ж, люди северных рас не принимают поражение подобным образом. Мы приняли на себя множество обстрелов — но, к вечной славе канадской армии, и в целом — [разве] нас когда-нибудь колошматили? Я заявляю на весь мир — НИКОГДА.

Лично я не плачусь об этом. Я пошел на войну, ожидая, что это будет довольно трудным [делом]. Так и было. Поэтому надеюсь, что вы поймете, что я не жалею о том, что случилось с нами или со многими достойными людьми, которых уже нет здесь, чтобы рассказать вам об этом.

Все вышеперечисленные орудия были “пушками”, — то есть орудиями, стрелявшими снарядами с высокой начальной скоростью, и с, соответственно, низкой или настильной траекторией. От любого снаряда такого типа или от [снарядов] других “пушек”, более крупного калибра — в основном тех, которые использовались во флоте — шансов уклониться было очень мало. Некоторые из этих последних, использовавшихся немцами, достигали [в размерах] примерно одиннадцати дюймов. У французов и англичан были гаубицы калибра 12 и 15 дюймов. Конечно, все знают об оригинальной “Большой Берте”,<sup>119</sup> применявшейся немцами. Любопытно, что будучи изготовленными на австрийских заводах “Skoda”, они были вовсе не немецкими. Они применялись для подавления бельгийских заграждений, и мы видели множество больших воронок, образованных взрывами этих 42-сантиметровых снарядов в районе Ипра, но насколько мне известно, после зимней кампании 1914-15 годов использовались они мало.

Однако было множество других [орудий], меньшего калибра, делавших нашу жизнь невыносимой. Одно из них, в частности, тоже австрийское, выстреливало сна-

---

<sup>119</sup> “Большая Берта” или “Толстушка Берта” (нем. “Dicke Bertha”) — немецкая 420-мм мортира, применявшаяся для разрушения особо прочных фортификационных сооружений.

ряды диаметром около одиннадцати дюймов. У всех этих больших снарядов взрыватели находились в основании, а не в носовой части, и зачастую все это основание, которое было размером с большую тарелку и ввинчивалось в сам корпус, при разрыве отлетал и нёсся по воздуху на милю и более.

Для использования против любых траншей или укрепленных позиций гаубицы намного более эффективны, чем пушки, потому что они стреляют навесным огнем и снаряды падают, соответственно, под большим углом. Снаряды пушек летели по сильно настильной траектории и часто, после попадания в твердую поверхность, рикошетили на мили от цели.

Помимо легких полевых пушек — обычно называемых “свистелками” — как немцами, так и союзными армиями, наиболее широко использовались орудия примерно шестидюймового калибра, снаряды которых назывались “чемоданами”. У англичан были и “четыре-точка-семь”, и “девять-точка-два”, причем второе орудие было исключительно эффективным средством для выкорчевывания бетонных пулеметных гнезд, называемых “таблетницами”.

Затем, конечно, шли бесчисленные типы траншейных минометов, выстреливавшие все — от небольшого “ананаса” до чудовищных фугасных зарядов, весящих в некоторых случаях до двухсот фунтов.

Да, артиллерия доставляла нам массу неприятностей, но теперь я скажу вот что, о чем стоит подумать обычному налогоплательщику: они и стоят в несколько раз дороже, чем пехота или пулеметчики. У нас ходила привычная шутка, когда после того, как одна из пятнадцатидюймовых гаубиц выстреливала снаряд поверх наших голов, кто-нибудь произносил: “О, вот летит еще сто фунтов”. Нет, он имел в виду не вес снаряда, а то, что каждый из этих выстрелов стоил около ста фунтов стерлингов (примерно 500 долларов). Да, конечно, они наносили много разрушений — в основном на каком-то пустыре или в поле; но мое мнение, основанное на внимательном наблюдении во время войны и тщательном размышлении, состоит в том, что за исключением использования их с целью разрушения сильнейших укреплений или на тяжелобронированных кораблях, постройка и использование этих крупнокалиберных пушек есть прискорбная и необоснованная трата денег налогоплательщиков. Я имею в виду то, что касается фактического *разрушения*. Конечно, есть и другой ракурс — *моральное влияние* на наших людей. Я с готовностью признаю, что когда наши впервые привезли несколько этих больших штук калибром двенадцать и пятнадцать дюймов, для меня это стало большим утешением. Во время стрельбы ими управляли моряки из Королевской морской артиллерии, но большую часть работы по доставке огромных и громоздких монстров на место выполняли мы, пехотинцы. Железнодорожный корпус, конечно, делал свое дело, но обычно это были рабочие отряды пехотинцев, в периоды их нахождения на отдыхе, отдававшие долгие часы ночной работе, необходимой для прокладки путей, установки и маскировки орудий, а затем уничтожения всех следов работы до того, как утром прилетал “фриц” на своих самолетах-разведчиках.

Что нам нужно было сделать, так это построить буквально километры железной дороги, сначала убрав весь дерн, и после доставки орудия в назначенное место, вернуть все, что могло дать представление о том, что произошло, на место. Обычно эти большие орудия устанавливались в домах, и необходимо было убирать большую часть крыши и одну из сторон здания, и заменить эти части специально подготовленным камуфляжем. Также в большинстве случаев необходимо было удалять множество

внутренних стен дома. В целом, это была тяжелая работа, поскольку все это должно было быть сделано в темное время суток — за одну ночь. Настоящие железнодорожные пушки были, конечно, другими. Они стояли на платформах и стреляли, находясь на изогнутых путях сообщения, которые готовил и прокладывал для них Железнодорожный корпус. Такого типа были 14-дюймовые морские орудия, использовавшиеся американской армией в конце войны, но их великое множество также использовалось задолго до этого.

Конечно, я могу быть “в корне неверным” по этому поводу, но все еще верю и настаиваю на том, что фактические результаты стрельбы из тяжелых калибров и дальнобойных орудий не стоят затрат на их [производство] в реальных долларах и центах.

Огонь более легких “пушек” — калибром, скажем, до шести дюймов — не только более точен, но и сами орудия настолько подвижны, что их можно легко и относительно быстро перемещать с места на место, чтобы держать других парней в неведении. Французские 75-ки и немецкие 77-ки, на мой взгляд, убили больше людей, чем все остальные более тяжелые орудия, использовавшиеся во время войны.

Какая польза была для немцев обстреливать Париж с расстояния в шестьдесят или семьдесят миль? Точно такая же, как сбрасывать бомбы с “Цеппелинов”<sup>120</sup> на Англию. К чему это привело, так это [только] заставило обе нации сражаться еще упорнее. Рискну заявить, что материальный ущерб ни в коем случае никогда не был равным стоимости [затраченных] усилий, а что до ущерба *в людях*, то он был настолько мал по сравнению с одним часом настоящей битвы, что о нем вообще не стоит задумываться. Возможно, как я уже отмечал ранее, такая политика устрашения может быть эффективной против немцев. Они, я полагаю, называли это “*schrecklichkeit*”.<sup>121</sup> Так вот, любой, кто может придумать подобное название, наверно может испытывать забавные эмоции — не знаю, — но *уверен*, что все их бомбардировки Англии никогда никого не напугали. Они просто сделали всех злее. И предполагаю, что эффект умышленного убийственного обстрела гражданского населения Парижа для французов был примерно таким же. В любом случае, он не имел никакого *военного* значения.

---

<sup>120</sup> Немецкие дирижабли жесткой конструкции, названные в честь своего создателя — графа Фердинанда Цеппелина.

<sup>121</sup> Ужас, террор (нем.).

### Пистолет на войне

До сих пор наши боевые действия серьезного значения не имели. Мы стояли, немцы все время пытались найти слабое место в нашей обороне, чтобы прорваться, а мы со своей стороны пытались вернуть им часть страданий, которые нам доводилось переживать. Мы провели несколько рейдов, иногда с целью взять одного-двух пленных, но чаще просто для того, чтобы досадить врагу и разнообразить монотонность повседневных будней.

К этому времени многие пулеметчики избавились от своих винтовок и обзавелись пистолетами, и не могу сказать, чтобы я их за это осуждал. Винтовку можно было переносить только одним способом — перекинув по диагонали через спину, поскольку обе руки были всегда заняты, — человек нагружен коробами с боеприпасами, инструментами, телом пулемета или его треногой. Переносимая подобным образом винтовка являлась большой и досадной помехой, и вдобавок ко всему ее невозможно было взять быстро наизготовку. Поэтому вскоре пулеметчики стали часто “терять” свое оружие. Тем не менее, некоторые из нас старались всегда иметь ее под рукой, хотя, если не считать снайпинга, который я вел из-за передовой линии траншей, для настоящей стрельбы шансов до сих пор выпадало мало.

Вот здесь давайте еще раз сменим тему и для разнообразия поговорим о пистолетах. Оружие “одной руки”, несомненно, предназначалось для использования всадниками, чтобы они могли вести огонь по врагу, в то же время оставляя другую руку свободной для управления своими лошадьми. Оно позволяло делать только один выстрел, после чего становилось бесполезным до перезарядки, поэтому пистолеты делали большими и увесистыми, чтобы их можно было эффективно использовать в качестве дубинки, пока не появится возможность их снова перезарядить — в то время это был медленный процесс. Это и в самом деле были “лошадиные пистолеты”, настолько большие и громоздкие, что ни один джентльмен не смог бы носить их с собой, передвигаясь пешком. Когда и где их впервые изобрели, вероятно, знают несколько наших специалистов по старинному оружию — я этого не знаю, и на самом деле это не имеет здесь никакого значения, поскольку в любом случае эта книга не должна быть трактатом об эволюции огнестрельного оружия.

Но боюсь, что мне придется время от времени ссылаться на некоторых старожилов. Видите ли, я повернут на огнестрельном оружии, и на всем, что с ним связано; все, что связано с убийством, — будь то каменный топор или духовое ружье — вызывает мой неподдельный интерес и желание узнать больше. Для меня, как для сына кавалериста, рожденного вскоре после окончания Гражданской войны, пистолетная тема была близка изначально. Для моего обучения имелось все, начиная от револьверов “Старр” и “Колт”<sup>122</sup> и заканчивая кремневыми пистолетами “Тауэр”.<sup>123</sup> Я перепробы-

---

<sup>122</sup> Револьвер “Старр” — образец револьвера двойного действия (со специальным внутренним рычагом взведения и регулируемым спусковым крючком), производившийся компанией “Starr Co.” Несмотря на свою популярность, особенно на Западе страны, уступал по распространенности армейским револьверам “Колт”.

<sup>123</sup> Популярная марка кавалерийских кремневых пистолетов английской компании “Tower”.



вал различные варианты “перечниц” и “дерринджеров”,<sup>124</sup> и естественно, вырос с мыслью о том, что знать, как хорошо стрелять из пистолета, чтобы вывести из строя вашего врага прежде, чем он доберется до вас, была частью воспитания каждого американского гражданина. Никогда, ни тогда, ни после, я не прилагал никаких усилий, чтобы стать призовым стрелком на стрельбище. Я не являюсь и никогда не представлял угрозы для стрелков из пистолета в Национальных матчах, но всегда старался в достаточной степени практиковаться, чтобы придать себе чувство уверенности в том, что в крайнем случае смогу вытащить пистолет и стрелять так же быстро и точно, как и другой парень.

Что ж, вот так обстояло дело, когда в 1914 году началась война, и когда я отправился в Канаду, чтобы посмотреть, что к чему. Штатное вооружение офицеров канадской армии, по крайней мере во Второй дивизии, включало в себя автоматический пистолет “Кольт” .45-го калибра, — точную копию нашей модели 1911 года.<sup>125</sup> Естественно, я был хорошо знаком с этим оружием, и мне, как инструктору по стрелковой подготовке, выпала честь присутствовать при вручении этого оружия офицерам Двадцать первого батальона.

Офицеры сразу испытали их в нашем импровизированном закрытом тире, в арсенале в Кингстоне, с результатом, который я бесчисленное число раз наблюдал в американской армии. Дальность составляла 50 футов, мишенями служили стандартные мишени для коротких дистанций, используемые пехотой при стрельбе патронами с пониженными зарядами при тренировках в помещении. При первых попытках многие пули угодили в бетонный пол на расстояниях от 15 до 40 футов от стрелков. Можете представить себе, какое впечатление это произвело на них? Мне потребовался весь дар убеждения для того, чтобы ряд офицеров поверил, что это не “барахло”. К счастью, это продлилось недолго. После небольшой лекции, подкрепленной практической демонстрацией возможностей их же пистолетов, они быстро усвоили все необходимое, и смогли целиться и спускать курок вполне на уровне.

Я сказал, что эти пистолеты были штатным вооружением. В общем-то, это верно в том смысле, что соответствующее их количество было закуплено для оснащения офицерского состава, но подход был достаточно гибок. Желающие могли выбирать между “Кольтом” .45-го калибра, “Уэбли”<sup>126</sup> или револьвером “Смит и Вессон”. Хорошо помню одного парня, у которого были два “Кольта” под патрон .455 Webley и, кстати, он отлично с ними обращался. “Уэбли” никогда мне не нравился из-за громоздкости, однако эта штука *шикарно стреляла*, и из нее получалась прекрасная дубинка для джентльменов, чтобы приструнить буйного пленного.

Так вот, поскольку я был неплохо знаком с автоматическим “сорок пятым” “Кольтом”, мне удалось помочь офицерам освоить его, и вскоре они уже привыкли к особенностям пистолета и научились им пользоваться. Имевшие опыт обращения с револьверами относились к пистолету с предубеждением — даже странно, с каким трудом мы

---

<sup>124</sup> Класс пистолетов простейшей конструкции, как правило, карманного размера, используемого для самообороны. Название происходит от фамилии известного американского оружейника XIX века Генри Деринджера.

<sup>125</sup> Самозарядный пистолет калибра .45 ACP, стоявший на вооружении вплоть до 1986 года.

<sup>126</sup> Британский револьвер весьма внушительного калибра .455 Webley, состоявший на вооружении стран Британского содружества с 1887 по 1963 годы.

расстаемся со старыми привычками и привязанностями в пользу новых (я имею виду стрелковую жизнь, в обычной почему-то это происходит проще). Но даже самые стойкие консерваторы были все же вынуждены признать реальные достоинства нового оружия. Я устроил несколько практических демонстраций, включавших в себя быструю перезарядку в темноте и другие подобные вещи, что обратило большинство в “новую веру”. Что же касалось надежности — безотказности в нештатной ситуации — то особой разницы между пистолетом и револьвером не было. При одинаковом уходе что один, что другой работали хорошо. Возможно, случаи заклинивания пистолета и были, но лично я на протяжении всей войны с этим не только не сталкивался, но даже и не слыхал о таком.

Все эти аргументы относительно достоинств и недостатков револьвера и автоматического пистолета, вероятно, будут продолжаться и в следующем поколении. Большинство старожилов, которые учились стрелять из револьвера, имеют глубоко укоренившееся предубеждение против автоматического оружия, но когда вы доходите до сути их аргументов, представляется, что все они касаются “хвата” обоих “стволов”, — привычный, отработанный изгиб запястья не позволяет правильно прицелиться из более современного автоматического пистолета. Я использовал автоматический пистолет .45-го калибра с 1911 года, но за двадцать лет до того применял револьвер, и даже сейчас обнаруживаю, что тайком предпочитаю револьвер и чувствую себя уверенным, что смогу из него лучше стрелять по мишеням, будь то медленная или быстрая стрельба. Но несмотря на все это, для реального применения на войне я без колебаний выбираю “автомат”. На мой взгляд, большое преимущество такого оружия заключается в легкости и скорости его перезарядки, особенно в темноте. Тот, кто сомневается в этом, может легко удостовериться, попробовав наскоро перезарядить револьвер *в темноте*, когда вокруг суетится толпа хулиганов, пытающихся ударить кого-нибудь дубинками, ножами и кулаками. А если это кажется грубым, просто попросите друга толкнуть или врезаться в вас, когда вы пытаетесь это сделать. На самом деле нет никакого сравнения между тем, чтобы вставить новый магазин в рукоятку пистолета или возиться с шестью маленькими патронами, пытаясь вставить их в шесть *разных* гнезд револьверного барабана.

Есть только одна маленькая хитрость, которую пользователь автоматического пистолета должен помнить — и делать! — это перезаряжать оружие, пока в патроннике еще остается патрон; не опустошайте оружие полностью. Даже если вы произвели всего четыре или пять выстрелов, лучше сбросьте старый магазин и вставьте новый полный.

Теперь же все это время, на протяжении года или около того, пулеметчики должны были носить винтовки. Некоторые из нас всегда старались иметь ее под рукой, даже после того, как пистолетов стало достаточно. Я был первым, кто взял пистолет, и другие солдаты в команде последовали этому примеру так быстро, как только смогли приобрести и получить пистолеты. Однако из остальных никто ничего не получил до тех пор, пока мы какое-то время не пробыли в Англии, но как только они прибывали, я отвозил счастливых обладателей в меловую яму у Толсфордского холма и давал им потренироваться, и они все вскоре стали достаточно опытными для нашей задачи. Это был еще один случай, когда K.R.&O.<sup>127</sup> были изменены, чтобы соответствовать коло-

---

<sup>127</sup> Англ. “*King’s Regulations and Orders*” — Королевские уставы и наставления.

ниальным нормам, — как и в случае с усами. Так вот, эти Королевские уставы, которые являются Библией для всех британских солдат, четко предписывают каждому офицеру и солдату регулярно бриться, но не трогать верхнюю губу. Что ж, большинство из нас, канадцев, побрились начисто — и это сошло с рук. Многие другие, которым не хватило смелости пройти весь путь, оставляли небольшой след волос на верхней губе; вероятно, отсюда и возникли все эти маленькие изящные усики.

Пистолет специально приспособлен для нужд пулеметчика, и, по моему скромному мнению, любой член расчета должен быть им вооружен и обучен обращению с ним. Признаю, что у пулеметчика редко когда появляется шанс использовать винтовку или пистолет, если только это не происходит во время продолжительной траншейной войны, когда у него может появиться возможность, как и у меня, убить время (и заодно нескольких врагов), выполняя снайперскую и разведывательную работу. В любом случае, например, в маневренной войне или во время штурма или атаки противника, он будет очень занят, обслуживая свои пулеметы. При достаточно хорошей фланговой защите (стрелками) ему никогда не придется встречать непосредственную атаку вражеской пехоты. Артиллерия, траншейные минометы и танки и без того сделают его жизнь невыносимой.

Но “тем не менее, и несмотря ни на что” он должен быть вооружен божьим пистолетом и уметь им пользоваться. Стрелков, прикрывающих фланги, может не оказаться под рукой, когда они больше всего нужны, а пистолеты особенно подходят для отражения внезапного натиска противника, наступающего с флангов, — единственный способ, которым они могут добраться до работающего пулемета и его расчета. Люди, которые в беспорядке лежат, обслуживая пулемет, неизменно находятся в таком положении, что винтовку невозможно быстро, по сигналу, взять в руки или воспользоваться ею; но пистолет можно извлечь из кобуры в любом положении, и после того, как он будет извлечен, любое количество спешащих к вам людей должно быть остановлено прежде, чем они смогут подойти достаточно близко, чтобы использовать штык.

Всю ситуацию с пистолетом можно резюмировать следующим образом: “Мне не нужна эта вещь часто, но когда мне она нужна, я хочу ее чертовски сильно”. Показательным историческим примером является бедственное положение тех людей, которые работали с двумя “жертвенными орудиями” в “Святилище” во время Третьей битвы при Ипре 2-го июня 1916 года.<sup>128</sup> Германцы предприняли внезапный и интенсивный натиск против [полка] “Принцессы Пэтс”, стоявшем в Хоге и у большого леса поблизости, прозванном “Святилищем”. В этом последнем лесу находились два орудия, выставленные для прикрытия открытых подступов, с приказом оставаться на месте и сражаться до конца. Они так и сделали — эти две пушки работали до тех пор, пока последний человек не был заколот *немецкими штыками*. Это был один из чрезвычайно редких случаев, когда штык действительно применялся на войне. У этих артиллеристов вообще не было никакого оружия, за исключением двух восемнадцатифунтовок, но все они были заколоты штыками у орудий, уже после того как много раз уложили положенное им число врагов. НО — нет никаких сомнений в том, что если бы все эти

---

<sup>128</sup> Третья битва при Ипре (Битва при Пасшенделе) — одно из крупнейших сражений Первой мировой войны между союзными (под британским командованием) и германскими войсками. Вероятно, автор ошибся с датами, поскольку сама битва состояла из ряда отдельных боевых операций, продолжавшихся с июля по ноябрь 1917 года. Сражение стало символом солдатских страданий в ужасных условиях, унесло сотни тысяч жизней, при этом союзники сумели продвинуться лишь на несколько километров.

артиллеристы были вооружены пистолетами, большинство из них смогло бы уйти после того, как замолчали бы пушки, или же они забрали бы вместе с собой дополнительное количество врагов в страну счастливой вечной охоты.

Те из нас в пулеметной команде, кому посчастливилось иметь пистолеты, полностью оценили преимущества такого оружия, и нам очень завидовали другие, кто не был вооружен подобным образом. Никто никогда не допускал, чтобы пистолет уходил в тыл вместе с погибшим или раненым; кто-то всегда хватался за него, как только подбিরали хозяина.

Я также придерживаюсь того мнения, что каждый человек в армии, не вооруженный винтовкой, должен носить пистолет. Под этим я подразумеваю всех тех людей, которые каким-либо образом могут вступить в непосредственный контакт с врагом — “потереться с ним животами”, как говаривал старый полковник Эванс. На войне пистолет может понадобиться в самый неподходящий момент и без предупреждения. Пожалуй, стоит описать случай, когда, как я считаю, удачный выстрел из пистолета спас весь мой пулеметный расчет.

Однажды рано утром, во время боев на клочке у Сент-Элуа, мы вместе с расчетом из шести человек пробивались с пулеметом вперед через какой-то участок земли, который в предыдущие дни довольно часто переходил из рук в руки. У нас был пулемет “Кольт” со своей треногой, а также обычное количество набитых патронных лент в коробах. У некоторых членов расчета за спиной висели винтовки, и все руки были заняты до предела. Мы ползли и медленно продвигались вперед, и наконец, забрались в небольшой окопчик и свалились прямо на нескольких немцев, которые незаметно от всех там скрывались. За исключением одного “фрица”, сидевшего на стрелковой ступеньке, вся остальная толпа улизнула в боковой ход сообщения и легко удрала, мы же прыгнули на сидящего и вскоре вырубili его. Что на самом деле произошло, так это то, что человек с “Кольтом” просто швырнул пулемет в того немца, а потом сам упал сверху. Остальные из нас, бросив свою ношу, побежали за немцами, но прошли всего несколько ярдов и вернулись, выставив человека в конце траншеи, чтобы он наблюдал, не вернется ли кто-нибудь из них.

Наш “голландец” пострадал не сильно, вскоре встал на ноги и, похоже, воспользовался ситуацией. Это был крупный, угрюмый малый, который был не слишком доволен только что полученным издевательством — но не понимаю, чего еще он мог ожидать. Я торопился сделать свое дело и установить пулемет, чтобы мы могли отразить контратаку, которая, как все чувствовали, скоро начнется, поэтому я жестом приказал тому “фрицу” выпрыгнуть из траншеи и отправиться к нам в тыл, где кто-нибудь из наших [людей] должен был проследить, чтобы его отослали дальше с остальными военнопленными. Это был наш обычный метод обращения с пленными, захваченными передовым подразделением или небольшой группой. Часто такой отряд не мог выделить человека для их сопровождения, поэтому мы просто отбирали у них оружие, а затем заставляли их бежать по открытой местности с поднятыми вверх руками. Ни наши, ни немцы вряд ли стали бы стрелять в пленных, бредущих в тыл таким образом, а если и стреляли, то их было просто жаль, да и все.

Убежавшие на нас немцы, очевидно, были какой-то боевой партией или каким-то сторожевым постом, так как оставили после себя две винтовки с большим количеством патронов, а также изрядную стопку гранат-“картофелемялок”, сложенных в углу траншеи. Я заставил пленного вылезти наружу, [после чего] мы все подобрали свою по-

клажу и двинулись дальше, когда этот “фриц” скользнул обратно в траншею и потянулся за теми гранатами. К счастью, крайний человек в нашей группе имел при себе пистолет — он бросил свой груз, и произвел одну из самых быстрых стрельб от бедра, которые я когда-либо видел, выстрелив дважды и прострелив этому ловкому “голландцу” коленный сустав, едва не раздробив ему ногу. Все это было сделано и закончено за гораздо меньшее время, чем понадобилось мне, чтобы рассказать вам об этом, и никто из нашей группы не успел бы снять винтовку или выстрелить из нее вовремя, чтобы остановить того немца, — если бы он сумел взять три или четыре таких гранаты и спрятаться с ними за угол, то нам бы просто не поздоровилось.

Что [было] еще хуже, так это то, что когда мы добрались до того места, где я оставил на страже человека, обнаружилось, что двигаться дальше вперед невозможно. Так что нам пришлось торчать в этой траншее до ночи и слушать, что “творится” из-за того подстреленного немца. К тому времени я, например, пожалел, что наш человек не был более лучшим стрелком из пистолета.

Вот вам и случайное “экстренное” использование пистолета. Однако наступает время, когда любой боец может обнаружить, что само его существование зависит от пистолета, висящего у него на боку. Теперь каждая новая война начинается там, где остановилась последняя. Конечно, у подстрекателя наверняка окажется в рукаве козырь-другой в виде новых изобретений, но в целом это будет все та же старая игра с новым игроком. Новинки будут развиваться, и возможно, быстрее, чем в прошлом, так что с учетом ежедневно возрастающих знаний о влиянии “лучей” (из-за отсутствия лучшего определения), вполне разумно будет ожидать, что когда разразится следующая великая война между современными державами, появятся гораздо более эффективные меры по отделению солдата от его счетов за продукты и аренду и доставке его в прямиком в рай.

Думаете, я пытаюсь уйти от нашей темы? Нет, нет, мой друг, я просто пытаюсь вернуть её туда, где она “была, есть сейчас и всегда будет”. Войны ведутся людьми против других людей. Будут придуманы новые виды оружия, новые схемы и устройства, но когда дело дойдет до конца, на земле не останется ничего, кроме человека, противостоящего человеку. Если у одного человека есть дубинка, а у другого она отсутствует, то несомненно победит тот, кто ее имеет. Если у одного есть шпaga или штык, а у другого пистолет, обязательно выживет человек с пистолетом. Для каждого самолета, для каждого танка или любого другого еще неизвестного механического устройства должны быть не только люди, чтобы управлять ими и контролировать их, но и гораздо больше людей, чтобы их строить, перестраивать, ремонтировать и обслуживать. Исторически войны выигрывались государствами, но непосредственно на практике их выигрывают люди — личности, работающие сообща и следуя определенным, хорошо продуманным, планам. Последний живой человек, способный встать на ноги и сражаться, может разрешить вопрос между победой и поражением.

Пока не будет изобретено что-то лучшее, я считаю, что лучшим оружием для этой последней битвы является пистолет. Лично у меня было всего три случая доказать это, но я знаю многих других, у которых их было больше. Если человек действительно умеет обращаться со своим пистолетом, он может смести — да, да, убить! — пятерых человек в пределах последних десяти ярдов любой атаки. Он может погибнуть, что часто и происходит, от выстрела сбоку или от кого-то, стоящего позади его непосредственных

противников, но он может с полной уверенностью взяться за дело, по крайней мере, с тремя вражескими штыками.

Следует понимать, что пистолет обычно не используется для снайперской стрельбы, — то есть для выбивания отдельных целей прицельным огнем на любом расстоянии, начиная, скажем, от двадцати ярдов. Он специально приспособлен для использования на любой дистанции в этих пределах, но на самом деле редко используется далее, чем на пятнадцать или двадцать футов. Большинство мужчин, убитых из “оружия одной руки”, включая всех более или менее плохих людей в первые дни покорения Запада, “получали своё” на таких коротких дистанциях — а в основном, еще более коротких. Обычные салуны прежних времен были довольно маленькими, и стрельба велась, как правило, между мужчинами, отстоявшими друг от друга на расстоянии ширины покерного стола. Стрельба на улице — и я знаю это от не менее авторитетных источников, чем Бэт Мастерсон, Джим Ли и Швин Бокс — была не очень эффективной. Мне рассказывали бесчисленные истории о том, как и тот и этот разряжали свои пистолеты, перезаряжали и снова разряжали их своим противникам, которые делали то же самое на расстоянии менее ста футов и с незначительным ущербом с обеих сторон.

Бэт и Ли вдвоем участвовали в знаменитой “Битве стволов” в Абилине, думаю, что это случилось (возможно, в Додж-сити; они были в обоих местах), и Джим получил две пули .45-го калибра прямо в грудь; “по одной с обеих сторон от моей грудной кости”, — как однажды он это описал, когда мы оба были раздеты и купались. Когда мы находились во Франции, я часто думал об этих старых случаях, потому что опыт, который мы тогда обретали, во многом согласовывался с историями, которые рассказывали мне эти старожилы в мои ранние дни в Нью-Мексико. Лично у меня не было большого опыта в обращении со своим собственным автоматическим пистолетом, но то немногое, что у меня было, казалось в то время очень важным, и если бы у меня не было с собой этого пистолета, я бы сейчас не рассказывал об этом. Может быть, мне лучше рассказать об одном из таких моментов прямо здесь и сейчас.

В ходе войны тех из нас, у кого были пистолеты, иногда вызывали на небольшую разведку, а если и не вызывали, то все равно мы иногда делали это, просто чтобы нарушить монотонность [будней]. Если бы это был регулярно организованный и разрешенный патруль, вероятно, единственным в отряде, у кого был бы пистолет, стал командующий им офицер, а у остальных были бы бомбы (ручные гранаты Миллза) и винтовки. Однако некоторые из нас, [ребят] из моих пулеметных расчетов, стремились ускользнуть ночью, просто чтобы “увидеть то, что мы могли видеть” или попытаться найти какую-нибудь новую пулеметную точку, которую, как мы имели основания полагать, построил “фриц”, и *всегда* “прихватывали с собой пушку”. Во время этих приключений выяснилось, что единственное логичное место для ношения пистолета — это кобура на ремне, висящая прямо посередине спины. Вы просто не можете носить его в другом месте. Свой я носил на поясном ремне и следил за тем, чтобы он не слишком сползал. Знаю других парней, которые закидывали пистолет между лопатками и при извлечении вытягивали его через плечо. Во время спора с одним из них, он сказал мне, что с застегнутой наверху пистолетной кобурой ему легче пробираться под проволокой, и ему будет легче дотянуться и отстегнуть ее, если она *зацепится*. Если вы попытаетесь ползти с кобурой, прицепленной у вас на боку, она тут же сползет вперед и больно треснет вас по животу — и угодит в грязь, что еще хуже, — а если вы попытаетесь привязать нижнюю часть кобуры к ноге, она все равно будет путаться, да еще и в

грязь залезет. Зачастую нам приходилось ползать по грязи и жиже глубиной в несколько дюймов, а спина была единственным местом, где можно было что-либо держать в достаточной чистоте и сухости — и в готовности к использованию. Даже свои противогазы после того, как ими экипировались, мы переносили либо таким же образом, либо (как это обычно бывало) оставляли дома.

Поскольку эти патрули, или разведчики, предназначались в первую очередь для получения информации, а не для ведения боевых действий, мы, как правило, не искали неприятностей. Довольно часто мы проходили мимо вражеских патрулей в пределах досягаемости гранаты, и ни одна из сторон не “начинала дела”, — подобно паре незнакомых собак, которые очень настороженно пройдут по обеим сторонам улицы, вздыбив шерсть, ожидая первого враждебного движения со стороны другой. Но были времена, когда некоторые из нас уходили “с налитыми кровью глазами” — может быть, только потому, что мы чувствовали себя довольно подавленными и раздражительными, или, может быть, потому что ромовый паек запаздывал. Тогда мы отправлялись на поиски неприятностей — и почти всегда их находили.

В первой экспедиции такого рода, в которой я участвовал, у всех были только гранаты, — винтовок не было. У меня оказался французский штык, который я подобрал в тот день, у Нортон-Тейлора был такой же. Думаю, что он был первым, а я вторым, кто понял, что это бесшумное, но ужасно эффективное оружие было идеально приспособлено для подобной скрытной ночной работы. Полагаю, что он был предшественником “траншейных ножей”, которые появились позже. Конечно, гуркхи с их диковинными ножами опередили нас; но [здесь] я имею в виду белые войска.

Итак, в ту ночь, о которой я рассказываю, мы перелезли через бруствер и проволоку и заняли позицию, где — как у нас были основания полагать, — должен был пройти обычный немецкий патруль. Все понимали, что мы собираемся провести “зачистку”, если возможно, заполучить живого пленного, но при необходимости убить их всех.

Это было томительное ожидание. Ни один человек, не прошедший через это, не может себе представить, в каком ужасном напряжении в такое время находится человек. Вот мы и растянулись вдоль края старой воронки, пытаясь как можно больше походить на окружающую, изрытую снарядами землю. Каждый раз, когда поднималась сигнальная ракета, то с нашей, то с другой стороны, мы просто “замирали”. Любое шевеление в это время наверняка могло выставить нас перед бдительным взглядом врага, находившегося напротив. В том месте между нашими траншеями было всего около ста пятидесяти ярдов, а между нашей внешней проволокой и проволокой “алемандов” — не более ста. Нас было всего четверо, и мы знали, что регулярный немецкий патруль в то время и в том месте состоял из шести-восьми человек. Мы договорились, что будем ждать, пока они не окажутся прямо напротив нашей позиции, а затем каждый из нас должен будет бросить гранату, пригнуться до взрыва, а затем пробраться к ним и попытаться подобрать живого пленника. Из предыдущих наблюдений мы знали, где они пройдут. То есть мы думали, что знаем, но в этом случае, как и во многих других, произошло непредвиденное. Был ли у них новый и более предприимчивый командир, или они просто сбились с пути, мы никогда не узнаем, но этот патруль вышел на нас с тыла.

Мы все их слышали и видели. Они вели разведку прямо вдоль нашего проволочного заграждения, и двигались между нами и нашей собственной линией траншей. Что ж, это было бы прекрасно и здорово, если бы у нас было хоть какое-то представление о том, что мы будем делать в таком случае, но никто из нас никогда даже не задумывался

ни о чем подобном. Вероятно, они прошли бы нашу позицию, ничего не заметив, если бы не один из нашей партии, имя которого не будет названо. Этот человек изогнулся и бросил гранату в голову немецкой процессии. Так получилось, что он находился на самом левом фланге нашей линии. Я был по правую руку, а Тейлор находился рядом со мной. У нас у всех были гранаты — по шесть у каждого, — но мы с Хью договорились, что если дело дойдет до решающей схватки, то посмотрим, что сможем сделать с французскими штыками в качестве средств убеждения и своими пистолетами.

Что ж, дальше дело пошло. Парень, бросивший гранату, использовал свою голову до такой степени, что немного удержал ее, предварительно потянув за чеку и отпустив рычаг, так что она взорвалась в тот [самый] момент, когда упала на землю. Вероятно, она угодила в немца, но также попала в него самого (метателя) и человека рядом с ним. Таким образом, нам с Тейлором досталось присматривать за шестью или семью “фрицами”.

Эти “голландцы” были хорошо обучены. Помню, как совершил один длинный прыжок в другую большую воронку и почувствовал, как Хью приземлился на меня, когда раздались ужасные взрывы гранат, которые те ребята бросили в нас. Думаю, что каждый из нас отбросил по крайней мере одну, может быть две, а затем, обнаружив, что мы не пострадали, начали кого-то “ловить”. С того момента это стало в значительной степени индивидуальным делом. Я шарил у себя за спиной, пока не нашел свой пистолет — как раз вовремя, чтобы выстрелить из него в громадного немца, который пытался найти дорогу домой. Кажется, я произвел три выстрела — с расстояния в четыре или пять футов. Хью, обладавший бóльшим присутствием духа, чем я, ухватился за штык (использовавшийся как короткий меч) и показал себя форменным недотепой в работе с ним. Каким-то образом мы добрались домой, но в целом предприятие оказалось более или менее провальным.

С этого времени моя разведывательная активность стала в основном личным делом. Иногда я выходил с другим человеком — после того, как был издан приказ, что никто не должен выходить один, — но это был просто способ уклониться от духа приказа, соблюдая в то же время его букву. Один человек может делать почти все, что ему заблагорассудится, — ну то есть, если он не поражен одной из случайных пуль или осколком, которые всегда летали вокруг, — но если в отряде двое и более [людей], ни один человек не отважится сделать шаг, чтобы, возможно, не прервать игру кого-то другого. Я выяснил, что выползти, найти брешь во вражеской проволоке, протиснуться вдоль их бруствера и пройти краткий курс немецкого языка — в этом деле не было ничего серьезного. Но моей главной целью было попытаться определить местонахождение их пулеметных позиций. Нас это очень интересовало, — особенно меня, как пулеметчика. Время от времени я проводил часы, пытаясь обнаружить новую из них. Однажды ночью мы с Бушаром отправились туда и проверили одну из них, за которой мы наблюдали со своего наблюдательного поста в “Снайперском амбаре”. Пока мы там лежали, в укрытии вражеского парашюта и прямо у амбразуры только что сооруженной “таблетницы”, я слушал разговор изнутри, в то время как юноша, который хорошо понимал и говорил по-французски, но ни слова не знал по-немецки, вдруг схватил меня за руку и прошептал:

— Давай-ка вынесем это, — и потащил вдоль насыпи. Почти мгновенно раздался звук ужасающего взрыва на пулеметной позиции. Маленький негодяй выдернул чеку и



просунул гранату Миллза прямо в амбразуру. Это был его любимый трюк, и мы повторяли его несколько раз.

Что ж, похоже, мы снова сбились с пути. Эта глава должна быть посвящена пистолетам, а мы вот здесь болтаем о гранатах, пулеметах и многом другом. Но все в порядке; все дело в “ближней” работе, и это единственное место, где пистолет проявляется в войне. Теперь я собираюсь рассказать вам кое о чем чистейшую правду. За время моего военного опыта, который длился с сентября 1915 года по февраль 1917 года и включал в себя бесчисленное количество мелких “контактов” с противником и несколько крупных сражений, я произвел по противнику из своего пистолета ровно семь выстрелов. Семь — вот и считаете. Я израсходовал довольно много боеприпасов, стреляя по крысам, кроликам и консервным банкам, но что касается стрельбы по немцам, то я вам сказал, — всего семь, и самая дальняя дистанция, с которой я стрелял по этим людям, никогда не превышала более десяти футов. Но друг мой, это были семь крайне необходимых выстрелов. В этом может быть своя мораль; я не знаю. Если да, то разберитесь [в ней] сами.

Однако я не сомневаюсь, что простое владение надежным пистолетом — и знание того, как им пользоваться — является опорой силы для солдата, выступающего против любого врага. Возможно, он никогда не воспользуется им, возможно, у него никогда не будет шанса им воспользоваться, но мысль о том, что у вас всегда под рукой есть старая добрая “пушка”, на случай, если вы случайно наткнетесь на какого-нибудь особь с дикими глазами, бегущую на вас со штыком, придаст вам бóльшую уверенность.

Война автоматически объявляет на мужчин “сезон охоты”. Вы стреляете в них, наносите удары ножом или дубинкой и думаете об этом не больше, чем о том, как разбить [выстрелом] выпущенную тарелку. В этом нет ничего особо личного, но вы знаете, что если вы не поймаете другого парня, он, вероятно, поймает вас — и вы делаете все, что только можете.

Что касается различных типов пистолетов, использовавшихся как союзниками, так и немцами, после стольких лет размышлений я все еще считаю, что автоматический “Кольт” .45-го калибра является среди них всех королем. Этот новый “Супер-Кольт” .38-го калибра кажется еще лучшим выбором, если кто-то ищет высокую скорость и все такое, но я не верю, что он имеет какое-либо преимущество над .45-м калибром, как армейское оружие. У меня нет полномочий для такого заявления, но я считаю, что его нужно сделать просто для того, чтобы показать, что мы можем изготавливать пистолет среднего калибра, обладающий высокой скорострельностью, который не только равен, но и превосходит немецкие “Люгеры” и “Маузеры” как по дальности, так и по мощности. Честно говоря, я не знаю, для чего это нужно — разве что кто-то из наших спортсменов подумывает заняться стрельбой из пистолета по крупной дичи; еще неизвестно, на что способны некоторые из нашей новой группы “чудаков”. Они стреляют в нее из лука, и могу ожидать, что однажды прочитаю в заголовках, как какой-то храбрый идиот убил одного из наших любимых медведей в зоопарке каменным топором.

До войны я использовал и “Люгер”, и “Маузер”, и часто во время войны брал один [из них] на пробу; но, не пытаясь перечислить какие-либо конкретные достоинства или недостатки того и другого, скажу, что они меня просто не привлекали — и не из-за какого-то предубеждения против немцев, поскольку такого чувства не существует. Многие из моих лучших друзей в мире либо родом из Германии, либо немецкого проис-

хождения, и самые большие удовольствия, которыми я наслаждался, были связаны с божьей кружкой немецкого пива и сопутствующим добрым общением — песнями и духом товарищества среди добрых молодцев, когда они собираются вместе.

Нет, просто они, как и “Уэбли”, всегда казались неуклюжими — громоздкими. А выстрел? Черт, да, они отлично стреляли по всем трем “Р” — Удар, Проникновение и Мощность<sup>129</sup> — и они были примерно в одном классе по этим параметрам, но если идти дальше по алфавиту, то когда вы дойдете до “W”, просто остановитесь и подумайте о “Кольте” .45-го калибра — ведь это Мошь.<sup>130</sup> Вам также лучше вернуться в начало алфавита и добавить Точности.<sup>131</sup> Эта старая пуля .45-го калибра более авторитетна, чем любая другая, не исключая 9-мм “Люгер”, а что касается точности, то ни один “Люгер” или “Маузер” не прилетал даже на расстояние слышимости нашего служебного “Кольта”.

Погодите-ка минутку. Мне вспомнился один случай, когда у немецкого “Люгера” оказалось достаточно сил, чтобы правильно выполнить свою работу, и, может быть, мне лучше рассказать об этом прямо здесь. Случай произошел на Сомме, где я работал вместе с наступающими, командуя наспех собранным пулеметным расчетом. В бою наступило затишье, мы в то время чего-то ждали, немцы уже все вышли из траншей и немного отошли в тыл, поэтому я решил глянуть на немецкие позиции и блиндажи и посмотреть, сможем ли мы найти какие-нибудь заряженные ленты с боеприпасами для их пулеметов, поскольку мы только что обнаружили два вполне пригодных “Максима”, которых вполне можно было вернуть к работе.

Дернув с собой пару человек из расчета, мы втроем заползли в основные немецкие траншеи и начали искать снаряженные ленты. Один из парней, сопровождавших меня, прибыл, по-видимому, с новой заменой. Во всяком случае, у него в голове все еще сидел тот “сувенирный жук”, и он пытался подобрать все, что валялось в этой траншее. Вскоре я положил этому конец и заставил его выбросить большую часть хлама, который он нес, но у него остался “Люгер”, который находился в кобуре, висевшей на черном кожаном пояском ремне — эту находку я решил не заметить. Траншеи были обычным немецким глубоким и хорошо сооруженным сооружением, являвшим собой результат многомесячной тяжелой работы кирками и лопатами, но они оказались изрядно потрепаны нашими орудиями, и дно было покрыто слоем рыхлой земли, который, пока мы ползали по траверсам и прорытым участкам, заглушал наши звуки.

“Сувенирная гончая” немного торчала впереди нас, я полагаю, ему хотелось добыть еще один или два пистолета, но, во всяком случае, он держался впереди, размахивая этим “Люгером” на застегнутом ремне, который он держал в правой руке. Таким образом, мы обогнули конец глубокого траверса, и наш “дозорный” чуть не свалился на большого “фрица”, который стоял на коленях и рылся в карманах мертвого британского офицера — “голландец” был так занят, что даже не заметил, что там появились мы. Все кончилось в одну секунду — юноша только махнул ремнем, этот “Люгер” в кобуре сделал круг и со звуком “вомп” опустился на голову немца, — и мы отправились дальше, оставив там лежать обоих мертвецов. Это был единственный раз, который я могу

---

<sup>129</sup> Англ. *Punch, Penetration and Power*.

<sup>130</sup> Англ. *Wallop*.

<sup>131</sup> Англ. *Accuracy*.

припомнить, когда у “пули” из “Люгера” оказалось достаточно мощности, чтобы сделать “ударную” работу.

Но главное при рассмотрении любого служебного пистолета — вопрос *надежности*. Будет ли он работать в любую погоду? В грязи, в песке, в воде? Что ж, все мы знаем, какие испытания проводились в течение двух-трех лет, прежде чем наши офицеры Службы артиллерийского вооружения наконец утвердили “Кольт”. Два полных года реальной практической службы на островах, а затем испытания на то, что можно было бы назвать “долговечностью”, в ходе которых все остальные (их было только два, не буду их называть) отошли на второй план, тогда как старый “Кольт”, отказываясь сдаваться, в конце концов истощил время и терпение членов [приемной] комиссии и был вынужден оставить ее с незавершенным настрелом около десяти тысяч выстрелов без отказов и неисправностей. Я присутствовал при том последнем испытании, и это могло иметь какое-то отношение к моему мнению об [этой] неказистой зверюге.

Тем не менее, могу сказать, что мой опыт во Франции, а также опыт других моих знакомых, чаще всего только подтверждал выводы и мнение нашей артиллерийской комиссии. Те из нас, кому посчастливилось быть вооруженным автоматическим “Кольтом” .45-го калибра, нашли, что это подходящее и *надежное* оружие во всех отношениях. Позвольте мне повторить, что во время боевых действий у меня никогда не было сбоев в работе, и я никогда не слышал о таких сбоях, произошедших у кого-либо из моих друзей или знакомых. После того, как я вернулся с войны, стали множиться слухи о большом количестве случаев, когда оружие якобы доставляло неприятности, но это неизменно рассказывали люди, в армии не служившие, или чье служебное положение не позволяло им когда-либо участвовать в реальных боях или, если уж на то пошло, даже быть на передовой.

Кроме того, я не считал, что автоматический пистолет нуждается в каком-то особом уходе или внимании, чтобы поддерживать его в исправном состоянии. У нас было достаточно проблем со всем нашим огнестрельным оружием, и за любой винтовкой, пулеметом, револьвером или пистолетом нужно было ежедневно следить, чтобы грязь и пыль не попали в его затвор и канал ствола. Во всяком случае, наше “оружие одной руки” было несколько легче содержать в надлежащем виде, чем другие, потому что оно оставались в кобуре или внутреннем кармане одежды и не так часто бросалось на землю или подвергались воздействию стихии. Любое армейское огнестрельное оружие требует ежедневного внимания и ухода, чтобы поддерживать его в надлежащей готовности к немедленному использованию, и ни пистолет, ни револьвер не являются исключением из этого постоянного правила.

Для чрезвычайно точной стрельбы по мишеням и для того, что я могу назвать комфортной стрельбой из пистолета в мирное время, существует множество револьверов и однозарядных спортивных пистолетов, — не говоря уже о маленьких автоматических [пистолетиках] .22-го калибра, — которые более желательны, чем автоматический “ствол” .45-го калибра. Но когда вы отправляетесь на войну, вам нужен обычный **МОЩНЫЙ** “мужской” пистолет.

### Сражение у Сент-Элуа

В феврале 1916 года дело начало слегка набирать обороты, и вскоре мы втянулись в то, что потом оказалось непрерывным сражением, продолжавшимся до июня. Так называемая “битва за Утес”, начавшаяся во второй половине февраля, продолжалась и в марте. Затем началась стычка под Сент-Элуа, которая, учитывая небольшой участок задействованного фронта, оказалась одним из самых отвратительных и самых упорных “второстепенных” сражений из всех известных. С 27-го марта и до конца мая шел непрерывный ближний бой<sup>132</sup> за обладание так называемым “Курганом”, господствующей высоты на крайней южной оконечности Ипрского выступа, в том месте, которое [когда-то] было деревней Сент-Элуа. Помню, что когда я писал домой своему отцу, ветерану Гражданской войны, то процитировал знаменитое высказывание Кита Карсона: “Прекрасные бои на всей линии фронта, иди куда хочешь”.<sup>133</sup> Это в точности описывало ситуацию. Уйма боев для всех. Артиллерия, пулеметы, винтовки и гранаты — всему был свой черед, каждый день и каждую ночь.

Шум поднялся, когда наши инженеры взорвали серию из шести больших мин под “Курганом”, — занятый в то время врагом, — и Нортумбрийская дивизия, состоявшая из Нортумберлендских фузилёров, Королевских фузилёров и Йоркширского полка, прорвала [вражескую] позицию и заняла воронки и часть местности за нею, попытавшись там закрепиться. Вскоре ее сменила Шотландская дивизия, куда входили Королевский шотландский полк и гордонцы.<sup>134</sup>

Там также в течение короткого времени побывали аргайлцы и сазерлендцы,<sup>135</sup> но по итогу работа была свалена на Вторую канадскую дивизию (это были *мы*), которая и оставалась там до конца. Когда сражение началось, мы стояли справа по соседству с Нортумбрийской дивизией, так что все, что нам нужно было сделать, это “шагнуть” чуть влево, чтобы оказаться прямо гуще схватки. Однако мы со своими пулеметами находились в бою с первых дней, хотя наша пехота не приступала к своим задачам в течение недели или около того после его начала.

Поскольку это была наша первая настоящая *битва*, воспоминания о многих событиях, произошедших там, гораздо ярче и отчетливее, чем о многих других, более крупных битвах, происходивших позже. Те последние были лишь “тем же самым, только немного больше”, да и все, но правду говорят, что первые впечатления самые

---

<sup>132</sup> В оригинале дословно “собачья свалка” (англ. *dog fight*). Ближний огневой и рукопашный бой в фортификационных сооружениях.

<sup>133</sup> Кит Карсон (*Christopher Houston “Kit” Carson*; 1809 – 1868 гг.) — известный американский генерал, участник Индейских войн.

<sup>134</sup> Гордонские горцы или Гордонские хайлендеры (англ. *The Gordon Highlanders*) — знаменитый 92-й пехотный полк Британской Армии, существовавший с 1881 по 1994 годы и названный в честь шотландского клана Гордон.

<sup>135</sup> Полк шотландских горцев Аргайла и Сазерленда (англ. *Argyll and Sutherland Highlanders*) — пехотный полк Британской Армии, образованный в 1881 году путем слияния 91-го (горцев Аргайлшира) и 93-го (горцев Сазерленда) пехотных полков.

сильные, поэтому, видимо, об этой стычке под Сент-Элуа я скажу гораздо больше, чем может показаться оправданным по ее реальному значению в той войне.

Это был вечер 26-го марта 1916 года. Две сотни йоркширских солдат спускались по ходу сообщения. В связи с предстоящей утренней атакой, они шли на пополнение Нортумбрийской дивизии, стоявшей слева. Я стоял у входа в траншею, где им предстояло выйти на передовую линию. Из “Германии” летели “свистелки”, взрывавшиеся повсюду, но мы настолько привыкли к ним, что я не обращал на это никакого внимания, пока не заметил, что в этом конкретном ходе сообщения возникло необычное сосредоточение [вражеского] огня. Сам ход был всего около четырехсот ярдов в длину и, с моей слегка возвышенной позиции, все было на виду. Было почти темно — сумерки, как мы говорим — и разрывы снарядов были отчетливо видны. К этому времени их “светлячки” стали настолько густыми и непрерывными, что я не мог не заметить их, и слегка удивился происходящему. У нас были люди, в обязанность которых входил подсчет и передача сообщений о количестве снарядов, которые падали на любом участке, и то, что на этом коротком участке траншеи менее чем за тридцать минут разорвалось более тысячи снарядов, было документально подтвержденным фактом. Враг, очевидно, знал о прибытии этого подразделения и пытался взять над ним верх. Довольно скоро голова колонны втянулась в передовую траншею, во главе со старым седым сержантом, который взмахом руки направил своих солдат налево, а сам встал рядом со мной и вытащил потрепанную трубку, которую начал набивать табаком. После того, как он разжег ее и выпрямился, я осмелился заметить:

— Довольно жарко, не так ли?

Он сделал несколько затяжек, чтобы трубка продолжала гореть, и ответил:

— Да, довольно неплохо; дает юнцам представление о том, что они могут ожидать завтра.

Той ночью мы видели йоркширцев, которые пришивали квадраты из белой ткани к спинам своих мундиров. Это был первый раз, когда мы увидели такую вещь, как “боевые цвета”. После этого они использовались повсеместно — но пришивались уже на рукаве или на плечах. То же самое практиковалось и американскими войсками, когда они прибыли, — то есть [это были] дивизионные знаки различия. У канадцев система была такова, что по ней сразу можно было определить не только дивизию, но и батальон, к которому принадлежал солдат.

Жаль, что выражение: “Через бруствер! В атаку!” — оказалось настолько обесценено — да что там, осквернено! — бездумными или невежественными гражданскими лицами. Для солдата это событие величайшего значения: это сам апофеоз войны. Чтобы выдержать напряженный час ожидания “времени Ч”, а затем, в сером рассвете, среди стальных молний и ливня пуль взобраться наверх и броситься наступать — ну, для этого нужно нечто большее, чем готовность купить облигацию Свободы<sup>136</sup> или подписаться на Объединённый благотворительный фонд.<sup>137</sup>

Битва началась с одновременного взрыва шести больших мин. Для тех из нас, кто находились на позиции, с которой он был виден, это было великолепное зрелище. Для врага это, должно быть, стало чем-то, выходящим за рамки любой попытки описания,

---

<sup>136</sup> Разновидность облигаций, выпускаемая правительствами штатов или городов в США со времен Первой мировой войны.

<sup>137</sup> Сбор добровольных пожертвований для бытового обеспечения военнослужащих и их семей.

поскольку мины были заложены в ряд, отсекавший большой угол или же дугу ихней линии обороны, и снесли первую и вторую траншеи на расстоянии около шести сотен ярдов. Какие бы войска не находились в этих траншеях, они были просто уничтожены.

Фузилёры и йоркширцы быстро продвинулись по ту сторону воронок и начали энергичную работу по закреплению позиции, оборудуя в противоположную сторону участки третьей немецкой траншеи и соединяя ее с нашей исходной передовой линией. Они предприняли смелую попытку, но не смогли завершить работу под подавляющим сосредоточенным артиллерийским огнем. В течение всего этого дня и в течение многих последующих дней атаки и контратаки непрерывно сменяли друг друга.

Любая попытка описать хронологически ход битвы была бы бесполезной. Это было всё одно и то же, снова и снова: господствующие позиции занимала сначала одна сторона, а затем другая.

Я отвечал за несколько пулеметов, которые были выдвинуты вперед, чтобы поддержать наступление. Наша работа заключалась в том, чтобы вести заградительный огонь, который бы беспокоил и препятствовал выдвижению подкреплений, которые будет посылать противник. Для того, чтобы сделать это эффективно, необходимо было устанавливать пулеметы на бруствере почти без всякой защиты, так как все наши обычные постоянные огневые точки были предназначены только для обороны и не позволяли контролировать ничего, кроме ничейной земли между противостоящими траншеями. Конечно, огонь велся с закрытых позиций, но предыдущей ночью я вычислил данные для стрельбы, и позже у нас появились показания пленных о том, что пулеметная стрельба была весьма эффективной — и гораздо хуже, по их словам, чем огонь нашей артиллерии.

Понять это нетрудно — то есть при условии, если у вас есть общие знания о способах [ведения] артиллерийского огня. Когда начинается обстрел, и если он не направлен сразу на вас, то вы почти всегда сможете сказать, что за операцию намерен провести противник. Вся артиллерийская работа, так же как и другие тактические операции, была очень тщательно продумана заранее. Определенная площадь территории противника должна быть сметена [определенной] батареей. Скорострельность рассчитывалась таким образом, чтобы обеспечивался достаточный запас боеприпасов. Артиллеристы обязательно работают по очень жесткому графику, и первые несколько ходов этой игры дают врагу как минимум намеки на определенный “гамбит”, над которым они работают.

Сама основательность и совершенство артиллерийского обстрела часто наносит вред ему самому. Это было единственное, в чем немцы были исключительно хороши. Они были настолько методичны, что мы могли (и часто проводили) крупные группы солдат через их заградительный огонь с небольшими потерями. В некотором смысле, это поддерживает теорию, давно выдвинутую одним из наших (американских) военных экспертов, о том, что лучше иметь боевое формирование, [укомплектованное] более или менее неопытными стрелками, чем иметь в нем всех “стрелков-экспертов”. Идея, конечно, в том, что [в таком случае] будет настолько широкое рассеивание огня, что определенное количество врагов будет поражено *неприцельными* выстрелами.

Пулеметный заградительный огонь совсем иной. В то время как участки местности и скорострельность рассчитываются точно так же тщательно, пулеметы простреливают каждый ярд вражеского фронта настолько быстро, и, при правильной организа-

ции [этого дела], настолько безостановочно, что “перепрыгнуть между разрывами”, как мы говорили, нет никакой возможности.

Было привезено много дополнительных траншейных минометов, начиная от “Стоксов” и заканчивая такими, которые стреляли “колотушками” с круглым снарядом в шестьдесят фунтов весом на одном из концов. Стрельба минами явилась сигналом с нашей стороны к началу дела; также, как и в случае с нашей артиллерией, в течение нескольких минут весь шум создавался либо *на* нашей стороне, либо с нашей стороны. Но только на несколько минут. Быстрота, с которой противник начал действовать, указывала, что он ожидал, что что-то случится, а дьявольская точность его огня стала для нас явным откровением. Его снаряды смели верхнюю часть наших брустверов, подобно метле. Два пулемета были уничтожены при первом обстреле почти сразу же. Повсюду вокруг нас падали люди. Я совершил небольшой бросок примерно в пятьдесят ярдов или около того, чтобы взять запасной ствол, и время от времени меня сбивало с ног, частично засыпая землей от [разрывов] снарядов, которые просто не попадали в меня. Продолжалось все это около часа, и к тому времени противник уже знал, откуда будет идти основная атака и сконцентрировал большую часть своего огня на том районе, поэтому у нас появилась возможность перегруппироваться. Конечно, мы все еще подвергались непрерывному обстрелу, но не так сильно, как поначалу. И с того времени мы каждый день теряли пулеметы и людей, но при этом могли вести довольно эффективный огонь.

Вскоре после рассвета, стоя рядом с одним из своих пулеметов, который временно вышел из строя, я увидел колонну вражеской пехоты, спешащую через открытое пространство за их передовой линией, и, взяв винтовку, открыл по ним огонь. Немцы находились менее чем в двухстах ярдах, но шум был настолько оглушительным, что они так и не обнаружили, откуда летели пули. В течение долгого времени, возможно, минут тридцати, я имел удовольствие вести преднамеренный прицельный огонь по этим парням, используя несколько винтовок — солдаты в траншее заряжали и передавали их мне. Много раз в течение последующих нескольких недель мне выпадал шанс сделать несколько выстрелов подобным образом, такой же опыт был и у других ребят из нашего подразделения. Все они были страстными стрелками и никогда не упускали таких возможностей.

Дни и ночи слились воедино, весь счет времени был потерян. На протяжении четырнадцати дней я не выходил из этого ада, но так никогда и не узнал, сколько прошло времени, пока не вышел оттуда и не посмотрел на календарь. Тем временем, Нортумбрийскую дивизию сменила Шотландская дивизия. Я очень хорошо помню, когда эти парни прибыли на фронт.

Тем утром нам задали перцу. На протяжении многих дней мы пережили такой ураган снарядов, который теоретически должен был уничтожить любую армию. Наши брустверы были снесены, вокруг лежали мертвые и раненые. Пограничный полк<sup>138</sup> и Легкая пехота Дархэма,<sup>139</sup> которые стояли справа от нас и не подвергались сильному

---

<sup>138</sup> Пограничный полк (англ. *Border Regiment*) — линейный пехотный полк Британской Армии, который был сформирован в 1881 году путем объединения 34-го (Камберлендского) и 55-го (Уэстморлендского) пехотных полков.

<sup>139</sup> Дархэмский легкопехотный полк (англ. *Durham Light Infantry*) — полк легкой пехоты Британской Армии, существовавший с 1881 по 1968 год. Был сформирован путем объединения 68-го (Дарх-



обстрелу, отправили много добровольных санитаров-носильщиков, и они героически работали, однако потери росли так быстро, что даже с их помощью было невозможно эвакуировать всех раненых. Что касается мертвых, то не могло быть и речи о том, чтобы их убирать, поэтому мы делали все, что могли, — раскладывали их, убрав с дороги, на стрелковые ступеньки или на тыльные траверсы — куда угодно, чтобы нам не приходилось наступать на них. *Ад?* Да, мэм, ад и даже более чем.

Фузилёры и йоркширцы приняли свою долю и были сведены на нет вплоть до того, что лейтенанты командовали батальонами, а сержанты командовали ротами. Чтобы их сменить, были отправлены эти шотландцы, гордонцы и солдаты Королевского полка, в основном новички, присланные для замены, никогда прежде не бывавшие под обстрелом. И вот сейчас их бросили в один из самых отвратительных и ожесточенных боев, когда-либо происходивших на Западном фронте. Они были “бравыми парнями”, стройными и худыми, но высокими и сильными; свежий вереск своей родной земли, неуверенные, но охочие, они шли навстречу смерти — и знали это.

Мы находились в бою так долго, что нам уже все происходящее было не в новинку, но этим юнцам, это должно быть, казалось чем-то худшим, чем то, о чем когда-либо мечтал Данте.<sup>140</sup> Но они пришли и, — чудо из чудес, — с ними пришли их волынщики. Я впервые услышал волынку в бою. У нас в батальоне был духовой оркестр, тоже хороший, но в то время, когда мы просто держали оборону, трубачи и все остальные музыканты оркестра служили носильщиками и санитарями — выносили раненых с поля боя в тыл на перевязочные пункты, которые располагались где-то от одной до трех миль позади нас. Но теперь мы узнали (и видели то же самое несколько раз после этого), что когда шотландцы вступают в бой или идут в атаку, их волынщики идут вместе с ними, — ну, по крайней мере, главный волынщик и, может быть еще один или два, — чтобы “сопровождать их музыкой”.

Бог ты мой! Если вы никогда не видели этого, то никогда не сможете понять [охватившего меня] волнения. Идя, как на параде, не пропуская ни ноты, ни шага, издавая волынками дикую, душераздирающую мелодию, восходящую ко временам Красавчика принца Чарли,<sup>141</sup> они вступили в бой, как будто не существовало таких вещей, как пули или снаряды.

И вот они выступили, впереди шли гордонцы — несколько ветеранов с орденскими планками за Кандагар,<sup>142</sup> за которыми следовали молодые. Пройдя сквозь тяжелый заградительный огонь, они потеряли много людей, и новобранцы выглядели довольно бледными. Когда они прибыли, мне случилось стоять на входе в ход сообщения,

---

эмского) и 106-го (Бомбейского) легкопехотных полков, а также из добровольцев из графства Дархэм.

<sup>140</sup> Аллюзия на “Божественную комедию” Данте Алигьери, первая часть которой называется “Ад”.

<sup>141</sup> Карл Эдуард Стюарт (англ. *Charles Edward Stuart*, 1720 – 1788 гг.), известный также как Красавчик принц Чарли (англ. *Bonnie Prince Charlie*) или Юный Претендент (англ. *The Young Pretender*), — предпоследний представитель дома Стюартов и якобитский претендент на английский и шотландский престолы как Карл III в 1766-1788 годах. Как предводитель восстания против дома Ганноверов в Шотландии (воспринимаемого народом как восстание против власти англичан), он считается важной фигурой в истории этой страны и стал популярным героем шотландского фольклора.

<sup>142</sup> Сражение при Кандагаре (англ. *Battle of Kandahar*) — последнее крупное сражение Второй англо-афганской войны, произошедшее 1-го сентября 1880 года около города Кандагар и завершилось разгромом афганской армии. В этом сражении участвовал 92-й пехотный полк Гордонских горцев.



и я шагнул в сторонку, наблюдая за ними. Прошло шесть поколений с тех пор, как мои предки покинули Шотландию, но мне не стыдно сказать, что, когда я смотрел, как эти мальчишки, пусть и напуганные, идут в тот бой с поднятыми подбородками и винтовками наперевес, а волынщики играют *“The Cock o’ the North”*, который был и нашей собственной полковой мелодией, я плакал, как ребенок. Да, я плакал, но в то же время и громко приговаривал:

— Идите, парни, это хороший бой; идите и сделайте все от вас зависящее.

Ветераны махнули мне рукой, и юноши, казалось, немного воспряли духом. Я отправился вслед за ними, поскольку там, куда они направлялись, у нас стояло около полдюжины пулеметов, и мне все равно необходимо было быть там. Волынщики сменили музыку на *“Марш Гордонов”*, но мне было все равно — под эту музыку я был готов и жаждал прямо там отправиться в ад и дальше. Это музыка или просто шум? Вы никогда не докажете это мне, но знаю, что всякий раз, когда я ее слышу, мне хочется выйти и кого-нибудь убить.

Эти шотландцы, долго они не протянули. Никто не протягивал слишком долго в этом аду, за исключением нескольких своенравных пулеметчиков, которые оказались слишком выносливы, чтобы умереть прямо на месте. Но за то время, что они были там, эти парни великолепно себя проявили. Я видел, как одна из их рот однажды вступила в рукопашный бой со значительно их превосходящими (численно) силами немцев. Это был чистой воды штыковой бой, и когда он закончился, на поле битвы не осталось ни одного живого немца, никаких пленных они не взяли. Сильные, проворные, длинноногие — у медлительных, расчетливых “бошей” не было против них ни единого шанса. Наблюдая со своего места на бруствере, не в состоянии стрелять по причине того, что все люди были перемешаны в рукопашной схватке, я не мог не думать о том, что читал о Баннокбёрне, Каллодене<sup>143</sup> и многих других кровавых битвах, которые играют важную роль в шотландской истории. Я представлял клеймор<sup>144</sup> вместо современного штыка; и хотя среди непрерывного грохота снарядов почти ничего не было слышно, мне казалось, что они выкрикивали старые гэльские боевые кличи.

Но в конце концов снаряды достали их, — они доставали всех, кто оставался слишком долго на одном месте. Они растаяли. Этот шестисотярдовый кусок земли забрал в течение этой недели более десяти тысяч жизней, но, как обычно говорили тогда французы: *“Que voulez vous? C’est la guerre”*.<sup>145</sup>

После того, как время шотландцев прошло, оспариваемая территория была передана Второй канадской дивизии, и с тех пор у нас велась своя собственная частная вой-

---

<sup>143</sup> Битва при Баннокбёрне (англ. *Battle of Bannockburn*) — одно из важнейших сражений англо-шотландских войн XIII—XVI веков, состоявшееся 23-24 июня 1314 года близ реки Баннокбёрн. Разгром английской армии под Баннокбёрном обеспечил восстановление независимости Шотландии. Сражение при Каллодене (англ. *Battle of Culloden*) — сражение, произошедшее в ходе второго Якобитского восстания 16-го апреля 1746 года в окрестностях Каллодена, селения в северной Шотландии неподалёку от города Инвернесс, между сторонниками Карла Эдуарда Стюарта, претендента на британский престол, и правительственными британскими войсками под начальством герцога Камберлендского. Сражение при Каллодене фактически поставило точку в Якобитском восстании, оно также нанесло сильный удар по клановой системе Шотландии.

<sup>144</sup> Сабля или палаш шотландских горцев.

<sup>145</sup> Что вы хотите? Это война (фр.).

на. Чередуюсь бригадами, мы брали, теряли и повторно забирали различные воронки. Взять-то мы их могли, но не могли оставаться там достаточно долго для того, чтобы эффективно закрепиться на позиции под тяжелым артиллерийским огнем противника. Вскоре вся местность, где проходила линия фронта и почти полмили позади нее, превратилась в бесплодную пустыню. Ни траншей, ни дорог, ни деревьев — ничего, кроме бесплодной слякотной земли, настолько густо испещренной воронками от снарядов, что они соединялись друг с другом по всей территории. Наша “линия обороны” была просто прерывистой серией отдельно стоящих постов, расположенных в воронках от снарядов. Из этих постов каждую ночь выходили какие-то отряды, закреплявшиеся в одной или около другой воронки. Решительные обстрелы неоднократно обеспечивали захват их всех, но плоть и кровь не могли выдержать последующий артиллерийский огонь, и в итоге мы были вынуждены восстановить свою линию фронта примерно в том же месте, где она находилась до начала битвы.

Просто чтобы попытаться дать вам представление об игре, в какую мы играли в то время, расскажу маленькую историю. Ее можно было бы озаглавить как: “Это все в порядке вещей”, — потому что именно этим она и была.

Шестеро из нас сидели однажды ночью в воронке, ожидая, что что-то случится. “Фриц” засыпал нас, довольно регулярно, фугасками и “свистелками”, поэтому мы окопались настолько глубоко, насколько позволяла вода, и надеялись, что он не угодит одной из них прямо в нас. Грязь была настолько глубока, что даже 5,9-ти дюймовый “чемодан” мог взорваться в пределах двадцати футов, и не нанести большего вреда, чем просто добавить чуть больше к слою грязной, вонючей почвы Фландрии, покрывавшей нас.

Это был обычный пулеметный расчет, с той лишь разницей, что вместо “лансджека” в должности командира, как это было обычно, с нами был сержант. Он к нам присоединился либо из-за важности позиции, либо, возможно, просто потому, что хотел немного поучаствовать в боевых действиях. Поскольку ранее в тот же день мы потеряли одного человека и не имели возможности получить замену, подразделение осталось в своей нормальной численности. Все солдаты прошли через значительное количество боев и перешли к игре с фатальной уверенностью ветеранов.

Никто почти ничего не говорил, но довольно скоро сержант сел и прислушался, затем произнес:

— Ребята, вы что-нибудь заметили? — Затем, не дожидаясь ответа, продолжил: — Некоторое время назад все эти снаряды падали прямо здесь, а теперь летят туда, где раньше была наша передовая линия. Вы знаете, что это значит. Лучше откопайте себя из этой грязи и приготовьтесь к делу. Если “фриц” не нанесет нам визит в ближайшее время, я поставлю для всех пиво — если мы когда-нибудь доберемся туда, где оно есть.

Все солдаты точно знали, чего ожидать, поэтому никаких дополнительных слов не потребовалось. Мы быстро стянули с пулемета защитные мешки и прорезиненную накидку, и Малыш повернул его пару раз, просто чтобы убедиться, что он хорошо работает, а Дэн встал там, где он мог наблюдать над краем бойницы. Простояв там долго, он увидел что-то движущееся, на линии траншеи, поэтому подтянул сержанта вверх и показал [туда] пальцем. Он (сержант) просто взглянул, а затем [произнес]:

— Святой Моисей, да там движется вся немецкая армия. Давай этот чертов пулемет сюда наверх, отсюда мы сможем что-то сделать.

После этого он схватил его и вытащил на ступеньку, остальные помогли установить треногу и короб с патронной лентой. К тому времени мы могли видеть множество солдат, выходящих за край воронки, на расстоянии не более пятидесяти ярдов. Их силуэты виднелись на фоне неба, и шли они цепочкой, вероятно, чтобы пройти через проход в проволоке. Поскольку мы пришли сюда с наступлением темноты, им было неизвестно, что здесь кто-то был. Прицел пулемета было невозможно разглядеть, но сержант просто выровнял его, ослабил маховичок горизонтальной наводки и выпустил очередь из пятнадцати или двадцати выстрелов, после чего продолжил [стрельбу] с постоянным темпом: очередь — пауза — очередь — пауза — поворачиваясь все время влево-вправо, чтобы никого не пропустить.

Мгновение, может быть, полминуты, ничего не происходило. Затем прямо перед нами взорвалось несколько ручных гранат — слишком далеко, чтобы достать нас.

— Займитесь этим, парни! — Крикнул сержант, — Отправьте им несколько специальных подарков от мистера Миллза.<sup>146</sup>

Итак, мы перебросили [через вал воронки] по паре штук каждый, и их это оставило. В этот момент кто-то с нашей стороны выстрелил осветительной ракетой, которая пролетела над нашими головами и шлепнулась в воронку. Для “голландцев” это было плохим предзнаменованием, поскольку она высветила каждый фут их позиции, подобно фигурке, вырезанной из черной бумаги.

— Теперь ваши винтовки, ребята, смотрите, сможете ли вы достать их, когда они попытаются вернуться домой, — пропел сержант, одновременно доставая темные тени у подножия вала пулеметными пулями.

Ну, так или иначе, мы достали большинство из них. Конечно, вы не можете видеть, чтобы хорошо прицеливаться ночью, но если солдат, как и мы, хорошо владеет своей винтовкой, то можно нанести значительные потери даже в темноте. Некоторые из них, возможно, вернулись [обратно], но большинство осталось там — навсегда. Затем нам ничего не оставалось делать, как ожидать следующего хода.

Долго ждать нам не пришлось. Первым делом прилетели “свистелки”, прыгавшие и взрывавшиеся вокруг, подобно куче хлопушек. Симпсон и Черный Дэн получили осколочные ранения, заставившие их ругаться, и думаю, у всех нас появилось несколько царапин.

Что делать? Что делать? Это был вопрос, которым задавались все солдаты, но [с нами] был сержант, который, как это должно быть, взял на себя ответственность и разрешил этот вопрос.

— Пошли, ребята, — произнес он, и, сняв пулемет со станка, отправился прямо в сторону “Германии”; мы все последовали за ним, таща за собой остальную часть снаряжения.

Мы шли, ползли и спотыкались, [пока не оказались] прямо под укрытием вала воронки. Там лежало немало немцев, много убитых и часть раненых. Один из последних издал пронзительный крик и начал ползти вверх к краю, но кто-то подскочил и ударил его по голове прикладом, и он снова скатился вниз. Из оставшихся никто, казалось, не мог нанести никакого вреда, поэтому мы оставили их на время в покое.

И вот, мы оказались тут, на данный момент вполне в безопасности, но сержант серьезно задумался. Это было что-то вроде того:

---

<sup>146</sup> Т.е. ручных гранат.

— Если мы просто останемся здесь и будем ждать, то очень скоро “фриц” пришлет сильную поддержку и забросает нас к черту гранатами. С другой стороны, есть шансы на то, что эти ребята в воронке сейчас в значительной степени деморализованы и спугнуть их отсюда должно быть легко. Ага, вот оно!

Повернувшись к группе и, сдвинув их головы достаточно близко, чтобы его слова могли быть поняты сквозь грохот обстрела, он прокричал:

— Нам нужно пробраться в эту воронку! Сколько гранат у вас, ребята, осталось в карманах? — Всего их оказалось шесть [штук]. — Хм, не хватает, лучше взять несколько у тех немцев.

Мы поискали вокруг и нашли довольно много “картофелемялок”. Всего было собрано около дюжины [гранат]. Мы все знали, как они работают, так как использовали их в предыдущих случаях. К этому времени Симпсон довольно нетвердо держался на ногах из-за глубокой резаной раны на голове (это было еще до того, как у нас появились стальные шлемы), а у Дэна МакГвайра была серьезная проблема остановить кровотечение из-за неприятной раны на его боку, нанесенной осколком снаряда. В других отношениях мы не пострадали, а эти двое сказали, что они могут продержаться еще какое-то время.

Когда мы все разобрали гранаты, сержант снова собрал нас.

— У всех есть винтовки? — спросил он.

Они были у всех, кроме Малыша.

— О-хо, — произнес сержант, — Снова выбросил ее, не так ли? И я чертовски хорошо знаю, почему ты это сделал, парень. Хочешь использовать тот самый пистолет, да? Хорошо, достань его и посмотри, работает ли хорошо и плавно затвор, потому что этой ночью тебе наверняка выпадет шанс испробовать его.

У нас ходила дежурная шутка о том пистолете, который прислала из Канады мать Малыша, выгравировав на нем его инициалами и все прочее. Это был служебный автоматический “Кольт” .45-го калибра, но у него не было возможности попрактиковаться с ним, так как он был получен после того, как мы пришли на передовую. Он хранил его, смазанным маслом и аккуратно завернутым в ткань, в своем мундире.

—Ага, — продолжал сержант, — Вот где ты узнаешь, насколько ты хорош. Положи все свои запасные обоймы себе в левый карман. Не забудь выбрасывать и перезаряжать [пистолет] после седьмого выстрела. О, черт, нет, никто никогда не запомнит так много [сведений] в бою. Ну, полагаю, этого достаточно. Все готовы? Теперь, по моей команде, бросаете все гранаты на ту сторону и следуйте за мной. Когда мы перелезем через вал, все начинают стрелять и продолжают до тех пор, пока на ногах стоит хоть один немец. Пошли!

Действовали мы быстро, и нам понадобилось всего несколько секунд, чтобы бросить все гранаты, и всего на несколько секунд больше, чтобы все они взорвались. Любопытно, что в то время никто из нас не заметил, что из воронки не велось ответного огня. Мы прыгнули вверх и перевалили через край, стреляя на ходу, и оказавшись внутри, поняли, что место было практически не занято. Там находилось несколько убитых и раненых, да и все. Очевидно, враг не собирался удерживать воронку силой, но использовал ее только как удобное место для попытки нападения, которое мы остановили. Будут ли он пытаться вновь занять ее сразу, или нет, — вот вопрос, который интересовал нас больше всего. Эти воронки (всего их было шесть) являлись спорной территорией на протяжении нескольких недель, переходя из рук в руки, иногда дважды за

одну и ту же ночь. Обе стороны предпринимали множество неэффективных попыток занять и закрепиться в них. Когда-то у нас шла траншея, которая полностью их окружала, но в этом случае, как и в других, оттуда нас вытеснило превосходство германской артиллерии. Взрывы гранат с нашей стороны позволили бы нам захватить любое из этих мест еще раз, но мы так и не смогли создать приличную защиту от неизбежного града снарядов, который следовал за этим.

В интересах обывателей, возможно, стоит кратко поговорить о минах, воронках, сапах<sup>147</sup> и т.п.

В любом виде “осадной войны”, а траншейная война — это просто одна из форм осадных действий — каждая сторона пытается занять и удержать определенные господствующие точки, позиции, которые позволяют им *контролировать* или просматривать территорию, занятую вражескими силами.

С таких позиций они могут нанести большой урон, не понеся в равной мере потерь. Естественно, [из этого] следует, что эти места становятся центрами многих отчаянных боев. Всякий раз, когда одному из противников удастся закрепиться на такой позиции настолько прочно, что его нельзя выбить ни одним из обычных методов проведения атаки, тогда работа передается инженерам, и они приступают к работе по оборудованию сап.

Так вот, есть подкопы и сапы — те, что вы видите вокруг себя каждый день, и другие, и я сейчас говорю именно про этот другой вид. Сапа, на военном языке, — это просто туннель. Шахтер назвал бы это “горизонтальной выработкой”. Начиная с точки, расположенной далеко за нашими линиями траншей, она простирается под ничейной землей и под траншеей противника, где, если операция проходит успешно, отрывается полость, пространство которой заполняется порохом или другими взрывчатыми веществами. Затем полость запечатывается и туннель засыпается. Провода, соединенные с электрическими запалами — они называются детонаторами, — помещенными в заряд взрывчатого вещества, выводятся обратно к нашим линиям обороны, где их можно присоединить к батарее и тем самым подорвать заряд взрывчатки.

Если работа была проведена скрытно, без ведома противника, то результат такого взрыва довольно ужасен. Земля, здания и люди взлетают вверх в виде настоящего гейзера, и на месте остается “воронка” или яма, размер и глубина которой зависит от количества использованной взрывчатки. Внутренняя часть будет в форме перевернутого конуса, а по всему краю будет проходить земляной вал. Перед тем, как взорвать мину, отдаются распоряжения иметь наготове группу солдат, которые должны броситься вперед и занять воронку, и затем, на некоторое время, она превращается в арену борьбы, когда противоборствующие силы оспаривают ее обладание.

Однако с имеющимися сейчас точными инструментами почти всегда можно обнаружить и проследить за ходом любого подобного подкопа, в результате чего противник прибегнет к одному из двух способов сорвать операцию. Он может решить проделать то, что известно, как “контр-сапа”. В этом случае он постарается соорудить свой подкоп, чтобы достичь точки, находящейся непосредственно под сапой противника, в которой он взорвет пороховой заряд, который разрушит верхнюю конструкцию.

---

<sup>147</sup> Сапа — инженерное сооружение, подкоп, тоннель или траншея, предназначенная для приближения к крепости или полевым фортификационным сооружениям неприятеля.



Или, если у него есть основания полагать, что сапа находится у поверхности, он направит на это место огонь нескольких тяжелых орудий, пытаясь обрушить и разрушить туннель. Такие действия имели место в течение всего периода, когда мы занимали какой-либо участок линии обороны вокруг Ипра. Мы знали, и враг знал, что любой из нас может быть взорван почти в любое время. Это всего лишь еще одна из тех вещей, которая не дает войне стать слишком однообразной.

Я обратил внимание, что использовал слово “сапа” довольно свободно, и должен был упомянуть о “саперных войсках”. Строго говоря, сапа — это скорее траншея, чем туннель, но в старые добрые времена все это подразделение Инженерного корпуса называлось “минеры и саперы”. В настоящее время в их составе есть регулярные “туннельные роты”. Тем не менее, эти два направления работы настолько тесно связаны и так часто объединяются в одну операцию, что я не ожидаю резкой критики в этом вопросе, поэтому оставим все как есть.

Так вот, эти конкретные воронки были результатом многих месяцев работы и были одними из самых больших, которые я когда-либо видел, одна из них имела ширину не менее двухсот футов, а три остальных были почти такими же большими. Земляные валы по краям воронок поднимались на десять и более футов над окружающей территорией, а ямы всередине были глубиной где-то десять-двадцать футов.

В то время, о котором я пишу, центральная часть всех воронок была заполнена водой, свободными оставались лишь несколько футов вокруг края. Вода была наполнена вещами, думать о которых неприятно. Там погибло много людей, и их тела, вместе с искореженным металлом, разбитыми бревнами и другим мусором из взорванных траншей, создавали ужасное месиво, но, — “хоть поверьте, хоть проверьте”, — мы настолько привыкли к подобным вещам, что могли передвигаться, есть и спать там без малейшего угрызения совести.

После значительных поисков в темноте, которым время от времени помогали осветительные ракеты с одной или другой стороны, мы нашли ход сообщения, который сообщался с “Германией”. Осторожно продвинувшись вглубь [него] на пятьдесят или шестьдесят футов, мы оставили там одного человека на карауле. Вернувшись в воронку, мы осмотрели раненых и обнаружили, что в живых из них осталось только двое. У одного из них оказалась раздроблена нога, а у другого была рана на голове, и он находился в бреду. Сделав для них все, что можно, мы затем вылезли наружу и нашли еще троих, которых затащили внутрь. У одного из них было сквозное пулевое ранение, и перед утром он умер, другому же две пули прострелили ноги, и он не мог стоять. Третий, который оказался тем, кого нокаутировали прикладом ружья, был лишь слегка ранен, будучи оглушенным гранатой и порезанным в нескольких местах осколками. К счастью, этот мог говорить по-английски, и мы получили от него много информации. Среди прочего он сообщил, что был в этой воронке раньше и что у них были приказы, чтобы на случай, если они будут разбиты, выбросить пулеметы в воду в середине воронки. Исходя из этого, мы провели некоторое время в поисках под водой и действительно нашли одну треногу и несколько лент с боеприпасами.

Когда Поль — так звали того немца, — уяснил себе, что мы не собираемся его убивать, он разболтался и рассказал нам все, что знал. Он был саксонцем и жил в Нью-Йорке в течение нескольких лет, но находясь в Германии с визитом, когда началась война, был немедленно призван в армию. Насколько я смог понять, из-за того, что в то время он оказался в Мюнхене, осматривая достопримечательности, его определили в

баварские войска пулеметчиком. Было очевидно, что парень недолго любил баварцев, особенно офицеров, и я скорее думаю, что он был очень доволен тем, что попал в плен. Мне попадались много таких, как он.

Ближе к утру, когда на востоке начало светать, солдат, стоявший на карауле в траншее, прибежал и сказал, что слышит, как к нам кто-то идет. Не колеблясь ни секунды, сержант побежал к траншее, приказав двоим следовать за ним. Они пробежали вдоль нее, пока не скрылись за траверсом, быстро спрятавшись под перекрытием — там, вероятно, была ниша для боеприпасов. Через несколько мгновений можно было услышать людей, идущих по траншее. Действуя в соответствии с приказом сержанта, мы все молча присели и прижались к стене. Мимо нас один за другим прошло восемь человек, первые шесть несли пулемет со станком и множество коробов с боеприпасами. Оставшиеся два несли большие котелки и мешки с чем-то. Когда крайний человек прошел мимо, мы потихоньку вышли и проследовали за ними до того места, где они свернули за угол, ведущий в воронку, и сержант не приказал им остановиться. У нас у всех были наши винтовки, и когда эти парни повернулись назад чтобы посмотреть, что это было, они просто издали несколько удивленных звуков, бросили свой груз и подняли руки.

Это был самый легкое взятие в плен, которое я когда-либо видел. Мы заставили их затащить все вещи внутрь [воронки], а затем, разоружив их, отвели их на другую сторону ямы и оставили их под надзором одного солдата. Они шли, чтобы сменить пулеметный расчет, который должен был находиться в воронке и в дополнение к обычному пайку, несли с собой приготовленную пищу на два дня, что оказалось для нас довольно приятной неожиданностью. В мешках оказалось несколько маленьких буханок *schwartzbrod*,<sup>148</sup> сыр и какая-то *wurst*,<sup>149</sup> в то время как в одном из котелков была тушеная масса, основным ингредиентом которой, казалось, был лук. Там же виднелись и другие овощи, а мяса, как сказал бы химик или лаборант, чувствовался лишь “след”. Однако в то время съесть это было совсем не сложно, и вскоре мы расправились со всем этим, поделившись, конечно, с пленными. В другом котелке была только вода, что тоже было очень кстати.

Примерно в это же время я заметил, как один из пленников снял со своего ремня маленькую круглую бутылку и сунул ее во внутренний карман шинели. Действуя по наитию, я подошел и попросил одного из них дать мне попить. Он сделал вид, что не понимает, поэтому я завладел его “флягой” и угодился. Моя догадка оказалась верной, потому что бутылка была наполнена бренди. Мы быстро поотбирали их и у других [пленников] и обнаружили, что во всех содержится один и тот же напиток. О, ребята, это был дар богов. Мы позволили пленникам сделать по большому глотку, дали раненым чуть больше, а оставшееся затем отправили туда, где это принесло наибольшую пользу делу “демократии”. После этого мы обыскали все остальные фляги на мертвых немцах, лежавших вокруг, но обнаружили, что в них не было ничего, кроме воды. Поль немного поговорил с новой группой и выяснил, что они нашли ящик бренди, предназначенный для какой-то офицерской столовой, и присвоили все, что смогли унести.

К тому времени уже рассвело, и пора было подумать о будущем. Нужно было позаботиться о раненых, иначе могло оказаться слишком поздно. В том месте, где земля,

---

<sup>148</sup> Немецкий черный хлеб.

<sup>149</sup> Немецкая колбаса.

вода и даже воздух были загрязнены гнилой плотью давно умерших людей и всеми другими неприятными вещами, которые только может предоставить ваше воображение, необходимо было без промедления тщательно очищать и дезинфицировать раны, иначе смерть будет неминуемой. После напряженных размышлений сержант решил выбрать план действий, который можно было бы посчитать глупым, но который, как показали последующие события, оказался верным. Очевидно, вернуться к своим позициям при дневном свете было невозможно, поскольку местность вдоль этого маршрута находилась под непрерывным наблюдением немцев, и даже змея не смогла бы ее преодолеть, не будучи обнаруженной. Поэтому он позвал Поля и сказал, что собирается двух людей из последней партии пленных отправить с их ранеными товарищами обратно на немецкие позиции — мы не хотели быть ими обременены, и он подчеркнул тот факт, что это был их единственный шанс выжить. Эти солдаты должны были доставить раненых по одному на ближайший перевязочный пункт и оставить их там. Носильщикам было сказано, что все остальные пленные останутся в воронке как заложники. Сержант полагал, что это предотвратит любой обстрел или другие попытки вести боевые действия в течение дня.

С помощью кусков досок от разбитых блиндажей, остатков проволочной сетки, которая, вероятно, использовалась для обваловки, и полос ткани, оторванных от униформы, были сооружены прочные носилки и первого солдата унесли. Та же самая процедура была проведена с остальными, только носильщики, когда они вернулись из первой ходки, принесли настоящие носилки. Как только они ушли с последним из раненых, мы взялись за работу и соорудили через траншею солидную баррикаду, далеко за пределами воронки, а затем присели отдохнуть. Представьте наше удивление, когда двое носильщиков вернулись и, не сказав ни слова, перелезли через баррикаду, влезли внутрь и присоединились к своим товарищам в воронке. Мы спросили Поля:

— Как же так? — но он просто засмеялся и ответил, что они устали от войны и лучше уж будут пленными. Так вот, не могу себе представить, чтобы какой-то канадец или другой какой-нибудь британец, если на это пошло, сделал бы что-то подобное, но что до немцев, то вы никогда не можете [ничего] знать наверняка. Они делают и думают о вещах, которые находятся за пределами нашего понимания.

Мы спали по очереди, и единственное беспокойство в течение дня было, когда наша собственная артиллерия выпустила около дюжины снарядов в воронку и вокруг нее, очевидно, думая, что она занята врагами. Никто не пострадал, и, как только стемнело, Дэна и Симпсона отправили обратно на наши позиции с пленными — всех, кроме Поля, которого мы придержали на случай, если у нас появится необходимость использовать переводчика в дальнейшем. Ему это совсем не понравилось, так как он хотел, по его словам, “поскорее выбраться отсюда к черту”.

Дэн нес сообщение, которое должно было быть передано первому встреченному им офицеру, с объяснением ситуации и просьбой направить группу для [нашей] замечены. Враг нас не тревожил, и вскоре после полуночи прибыл взвод пехоты и пулеметный расчет, а мы вернулись в свои траншеи — очень довольные собой. И как оказалось, нам *очень повезло*. Незадолго до рассвета противник открыл артиллерийский огонь и убил почти половину солдат из гарнизона воронки, вынудив выживших отступить.

Вот так оно и шло. Однако был случай, когда один из наших пулеметных расчетов под командованием сержанта Нортон-Тейлора в течение пяти дней занимал одну из воронок, питаясь едой и водой, которую они нашли на мертвых немцах, и ребята не



только все это время *удерживали* воронку, но и взяли пленных, в том числе один полнокровный пулеметный расчет противника. Из-за того, что воронки часто переходили из рук в руки, стояла такая неразбериха, что в тот момент их сочли погибшими. Наконец, их сменил патруль из Девятнадцатого батальона, располагавшегося слева от нас.

Рассказ о случае с пленным, Полем, несколько страниц назад напоминает мне об еще одном чрезвычайно странном событии, которое случилось со мной за несколько недель до этого. В течение моей более или менее “переменчивой” карьеры мне случилось много раз убеждаться в том, что “правда гораздо страннее, чем вымысел”. Один такой пример приходит на ум и сейчас.

Около десяти часов вечера нас начали ужасно обстреливать. Это было настолько необычно, что мы были уверены, что “фриц” замыслил что-то недоброе, поэтому, конечно, все солдаты бодрствовали и были настороже. Я стоял рядом с майором Грэм, когда пара снарядов пробила верхнюю часть нашего бруствера, по одному с каждой стороны от нас, на расстоянии не более пяти или шести футов, и взорвались в канаве за траншеей, не нанеся никаких повреждений. Сотни других взрывались по всей линии фронта и, несмотря на все приложенные усилия укрыться в убежищах, результатом стало множество людей, вышедших из строя.

Кстати, этот майор Грэй был одним из тех, кто ходил вдоль колонны, когда все настолько уставали и изнемогали на марше, что едва могли плестись, и заводил какую-то бессмысленную старую песню, которая сразу же подбадривала нас. Хорошо помню одну из его любимых:

*“I’m tired of living alone;  
I want a wee wife of my own;  
Someone to caress me, someone to undress me  
I’m tired of sleeping alone”.*<sup>150</sup>

Когда все немного успокоилось, и майор вернулся в свой блиндаж, я побрел вдоль траншеи, время от времени останавливаясь, чтобы проверить различные пулеметные расчеты. Как только я добрался до пулеметной площадки на стыке траншей “О” и “Р”, я услышал резкий окрик часового на стрелковой ступенке, и сразу же после этого увидел, как через бруствер перелезает и сваливается в траншею немецкий солдат, которого часовой все время держал под прицелом. Увидев меня, он, (часовой) сказал:

— Вот пленный, сержант, и не забывайте, что это я его взял.

Я взял на себя ответственность за немца и проводил его обратно в помещение, занимаемое майором. Офицер оказался очень заинтересован, но поскольку он не знал немецкого языка, то не мог допросить этого парня так, как ему хотелось бы. Мой немецкий был не тем, чем можно было бы похвастаться, но, попытавшись поговорить с ним на его родном языке, мальчик — потому что им он и был, около восемнадцати или девятнадцати лет — ответил на ломаном английском:

— Мы идем бомбить; мы заблудились; снаряды летят так быстро, что я не знаю, что делать. Оглядываюсь назад, и это так далеко; смотрю сюда, и это так близко. Я думаю, что так лучше, поэтому я иду сюда.

---

<sup>150</sup> “Я устал жить один;

Я хочу свою маленькую жену;

Кого-то, кто бы ласкал меня, кого-то, кто бы раздевал меня...

Я устал спать один”.

Вы можете себе это представить?

А вот и “совпадение”. Имя этого юноши было Каспар Мейер из Заксенхаузена, в княжестве Вальдек, и я останавливался у его семьи, когда он был младенцем и в то время убедил его старшую сестру заняться изучением английского языка. Похоже, что мальчик тоже взялся за это, когда стал достаточно взрослым. Конечно, он отправился в тыл — военнопленным, — но, казалось, был вполне доволен этим.

Это был, как я думаю, первый пленный, взятый Двадцать первым батальоном. Следующим был тот, кого “взял” я, когда он перелез через наш бруствер рано утром — через неделю или около того — и оказался одним из наших офицеров разведки, но, поскольку он был полным немецком обмундировании, я задержал его и отправил в тыл под охраной. (Вы бы слышали, как он ругался).

После этого мы подбирали их, время от времени; когда можно, то с патрулем, иногда в рейде; но впервые мы увидели их в большом количестве во время боя у Сент-Элуа. Фузилёры и йоркширцы захватили несколько сотен и отправили их через наши траншеи. Похоже, в немецкой армии ходила история о том, что канадцы всегда убивали всех пленных, и когда парни обнаружили, что им необходимо пройти через канадские позиции, они умоляли, как пай-мальчики. Однако им пришлось сделать это, и, — о чудо! — на каждой полевой кухне им подавали чай и все остальное, что там было. И те, кто их взял в плен и сами пленные жили одинаково, а один бедный маленький шельмец, который был настолько измучен, что едва мог передвигаться, нашел кровать в моем блиндаже и проспал там весь день — конечно, при моем попустительстве, — а затем сам отправился в тыл к нашим резервным линиям.

В разгар битвы, когда дело доходит до финальной рукопашной борьбы, люди возвращаются к элементарному уровню диких зверей и проявляют свирепость пойманного в ловушку тигра, убивая безжалостно и без разбора, но, как только пленного взяли и отправили в тыл, вся эта враждебность забывается, и к нему относятся почти как к одному из своих. Конечно, я ничего не знаю о поведении немцев в этом отношении или о наших [солдатах], которые были взяты в плен (кстати, здесь хорошо отметить, что Двадцать первый [батальон] не потерял пленными ни одного человека), но полагаю, что там было то же самое. Конечно, пленные у немцев не получали много еды, но также ее не получали те, кто их взяли в плен — по сравнению с *нашим* уровнем жизни, — поэтому они не могли сильно жаловаться на этот счет.

Позднее, во время битвы на Сомме, я видел их буквально тысячами (то есть немецких пленных), и все они, казалось, очень философски восприняли свою судьбу. Очевидно, они были хорошо проинструктированы о том, как действовать в случае попадания в плен. Я разговаривал со многими из них и присутствовал, когда их допрашивали наши офицеры разведки, и никогда не встречал никого, кто бы отказался назвать свое имя и полк. (Это все, что может под принуждением сообщить всякий пленный). Иногда они говорили немного больше — может быть, правду, а может и нет, но все они, казалось, воспринимали факт своего пленения как некую часть военной игры и, похоже, не слишком огорчались по этому поводу. Как я склонен думать, некоторые из них были чертовски рады этому — рады, что так легко отделались. Я легко могу понять такое отношение, хотя сам так и не дошел до того, чтобы мне захотелось испытать такое на себе.

Они отправлялись в тыл, в загоны из колючей проволоки, а оттуда в постоянные лагеря для военнопленных. Большинство из них заставляли работать на дорогах или в

доках морских портов и, казалось, они были вполне довольны, оставаясь там и позволяя войне идти своим чередом.

Поначалу наши так стремились получить “сувениры”, что большинство пленных отправлялось в тыл без поясов или пуговиц, но мы им всегда платили за это. Мы меняли французские расписки (деньги) на немецкие марки и давали им справедливую цену за все, что мы взяли. Позже у нас не было времени на такие мелочи и, кроме оружия, их разрешали оставлять все, что у них при себе было, однако думаю, что военная полиция и гражданское население, находящееся в тылу, скорее всего обчищали их.

### Неразорвавшиеся боеприпасы, осечки и заклинившие затворы

Этой [книге] не предполагается быть историей войны, а рассказом для стрелков, поэтому нам придется многое пропускать, давая лишь наброски об общих операциях и искать места для “выстрела”.

На последних этапах операции у Сент-Элуа у стрелка было мало возможностей. Сама операция, в основном, заключалась в выбамбливании врага из воронок, а затем, на следующий день, быть выбитым огнем артиллерии самому. Все эти незначительные действия происходили ночью, но дни ни в коем случае не были унылыми, поскольку наши позиции все время подвергались постоянным бомбардировкам.

Я просто случайно взглянул на календарь. В следующее воскресенье будет Пасха — 20-го апреля. Приятель, сидевший рядом со мной, заметил, что это было самое позднее пасхальное воскресенье. Что ж, помню, как однажды она наступила днем позже — 21-го апреля 1916 года.

В то время наша передовая линия представляла собой просто разбросанное множество воронок, примерно там, где располагалась наша *настоящая* линия фронта до начала битвы. В каждой воронке сидел пулеметный расчет, а иногда и несколько пехотинцев. Поскольку вся местность находилась под непосредственным наблюдением с вражеской позиции, поддерживать связь с этими отдельными постами днем было невозможно, поэтому нам приходилось сменять их ночью. Конечно, враг все об этом знал и регулярно всю ночь обстреливал весь тыловой район пулеметами и “свистелками”, что делало задачу выхода на позицию и отхода с нее очень интересной. В качестве сержанта, моей обязанностью было менять эти посты каждую ночь. Все пространство, по которому мы должны были передвигаться, было буквально сровнено с землей артиллерийским огнем. Я говорю сровнено, хотя это не совсем правильно. С расстояния оно выглядело ровно, но это было одно сплошное поле воронок от снарядов, расположенных очень близко одна к другой, подобно ячейкам в сотах — и даже ближе, так как эти воронки соединялись и накладывались одна на другую. Каждый фут; нет, каждый дюйм этой земли был перевернут, и не по одному разу — и каждая воронка была полна воды.

Даже нахождение различных [пулеметных] постов бросало вызов умениям опытного ориентировщика — он мог полагаться только на счисление [своего] пути.<sup>151</sup> Все время, пока мы находились там, шел непрерывный дождь. Ночью никогда нельзя было разглядеть звезды, а компас был бесполезен из-за того, что земля была буквально напшигована железом и стальными осколками от снарядов. То, что нам вообще удавалось сменять посты, являлось предметом гордости. Даже сами немцы, начиная с места, намного более близкого, чем наше, зачастую терялись и сбивались с пути, выходя к нашим позициям. Однажды ночью к нашей траншее вышел целый их взвод, который был схвачен без сопротивления. И прямо здесь я хочу отметить, что за все это время мы ни разу не потеряли ни одного человека пленным.

---

<sup>151</sup> Определение местоположения во время движения, используя только азимут, пройденное расстояние и скорость.

Итак, как я начал рассказывать, в ночь на 20-е апреля один из наших отрядов (думаю, под командованием капрала Джонстона) промахнулся мимо своей цели, прошел сквозь линию обороны, и, после долгих поисков, оказался прямо у вала одной из воронок, которая в то время была занята врагом. К тому времени стало светать, и капрал, оценив ситуацию, решил, что единственное, что можно сделать, это окопаться прямо там и ждать до следующей ночи. Именно это они и сделали, оставшись там весь день на расстоянии двадцати футов от немцев — в Пасхальное воскресенье 1916 года. Я хорошо помню это, потому что весь день ходил и искал их. На протяжении дня нашей артиллерии взбрело в голову обстрелять именно ту воронку, что сделало пребывание для ребят еще более интересным. Вскоре после наступления темноты все они благополучно вернулись.

Именно на одном из ранних этапов этой битвы мы узнали, что винтовка может быть очень похожа на женщину, и что милая возлюбленная добрых дней может превратиться в далеко не заслуживающую доверия и ненадежную помощницу в семейной жизни.

В первый раз, когда мы были вынуждены отражать решительную атаку, и быстрый непрерывный огонь являлся необходимостью, было обнаружено, что [винтовка] “Росс” не выдерживает такого рода обращение. Хотя она была удивительно точным оружием, она никогда не предназначалась для быстрой и грубой работы. Никогда не забуду это время: однажды ночью, когда “фрицы” попытались стремительно атаковать наши траншеи во время одной из своих многочисленных благотворительных попыток выгнать нас из наших грязных ондатровых нор обратно на возвышенную и сухую местность в нашем тылу, а мы, с характерной извращенностью солдат, отказались уходить, во время небольшого затишья в стрельбе, я услышал громкий голос, — просящий, молящий, увещающий и, главным образом, проклинаящий весь клан Росса. Расследование показало, что это был “Большой Дэн” МакГанн, усердно пытавшийся открыть затвор своей винтовки, используя в качестве средства убеждения большой кусок дерева. На протяжении короткого времени, пока у меня была возможность, я слышал, как он перечисляет каждого члена этой семьи с давних времен — со времен праотцов и до нынешнего поколения, — обозначая всех по имени и числу, вместе с самыми зловещими и оригинальными описаниями, которые я когда-либо имел удовольствие слышать. Это было изумительно, упоительно — просто слышать, как ругается этот человек, — но вскоре мы выяснили, что он делал только то, что хотели бы сделать мы сами, обладая его выдающимися способностями. Затворы *заклинивало*, и даже сам дьявол не смог бы их открыть.

Мы интенсивно тренировались с этой винтовкой “Росс”, как на стрельбище Барьефилд в Канаде, так и в английском Хайте, и нашли ее всецело надежной и точной. Даже в тяжелых испытаниях на скорострельность, где требовалось [делать] пятнадцать выстрелов в минуту, она никогда не подводила. Во время состязания один солдат произвел тридцать три прицельных выстрела (все в цель) за одну минуту, в то время как многие другие [сделали] более двадцати пяти выстрелов. Что касается точности, то по крайней мере до шести сотен ярдов она была равной или превосходила любую винтовку, которая у меня была или из которой я стрелял — *не* исключая “Спрингфилд”.

Я видел целых сорок последовательных попаданий из нее в “яблочко” мишени — в шестидюймовый круг — с расстояния трехсот ярдов, и соответственно хорошие попадания с пяти и шести сотен ярдов. У нас не было регулярных тренировок за пределами

последнего стрельбища, но несколько раз я успешно использовал эту винтовку на стрельбищах на дистанциях до тысячи ярдов и более.

Помня обо всем этом, можно понять, что мы пошли в бой с абсолютной уверенностью в своем оружии. Каждый солдат из первоначального состава батальона сделал сотни, а то и тысячи выстрелов, каждый из своей любимой винтовки, и знал, что он может с ней делать. Он также знал, как с ней обращаться, что является еще одной очень важной вещью. Принадлежности для чистки найти было трудно, но, так или иначе, каждый солдат находил какие-то способы, чтобы содержать свою винтовку в исправном состоянии, хотя зачастую это означало укорочение его рубашки на несколько дюймов.

Первая жалоба на винтовку “Росс” касалась того, что она была слишком длинной и громоздкой для удовлетворительного использования в узких траншеях или при переползании по открытой местности с редкими укрытиями. С ней было трудно обращаться так, чтобы избежать попадания на глаза противнику, особенно с прикрепленным штыком. Однако, поскольку французский “Лебель” был таким же длинным, а его штык был намного длиннее, этот момент не имел для вышестоящего командования большого значения. Но когда они начали у нас заклинивать и заедать, пришлось признать, что дело серьезное. Чтобы исправить проблему, перепробовали всевозможные штуки, винтовки отправляли в тыл к сержантам-оружейникам, которые расширяли патронники, чтобы патрон сидел внутри не так плотно, и все такое, но все оказалось бесполезно, и окончательное решение состояло в том, чтобы изъять “Росс” из траншей и выдать каждому пехотинцу служебную короткую винтовку “Ли-Энфилд”.

В то время и в течение нескольких лет после войны мне казалось, что все эти проблемы были связаны с каким-то фундаментальным дефектом самой винтовки, но после того, как я послушал ветеранов из Первой дивизии, участвовавших в первых сражениях, и не заметивших никаких подобных проблем, я теперь склонен считать, что это могло быть связано с боеприпасами, — по крайней мере, частично.

На ранних этапах войны все боеприпасы шли со старых, заслуживающих доверия заводов и арсеналов, и изготавливались в строгом соответствии со стандартными спецификациями. Однако позднее, для поддержания поставок [боеприпасов], возникла необходимость в строительстве и оснащении многих других фабрик, а так как эти учреждения были неизбежно укомплектованы новыми и неквалифицированными рабочими (главным образом женщинами), и их машины, инструменты и измерительные приборы также были изготовлены в спешке, было неудивительным, что большая часть этих боеприпасов не функционировала должным образом. Особенно это было заметно в пулеметах. Некоторые торговые марки не работали вообще, а многие другие были удручающе дефектными, вызывая множество отказов и поломок, часто в крайне критических случаях.

Такие марки как “Dominion Cartridge Company” и “Купнок” были в целом надежными. “Winchester” был надежным *всегда*. Марки “U.M.C.” и “U.S.” были почти так же хороши, — все три последние марки мы высоко ценили. Но был какой-то особенно дрянной материал, поступающий с фабрики на реке Гудзон, какое-то там “Национальное что-то”, который был отвратительным даже для стрельбы из винтовок, а чтобы использовать его в пулемете нечего было и думать. Эта же компания также производила миллионы таких же дрянных боеприпасов для Армии США, когда они вступили в вой-



ну, и многие тысячи этих патронов распространялись еще в течение нескольких лет после войны.

Вопрос обеспечения достаточными запасами надежных боеприпасов хорошо известен нашим руководителям, но он должен быть осознан умами тех членов Конгресса, которые занимаются выделением средств. Франкфордский Арсенал может легко произвести все, что нужно нашим войскам в мирное время и, без сомнения, может значительно увеличить объем производства в чрезвычайной ситуации, но в момент объявления войны такой спрос возрастет как минимум раз в пятьдесят. Эта цифра — просто поспешное суждение, основанное на [численности] армии от пяти до шести миллионов человек, но если я и могу что-то пророчить, то в следующей войне с любой первоклассной иностранной державой, в которую вступят Соединенные Штаты, потребуется более десяти миллионов человек.

Мы не должны обманываться тем, что так легко вступили в последнюю войну — после того, как три или четыре другие могущественные нации сражались с врагом более двух с половиной лет до временного прекращения военных действий. В следующий раз мы непременно будем подвержены удару первого натиска, и, как всегда, атакующая страна будет лучше подготовлена заранее. Атакующий всегда имеет такое преимущество. Он знает, что он собирается делать, а атакованный может только догадываться [об этом].

Мы снова отклонились от темы, так что давайте вернемся к аргументам, [касающихся] винтовки “Росс” и закончим их. Когда мы узнали об этом конкретном уязвимом месте, то начали быть немного осмотрительнее в отношении ведения скорострельного огня и сумели успешно поработать с ними, пока их не поменяли на “Энфилды”. Однако наши снайперы оставались верны “Россу” на протяжении всей войны из-за ее большей точности и несравненно лучшего прицела.

Прежде чем кто-то задаст вопрос, я отвечу: “Нет, я никогда не слышал о том, чтобы затвор ‘Росса’ разрывался или бил солдата в лицо, пока не прошло несколько лет после окончания войны.” Я говорил об этом много раз, возможно, даже ранее в этой же книге. Поскольку мы использовали эти винтовки на протяжении почти двух лет, считаю, что этого просто никогда не было, и что все эти истории, рассказываемые повсеместно в Соединенных Штатах относительно вероятности подобного, основаны на одном или двух отдельных случаях — возможно, из-за неправильно собранного затвора или переснаряженных боеприпасов.

Хорошо, идем дальше. Развлечения мы находили, когда и где только могли. На второй день июня 1916 года пулеметный расчет, только что закончивший трудное дежурство, усиливая нижние этажи зданий в городке Дикебуш, занялся собственными небольшими “тактическими маневрами на местности”. Для своих квартир мы выбрали лучшее здание в городе (это был банк) и тщательно укрепили его мешками с песком и кое-где рядом стальных рельс, чтобы чувствовать себя в безопасности. Мы вместе с Джорджем Паудашем начали играть на муниципальной площади, которая находилась сразу за нашим расположением, в “утку на скале”<sup>152</sup> когда “фриц” начал нас обстрели-

---

<sup>152</sup> “Утка на скале” — дворовая игра на скорость и меткость. Крупный камень (“утку”) кладут на еще больший камень или пень. Один игрок остается возле камня, чтобы его охранять, а другие игроки бросают камни в “утку”, пытаясь сбить ее с платформы. Как только “утка” сбита, все метатели бросаются за камнями. Если до игрока дотронулись перед возвращением на линию броска его же камнем, он становится новым “охранником”. В далеком детстве переводчика одна из разновидностей этой игры называ-

вать. Он использовал те самые “восьмидюймовки” — те самые пушки, которые стреляют прямой наводкой и по такой пологой траектории, что у вас никогда нет шанса укрыться<sup>153</sup> — выискивая большую 15-дюймовую гаубицу, установленную на железнодорожной платформе, и работавшей в тот момент с позиции примерно в ста ярдах за нашим расположением. Первые два или три снаряда легли недолетом, и один из них положил многих людей из Девятнадцатого батальона, который располагался через дорогу от нас. Затем несколько снарядов упало в наш “дворик”, заставив большинство новобранцев в испуге укрыться в своих щелях. Тем не менее, мы с Джорджем, умудренные в подобных делах, продолжали свою игру, и вскоре к нам вышли и присоединились другие военнослужащие [пулеметной] команды. Из предыдущего опыта мы знали, что пытаться уклониться от этих штуковин бесполезно. Если одна из них начала стрелять там, где ты находился, то она тебя накрывала. У этих снарядов, очевидно от морских пушек, взрыватели были замедленного действия, и на нашей передовой линии не было ни блиндажа, ни любого другого места, которое могло бы обеспечить хоть какую-то от них защиту. Мы продолжили игру, и, как я уже сказал, к нам присоединились другие. Игра была в самом разгаре, когда пришел приказ собираться и выдвигаться на север.

Это был день большого внезапного наступления на позиции “Пэтс” и Конных стрелков — 2-го июня 1916 года. “Фрицы” перехитрили Третью дивизию и просто выбили эти два батальона с их позиции, которая простиралась примерно от деревни Хоге на юг к высоте 60. В течение того короткого времени, что она продолжалась, это была такая жаркая битва, какую когда-либо только случалось повернуть. Немцам удалось прорваться через наши позиции и углубиться на расстояние около семисот ярдов, почти уничтожив два упомянутых формирования. Для “Пэтс” это стало вторым разом, так как они уже теряли почти весь свой состав в предыдущем случае. Обе части доблестно сражались, но были просто сокрушены, сначала чудовищной концентрацией артиллерийского огня, а затем мощной пехотной атакой.

Мы не вступали в бой до ночи, а затем вышли только в качестве поддержки — просто чтобы удержаться на нашей линии G.H.Q., где атака была остановлена. Там было мало возможностей для любой реальной работы с винтовкой. Те из пехоты, кто участвовал в бою, сражались на таком близком расстоянии, что вместо винтовки лучше подошел бы дробовик. Когда вы вступаете в такого рода бои, не имеет значения, какое у вас оружие — если только у вас есть *стойкость*. И, позвольте мне сказать вам, что чтобы показать зубы, когда дело доходит до реального противостояния, вам нужно только это (или она — как правильно сказать?).

Чтобы восстановить позиции, утраченные 2-го июня, нам потребовалось немного времени. Мы вышли напротив высоты 60 и “Оврага”, и хорошо укрепились, в то время как командование собрало достаточное количество новых батарей, чтобы застраховаться от повторения того, что случилось во время битвы у Сент-Элуа. Им было предписано иметь тысячу орудий против тысячи ярдов вражеской оборонительной пози-

---

лась “игрой в пекаря”.

<sup>153</sup> Не совсем понятно, какие немецкие орудия автор мог иметь ввиду. Возможно, это были германские 211-мм тяжелые мортиры (*langer 21 cm Mörser*, сокращенно *lg. 21 cm Mrs.* или *21 cm Mrs. 16*) образца 1916 г., предназначенные для разрушения укрепленных фортификационных сооружений; а может быть, в тексте ошибка, и имелись ввиду легкие полевые 7,7-см пушки, действительно стрелявшие прямой наводкой.



ции, и многие из этих орудий имели калибр в двенадцать и пятнадцать дюймов. И вот скажите, не отплатили ли они “фрицу” той же монетой? В течение долгих, утомительных месяцев мы искали и молились именно об этом, и хочу сказать, что это сражение (в котором я участвовал в качестве сержанта, хотя несколько недель назад меня повысили до первого лейтенанта, но я еще не знал об этом) было самым приятным из тех, в которых я когда-либо принимал участие.

О, когда все эти орудия открыли огонь, — *наши* орудия, заметьте, — какой это было музыкой для наших ушей. Так долго мы терпели подавляющий вес немецкого металла, и *теперь* в этом отношении мы впервые взяли над ними верх. Это было забавно — даже если мы все еще получали все, что было у врага, и несли тяжелые потери, то само только осознание того, что мы их перестреляли, казалось, взволновало всех.

Атака прошла подобно горячему ножу сквозь масло. Все утраченные позиции были возвращены, [взяли] даже больше, чем утраченные — и закреплены. Наш батальон сильно пострадал от действий тяжелого траншейного миномета, который был укрыт в выемке железнодорожной линии, ниже высоты 60. Это было самое ужасное, что я когда-либо испытывал. Даже в более поздних и более крупных битвах южнее я никогда не сталкивался ни с чем по поражающим свойствам, что сравнялось бы с этим. Он стрелял обычной консервной банкой, наполненной 160 фунтами взрывчатого вещества — вероятно, Т.Н.Т. (У нас оказалась та, что не взорвалась, так что мы выяснили об этом все). Воздействие этих проклятых штук был хуже, чем у любого снаряда. Даже большие австрийские одиннадцатидюймовые гаубицы или морские орудия подобного калибра не могли производить такое опустошение. Так как они вылетали из этой выемки менее чем в ста ярдах от нашей передовой линии и падали почти вертикально вниз, наш бруствер не обеспечивал никакой защиты.

На левом фланге участка нашей позиции, где эта штука действовала, находился наш пулемет, и мне сказали, что весь расчет с целым пехотным взводом были уничтожены. Мне пришлось проверить это. У нас в резерве был пулеметный расчет, который выслали туда, и после быстрой проверки других пулеметов вдоль линии обороны, я отправился туда сам. Бушар, конечно, последовал со мной. Этот парень следовал за мной повсюду, как моя тень.

Как только мы отправились в путь, по всему нашему участку начался особенно интенсивный обстрел, один крупный снаряд угодил прямо в верхнюю часть одного из блиндажей нашего связиста, убив его обитателей и серьезно ранив капитана Колдуэлла, стоявшего у входа, и, полагаю, диктовавшего сообщение. Мы с Бу пошли дальше, пока мы не достигли “конечного рубежа” — то есть конкретного места, откуда командиры отзывали всех людей, пока не утихнет тяжелый обстрел. Всех, кроме пулеметного расчета; они все еще были где-то там. Также там находился полковник Хьюз с парой офицеров штаба. (Положитесь на этого человека, он всегда был там, где возникали трудности). Я объяснил ему, что нам необходимо пройти к пулемету в конце передовой линии, и мы отправились дальше, пожелав часовым того же, чего они пожелали нам, что-то вроде: “Надеюсь, вам снесут головы,” — приправленным несколькими удачными, но не пригодными для печати определениями, тогда принятыми повсеместно.

За этим местом был абсолютный хаос. Этот смертоносный миномет или, как его называли немцы, *minenwerfer*, полностью все разрушил. Наш бруствер был почти уничтожен, и большую часть пути нам пришлось проползти, но вскоре мы достигли старой пулеметной позиции, прямо на насыпи участка железной дороги возле выемки,

и прямо напротив высоты 60. Пулеметный расчет все еще находился на месте, но поскольку там почти не было укрытий, и стрелять было не во что, я отослал их обратно за пределы участка непосредственного обстрела, оставшись там с Бушаром, просто чтобы присматривать за всем и вызвать расчет, если возникнет такая необходимость, — то есть, если враг предпримет попытку атаки.

Мертвые были повсюду. Симпсона из первоначального состава пулеметного расчета положили на стрелковую ступеньку, накрыв прорезиненной тканью. Голова его лежала позади, у входа в ход сообщения, обе простреленные ноги оторваны — конечно, мертвый. Других невозможно было опознать. Повсюду валялись тела и их части, в основном изуродованные до неузнаваемости. Некоторое время я бродил вокруг и пытался, с помощью их личных жетонов, узнать их имена. Я обнаружил несколько, но во многих случаях уничтожение было настолько полным, что не осталось и жетона. Пока я это делал, Бушар пристально смотрел поверх бруствера, и когда он позвал: “Вот, Мак, поторопись, есть хороший шанс взять кое-кого из них”, — я поспешил туда, где он стоял.

Оттуда, сквозь разрыв в линии траншей врага, проделанный одним из наших больших снарядов, мы могли видеть колонну немецких солдат, идущих влево (к Хоге, где все еще свирепствовала битва). Я схватил винтовку, и, попросив Бу отправиться поискать еще, начал стрелять. Там было что-то менее двухсот ярдов. Я стрелял на протяжении приблизительно двадцати минут или получаса, паренек заряжал и передавал мне винтовки, и я все время стрелял. К тому времени все “цели” исчезли — возможно, нашли другую дорогу в обход, но, насколько мы могли судить, они так никогда и не узнали, откуда взялся этот огонь, что неудивительно, учитывая весь остальной шум.

Во время этой стрельбы я стоял на единственной оставшейся части стрелковой ступени — расставив ноги над телом Симпсона — и помню, как размышлял тогда, снимая врагов, что он был бы рад узнать, что его смерть не осталась неотомщенной. Да, у стрелка всегда в любой войне — большой или маленькой — будут шансы немного пострелять.

Мне поступали многочисленные вопросы относительно сравнительного превосходства различных винтовок, использовавшихся во время последней войны. Прежде чем углубиться в эту тему, хочу сказать несколько слов в объяснение моего очевидного (и реального) невежества в этом вопросе.

Я могу авторитетно говорить об одной винтовке — ну хорошо, о двух: американской служебной винтовке “Спрингфилд” образца 1903 года и [винтовке] “Росс” Mk. 3 и 4 (III и IV). Что касается первой, все читатели этой книги могут судить о ней сами, а последняя настолько широко обсуждалась — расхваливалась и обругивалась — в предыдущих главах, что мы можем прекратить ее обсуждение.

Так вот, мне неприятно говорить что-либо в умаление нашей винтовки “Спрингфилд” (модель 1903 года — с боеприпасами обр. 1906 года). Она не требует моей рекомендации, очень много людей знают о ней все. Но почему к ней не добавляют оптический прицел?<sup>154</sup> Как на сейчас, то для обычной, ближней работы в реальном бою, я бы вы-

---

<sup>154</sup> Весьма странное заявление, ведь для штатной армейской винтовки “Спрингфилд” M1903, компания “Warner & Swasey Co.” и выпускала первоначально свой призматический прицел с боковым креплением, который так нахваливается автором на страницах этой книги. Мало того, на корпусе прицела крепилась латунная табличка с баллистическими данными под патрон калибра .30-06 именно этой винтовки.

брал одну из S.L.E. (короткий “Ли-Энфилд”). Спорьте сколько угодно о баллистике, но когда солдат вступает в бой, ему нужно короткое, “удобное” оружие — то, из которого он может сделать быстрый, “навскидку”, выстрел в цель, которая показывается только на долю секунды и затем исчезает. И он хочет прицел, который вам не нужно выискивать — что-то, *через что* вы [можете] смотреть, а не *искать*.

Но когда дело доходит до обсуждения достоинств иностранных винтовок — “Маузеров” и “Лебелей” — то лучшее, что я могу сделать, — это направить обеспокоенных лиц, задающих вопросы, к капитану Кроссману или любому другому из наших высококвалифицированных экспертов. Видите ли, это именно так, как вы вступаете в настоящую войну, — прямо там, на фронте, у вас нет времени на экспериментальную стрельбу и нет желания возиться с какой-нибудь незнакомой винтовкой. У вас и без того достаточно проблем со своей, чтобы искать что-то еще.

В ходе любого сражения, если ваша сторона побеждает, и вы попадаете на вражескую территорию, то обязательно найдете повсюду разбросанные винтовки, и, если сражаетесь за землю, которую оспаривали в течение года или более, — как мы в течение первой зимы, — вы можете подобрать любое количество оружия, которое использовалось различными солдатами. Эти штуки были настолько распространены, что мы не обращали на них никакого внимания, кроме, возможно, того, чтобы подобрать ту или другую и поиграть с ней — просто чтобы увидеть, как она работает, так сказать. Поскольку у нас никогда не было связей с какими-либо французскими войсками, я ничего не знаю об использовании ими винтовки, кроме того, что однажды утром увидел при взятии Комбле, когда я был временно прикомандирован к подразделению Глочестерского полка, да и то, было это на расстоянии около трехсот или четырехсот ярдов. Я несколько раз выстрелил из “Лебеля”, но просто в какую-то цель, просто для забавы, так сказать.

То же самое относится и к немецким “Маузерам”; единственное исключение, которое происходит мне сейчас в голову, — это тот случай, когда я забрал [оружие] у молодого и дерзкого егеря,<sup>155</sup> который был ранен и пленен. Этот [экземпляр] был красавцем. Короткий и аккуратный — настоящий “спортер”. Когда я держал его рядом со своей тяжелой [винтовкой] “Росс”, бывший владелец одарил меня надменной улыбкой, и я не виню его. У него была настоящая, всамделишная боевая винтовка, рядом с которой наши были просто неуклюжими дубинками. Мне так и не посчастливилось как следует ее проверить, но я сделал несколько выстрелов. Она обладала явной мощью и такой же значимой отдачей при стрельбе штатными 8-мм патронами, которые были подобраны на месте. Начальная скорость у этих штуковин, как я понимаю, составляла около трех тысяч футов в секунду, в отличие от наших 2440 футов. В какой-то степени, это сработало в нашу пользу, потому что там, где оборонительные линии находились близко друг к другу, непростреливаемая зона или “мертвое пространство” у нас было намного больше, чем у противника, и мы могли обходиться без большого количества боковых траверсов.

И поверьте мне, все, что уменьшало работу по заполнению мешков с песком и оборудованию брустверов и траверсов, канадским солдатом приветствовалось. Он всегда был готов сражаться, но люто ненавидел работать лопатой. Отчасти это ощущение бы-

---

<sup>155</sup> Горные егеря (нем. *Gebirgsjäger*) — специализированные формирования (части, соединения) сухопутных войск, подготовленные для ведения боевых действий в горной местности.

ло связано с тем, что на наших позициях почти невозможно было нигде копать, не вытаскивая тела людей, которые были похоронены предыдущими обитателями этой позиции. Весь этот Ипрский выступ был одним огромным кладбищем. Не знаю, как им распорядились потом, но окажись он в Соединенных Штатах, то уверен, что его бы объявили национальным парком. Там, в октябре 1914 года, цвет старой британской армии — так называемые “Старые презренные” — эффективно сдержал наступление немцев, так же, как они это сделали снова в апреле 1916 года с помощью канадцев. Гуркхи из Индии и канадские индейцы смешали на этом поле свою кровь с цветом британских мужчин и с легионами французов и бельгийцев. Оно должно быть международной святыней. Есть еще несколько мест, в частности, Верден, где каждый фут земли является святым и освященным, но я считаю, что ни одно из них не сравнится с Ипром и Ипрским выступом.

Я просто не могу придерживаться какой-либо одной темы. Мы обсуждали винтовки, не так ли? Ну, я больше ничего не могу сказать о тех, которые использовались в последней войне, так что давайте немного поразмышляем о чем-то еще.

Есть джентльмен, который, насколько мне известно, никогда не носил солдатскую форму, но который своими трудами выказал лучшее понимание *реальной* солдатской работы, чем любой генерал или другой офицер, с которым я имел удовольствие когда-либо познакомиться, и хотел бы процитировать только одну небольшую строфу из одного его стихотворения:

*“When half of your bullets fly wide in the ditch,  
Don’t call your Martini<sup>156</sup> a cross-eyed old bitch.  
She’s human as you are; just treat her as sich  
And she’ll fight for the young British soldier”.*

(Конечно, вы знаете, о ком я говорю — это Редьярд Киплинг).<sup>157</sup>

Следующее замечание, вероятно, есть повторение того, что я сказал в другом месте этой книги: “Единственный способ научиться игре — это *играть* в нее”.

Известны ли вам какие-либо хорошие футбольные тренеры, которые сами никогда не играли в эту игру, как другие — ну, которых можно было бы назвать “рядовыми”? Или [не в футболе], а в каком-либо другом виде спорта или деятельности? Можете ли вы вспомнить кого-нибудь из них, кто буквально не “поднялся по службе”? Почему же эта великая, славная военная игра должна быть исключением?

Какая это была бы благодать, если бы все офицеры, которые занимают командные посты в нашей армии, сначала потащили бы *солдатскую лямку* рядовыми, в активных боевых действиях. Будучи до войны офицером, затем прослужив более года в качестве солдата во время некоторых из самых тяжелых военных операций и снова закончив [войну] офицером, я имею представление о многих вещах, которые никогда не

---

<sup>156</sup> Британская армейская винтовка Мартини-Генри калибра 11,43-мм, принятая на вооружение в 1871 году, и выпускавшаяся вплоть до Первой мировой войны.

<sup>157</sup> Отрывок из стихотворения Редьярда Киплинга “Юный британский солдат”:

Коль жена вдруг с товарищем станет крутить,  
Не спеши взять винтовку, чтоб им отомстить:  
Суд, петля из-за этих? — Плевать и забыть,  
Болт забей, и с пинком пускай велят. (Перевод В. Мединского, О. Чернышенко)

будут поняты — или признаны — джентельменами, щеголявшими только в офицерских погонах.

Это было всего лишь прелюдия к общей мысли, которая будет направлена против предложения вооружить каждого солдата пехоты автоматической или самозарядной винтовкой. На сегодняшний день ни один солдат не смог нести достаточное количество боеприпасов, чтобы их хватало на день боя, то есть в реальном сражении. Нам говорят, что уменьшат калибр и, следовательно, уменьшат вес боеприпасов. Правда? И насколько вы можете уменьшить его? Ну сможете вы сократить его, скажем, с десяти фунтов до восьми или, чтобы сделать это более понятным, уменьшив калибр с тридцати [сотых дюйма] до двадцати шести (и сохранив те же скорости), и тем самым провести такое сокращение, которое может составить разницу между шестидестью и пятидесятью двумя [патронами] или около того. Пусть школьники подсчитают проценты; это даже не стоит нашего внимания.

Так как уже используются пулеметы и автоматические винтовки, то для такого нововведения нет никаких оснований. Я знаю, о чем говорю, в сражении вы не сможете снабжать этих людей боеприпасами на более чем пятнадцать минут реального боя. Я имел дело с пулеметами и автоматическими винтовками в периоды отчаянных боев, и уверен в своей позиции — я не гадаю и не пытаюсь что-либо придумать с помощью логарифмической линейки или угломерной шкалы. (Кстати, кто-нибудь когда-нибудь слышал о том, чтобы какой-нибудь солдат в активном сражении использовал эту угломерную шкалу? На протяжении нескольких лет после войны я долго предлагал награду любому пулеметчику, который засвидетельствует, что он ее применял, и никто на это не пошел).

В одном из продолжительных сражений, в котором мы четырнадцать дней не выходили из боя, у меня было двенадцать пулеметов — то есть мы начали с двенадцати. Когда они были уничтожены, мы получили запасные настолько быстро, насколько это было возможно. Однажды нас обстреливало восемь немецких пулеметов, но предполагая, что двенадцать наших собственных стреляли все время, — чего, конечно, они не делали, — у меня сохранились записи, написанные в то же время и на том же месте, показывающие, что нам требовалось шестьдесят тысяч патронов в день. Поскольку наши пулеметные расчеты состояли из шести человек, и первый и второй номера которых были постоянно на пулемете, в то время как остальные набивали ленты, то легко можно было видеть, что мы не могли притащить туда все свои боеприпасы. Ни на йоту. Что я делал? Ну, “взывал о помощи”, если вам хочется так считать, — просто передавал в штаб сообщение о том, что если там хотят, чтобы эти пулеметы продолжали работать, то они должны отправить нам боеприпасы. Чтобы это проделать, требовались услуги ста двадцати человек — еще по десять человек на каждый пулемет. Теперь, заметьте, у нас никогда не стреляли все двенадцать пулеметов и, как уже упоминалось, однажды их было только четыре, но все равно, мы тратили шестьдесят тысяч патронов в день так же легко, как вы съедаете два яйца на завтрак. Помню, один пулемет сделал за один день двадцать восемь тысяч выстрелов за один день. (Удовлетворяя любопытство офицеров артиллерийско-технической службы отмечу, что после этого тот пулемет не сделал ни единого выстрела). Это был “Кольт”, ствол которого оказался буквально приварен к ложевым кольцам, и когда он, наконец, остыл, то никогда больше не использовался. Часто я видел, как эти пулеметы стреляли по ночам — со светящимися вишнево-красными стволами.



Ни один офицер, — и мне все равно, кто он, — не может сидеть, сложа руки в своем штабе и рассказывать, что может сделать тот или иной солдат или то или иное отделение. Даже для того, чтобы прийти туда, где идет настоящий бой, требуется почти невероятная выносливость и преданность долгу. Этим людям всегда придется проходить через один или несколько артиллерийских обстрелов, и пули из винтовок и пулеметов будут непрерывно подстреливать людей, здесь и там. Вероятно, будет идти дождь — кажется, он всегда так делает, когда идет бой, — и грязь еще больше помешает тем, кто несет груз.

Есть один способ облегчить ситуацию: иметь специальные танки для перевозки боеприпасов; но, чёрт возьми, если у нас для этого достаточно танков, почему бы их не отправить туда и не разгромить с их помощью врага?

Нет, господа, со всеми этими пулеметами, автоматическими винтовками, метателями гранат, прорывателями колючей проволоки, и так далее, вам лучше позволить старому доброму стрелку делать свою работу со своей простой магазинной винтовкой. Из каждых ста человек в пехоте, возможно, десять могут действительно отвечать требованиям к *стрелкам*. И вы не можете сделать их стрелками, просто назначив их по имени и количеству в приказах из штаба. Они должны учиться игре долгие месяцы практики и экспериментов. Если, в дополнение к тщательному обучению на стрельбище, у них был опыт охоты на крупную дичь — особенно на коз и горных баранов — тем лучше; если этого нет, то если они посвятят много времени преследованию веселого сурка на востоке или кролика и койота на западе, они будут хорошо подготовлены к последнему курсу обучения, который, как упоминалось ранее, состоит из настоящего военного опыта.

Возьмите этих людей (при условии, что вы сможете из каждой сотни найти десяток тех, кто может на это претендовать), и вооружите их самыми лучшими типами “спортеров”, оснащенных как телескопическими, так и современными механическими прицелами, и выпустите их в бой. Их функции будут заключаться в том, чтобы прикрыть пулеметы и траншейные минометы, а также использовать любую возможность побеспокоить и запугать противника. Они также окажутся эффективными в *подавлении* вражеских пулеметов, когда танков нет или когда местность для них недоступна.

Полная численность боевой роты составляет двести пятьдесят человек, и когда вы убираете двадцать пять своих стрелков и всех других специалистов, остается не так уж много, поэтому если вы захотите вооружить их автоматическим оружием, уже хорошо. На оборонительных позициях, где могут накапливаться большие запасы боеприпасов, это, вероятно, окажется вполне удовлетворительным, но во время любого наступления, когда линия [фронта] непрерывно продвигается вперед, я считаю, что будет невозможно обеспечить этих солдат достаточным количеством боеприпасов, чтобы оно того стоило. Мы нашли, что для обслуживания одной автоматической винтовки (пулемета “Льюис”) требовались услуги шестерых человек, и, как описано выше, требовалось шестнадцать, чтобы снабжать патронами тяжелые пулеметы. А что произойдет, когда автоматическая винтовка будет у каждого человека?

Меня попросили рассказать, сколько боеприпасов может нести солдат. Что ж, в Кэмп-Перри, со склада боеприпасов до своей палатки я зачастую носил ящик — 1200 патронов. Люди посильнее, вероятно, могли бы унести больше. Любой человек может решить этот вопрос к своему собственному удовлетворению, просто попробовав это. Посмотрите, сколько сможете переносить вы, [особенно] в жаркий день.

Солдат с винтовкой, рюкзаком, флягой с водой и штыком уже достаточно загружен. Добавьте к этому уставные сотни патронов, которые он будет носить с собой на поясе, и дополнительную патронташ-бандольеру вокруг шеи, который всегда мешает и часто “теряется”, — на самом деле, вам не нужно идти на войну, чтобы суметь понять, что произойдет.

Нет ничего невозможного. Теперь, конечно, это просто чрезмерно затертая банальность, и я не знаю, строго ли она соответствует теориям доктора Эйнштейна или постановлениям Конгресса, но нужно иметь в виду, что при нашем ограниченном знании законов Матери Природы и ежедневных открытиях наших ученых, мне представляется, будет верхом глупости прямо заявить, что в пределах нашего понимания есть что-то, что “не может быть сделано”.

Вы когда-нибудь замечали, что практически каждое новое изобретение находит свое место на войне? Возможно, оно было разработано для неких прозаических занятий мирного времени, но пусть только наступит война, и все эти маленькие хитрости быстро адаптируются для использования солдатами. Среди последних новинок самыми выдающимися являются аэроплан, радио и танк. Последний, первоначально разработанный для того, чтобы фермер мог перетаскивать многокорпусные плуги по неровной земле и грязи, теперь стал одним из самых грозных факторов на войне. Я хорошо помню тот день, когда они впервые поприветствовали своим поклоном мир в целом и немцев в частности. Пятнадцатого сентября 1916 года, во время великой битвы на Сомме, эти монстры впервые вышли на поле боя. Грубые и неуклюжие, какими они были в то время, танки, должно быть, вызвали почти такое же потрясение в рядах противника, какое вызвал газ среди нас при первом его использовании. Если мне не изменяет память, их было тридцать пять, великих, безобразных, неуклюжих штук, и наши люди, увидев их, были так же удивлены, как и враги. Они фыркали и бродили по полю, растапывая пулеметные установки и, в общем, принося пользу, пока вражеские орудия не обнаружили их, и прямыми попаданиями не смогли вывести несколько из строя. В частности, я помню один танк, наполовину перевернутый вдоль дороги. Казалось, он не был серьезно поврежден, но, по крайней мере, оказался временно выведен из строя. Насколько я помню, снаряд сбил одно из поддерживающих колес, которые, думаю, были “рулями” этой штуки, а другой снаряд, взорвавшийся под одной из сторон, свалил его в канаву. На его стороне крупными буквами было написано его название, “*Creme de Menthe*”,<sup>158</sup> — такие же одинаково нелепые названия носили и все остальные.

Это было начало. Какой будет конец, не знает никто. Последние события в области механизации армии оказались настолько быстрыми, что меня ничуть не удивит, если я увижу битвы, в которых участвуют целые флоты этих сухопутных “дредноутов”, в сопровождении быстрых “крейсеров” и эскадронов маленьких “Уиппетов”<sup>159</sup> вместо завесы эсминцев, следуя той же тактике, что и армады военно-морского флота. Вооруженные, как и сейчас вооружены более крупные из них, скорострельными орудиями тяжелого калибра, они, безусловно, смогут вести бой, [и будут] достойны того, чтобы проехать мили, чтобы на них посмотреть.

---

<sup>158</sup> Мятный ликер (фр.).

<sup>159</sup> “Уиппет” (“*Whippet*” Mk. A в дословном переводе с англ. — “Гончая”) — британский лёгкий танк времён Первой мировой войны с пулемётным вооружением.

Но все эти громоздкие боевые машины — и это включает в себя всю категорию танков, самолетов и жестких и полужестких аэропланов — должны иметь определенные базы, с которых они могут работать. Они восприимчивы ко многим различным недомоганиям, которые должны быть выхожденными и вылеченными отрядом опытных практикующих врачей. Чтобы они могли эффективно работать в течение недели, они должны проводить, по крайней мере, один или два дня в ремонтной мастерской. Эти недуги, несомненно, будут сведены к минимуму, но, вероятно, никогда не будут полностью устранены. Ну и кто будет присматривать за этими калеками, когда они находятся в домашнем загоне? Те же танки? Едва ли. Те, которые будут в состоянии воевать, понадобятся в другом месте. Нет, это будет наш вечный, вездесущий солдат-пехотинец со своей маленькой винтовкой, который унаследует работу противостоять любой атаке.

Будет вполне в пределах разумного [предположить], что этот же пехотинец будет вооружен чем-то более эффективным, чем современная винтовка. Какой-то гений может изобрести способ выплескивания грейпфрутового сока в глаз другого человека с расстояния двух или трех миль, или один из наших подающих надежды радиолюбителей может найти способ извлекать статический заряд и использовать его как смертоносное оружие, но в одной вещи я уверен точно, — это будет именно индивидуальный солдат, со своим индивидуальным оружием, которому придется прийти и взять на себя ответственность после того, как будет закончена драка. Поэтому, пока не будет изобретено что-то более эффективное, давайте делать с нашими винтовками все возможное, на что мы способны.

Получив уведомление о том, что мне присвоено звание первого лейтенанта (19-го июня 1916 г.), я вместе с ним также получил приказ отбыть в наш старый учебный лагерь в Сэндлинге — в Англии.

Бригада на британской службе состоит из четырех действующих батальонов плюс еще один, так называемый резервный или запасной батальон. Наша бригада, — Четвертая, — состояла из Восемнадцатого, Девятнадцатого, Двадцатого и Двадцать первого действующих батальонов, и Тридцать девятого в качестве “запасного” батальона. Так вот, этот запасной или резервный батальон — как бы вы его не называли — является местом подготовки “пополнения” для остальных, и из него отправляются офицеры и солдаты, необходимые для восполнения потерь в действующих подразделениях.

Это была та работа, которую я получил, работая инструктором в учебном лагере, и она была весьма неплохая для того, кто просто хотел пойти на войну, но на самом деле не участвовать в ней. (У меня была такая же в американской армии в 1917 и 1918 годах). Но это мне просто не понравилось, и я был рад возможности вернуться во Францию, на место ведения боевых действий во время заключительной части битвы на Сомме.



## Глава 13

### Сомма

Ну вот мы и на Сомме. “А что так? Не знал, что мы перебрались? Думал, мы все еще на Ипре? Конечно, нет. Мы перебрались сюда в августе, когда ты был в Блайти, в госпитале или еще где-то; вероятно, бегал и неплохо проводил время с девушками. Месяц или около того болтался в тылу, пока [мы] пытались узнать что-нибудь об этих новых винтовках ‘Энфилд’ после того, как у нас отобрали ‘Росс’”.

Вот примерно так меня встретили, когда в сентябре 1916 года я вернулся в свое подразделение после того, как отсутствовал с июня. Но еще до того, как я нашел своих людей, у меня случился интересный опыт. В Булони, когда я получил командировочное предписание и проездные документы от R.T.O.,<sup>160</sup> случилось так, что я оказался единственным канадцем в группе офицеров из Глостерширского полка и из полка “Оксов и Баксов” (Оксфордширский и Бакингемширский полк).<sup>161</sup> По какой-то причуде судьбы, я получил то же предписание, как и они, и через день или около того, как раз с наступлением темноты, очутился в штабе “Глостеров”.<sup>162</sup> Через несколько минут разговора я узнал, что нахожусь в нескольких милях к югу от того места, где располагался наш Корпус; но так как возможности вернуться туда ночью не было, а эти “Глостеры” должны были утром атаковать, я осмелился спросить у командира:

— Это частный бой, или кто-нибудь еще сможет в нем поучаствовать?

Когда же я сообщил, что я офицер из “Эммы Джис”, он вскинул руки и произнес:

— Тебя послал сам Господь!

Оказалось, что за последние несколько дней все их пулеметчики были выведены из строя, а пополнение так и не появилось.

Вот так получилось, что на короткое время я стал солдатом одного из старейших и наиболее заслуженных полков Британской армии. “Глостеры” вместе с “Оксами и Баксами” были объединены в одну бригаду. Знаком различия последних является серебряный лебедь (похоже, вокруг Букингемского дворца существуют какие-то особенные лебеди, и [полковой знак] происходит от них, но я никогда не слышал о том, как так получилось, что этот знак был присвоен именно этому полку). Глостерширский полк (сокращенно “Глостеры”) носит бронзового сфинкса, и я заметил, что они носили его на фуражках не только спереди, но и сзади, и на вопрос “как так вышло” мне ответили, что это из-за боя, в котором старый полк участвовал в Египте. Сражаясь с большим отрядом местных племен, они внезапно оказались атакованы другим отрядом с тыла. Командир просто приказал задней шеренге развернуться, и в таком строю они выиграли сражение. За это им было предоставлено право носить свои полковые знаки различия как спереди, так и сзади. Тем не менее, таким правом обладал только первый

---

<sup>160</sup> Офицер службы военных сообщений (*Railway transportation Officer*).

<sup>161</sup> Англ. “*Ox and Bucks*” (сокр. от *Oxford and Buckinghamshire Regiment*). Легкопехотный полк Оксфордшира и Бакингемшира был сформирован в 1881 году путем слияния 43-го легкого пехотного (Монмутшир) и 52-го легкого пехотного (Оксфордшир) полков.

<sup>162</sup> Глостерширский полк (обычно называемый “Глостерами”) — 28-й пехотный полк Британской армии, существовавший с 1881 по 1994 год. Был сформирован путем слияния 28-го полка с 61-м пехотным полком (Южный Глостершир).

батальон. Во время войны все британские линейные полки были пополнены множеством новых батальонов, — на период боевых действий, — а первоначальные батальоны являлись регулярными войсками, куда зачисляли на службу на срок от семи до двенадцати лет. Та часть, куда я прибыл, была первоначальным, *регулярным*, Глостерширским полком.

Я нашел четыре пулемета и наспех собранных пулеметчиков, довольно неопытных. Самое лучшее в них было то, что они знали все возможные “отказы” [оружия] и способы их устранения. Когда один из стрелков, на мгновение замолчавший, объяснил мне, быстро ткнув пальцем и вытащив пустую гильзу: “Это номер три, сэр” — я усмехнулся (про себя). Все разнообразные причины “задержек” огня в пулеметах классифицировались по номерам, и в пулеметных школах стрелков учили обозначать их таким образом. Номер три был правильным обозначением отказа при задержке с экстракцией пустой гильзы.

Нашей целью был городок (или город) Комбле, который французы пытались взять на протяжении двух месяцев. Теперь они находились прямо у его дверей. Атака велась одновременно обеими армиями, мы протискивались с северной стороны города, а французы справа от нас, наступая на него с юга и фронта (с запада).

Операция прошла успешно и городок был занят. Пока она продолжалась, это был довольно хороший бой, противник оказывал очень решительное сопротивление, пока мы не обошли его с фланга и не смогли охватить с трех сторон. Потом они сдались, конечно. А кто бы не сдался? Это был первый, последний и единственный раз, когда я видел французские войска в бою. Канадский корпус всегда был зажат где-то вдоль британской линии, и со времен первой газовой атаки у Ипра до конца войны, полагаю, они никогда не вступали в прямой контакт с французами.

Именно во время этого боя — в Комбле — я впервые увидел небольшую, так называемую “пушку сопровождения пехоты” — маленькие тридцатисемимиллиметровые штучки.<sup>163</sup> Вскоре после того, как начался бой, и мы заняли позицию, я услышал среди разрывов более крупных снарядов своеобразные “маленькие вспышки”, если можно так выразиться, что-то вроде старого доброго “пом-пома”, и вскоре заметил, что на одно из ближайших строений, удерживаемых неприятелем, сыплются какие-то мелкие снаряды. Задержавшись на несколько минут, я осмотрел местность в западную сторону и вскоре обнаружил источник этого огня.

Французское подразделение с одной из этих “пушечек” продвигалось вперед, часто останавливаясь, чтобы сделать несколько выстрелов. К тому времени, когда они подошли примерно на шестьсот ярдов, они просто “штукатурили” фасад этого конкретного здания, а примерно на четырехстах ярдах большинство выстрелов попадали прямо в пулеметные бойницы. Вот что на самом деле выгнало бошей, а когда мы поймали их во фланг своим пулеметным огнем, им ничего не оставалось, как отойти. Мы никогда не подходили к французам ближе, чем на четыреста или пятьсот ярдов, но полагаю, что было еще одно британское формирование — если я не ошибаюсь, это были уоррики,<sup>164</sup> — которое фактически присоединилось к ним и сопровождало в захвачен-

---

<sup>163</sup> Речь идет о т.н. “Скорострельной пехотной пушке Пюто” (фр. *Canon d'Infanterie de 37 modèle 1916 TRP (Tir Rapide, Puteaux)*) — французском скорострельном пехотном оружии, разработанном на арсенале в Пюто, предназначавшемся для уничтожения пулемётных гнёзд противника.

<sup>164</sup> Военнослужащие Королевского Уорикширского пехотного полка.

ный город. Наша группа так и не попала туда; мы были всего лишь одной “клешней”, которые выдавили [немцев].

Это был один из немногих случаев, когда я лично видел, как одно из этих “специальных” орудий на практике использовалось во время наступления или в разгар боя. Все эти пушки сопровождения, легкие траншейные минометы, противотанковые средства и вот это вот все, хороши в траншеях, где их боезапас можно легко пополнить и где их можно “обслуживать” каждый день или около того. Но как только вы идете в атаку или каким-либо образом продвигаетесь вдали от снабжения, — история, которую все рассказывают снова и снова, — когда вы находите эти штуки на поле боя и остро нуждаетесь в них, у них “кончаются боеприпасы”. Вскоре они расстреливают все, что у них есть, и выбывают из боя до конца дня, оставляя пехоту продвигаться вперед, насколько они смогут, только с винтовками, “Эммой Джис” и боеприпасами к ним.

Великое сражение на Сомме началось в первый день июля 1916 года и продолжалось без перерыва до октября. Оно охватывало фронт более чем в пятьдесят миль, британцы на левом фланге держали [позицию] от Комбле на север примерно на тридцать миль, а французы действовали от этого населенного пункта южнее. Это была Четвертая британская армия под командованием генерала Роулинсона.

Наша дивизия (Вторая канадская) оставалась на Ипрском выступе до 24-го августа, после чего передала свой сектор Четвертой дивизии и начала марш, который через четыре дня привел ее на полигон Второй армии в Зуафкэ, где она и оставалась до 5-го сентября. Четыре дня спустя дивизия оказалась в Брикфилдсе, на окраине Альбера, находившегося примерно в центре фронта сражения на Сомме. В течение следующих нескольких дней она продвинулась сначала к резервным траншеям в “Колбасной долине”, недалеко от Ла-Буазеля, а затем, 14-го числа, к районам сосредоточения на передовой возле Позьера.

В 6:20 утра 15-го дивизия атаковала в сопровождении танков, первых, использованных в войне. К 7:03 утра был взят хорошо защищенный сахарный завод в Курселетт, который являлся ее задачей на день. В 6 часов вечера части Пятой бригады продолжили наступление и овладели всей деревней Курселетт — ведущее участие в этом штурме принял Двадцать второй батальон (французско-канадский).

Танки, несомненно, оказали большую помощь. Какими бы неуклюжими они ни были по сравнению с более поздними типами, они безусловно вызывали значительный ужас в рядах противника. Вся земля, на которой шли бои, была изрыта траншеями, со множеством ходов сообщения, по которым немцы отступали с одной линии на другую перед неудержимым наступлением канадцев. Некоторые из этих боевых позиций были настолько широки, что танкам было трудно их пересечь, — по крайней мере одна машина застряла и оставалась там до конца боя. Полагаю, что в тот день в этом районе их было шестеро, и в целом они проявили себя достойно. Они переваливали через траншею, оседлывали ее, а затем продолжали обстреливать оккупантов пулеметным огнем. Наткнувшись на пулеметное гнездо или сильную огневую позицию, те, кто находился в танке, устанавливали одну или несколько бомб (или, как они говорили, “откладывали яйцо”) в том месте, где они могли бы принести наибольшую пользу, а затем продвигались дальше. За очень короткое время за каждым танком образовалась ликующая процессия пехотинцев, но такое боевое построение быстро рассеялось, когда противник начал концентрировать на этих монстрах свой артиллерийский огонь. Два [танка], о которых я знаю, были выведены таким образом из строя, а может быть, их

было и больше. Один из них с надписью на боку “*Crème de Menthe*” опрокинулся в кювет у дороги, но, по-видимому, пострадал не сильно. За кормой у них было два колеса, и это были самые уязвимые точки — как ахиллесова пята. Полагаю, что колеса были частью рулевого механизма. Во всяком случае, когда одно из них сломалось, машина перестала работать до тех пор, пока не провели ремонт.

Вот вам и официальный отчет. Намеченные цели были захвачены, удержаны и закреплены, следовательно, операция прошла успешно. На самом деле, это было самое крупное наступление, в котором вся захваченная территория была занята на постоянное время на каком-либо участке союзного фронта на тот момент.

Чего стоила эта битва на Сомме? Ну это другое дело. У меня есть некоторые данные по Двадцать первому батальону. Только убитыми он потерял шесть офицеров и семьдесят четыре человека прочих чинов. Что касается раненых, то у меня нет данных, но обычно на каждого убитого приходилось по четыре-пять человек, так что легко можно понять, что это был настоящий бой. Другие батальоны, как мне сказали, понесли еще более серьезные потери.

Есть старая поговорка о том, что история повторяется. Несомненно, во многих случаях это так, и теперь я собираюсь рассказать о событии, которое произошло как раз в то время и которое докажет, что Наполеон был не единственным солдатом, которого предала дорога, идущая в углублении. В нашем случае дорога пусть и не стоила армии сражения, но стоила жизни многим достойным людям, и я рассказываю об этом происшествии, чтобы показать, насколько дорого может обойтись отсутствие некоторых *практических* знаний.

Там далеко, за “Колбасной Долиной”, за Позьером, в этой мешанине дыма и меловой пыли тянулась дорога. Когда-то, много лет назад — так нам казалось — это была государственная дорога, *Route National*, идущая от Альбера до Бапома. Она была четко обозначена на всех картах, и, поскольку шла прямо к объекту его атаки, молодой лейтенант попытался ее найти. Это было его первое командование — он только что прибыл из Канады, его прислали заменить кого-то из тех, кто отправился туда, куда уходят все хорошие солдаты.

Взвод, которым он командовал, состоял примерно наполовину из ветеранов — людей, которые были в игре с самого начала, — и наполовину из новичков, таких же, как он сам, только что прибывших. Он знал все, чему мог его научить военный колледж. От кампаний Александра Македонского до последней Балканской войны — он мог подробно описать передвижения войск и стратегические ошибки, которые привели к победе или поражению в этих битвах. НО! Было кое-что еще, о чем не упоминалось в учебниках, не говорилось его инструкторами; заградительный огонь, такой глубокий и интенсивный, что, казалось, сквозь него не пролезет даже змея, и [велся он] прямо там, где должна была быть эта дорога. И хотя вокруг хлестали пулеметные пули, а “свистелки” прочесывали все поле, с обеих сторон от нее было не так уж и плохо.

Накануне ночью, когда его назначили на взвод и показали ему его позицию на карте, он заметил эту дорогу и тут же решил, что отправится по ней и выйдет к своей цели. Приказы есть приказы, и солдаты подчиняются им.

Храбрый? Почему нет, он и был таким. Несмотря на свою молодость и неопытность, никто не мог подвергнуть сомнению его мужество. Итак, найдя дорогу, он повел по ней своих людей сразу же, как только немного ослабел немецкий обстрел. Однако не успел весь взвод выйти на дорогу, как тяжелые орудия снова открыли огонь. Взвод в

это время как раз входил в глубокую ложбину на дороге, и лейтенант немедленно приказал им “укрыться” у ската — ближайшем в сторону противника. Более опытные люди были ошеломлены, и два сержанта начали протестовать, однако оба погибли стоя на ногах, когда на них обрушился град снарядов. Это была земля, с которой враг был изгнан всего несколько дней назад, и они знали все дистанции до дюйма — и также знали всё об этой ложбине на той дороге. Снаряды били по каменной брусчатке и взрывались, а осколки, не встречавшие преград ни с фронта, ни с тыла, просто косили людей, находившихся, как думалось им и лейтенанту, *в укрытии*.

Единственными людьми, которым удалось спастись, было несколько опытных старожилов, которые прошли через мясорубку и распознали в этом месте именно то, чем оно и являлось — ловушку. Они отказались в нее заходить и рассеялись снаружи, рискуя получить случайную пулю или осколок, вместо того, чтобы отправляться на то, что, как они знали, было верной смертью. Из пятидесяти первоначальных людей во взводе уйти смогло только пятеро. Тридцать человек были убиты сразу, включая лейтенанта.

Даже в разгар большого сражения эту маленькую трагедию заметили и прокомментировали среди чинов и подразделений в окрестных частях. Поэтому я рассказал об этом здесь, как о примере того, чего может стоить младшему офицеру отсутствие *практического опыта*. Любой из этих старых, опытных сержантов мог бы провести взвод через этот клочок земли и занять свои позиции сравнительно недорогой ценой, — если бы только с ними посоветовались.

Через несколько дней мой собственный Двадцать первый батальон двинулся вперед и занял “Дорогу в углублении” на окраине Курселетт, где и оставался в течение нескольких дней, пока его не сменил Двадцатый батальон.

Именно здесь, на Сомме, мы впервые познакомились с настоящими блиндажами. Во Фландрии нам приходилось довольствоваться построенными из мешков с песком хижинами, так как было слишком мокро, чтобы долго копать. Однако здесь почва была покрыта прочным меловым слоем, и немцы построили замечательную систему подземных галерей и камер на глубине не менее тридцати футов. Многие из этих комнат были обставлены со всеми удобствами, которые можно было найти в обычном доме. Часть мебели была довольно грубо сколочена на месте, но большая ее половина была украдена из окрестных деревень. В одном из таких мест, у стены, стояло огромное зеркальное стекло (трюмо) высотой не менее шести футов. Мне рассказывали о другом помещении, в котором стояло пианино. Эти “фрицы” действительно верили в то, что нужно устроиться поудобнее, и хуже всего было то, что мы не оставались там достаточно долго, чтобы насладиться плодами их труда. Нам нужно было продолжать двигаться — и заставлять двигаться врага.

Эти боевые действия были настолько же близки к “маневренной войне”, как и любые другие во время войны, и, вероятно, такими же, какими они когда-либо будут в любых будущих войнах, поскольку где бы ни остановился враг, пусть даже на ночь, он зароется [в землю] и соорудит хоть какие-то окопы. С современной артиллерией и щедрым расходом боеприпасов, к которому нас подготовила последняя война, не будет никакой возможности, чтобы какие-либо значительные силы оставались *на открытом месте* и отдыхали более часа или двух. Если они попытаются это сделать, их со-трут с лица земли.

К этому времени все канадцы были перевооружены винтовкой “Ли-Энфилд”, и большая часть времени, проведенного на тренировках перед вступлением в состав Четвертой армии, ушла на ознакомление с ней. Проводились определенные учебные стрельбы на импровизированном стрельбище, но в основном это была недавно разработанная “стрельба с ходу”, при которой солдаты должны были стрелять по рядам мишеней высотой около трех футов, приближаясь к ним с двухсот до двадцати ярдов. Такая стрельба велась от бедра и была, в первую очередь, предназначена для того, чтобы удержать противника за бруствером до тех пор, пока наступающие не окажутся в пределах досягаемости метания гранат. Позже, когда количество автоматических винтовок (пулеметов “Льюис”) увеличилось, такого рода стрельба в значительной мере сошла на нет, но в любом случае она никогда не была настолько хороша. На практике, на сравнительно ровном поле, это оказалось весьма эффективным, но, как и многое другое, когда дело дошло до реального боя, марша, замешательства и ползания по изрытому снарядами и загроможденному колючей проволокой полю битвы, такая стрельба оказалась совсем иной. Это вещь, которую можно и нужно постоянно повторять, — каждый офицер, да и каждый солдат, должен понимать, что после всей подготовки, которую он может получить в мирной обстановке, ему еще многое предстоит узнать, и научиться этому можно только в реальном бою.

В то время как у “Энфилда” ствол был примерно на шесть дюймов короче, чем у “Росс”, штык был соответственно длиннее, так что общая длина с закрепленным штыком была примерно такой же. Еще раз был пройден инструктаж по использованию штыка — чтобы *почувствовать* и сбалансировать новое оружие — во время которого было обнаружено, что “Энфилд”, с большим весом прямо в руках, гораздо проще в обращении, чем “Росс” с ее длинным стволом и, соответственно, тяжелым дульным срезом.

Штыки могут быть необходимым злом. Не уверен, что выбросил бы их полностью, но если бы я что-то и сделал, то никогда бы не примыкал их до тех пор, пока вы не окажетесь в нескольких ярдах от врага. Они являются серьезной помехой, когда дело доходит до точной стрельбы, и, безусловно, бесполезны на расстоянии в сто или более ярдов от противника, однако было (и, насколько я знаю, остается) обычной практикой примыкать их в начале атаки, независимо от того, как далеко она начинается. Если бы у каждого человека был пистолет, я бы без колебаний сказал, что от штыка можно было бы отказаться как от ненужного бремени. В окопе они практически бесполезны. Там штык сам по себе, используемый как меч, гораздо эффективнее, а на открытом пространстве вы редко когда вступите в рукопашную схватку с врагом, если у вас есть хорошее стрелковое оружие и вы знаете, как им пользоваться.

Теперь, несмотря на то, что я вполне готов согласиться с тем, что какое-то холодное оружие является очень полезной частью снаряжения солдата, не думаю, что подходящее место для него — на дульном срезе винтовки. Для быстрой и точной работы, которая необходима в ближнем бою, винтовка должна быть настолько короткой, легкой и *удобной*, насколько это возможно без ущерба для ее эффективности. Подвесить фунт или более того металла на конец ствола — самый верный из известных мне способов помешать стрелку использовать свое оружие в качестве *огнестрельного*. Там, где разница между жизнью и смертью зависит от способности человека произвести точный прицельный выстрел за одну секунду или около того — во всяком случае, до того,

как сможет выстрелить другой его товарищ, — этот недостаток вполне может оказаться решающим фактором.

Мачете или боло представляют отличное оружие для настоящего рукопашного боя; или же, если угодно, в таком же качестве можно использовать хорошо заточенный штатный штык, — как короткий меч. Я пытаюсь подчеркнуть, что его не следует присоединять к винтовке, за исключением случаев, когда винтовка вышла из строя, или закончились патроны. Я часто видел, как солдаты шли в бой с винтовками на плече, но всегда с примкнутым штыком, даже если до ближайшей вражеской позиции оставалось милья, и несколько раз видел, как штык действительно применялся для запугивания пленных — но редко когда для каких-либо иных целей. В одном из редких случаев один из наших людей, обезумев от жажды крови, напал на небольшую группу, поднявшую руки в знак капитуляции. Он успел проткнуть двух или трех человек, прежде чем был скручен своими товарищами. Тому парню было все равно, штык у него или дубинка. В подобных обстоятельствах один из наших людей проломил голову немцу киркой. Среди немногих сувениров, которые я привез домой, есть обыкновенный столовый нож, хорошо заточенный, которым раненый немец убил раненого канадца, после чего второй канадец, тоже раненый, забрал нож и прикончил немца. Когда это произошло, все трое лежали в одной воронке, а вокруг них бушевала битва. Так как мне нужен был нож — свой я потерял — я взял этот и использовал его для других целей до конца войны.

Единственный случай, который попал лично мне на глаза, когда войска противника действительно использовали штыки *en masse*,<sup>165</sup> был случай, когда рота хайлендеров вступила в бой с крупными силами прусской гвардии. В те несколько минут, что она длилась, это была ужасная борьба; и когда я сидел и смотрел, бессильный помочь, хотя у меня был пулемет, в моей памяти вновь возникли прочитанные мной рассказы о Баннокбёрне и других кровавых битвах шотландской истории. Эти мускулистые шотландцы были просто непобедимы, и вскоре на ногах не осталось стоять ни одного вражеского человека — и ни одного взятого в плен.

Славно? Да, все так и было, но вот я сидел, наготове, с хорошим пулеметом, менее чем в сотне ярдов, и если бы эти “Дамы из ада”<sup>166</sup> просто остались в траншее, я мог бы уничтожить весь вражеский контингент без всяких потерь.

Именно на Сомме канадцы впервые вступили в контакт с австралийцами. Конечно, здесь и там, в отпуске в Лондоне и других местах, мы часто видели отдельных людей, но никогда не видели их как организованную силу на фронте.

Сейчас есть кое-что, чего я никак не мог понять в этой связке под названием АН-ЗАК (австрало-новозеландский армейский корпус). Хотя все они прибыли “из-под земли”<sup>167</sup> и были включены в один и тот же корпус, между людьми из двух стран существовала огромная разница. С новозеландцами, как и с южноафриканцами, канадцы всегда были в наилучших отношениях, но канадцы и австралийцы, казалось, всегда друг с другом враждовали. Немало ожесточенных и кровавых боев разыгрывалось за линиями траншей между подразделениями обоих формирований, когда им случалось

---

<sup>165</sup> Массово, в массе (фр.)

<sup>166</sup> Прозвище шотландцев из-за носимых ими юбок-килтов.

<sup>167</sup> С южного полушария.

встречаться — в каком-нибудь *estaminet*<sup>168</sup> или в другом месте отдыха. Если для этого когда-либо и была какая-то реальная причина, я так и не узнал ее, но это был неоспоримый факт. Они просто не смешивались, вот и все.

Как известно всему миру, перед прибытием во Францию АНЗАК получил добротную трёпку в Дарданеллах, где, насколько я знаю, они проделали [там] очень хорошую работу. Задача, поставленная перед ними, была просто невыполнима, но справились они превосходно. После того, как их вывели с восточного театра военных действий и после длительного периода необходимого отдыха, они были отправлены во Францию, где их расположили на участке Вими-Ридж, который французам наконец удалось отвоювать от немцев после месяцев отчаянных боев, но их несчастливая звезда как бы следовала за ними, так как они очень быстро потеряли позиции, которые оставались в руках противника до тех пор, пока не были отбиты и окончательно удерживались канадцами в апреле 1917 г.

Следующим их заданием было крупное сражение на Сомме, и в течение нескольких недель они наносили удары по немцам в районе Позьера, добившись небольших успехов, но не сумев совершить ничего, что можно было бы назвать настоящим наступлением. Их потери были очень тяжелыми — как и везде. Их неспособность добиться чего-либо не была, конечно, связана с тем, что они не пытались, но факт остается фактом: когда они передали позицию канадцам, те в течение двух часов отбросили противника дальше, чем австралийцы смогли сделать за месяц. Но все это уже история, и мне не стоит на этом останавливаться.

До сих пор я называл [это место] “Сомма”. Возможно, мне следует объяснить, что, хотя вся эта великая битва была описана таким образом, конкретный регион, в котором мы (канадцы) действовали, на самом деле находился не на самой реке Сомма или вдоль нее, а на одном из ее притоков — реке Анкр. Но это способ сражений в большом масштабе. Обычно они обозначаются какой-либо особенностью местности, городом, рекой или горой, но, вследствие своего обширного характера операции, вероятно, растянуты на многие мили в обе стороны. Просто сравните некоторые из “крупных сражений” мировой войны с другими, предыдущими, великими сражениями в истории. Геттисберг, Чикамога, Антиетам, Миссионерский хребет и Лукаут-Маунтин вместе взятые, — если предположить, что в них участвовали совершенно разные войска с обеих сторон, — не имели такого большого количества людей, как в этой битве на Сомме, и она, в свою очередь, была ничтожной по сравнению с другими, более поздними сражениями. А когда дело доходит до артиллерийского огня — ну можно и руками разводить. Во многих крупных сражениях в течение двадцати четырех часов выпускалось больше снарядов, чем за всю американскую гражданскую войну, и больше, чем выпустили все объединенные армии Наполеона за все годы, пока он дико мчался по всей Европе. Если мне не изменяет память, японцы на реке Ялу<sup>169</sup> имели фронт около тридцати миль и около двухсот тысяч бойцов. Вероятно, это был рекорд до наступления более поздних неприятностей, но и она выглядит мелкой по сравнению с более поздними цифрами.

---

<sup>168</sup> Небольшой дешевый ресторанчик, маленькое кафе (фр.)

<sup>169</sup> Бой на реке Ялу (в старой русской традиции — бой у Тюренчена) — сражение на пограничной реке Ялу у города Цзюляньчэн (Тюренчен) между русскими и японскими войсками, состоявшееся 18-го апреля 1904 года. Первое крупное сухопутное сражение русско-японской войны.



У меня нет достоверных данных ни о количестве участвовавших в боевых действиях, ни о протяженности фронтов за последний год войны, но даже в 1916 году, о котором я пишу, Четвертая армия Роулинсона насчитывала четыреста тысяч боевых войск и, я полагаю, французы, которые также принимали участие [в сражении], справа от нас, имели столько же, а *активный* участок фронта простирался по крайней мере на пятьдесят миль, — и на каждом более или менее занятом фланге, участки имели, вероятно, такую же протяженность, чтобы удержать противника от снятия войск с этих позиций и отправки их на активный участок. На русском фронте цифры просто ошеломляют. Одних только пленных иногда насчитывалось несколько сотен тысяч. Если подумать, то какой, по-вашему, будет следующая война? Можем ли мы рассчитывать на то, что справимся с четырьмя или пятьюстами тысячами человек, которыми располагает наше нынешнее учреждение? *Ich glaube nicht.*<sup>170</sup>

---

<sup>170</sup> Я не верю (нем.)

## Глава 14

### Мой последний отчет

Я не застал ни начало, ни конец боев на Сомме. На начальном этапе [сражения] я находился “вне линии”, участвуя в опасностях, которые часто подстерегают человека после того, как его откомандировали из своего подразделения. Меня откомандировали после того, как мы ушли из передовой линии в районе высоты 60. В каком-то смысле это было неплохое время для отъезда: война набирала обороты, я имел удовольствие слышать настоящий артобстрел, идущий с правого фланга, и нас познакомили с настоящей системой траншей, что было приятной новинкой после ондатровых нор у Сент-Элуа. Во втором случае, вернувшись на смену Двадцать седьмому батальону, нам снова пришлось убыть, мне сообщили, что я произведен в офицеры, и приказали вернуться в Англию, где меня закрепили за штабом нашего учебного лагеря в Сэндлинге.

Вскоре я начал уваливать от подобной инструкторской работы, и уваливать пришлось много. Во-первых, меня отвлекли на работу по доставке войск во Францию. Потом мне разрешили остаться на правой стороне Ла-Манша, но поставили на посыльную работу между разными штабами. После этого я перешел на работу в военный трибунал и приступил к выполнению иных обязанностей в Гавре и Руане. Наконец, полным ходом развернулось большое сражение, на фронте освободилось место, и мне было приказано снова явиться в Четвертую бригаду. Я опоздал на поезд и оказался слишком далеко на юге, как уже описано в другом месте [этой книги]. Но это был фронт; так что на время я присоединился к “Глостерам”, прежде чем отправиться на север, на поиски Второй дивизии. Здесь я узнал о том, что Двадцать первый батальон работает в районе Курселетт. Я также выяснил, что во время этого боя погибли Бушар и еще несколько человек из моей старой команды. В своем новом качестве я уже не состоял в [пулеметной] команде и, кроме того, был решительно занят, так как сражение все еще продолжалось. Но я получил все, что мог, и несколько ночей объезжал места боев, в которых погибли мои старые товарищи. В последнюю из этих ночных экскурсий, заранее разыскав, насколько это было возможно, останки своих старых друзей, я отправился отметить их могилы. Через несколько дней я очнулся в больнице в Сент-Поле, в пятидесяти милях оттуда.

Так что я снова оказался вне игры, скитался по больницам, домам для выздоравливающих и медицинским комиссиям во Франции и Англии, что в конце концов привело к тому, что меня признали годным к строевой службе.

Обязанность на этот раз приняла форму командования вычным обозом. Для многих жителей Запада это прозвучит достаточно знакомо. Но это совсем не напоминало отправку в глушь и довольно неторопливый бег, пусть и с трудом, в гору и вниз по горной тропе, останавливаясь с наступлением темноты, наслаждаясь видом и хорошим завтраком утром. Мы начинали работу с наступлением темноты и должны были закончить к рассвету, и у нас было столько вычных животных, сколько мы могли достать, в основном лошадей.

Эта работа была начата, пока меня там не было, поскольку стала необходимой на последних этапах сражения, длившегося с начала июля до конца октября, — линия фронта оказалась далеко, была отделена от пределов досягаемости автомобильного транспорта непроходимым болотом из воронок и колючей проволоки, изрезанным изрытыми траншеями, старыми пулеметными ямами и блиндажами, и загроможденным

обычным мусором после битвы. Днем это была безлюдная пустошь, населенная, — если такое вообще было возможно, — обитателями, находившимися под землей или под другими укрытиями, если они были доступны; или же [на ней работали] небольшие отряды инженеров, артиллеристов, пионеров — все занимались своими различными делами по поддержанию связи, прокладке путей сообщения, оборудованию новых огневых позиций и т.д. Днем они двигались осторожно, осматривая землю, а ночью руководили работой различных рабочих подразделений. Иногда на сотни ярдов в этих местах не было никаких признаков жизни, за исключением разве что одинокого сигнальщика, сидящего на перекрытии потрепанного блиндажа, подобно луговой собачке на своем холмике.

Ночью в этом месте кипела жизнь; но она была изолированной, отстраненной, подобно людям, плывущим по неизведанному морю. Никто не мог сказать вам, как добраться до какого-либо конкретного подразделения, потому что было мало узнаваемых четких пунктов и ориентиров, не было установленных троп, ведущих куда-либо. Привлеченные звуком лопат или голосов, вы поворачивались, чтобы узнать дорогу к некоему дому или деревне, которые на карте были указаны как точка отсчета для вашего дальнейшего продвижения к цели, и могли [с удивлением] узнать, что уже находитесь в деревне, и вместе с тем, опустившись по своему предпочтению как можно ниже, ничего похожего на поселение на фоне темного неба не увидев. Повсюду, на неопределенных расстояниях, находятся одни и те же гротескные, расплывчатые очертания, подобно безумной сцене в фантастическом кошмаре. Дальше, увидев слабую полоску желтого света, вы снова останавливаетесь, надеясь, что сможете сориентироваться. Снова вспыхивает свет, когда кто-то отодвинул ширму, очерчивающую лестницу в подвал и две или три бревна под странными углами вокруг входа.

— Так точно, сэр, — мог сказать вам связист бригады, — это лучший *estaminet* в городе. Вы на правильном пути. Здесь немного сложно уследить, потому что они только что закончили заделывать пробоины, сделанные пулемётчиками. Внизу, в долине, есть рабочая группа, которая может провести вас к изгороди, которую вы ищете.

Продолжая свой путь, вы почти сразу оказываетесь в море, ведомые инстинктом, стремясь сделать сумасшедший узор теней похожим на группу деревьев, которые должны стать полезным ориентиром. Вскоре вы учитесь не доверять своим суждениям относительно пройденных расстояний.

Это был хаотичный мир, но он давал хорошие уроки в другом аспекте войны. Солдату не всегда выпадает привилегия видеть ее большую часть. И когда у него есть возможность, ложь не распространяется слишком далеко. Он принимает вещи такими, какие они есть, входя и выходя из траншеи по своей конкретной работе, и вскоре его мало заботит работа другого парня. Неожидаемое, как в окружающей обстановке, так и в новых средствах ведения войны, он принимает без удивления. Даже танки не вызывали особого удивления, хотя и были бесконечным источником развлечения и радостного удовлетворения. Солдат, возможно, никогда не думал об этом; но с другой стороны, он никогда не думал и о таком гротескном месте, как современное поле битвы, и после нескольких недель всего этого, принимая все как есть, он был вполне готов к любому чудовищу, которое оно могло произвести. Он принимал их как вполне естественное развитие [событий].

Мне выпало много возможностей наблюдать такое и многое другое в течение следующих нескольких месяцев. Вскоре меня отозвали с работы на выючных обозах, и

я снова оказался в Четвертой бригаде, но уже не в Двадцать первом батальоне. Мы обосновались на зиму в районе к северу от Арраса. Ключевое слово здесь “обосновались”: война стала работой, а не приключением на несколько месяцев или год, и мы занялись этим деловито, плавно переходя из корпусных или дивизионных резервов — расквартированных сразу за передовыми линиями — через траншеи резерва, поддержки, на передовую линию и обратно. У нас были хорошие траншеи, которые, как и полагается траншеям, были довольно сухими. Они находились в горнодобывающей и холмистой местности, которая начинается в окрестностях Лооса, и, за исключением ограниченных участков, проблемы с дренажом можно было решить.

Более того, теперь я имел более полное представление о такой работе не только благодаря тому, что это определенно стало работой, но и благодаря более широкому полю моей деятельности и ответственности. Мне предстояло стать офицером-пулемётчиком бригады, но этому помешало то, что я угодил в список раненых. Тем не менее, это оставалось областью моего особого интереса, в которой я, естественно, мог ожидать призвания. Места для пулеметов уже были определены; но теперь при использовании в пехоте их вытесняли пулеметы “Льюис”, которых, наконец, стало по два в каждом взводе. Таким образом, все тяжелые пулеметы можно было использовать на своих местах в схеме наступления или обороны. Для подобной работы фронт батальона был слишком мал, поскольку пулеметный огонь, — будь то с передовых позиций или с позиций, расположенных в тылу, — при каждой возможности ведется перекрестным, анфиладным, огнем. Таким образом, офицер-пулеметчик непосредственно отвечал за участок в милю или более по фронту, тогда как взводный офицер был ограничен двумя или тремя сотнями ярдов.

Для эффективного расположения этих пулеметов и обращения с ними необходимо было хорошо знать условия на фронте, прикрываемом несколькими батальонами, и тщательно изучить топографию большого участка местности. Это была интересная работа. Такое оружие составляло лишь один элемент смертоносной и увлекательной схемы: винтовки и автоматические винтовки впереди, наряду с гранатами и легкими траншейными минометами; затем пулеметы и более тяжелые минометы, за которыми следовали 18-фунтовки, поддерживаемые их старшими братьями, прямо вдоль линии фронта, и так далее, пока вы не дойдете до большого морского орудия в удобной роще где-то в нескольких милях от передовой линии. Вот оно все, разложенное на месте, снабженное боеприпасами, — ждет и в то же время работает, укрепляет позиции, обустроивает новые укрепления, обеспечивает сосредоточение орудий и людей в случае необходимости. Пулеметы и артиллерия развлекались, тренировались и немного работали, нанося удары и обстреливая жизненно важные точки и позиции в тылу врага. Сопоставимая активность со стороны пехоты принимала форму траншейных рейдов. Обычные обязанности на ее позициях заключались в укреплении системы траншей, защите определенных пунктов аванпостами, установлении постов прослушивания и ведении постоянного наблюдения за ничейной полосой посредством организованного патрулирования. Но для эффективной работы, удовлетворительно похожей на войну, им приходилось вбиваться зубами в некоторые из патрулей противника и время от времени устраивать рейды. Эта работа была в некотором роде освещена в главах, посвященных патрулированию и рейдам в траншеях.

А между тем надо было ждать того времени, когда вся громадная машина снова будет разогнана и пущена в ход. Для северной части линии [фронта] первым шагом в

этой работе было взятие Вими-Ридж (хребта Вими). Эту задачу возложили на канадцев, и мы приступили к систематическому обучению и подготовке к ней, закончив расчетом времени всего штурма, учетом всех препятствий, которые необходимо преодолеть, различных оборонительных линий, которые необходимо было занять и закрепить, — [то есть всего того], вследствие чего наступление продвигается строго по графику. Немцы, конечно, многое узнали об этих планах. Во всяком случае, Вими был местом, где можно было ожидать атаки. Они считали [свою] позицию неприступной, и у них было много времени, чтобы сделать ее таковой. Во время боя его защитники превосходили численностью нападавших примерно в два раза.

Когда произошла битва при Вими-Ридж, я направлялся в Нью-Йорк, снова в учебный лагерь. Атака *прошла по графику*, лишь только танки не совсем по графику не дошли даже до первой линии обороны. На них рассчитывали, но продвигаться им оказалось не по силам. Однако это не нарушило плана, их место заняли люди, еще больше людей. И для них это не так уж и плохо, если они должным образом подготовлены. Я был уже на пути к новой работе, связанной с обучением людей военному ремеслу, и в праздные дни перехода по морю иногда ловил себя на том, что подвожу итоги тому, что знал обо всем этом, но в тот момент обычно не заходил далее простого представления вероятных событий на Западном фронте. Вими окажется в руках союзников. Обладание этой сильной позицией было необходимо, чтобы можно было спланировать какое-либо общее наступление. Зима закончилась. Для солдат это был сезон открытых дверей — они могут ожидать чего угодно в любое время, будь наступление или оборона, поскольку обычный боец просто ждет любого из них, зная о планах одной стороны так же мало, как и о [планах] другой. Ожидание чуть менее тревожно, когда есть признаки того, что его сторона готовится к наступлению. По крайней мере, он не будет неожиданно подавлен огнем налетом, против которого он не сможет ничего предпринять, кроме как зарыться в землю и закопать свои пулеметы, пока идут часы, — и так до тех пор, пока все вдруг не поднимутся, и он будет знать, что всё, на что можно безусловно рассчитывать в защите себя от всех напастей, которые принесет рассеивающийся утренний свет, так это только винтовка в руке и несколько человек, которых он может разглядеть в дыму и тумане по обе стороны от себя. И это все. Если дела пойдут хорошо, то через несколько минут он обнаружит, что есть и другие, но на данный момент против всего, что может перебраться через бруствер в пределах его досягаемости, есть только человек и винтовка.

В наступлении немного лучше. Он будет готов принять ответный артиллерийский обстрел. Но когда он поднялся прошлой ночью, то впервые услышал свою собственную музыку и увидел признаки активности: сосредоточение орудий с их мрачными рядами стальных гостинцев, предназначенных для доставки на начальных этапах атаки; патроны в нишах впереди, удобных для пулеметов; сигнальщики со своими мотками проволоки и носильщики, невинно ожидающие возле штабелей носилок. Приятно помнить об этих вещах, ожидая, когда с его стороны на врага перенесут огонь, и знать, что дело запланировано и *должно быть* доведено до первой [намеченной] цели, даже если все коммуникации прервутся до наступления нулевого часа.<sup>171</sup> Если идет дождь, как это обычно бывает, и ему приходится ждать несколько часов, то это знание может быть довольно холодным утешением, но все же оно есть и очень сильно

---

<sup>171</sup> Время “Ч” (время начала атаки).

повышает его уверенность в себе.

Это точка, к которой я всегда возвращался в своих размышлениях, находясь за много миль [от берега] в Атлантике. Почти все время во Франции я был пулеметчиком; но когда размышлял о сражении, я думал о человеке с винтовкой в передовой траншее. Я собирался заняться подготовкой людей для этой работы, и вот картина, вокруг которой крутились мои мысли: человек в передовой траншее перед нулевым часом. Надеюсь, что что-то из моих представлений о [таких] важных вещах вошло в эти главы. Артиллерия лишь расчищает ему дорогу, пулеметы лишь помогают и прикрывают его продвижение, танки лишь давят расставленные для него ловушки; и после того, как огневой вал будет перенесен, мало что можно сделать в плане официального контроля или командования. Таким образом, [конечный] результат в значительной степени находится в руках человека с винтовкой. Все, что уже было сделано, и все, что кто-либо может сделать прямо сейчас, окажется бесполезным, если он потерпит неудачу. Колесо должно вращаться, жребий должен быть брошен, и когда он остановится, то покажет либо жизнь, либо смерть, победу или поражение. Это тот момент и тот человек, от которого зависит ценность всех тренировок и любой подготовки.

Мне нравилось думать о том, что мне придется взяться и оказать помощь в обучении солдат Соединенных Штатов, имея в виду только этот момент, — и убедиться, насколько это возможно, что это не авантюра, а верная вещь. В те дни, когда я впервые понял, что мое действительное участие в войне закончилось, у меня не было больших сомнений в том, что необходимо, а что необязательно. В этой внезапной перспективе выделилось самое главное, и не осталось места для несущественных — и возможно, фатальных — пустяков. Мой энтузиазм в отношении войны как приключения сменился высокой оценкой и восхищением человеческим материалом, победившим в битвах. Было поразительно ясно, как вся эта громадная организация — грохот орудий, переполненные транспортные пути, гудящие фабрики, дома, оставшиеся без отцов, — все зависело от судьбы этой тонкой линии.

У меня были все основания в полной мере оценить ценность обучения; и тем не менее, казалось, что оно ожидало множество мужчин, обладавших всей возможной подготовкой. Война оставалась авантюрой, отчаянной и критической игрой, в которой человеку нужно было давать передышку; результат не был научно достоверным, он был человеческим. И в практике Британской Армии было много мелочей, в которых это признавалось. Их трудно назвать, они не всегда были предусмотрены в правилах, но эффект [от них] был. Я попытался подвести итог [этому] тем ранним весенним утром, когда другие ждали, когда можно будет перебраться через верх [бруствера] в войне, которая для меня закончилась. Подготовка? Замёрзшие, мокрые и оцепеневшие от вынужденного долгого ожидания, застегнутые и нагруженные, в стеснённых позах, они ни в коем случае не были теми подтянутыми людьми, которые несколько недель назад ловко поворачивались во время физической муштры. Инструктор не может закончить с людьми и сказать им: “Теперь вы готовы к бою”. В британской военной организации, несомненно, было полно теоретиков, маленьких человечков с большими, непрактичными идеями и людей с добрыми намерениями, которые не знали точно, о чем говорят; но где-то внутри этой организации была практичная и эффективная рука, которая никогда не была связана бюрократией, прецедентами или правилами, и которая в финальном столкновении не позволяла им вмешиваться в реальные дела войны. И она продолжала спокойно поддерживать связь с существенными реалиями ситуации,

поскольку они влияют на солдата на всем пути от Олдершота<sup>172</sup> до Соммы, — и в нулевой час, и в крайнем выпрыгивании [из траншеи].

Я не хочу идеализировать британскую или любую другую армию. Я просто хочу сказать, что, поскольку этот эффект был достигнут, о нем стоит знать. Это жизненно важно. И указанием на то, о чем я рассказываю, будет служить ромовая порция британцев. Во всяком случае, я собирался кое-что сказать об этом, поскольку она ценна само по себе; но ее также можно использовать для иллюстрации того более крупного эффекта, этой решимости дать солдату все возможные шансы победить — и остаться в живых. Конечно, сегодня это вызовет негодование пылких и патриотичных блюстителей чистоты, но ведь речь идет о войне и о людях, которые ее ведут.

Ромовая порция выдавалась как раз перед нулевым часом и начинала действовать к тому времени, когда приходит известие о том, что нужно подниматься и идти [в атаку]. Если мужчины бодрствуют умственно и физически, их шансы добраться до места первой реальной схватки неизмеримо выше, чем если они будут уставшими, окочевшими от холода и апатичными. После этой [порции] их кровь вскипает; они открывают для себя новые и неожиданные источники энергии, которые помогут им в течение дня.

Важна именно эта первая минута, первоначальное отношение людей, которые бодрствуют и готовы к быстрому парированию [атаки], уверенному рывку, точному выстрелу. Это трюизм. Что касается действия рома в такой чрезвычайной ситуации, то есть место только для двух мнений: мнения человека, который попробовал его, и мнения врача и химика-физиолога, который знает о последствиях усталости и влияния алкоголя на временное и быстрое ее преодоление. И тем не менее, в Соединенных Штатах было еще одно и очень громкое. Его даже нельзя было назвать мнением, потому что мнение должно основываться только на полной и непредвзятой информации и должно быть оговорено в той мере, в какой информация не является полной или точка зрения предвзятой. В устах этих фанатиков воздержания подобной умеренности не было. Наименее разрушительной частью их шума было обвинение в том, что мужчин напоили и отправили умирать. Такое не заслуживает [даже] ответа; но вот что можно сказать по этому поводу.

Рацион рома в Британской Армии состоял из половины джилла<sup>173</sup> (одна шестьдесят четвертая часть галлона) чистого неразбавленного ямайского рома, — настоящего товара, густого, сиропообразного вещества, которое не так широко известен в продаже, особенно в Соединенных Штатах. Его выдавал офицер или сержант лично, в установленное время, и его нужно было употребить тут же на месте или не брать вообще. Он не всегда выдавался любым войскам в любое время; но этого ожидали все части на действительной службе в течение большей части зимы или в любых необычных условиях усталости или воздействия противника. В Англии или Канаде нам его не выдавали, но почти всегда мы получали его примерно в то время, когда нам это было необходимо больше всего.

В траншеях было обычным делом получать [его] перед самым рассветом, в боевой готовности, когда каждый человек должен был быть на ногах и быть начеку, чтобы защититься от неожиданности. Люди не только находились без сна; в это время утром,

---

<sup>172</sup> Место расположения пехотной школы Британской Армии.

<sup>173</sup> Четвертая часть пинты (142 грамма).

даже после спокойного сна, жизненные силы человека находятся на самом низком уровне. Сон этих людей не был комфортным. Некоторые из них совсем не спали, а только что вернулись с патрулей или других дел, в которых едва ли найдется не напряженная и не утомительная минута. Если делать было нечего, они рассчитывали поспать в ближайшие часы. Сон — великий восстановитель, и эта единственная порция рома делала возможным освежающий и бодрящий сон в те моменты, когда иначе он был бы невозможен. Если в данных обстоятельствах нельзя было рассчитывать на сон, то ром успокаивал расшатанные нервы и оживлял уставшие мышцы, вдохновляя людей на дальнейшую деятельность. Его принимали с радостью, — даже большинство тех, кто не пил, — в качестве лучшей компенсации за потерю сна и отдыха, которых нельзя было избежать.

Мало кто жалуется на трудности, когда люди считают, что делается все возможное, чтобы свести их к минимуму. Я убежден, что отличительной чертой Британской Армии и важным источником ее силы является убежденность солдат (превыше всех ворчанний и нытья) в том, что их здоровье и благополучие непосредственно заботят вышестоящее начальство, а не [являются] просто вопросами, бесчувственно предусмотренными К.Р.&О. (Королевскими уставами и наставлениями). Это был вторичный, но немаловажный эффект ромового рациона. Он был великим посредником между человеческой выносливостью и военной необходимостью, между казавшимися неразумными требованиями и неясной необходимостью в них. Сержант с маленьким латунным колпачком (от взрывателя снаряда), пополняемым по мере необходимости из обыкновенной фляги для более благородного использования, был эмиссаром доброй воли и понимающего сообщения от “начальства”, жившего в комфорте далеко за передовой: “Я не могу вытащить тебя сегодня из грязи, Томми; никто не может занять твое место, но это поможет тебе продержаться. Твое здоровье!”

Когда Соединенные Штаты вступили в войну, власть предрежающие хорошо изучили то, что произошло за два года военных действий. Намерение, по-видимому, состояло в том, чтобы извлечь выгоду из опыта других, но я не понимаю, как с таким здравым и похвальным подходом им удалось перенять такие пустяки, как ремень Сэма Брауна<sup>174</sup> и этот дурацкий ремешок для форменной широкополой шляпы, и отказаться от таких великолепных установленных обычаев, как паек рома и волынки. Полагаю, что в случае с ромом, несомненно, большая ответственность лежит на оголтелых реформаторах. Вот почему мне было что сказать по этому поводу, — потому что это не дело реформаторов любого рода, это не имеет ничего общего с путаницей запретов. Это дело тех, кто отвечает за национальную оборону во время войны, за содержание боеспособных армий в полевых условиях. И допустить, чтобы на них влияли не относящиеся к делу соображения политики или так называемой морали и воздержания, — это то же самое, что позволить таким соображениям решать, какой следует использовать порох.

Надеюсь, ясно, почему я считаю это важным делом, не имеющим ничего общего с чьей-либо оппозицией алкогольным напиткам. Убежден, что благодаря своевременной выдаче рома в британских войсках было спасено много жизней, и это может означать разницу между успехом или неудачей на начальных этапах атаки, которые зачастую

---

<sup>174</sup> Португез, широкий кожаный ремень, поддерживаемый более узким ремнем, проходящим через плечо.



являются решающими. Если это прозвучит так, будто судьба Империи зависит от глотка рома, пусть будет так; необходимо только указать, что разница между жизнью и смертью зачастую определяется очень маленькой долей секунды. Спросите любого тренера по атлетике, что значит высшая форма. Что значит “свежие войска”? Ну, нет их у вас на поле боя. Когда они достигнут района боев, они уже истощены или потеряли бдительность. В наступательных операциях, люди, которые начинают их, как правило подходят к этому ближе, чем все остальные. Батальон, который прибудет на следующий день, вполне вероятно, подвергнется артиллерийскому обстрелу и бомбардировке с того момента, как он достигнет района, находящегося далеко позади транспортных путей. Вероятно, он достигнет этой точки только после форсированных маршей, и вечером нечнет свое утомительное продвижение к тому пункту, с которого должен продолжить наступление. В сильно укрепленных районах этот маршрут проходит по бездорожью, что гораздо хуже, чем [передвижение] по открытой местности. Здесь нет дорог, мало узнаваемых ориентиров. Ходы сообщения разбиты или, если их можно использовать, забиты возвращающимися ранеными. Транспортные линии, быстро расширенные, чтобы поддерживать связь с наступлением, поддерживаются с трудом; и это те связки, которые связывают воедино слабо сочлененную военную машину, а также нервы, которые позволяют ей функционировать. Все это должно продвигаться вперед вместе, всегда чувствуя изменчивую и неопределенную судьбу линии фронта, которая в одном месте тает, в другом оттесняется контратакой, а в третьем натывается на упорный редут, а на четвертом внезапно рвет вперед, оставляя зловещую брешь, которая может означать катастрофу. В этом запутанном и неуверенном потоке батальон представляет собой всего лишь небольшое подразделение, и большую часть ночи он проводит в ожидании в тех небольших участках траншей, которые дают некоторое укрытие от пулеметного огня и снарядов. Никто не знает ни причины задержки, ни когда она закончится, ни что происходит впереди, ни где находится фронт. Возможно, при дневном свете они способны угадать свои азимуты на ориентиры, и кое-что узнать о том, что происходит, расспрашивая раненых, носильщиков или связистов, которые сами мало что знают. Может пройти еще одна ночь, прежде чем они займут свое место. Если нет ночной атаки (а это всегда опасное дело), они стоят наготове до [наступления] дня, а потом переходят в атаку. Конечно, их нельзя назвать свежими войсками. Борьба идет уже три дня, и большую часть этого времени они подвергались изнурительнейшим ее затруднениям и неудобствам. Они уставшие, дрожащие и неповоротливые; их ботинки отяжелели от грязи, а глаза от бессонницы. С рассветом они столкнутся с войсками, которые вполне могут быть сытыми и отдохнувшими, поскольку они подошли по более коротким линиям коммуникации. Артиллерийской поддержки у них будет мало или ее не будет вообще. Оказавшись в бою, они позаботятся о себе сами. Но первые несколько минут могут снизить их силы на целых двадцать процентов. В ближнем бою разница между жизнью и смертью измеряется сотыми долями секунды. Это все, второго шанса нет. Либо ты его поймашь, либо нет. И если вы в напряжении, ваши глаза открыты, вы полностью погружены в работу, то вы его поймаете.

Эти скованные, грязные люди без удобств не имеют никакого [внешнего] вида, чтобы тянуть носок, как на параде. Уже два дня они живут на консервах и печенье. [Самые] удачливые и находчивые, возможно, нашли возможность заварить чашку чая; но о горячем питании на всех не может быть и речи, и они не рассчитывают на регулярное снабжение пищей еще два дня. Жалоб мало, еще меньше разговоров. Взводные

офицеры проходят мимо, проверяя снабжение боеприпасами, гранатами и т.п., знакомя их с характером атаки, насколько им это известно. За ним следует сержант, наливая каждому положенную порцию рома:

— Ну, вставай, Джонни, промокнешь.

— Право, сержант: когда начнется фейерверк?

— Почти наверняка это не произойдет, пока Солнце не поднимется достаточно высоко для наблюдения.

— Ну, это не так уж плохо, они мерзкие ублюдки. Ваше здоровье!

Вскоре он возвращается, встряхивая свою фляжку, в которой еще остается четыре порции. Завтра и послезавтра остаток будет гораздо больше, потому что потери еще не отразятся в сводках о численности войск.

— Послушайте, сержант, я думаю, мне стоит взять одну из них. Смит был моим приятелем.

— Я дам ее тебе через несколько минут. Ты, вероятно, этого не заметишь, но я подниму твою голову и налью.

— Черт возьми, к дьяволу, вы не поймаете меня сегодня убегающим в Блайти! Слишком много проблем, чтобы выбраться отсюда.

— Кто, черт возьми, сказал, что артиллерии больше не будет, только послушайте.

— Хорошо, ребята, встряхнитесь, к бою!

Живое маленькое эхо этого, варьирующееся от человека к человеку, проносится по линии взад и вперед. Все готовы. Есть смертельный интерес к тому, что должно произойти, едва ли [возникает] мысль о страданиях последних двух дней. Если бы они могли принять хорошую горячую ванну, сменить одежду и сытно и неторопливо позавтракать, результат был бы почти таким же. Вряд ли осуществимо, скажете? Но ромовая пайка осуществима, и она была принята из очень разумного и похвального желания дать людям возможность позаботиться о себе, полностью использовать свои знания и навыки, достичь с минимальными страданиями и смертью целей, ради которых их отправили на поле [боя].

Нельзя отрицать практическую, непосредственную ценность этого; но я хотел бы затронуть и чисто человеческую сторону ее выдачи, в которой признается, что вся разрушительная техника войны — тонны снарядов и пуль, сотни тяжелых орудий и огромное количество людей, моторов и материалы, служащие им, — зависят от работы нескольких элементарных человеческих качеств, которые должны столкнуться с такой же концентрированной разрушительной силой со стороны врага и чья энергия и сила выносливости вынуждены часто подвергаться суровому испытанию, прежде чем они смогут даже начать делать настоящую боевую работу.

Я не имею в виду, что питье рома было принято как драматический и пустой жест, признающий это. Глоток рома — старинный британский обычай. Не знаю, как давно это соблюдается в армии, но утренний глог на флоте Его Величества давно стал установленным обычаем.

Но на самом деле я имею в виду, что выдача рома в этот конкретный час иллюстрирует использование здравого смысла, и что этот случай может послужить тому, чтобы подчеркнуть настоятельную необходимость здравого смысла в обращении с людьми на современном поле битвы. Во-первых, современные солдаты — это люди не только здравого смысла, но и ума и образования. В случае с Соединенными Штатами и основными британскими колониями, помимо чисто технических и формальных зна-

ний, полученных в школах подготовки офицеров, представители рядового состава будут соответствовать аналогичной группе офицеров во всех областях человеческого знания. Это то, что стало верным за последние несколько десятилетий, и будет иметь все большее значение в будущем. Не принимать этого во внимание — это тоже самое, что отказаться от использования достижений науки и техники в военном деле.

Более того, эти здравомыслящие люди ведут войну ради своих собственных целей. Они свободные агенты. В конце концов, почти все по собственной воле отказались от своих привычных занятий, чтобы по необходимости столкнуться с нарушением своего привычного образа жизни. Они не профессиональные солдаты, служащие какому-то завоевателю ради личного возвеличивания. Время Александра Македонского прошло. Воины Аттилы доверяли своему лидеру и стремились к опасности битвы, потому что они жили [ее] исходом. Они боролись за стада, грабежи, женщин, ради боев и ради продвижения амбиций своего вождя, которые они в какой-то мере понимали и ценили. Они процветали, поскольку были успешными. Сегодняшние солдаты не доверяют своим лидерам, считая их подверженными ошибкам и ограниченными существами, такими же, как и они сами. Они знают, что лидеры совершают ошибки и что за них расплачиваются их люди. Они признают это необходимым условием современной войны, даже допуская, что во главе ее стоит Наполеон. Гений Наполеона теряется между штабами, днями подготовки и милями хаоса, связанными с началом и ведением битвы сегодня. Быстрая стратегия и тактическая хватка — это ресурсы, которые не всегда напрямую есть в наличии у Г.О.С.<sup>175</sup> Эти качества должны проявляться в основном с помощью сотен готовых голов на плечах младших офицеров, сержантов и рядовых. Генерал, который осознает это и целиком и полностью рассчитывает на ключевых людей, находится на правильном пути *командования* своими войсками. Это единственный путь. Риторические летописцы сражений должны искать другие фразы. [Лозунги типа] “Бросив свои легионы на этот фланг \*\*\*\*\*”, или “Генерал Бланк, сразу заметив преимущество, которое дал ему этот маневр, бросил две дивизии” и т.д., больше не имеют, за исключением редких случаев, ни малейшего смысла или практической применимости.

Насколько я знаю, эти фразы мало использовались при описании сражений последнего конфликта, хотя, если наши историки сойдутся с некоторыми из наших генералов, мы вполне можем их ожидать. Но генерал Бланк, если бы он был мудр, рассчитывал бы на хладнокровие лейтенанта Смита и рядового Брауна, зная, что его легионы не будут брошены в никуда, что они не растворятся в тонкой беспорядочной линии, затерянной в дыму и суматохе вне его досягаемости, а что будут продвигаться вперед, когда представится случай, небольшими группами, используя свои собственные ресурсы мужества и навыков. Он не только полагался бы на них, но и дал бы им знать заранее, что рассчитывает на них и делал бы все возможное, чтобы дать им возможность взять на себя ответственность в тесной связи с общим планом сражения. Это было бы сделано только для того, чтобы полностью использовать ресурсы, находящиеся в его распоряжении.

Если это звучит смехотворно не по-военному, то только потому, что культ военных до сих пор теряется в понятиях уставов и наставлений и в устаревших идеях дисциплины и методов осуществления контроля. Они не совершили скачок с плаца на по-

---

<sup>175</sup> Генерал, командующий соединением (от англ. *General Officer Commanding*).

ле боя и из девятнадцатого века в двадцатый. Всегда кажется, что требуется год или два войны, чтобы избавиться от мусора и сухостоя и освободить место для лидеров, которые осознают реалии ситуации. Несколько настоящих артобстрелов и сосредоточенного пулеметного огня, *без спешки* ведущегося над ними, сотворят чудеса, заставив замолчать детские капризы любимцев комендантских жен и пронизанных политическими и социальными интригами кабинетных теоретиков, которым угораздило очутиться призванными серьезным делом ведения войны. Все было бы в порядке, если бы только эти люди сами страдали от последствий своей глупости. Жаль, что [от этого] они уклоняются.

Они не все политики. Большинство из них — честные студенты военных наук, впавшие в распространенную ошибку — стали академиками. Им не хватает опыта и знаний из первых рук, чтобы вернуться к практическим занятиям. Но, кажется, пришло время использовать высокий общий средний уровень здравого смысла, интеллекта и инициативы, характерный для жителей Соединенных Штатов. Это именно то, к чему сегодня призывают на войне; и мужчины не становятся слабоумными или детьми только потому, что надели мундир, у них все еще есть свой природный интеллект — а также первейший интерес к эффективному и разумному поведению своих армий.

Ныне Англия обычно считается примером *par excellence*<sup>176</sup> закоряченного прецедента, зависимости от авторитета, действий согласно приказам, полного паралича здравого смысла до тех пор, пока не будет обеспечен порядок, позволяющий ему функционировать. Это может быть или не быть правдой. Наверное, маленькие апостолы уставщины имели довольно весомое влияние и прочно держали военную машину, но где-то в лабиринте британского военного министерства жил человеческий гений здравого смысла. Он не мог избавиться от всех препятствий, но ему удалось обезвредить их в критических точках, и у него было своего рода молчаливое понимание с людьми на поле боя, что вместе они попытаются сделать все возможное в данных обстоятельствах. Этот гений использовал всех умных и смелых полевых офицеров, и у него должно было быть несколько офицеров более высокого ранга, чтобы он смог уберечь важное военное дело от занятых рук чиновничества.

Мне бесполезно пытаться анализировать усилия [этого гения] или тратить слова на различные вещи, которые ему мешали. Конечный результат, к которому он стремился, сразу же пришел бы в голову здравомыслящему человеку, знакомому с условиями современной войны, а шансы против него заключались в обычном накоплении чуши и неэффективности вдобавок к колоссальной ответственности почти сверхчеловеческой работы. Когда больше ничего нельзя было сделать, он довольствовался попыткой признать, что работа невозможна без упорного труда и сотрудничества людей в поле.

И “когда смолкли суматоха и крик”,<sup>177</sup> этот гений еще не спускал глаз и рук с главного, уже занимаясь одним великим, драматическим зрелищем демобилизации — тысячами людей, внезапно [оказавшихся], на тот момент бесполезными и непривязанными, в подвешенном состоянии в неорганизованном мире. Сухожилия войны! Прекрасная фраза, которой патриотические ораторы называют медь, сталь или хлопок.

---

<sup>176</sup> Главным образом, преимущественно (лат.)

<sup>177</sup> Эта строка (ориг. “*When the tumult and the shouting died*”) взята автором из стихотворения Редьярда Киплинга “Последнее песнопение”.

Но вот каковы жили войны — все эти люди и их личные нужды; все остальное лишнее, это просто отделка — расходующиеся боеприпасы, перемещаемые, устанавливаемые и стреляющие пушки. Теперь они будут ржаветь, гнить или подвергаться коррозии, неважные, бесполезные. И “организация” становится простой стопкой — многокилометровой стопкой! — бесполезных бумаг, других случайностей, простого механического удобства. Все может быть брошено в огонь, а армия останется прежней — распущенной.

Связь здесь очень незначительная, и я почти уверился, что официальная власть потеряла ее из виду, и был приятно удивлен, обнаружив, что она все еще известна, и что просто признана теперь, когда армию распустили. Моя связь с Британской Армией оборвалась несколько лет назад. Большую часть этих лет я провел в учебном лагере, где, к моему большому неудовольствию, само назначение лагеря, казалось, зачастую упускалось из виду. В конце концов, с отвращением, но, вероятно, к большому облегчению моих ближайших соратников, я был отозван из Армии США и направился в высокий лес Орегона, подальше от проторенных дорог.

Однажды в моем лагере, за много миль в тех оregonских лесах, появился неожиданный гость. Он объявил себя британским консулом, которому Его Величество поручило сообщить мне об окончательном решении всех дел, касающихся завершения нашего обоюдно неотложного предприятия. Мне было предоставлено существенное вознаграждение, чтобы люди могли снова установить контакт установленным порядком.

Все было четко и просто — и по-человечески. Возможно, это можно было сделать по почте, и пакет бланков, в четырех экземплярах, с типичными пометами клерков тут и там, обнаруживающих, идентифицирующих и избавляющихся от некоего МакБрайда, предмета списанного военного имущества, послужил бы целям некоторых организаций. Но гений здравого смысла в британском военном министерстве по-человечески разрушал узы, скрепляющие армии. Вы не можете положить их на бумагу. Это универсальное взаимопонимание между людьми, и я согласился, — [получив] две медали как простые формальные знаки этого, обладающие значением, точно соответствующим моему пониманию этого.

## Глава 15

### Британская Армия

Стрелок на войне — это солдат, а солдат — один из [всей] армии. Что-то от его личности передается всей массе, и что-то приобретает от нее. Именно в массе он достигает победы или терпит поражение. Его собственное состояние ума и духа всегда чувствительно к состоянию целого. Его послужной список определяется не только его индивидуальными качествами, но также и качествами тех, кто находится рядом с ним; организацией, которая связывает их вместе, направляет их усилия и закрепляет их достижения; тем духом, который эта организация прививает и возвращает в нем; а также теми стимулами и поощрениями, которые он получает от нее.

Поэтому я хотел бы рассказать кое-что о своих товарищах по оружию, [воевавших рядом со мной] на протяжении примерно половины не такой уж недавней войны. Мою службу не следует рассматривать как [образец] выдающегося послужного списка. Сейчас я вижу много мест, где его можно было бы улучшить, но ответственность за недостатки в нем в основном лежит только на мне. Другой мой собрат<sup>178</sup> не подвел меня, и думаю, что послужной список скорее выиграет, чем проиграет, будучи частью послужного списка Британской Армии. Это дало мне много возможностей показать, на что я способен. Если поначалу я чувствовал, что есть вещи, которыми можно было бы управлять лучше, то вскоре обнаружил много других вещей, которые вызывали во мне восхищение. Организация войны — дело обширное и сложное. Ни Военное министерство, ни Генеральный штаб не обладают всезнанием. В первые несколько недель после небольшого инцидента на Балканах произошли не только обычные революционные изменения в образе жизни среднего человека, но и не менее революционные изменения в самих методах ведения войны. Не только гражданский [человек] должен был стать солдатом, но и солдату предстояло стать солдатом другого типа; и Военное министерство должно было не только обеспечить его снаряжением и обучить его, но и ознакомиться с новыми условиями, для которых его снаряжали и готовили.

Я был лучше знаком с Англией и английскими обычаями, чем средний американец; и тем не менее, поначалу думал, что они довольно медленно справляются со своими задачами. Я опоздал вступить в игру на год, и все-таки одной из первых вещей, с которой столкнулся, была драгоценная троица снайперов, беспечно стреляющих на расстояние в тысячу ярдов и далее. Это несколько обескуражило меня; и тем более, что один из троицы был офицером. Вот они, усердно действующие “по приказу”, и по-видимому, не заботившиеся о том очевидном факте, что они не делают ничего [полезного], тогда как могли бы легко занять позицию для выполнения какой-нибудь смертельной работы. Все это дело казалось таким неумелым — и исключительно британским. Американец (только так называемый типичный американец), вооруженный теми же полномочиями, убивал бы немцев в большом количестве, едва ли осознавая, что приближаясь к цели, он игнорирует приказы. Но это ни в коем случае не означает, что американская армия при подобных обстоятельствах имела бы хорошо организованную и оснащенную снайперскую службу. У меня есть все основания полагать, что ее не было

---

<sup>178</sup> Автор имеет ввиду военнослужащих Британской Армии, с которыми канадцы воевали плечом к плечу.

бы, хотя многие люди — если бы им удалось завладеть [соответствующим] снаряжением — могли бы прекрасно провести время с настоящими живыми мишенями. Кроме того, у англичанина свой подход к делу, и, в конце концов, он вел эффективную снайперскую стрельбу, даже если ему нужно было получить общий приказ, чтобы приблизиться к цели. И вероятно, к тому времени, когда у него появилось снаряжение для обоснования [снайперской] организации, он получил его.

Но войну выиграли не отдельные действия; это было организованное действо. И даже если мы ограничимся этим эпизодом, то такой отдельный пример мало что говорит нам об англичанине, потому что иллюстрирует ту черту, в которой он особенно слаб. Чтобы стать хорошим солдатом, нужно множество других качеств, а чтобы создать армию, нужно много солдат. Если вы посмотрите на этот вопрос со всех сторон, я готов рискнуть обвинением в ненависти, которое, согласно поговорке, связано со сравнениями. Надеюсь, что их не будет, поскольку предвижу, что сравнениями мне придется заниматься постоянно. Я провел много лет в американской армии, но всю свою боевую службу провел с британцами, и я тем более склонен придерживаться своего восхищения британцами, поскольку оно росло по мере того, как расширялись мои знакомства. Это, конечно, не означает, что оно выросло за счет США, просто я немного приблизился к пониманию англичанина. С точки зрения среднего американца автор многое понимает, и позвольте мне добавить здесь — для другой стороны этого вопроса международной дружбы — что прежде, чем выносить [свои] суждения, он достиг хорошего понимания. В своих лучших проявлениях — а таких вы найдете немало — он даже не склонен судить. Редкая добродетель!

И Британская Армия требует большого понимания, даже во внешних аспектах, [такого как] простого перечня различных подразделений. Любой посетитель Лондона видел конногвардейцев на Уайтхолле, и могу признать, что, будучи обычным хулиганом, никогда не видел таких великолепных живых статуй, которые вызывали бы у меня такой трепет. Другие гвардейские полки — это Колдстримский и Гренадерский, а также Шотландская, Уэльская и Ирландская гвардия. В мирное время гвардейская дивизия обычно находится в Лондоне, образуя костяк гарнизона и часто участвуя в церемониях, которые отмечают ежегодный распорядок столицы. Они отправились во Францию в числе первых, и я не знаю, сколько раз они обновляли свой состав в своих рядах — туда в качестве пополнения, обратно в качестве потерь, и так до конца.

Другие полки Британской Армии носят названия городов или графств, из которых они набираются. Многие из них имеют историю, насчитывающую сотни лет, и они несут на своих знаменах названия сражений, которые отмечают поворотные моменты в развитии Империи и цивилизации на протяжении многих столетий. Но названия городов или графств — это только начало. Существуют — если смешать без разбора кавалерию и пехоту в нескольких названиях, которые я помню, — фузилёрные, драгунские, пешие, конные, стрелковые, уланские [полки], из разных мест и с различными дальнейшими обозначениями, такими как Короля, Королевы, Королевский и т.д.

Территориальная армия примерно соответствует нашей Национальной гвардии. Эти части тоже набираются на месте и содержатся обычно графствами, иногда городами. Но они также отличаются разнообразием в отношении [своего] назначения, включая такие формирования, как лондонский шотландский [полк], — который, кстати, отправил первые территориальные батальоны воевать во Францию.

Шотландский также стал первым регулярным полком, предложенным Британ-

ской Армии во время войны. Это были Королевские шотландцы. Многие из шотландских полков обозначаются по имени клана, чей тартан они носят, или иным образом, которым они тесно связаны с гордой традицией: Аргайл и Сазерленды, Сифорты, “Черная стража”, Гордоны. Парад становится красочным не только в названии и боевых знаменах, но и в одежде. Во время войны все различные полки были значительно пополнены. Некоторые из них имели во Франции несколько батальонов, носивших одно и то же название, но дополнительно обозначенных номерами. И каждый полк держал учебный батальон в Англии.

Вот теперь — покидая Британские острова, и умалчивая о разных вспомогательных, жизненно важных, но не столь эффектных организациях, типа Королевских инженеров и различных саперных батальонов и обслуживающих Корпусов, не говоря уже о показе артиллерии — и начинается настоящее разнообразие. Подобное разнообразие есть, во-первых, просто печать другой среды — английских колоний; но это еще и разнообразие рас, цвета кожи, вероисповедания, традиций и духа. Патаны, сикхи, гуркхи присоединились к людям из Ньюфаундленда и Южно-Африканского Союза. Были аборигены Африки и фиджийцы, мужчины из Новой Зеландии и Австралии. Они прибывали и возвращались с самого дальнего островка Империи, над которой никогда не заходит Солнце. И мне показалось, что все они были британцами. Самый свирепый сержант-сикх был отмечен безошибочно узнаваемым британским штампом. Было приятно наблюдать за этими ребятами и другими коренными индийцами. Они были прирожденными воинами и, казалось, гордились своей работой больше, чем кто-либо другой. Что бы один из них ни делал, при приближении офицера он вытягивался во фронт — я имею в виду, вытягивался по стойке “смирно” — и отдавал честь так, как будто это ему самому оказывали честь. Глядя на них, человек два или три раза задумывался о том колоссе, которым являлась Британия в состоянии войны.

Многое из этого многообразия можно было упустить из виду, если только не просмотреть состав бригады или дивизии, или не вспомнить различные специальные и обслуживающие организации. Но более густонаселенные колонии приносили и содержали свои собственные армейские корпуса, например, АНЗАК и канадцы. Что касается АНЗАКа (австрало-новозеландский армейский корпус), у меня сложилось впечатление, что между людьми из этих двух соседних колоний существовала определенная разница. Это отличие мне казалось совершенно очевидным; но, тем не менее, таким, которое отнюдь нелегко определить. В моем случае это могло быть связано с первоначальным впечатлением, произведенным отдельными людьми, — хотя и не вижу, чтобы это имело какое-либо отношение к этому, поскольку моя первая встреча с австралийцами оставила мне ни больше, ни меньше, как очень приятные воспоминания о многих хороших парнях, которые дали нам что-то поесть тогда, когда мы в этом сильно нуждались. Среди новозеландцев мне всегда казалось, что я могу узнать что-нибудь о Мидлендсе или о Перта, — они казались ближе к Британским островам, чем австралийцы. В их рядах время от времени можно было встретить сильную, сплоченную фигуру маори, — другой элемент, ничего похожего или сопоставимого которому, как я припоминаю, среди австралийцев я не замечал. Это впечатление усиливалось разницей в униформе, хотя в этой связи я должен признаться, что не знаком в деталях с униформой Корпуса и различных родов его войск, и, может быть, я противопоставляю австралийскую службу снабжения или артиллерию новозеландской пехоте. Во всяком случае, для меня форма австралийцев была темной и не была скроена по жестким и



суровым линиям, дорогим сердцу старого британского сержанта-инструктора. И даже если бы она была так скроена, то сомневаюсь, что ее бы так носили. Она больше тяготела к свободному небрежному комфорту и была увенчана мягкой широкополой шляпой, загнутой набок против тульи. Новозеландцев я запомнил по форме, чей покрой, цвет и материал были больше похожи на нашу.

Как бы то ни было, люди с таких соседних островов, на мой взгляд, различаются по форме и общему внешнему виду, что каким-то образом согласуется с различиями в темпераменте и личных качествах. Мне казалось, что я смогу их различить даже в штатском платье. Большинство канадцев удивятся, почему я так деликатно говорю об этом, и через минуту скажут вам, что была разница, — чертовски большая разница. Всякий раз, когда средний канадец думал о Корпусе, он думал об австралийцах. Новозеландца он воспринимал как тихого, эффективного солдата; он знал его, понимал его как человека, мало чем отличающегося от него самого, несмотря на то, что тот жил в стране, где сентябрь — это весна, и большую часть времени, по-видимому, проводил за стрижкой овец. Но “Осси”<sup>179</sup> был аномалией или чем-то еще хуже. Что он думал о канадце, я не знаю, но они не ладили. Любой из них, полагаю, был бы рад, если бы второй оказался в бою у него на фланге; но позади боевых линий это были антагонисты. Зачастую, когда они встречались там друг с другом, возникали проблемы. У меня никогда не было большого личного опыта в этом, но историй, рассказанных из первых рук, ходило множество. Даже если бы какой-нибудь дипломат сгладил ситуацию и смешал антагонизм с подобием праздничности, этого было бы недостаточно; вечер, скорее всего, внесет беспорядок в тишину респектабельного *estaminet* [какой-то] мадам. Я никогда не слышал о проблемах с новозеландцами. У австралийцев, вероятно, было что-то такое, что вызывает мгновенное ошетикивание, когда две превосходные собаки встречаются в лагере. Оно исчезало, когда у них проявлялось что-то еще, и ни одна из сторон не чувствовала себя от антагонизма хуже.

Из всех колонистов канадцы больше всего походили на солдат Соединенных Штатов, хотя среди них было много англичан или тех, кто родился от английских родителей. Помимо этого момента, они были очень похожи по телосложению, осанке и физическим особенностям, а также по темпераменту, складу ума и другим качествам, которые определяют реакцию на дисциплину, и которые, следовательно, должны определять методы обучения. Но о канадцах, как и обо всех колонистах, следует помнить, что они были, прежде всего, британцами. Даже те далекие и близкие владения Империи, которые были населены народами чужой расы, находили в британском характере (но не в британском штыке) нечто такое, на что они быстро и всей душой откликались. Я не очень хорошо информирован в различных деталях, но знаю, что на подобный ответ немцы не рассчитывали. На самом деле, они рассчитывали на нечто совершенно противоположное. Их презрение (едва ли истинное) к Британской Армии проистекало не только из-за ее малочисленности и обесценившихся боевых качеств, но и из убежденности немецкого верховного командования в том, что Британия не всегда сможет свободно использовать ее на континенте — и что большая часть ее эффективности была бы рассеяна в разрозненных усилиях по поддержанию порядка в различных колониях и зависимых территориях. Но такого не случилось. Зависимые территории, как правило, не только не нуждались в присутствии английских войск, но вместе с

---

<sup>179</sup> Осси (англ. *Aussie*) — жаргонное прозвище австралийцев.

колониями сразу же занялись Маршалловыми островами и другими немецкими владениями в Южных морях. Юго-Западная Африка перестала быть германской Юго-Западной Африкой без ощутимого затруднения для Англии в ее континентальной деятельности; и германские мятежные интриги в британской Южной Африке не помешали этой колонии отправить войска во Францию.

Думаю, что в том, что в бородатом сержанте-сикхе было много определено и непоколебимо британского, и что это было нечто большее, чем просто причуда. В том, что колонист, три поколения назад покинувший Британские острова, часто называет Англию “домом”, есть большое значение. Такое чувство близкого родства по всей Империи является лишь огромным выражением особого чувства цельности и прочности в самой Англии. Понимание этого чувства единства необходимо для понимания англичанина и для правильного восприятия Британской Армии и ее методов обучения.

Кто-то сказал, что дом англичанина — это его замок. Обычно это воспринимается — и, полагаю, так и было задумано — как выражение его любви к дому и его склонности замыкаться в нем. Справедливое замечание, но неосведомленному стороннему наблюдателю оно мало что говорит об англичанине или его доме; ведь замок — это Англия; он не существует сам по себе. Помимо комфорта и уединения (и отсутствия жары), он наполнен, прежде всего, сознанием того, что существуют тысячи таких же, как он, разделяющих огромное и мощное накопление английских традиций, эту сокровенную необходимость импорта чая и поддержания контактов с кузеном на Ямайке и дядей в Новой Зеландии; [традиций] в Хэмпстед-Хите, Гайд-парке, и в Конной гвардии на Уайтхолле. Вот что я подразумеваю под цельностью. Она тесно связана с другой характеристикой, которую обычно называют английской невозмутимостью. Англичанин невозмутим, потому что Англия тверда и доказала это на протяжении стольких поколений, что это качество приобрело черты еизбежности. Она эмоционально повзрослела, и лондонец, вернувшийся домой, с одинаковым спокойствием воспринимает крики тревоги со стороны какого-нибудь возбужденного человека, как и фигуру Нельсона на его памятнике на Трафальгарской площади. Одно вполне эффективно отменяется другим, и англичанин, не любящий войны и волнений, продолжает свой путь домой. Чтобы потревожить его, нужно очень многое, и когда его наконец побеспокоили, он борется за то, чтобы вернуть эту невозмутимость. Он возмущается, когда его беспокоят, и, скорее всего, будет много ворчать по поводу неспособности правительства или оппозиции навсегда защитить его в мирном наслаждении чаем и портвейном, говядиной и сливовым пудингом, а также неумолимым английским расписанием праздников. Но эти вещи должны быть защищены, и он принимает такую необходимость. Здесь нет ничего от *la Patrie*<sup>180</sup> в лице женщины, женщины оскорбленной, или находящейся в опасности, или страдающей, или (и этого достаточно) красиво и властно призывающей его к служению, что движет непостоянным и быстро соображающим французом; нет ничего от возбуждения парада и демонстрации, которое вдохновляет итальянца; нет никакой желанной возможности для проявления индивидуальных подвигов, которая лежит в основе типичного американца. Это просто вопрос нового движения с целью защиты своего острова, своего замка и торговых путей Империи, от которых она зависит. Война становится его делом на неопределенное время, и он по-деловому устраивается на ней, создавая себе максимально комфортные условия. Любой, кто видел его в

---

<sup>180</sup> Родина, Отечество (фр.)

окопах, подтвердит это. Укрепление — это *Пикадилли Серкус*; воронка — это *Мраморная арка*; где-то рядом, вдоль *Стрэнда*, Томми можно найти в его блиндаже “Три льва” за чашкой чая.<sup>181</sup> Именно эта характеристика является причиной наблюдения, что англичанин везде чувствует себя как дома.

При всем этом я не хочу сказать, что Томми сознательно воюет, чтобы защитить свои поставки чая и сохранить английские институты. Это не так; он сражается, потому что это стало делом Англии и ему приказали сражаться. Он ворчит и делает то, что от него требуется, не заботясь о том, чтобы информировать себя дальше так же, как дома он информирует себя о политике правительства. Правительство — это эфемерная вещь, вопрос речей, выборов и кабинетов, которые приходят и уходят. Но Англия — это незыблемое и прочное состояние, результат долгого процесса накопления и объединения, в котором Томми и Король вписаны в здание как краеугольные камни. Так *есть*, и так будет; пусть даже время от времени правительство и находит необходимым приказывать Томми выйти с винтовкой, чтобы заставить других осознать это. Он должен идти на свое место; тысячи таких, как он, составляют основу конструкции, и не в их природе подниматься на вершину. Целое хорошо сочленено и должно двигаться вместе, именно это делает его непобедимым. Вольный и невольный, партия войны и партия мира, кавалер и круглоголовый<sup>182</sup> — но никогда еще революция не давала плоды и не укрепляла традиционный порядок вещей.

Томми не знал бы, что делать вне своего места, поскольку убрать его — значит разрушить структуру, и самого Томми. Он не отдельный человек, он прежде всего англичанин. С полным осознанием этого факта мы, я думаю, перестанем беспокоиться о том, что ему не хватает воображения и уверенности в себе или что он не обладает такой необходимой быстрой устойчивостью и приспособляемостью, чтобы преодолеть неожиданность или воспользоваться ею. Ему вполне хватает уверенности в себе, и [лишь] немногие мужчины с большей готовностью приспособляются к условиям. Чего ему не хватает, так это чувства независимой самостоятельности и агрессивности, сопутствующего импульса идти вперед в одиночку, бросая вызов опасности, превознося индивидуальные достижения. Вместо этого он инстинктивно стремится быть вместе со своими товарищами. Он склонен придавать большое значение приказам и строго им следовать, потому что отдача приказов — дело высших чинов, и всю свою жизнь он привык подчиняться приказам или постановлениям правительства. Приказы — это знак того, что все работают и всё делается правильно.

Но это не значит, что английский солдат деморализован и беспомощен, когда офицер убит или отсутствует. Если руководство было разумным и вдохновляющим, оно переживет офицера. Офицер — это символ, в той же мере, как дома символом является король, *вершиной* этой упорядоченной структуры, которой является Англия. Я не имею в виду, что умного офицера, воспитанного от рождения и возвращенного в ба-

---

<sup>181</sup> Пикадилли-серкус (англ. *Piccadilly Circus*) — площадь и транспортная развязка в центральном Лондоне, в районе Вестминстер; Мраморная арка (англ. *Marble Arch*) — триумфальная арка, стоящая возле Ораторского уголка в Гайд-парке, на западном конце Оксфорд-стрит; Стрэнд (англ. *Strand*) — центральная улица Лондона, которая соединяет районы Вестминстер (центр политической жизни) и Сити (центр деловой активности); Три льва (англ. *The Three Lions*) — намек на герб Королевства.

<sup>182</sup> Отсылка на противоборствующие стороны Английской буржуазной революции. Кавалеры (англ. *Cavaliers*) — английские роялисты, сторонники короля Карла I, носившие длинные волосы и белые кафтаны; круглоголовые (англ. *Roundheads*) — сторонники Парламента, носившие короткие стрижки.

лансе и самообладании, обученного основным принципам руководства, будет не хватать в трудной ситуации. Его не хватает, как не хватало бы в любом подразделении солдат, иначе нам не стоило бы тратить на обучение офицеров. Если его руководство было хорошим, люди будут продолжать его после его смерти, даже с еще большим рвением. К англичанам, я думаю, это относится в большей степени, чем к любому другому солдату, потому что никто другой не гордится таким хорошим офицером; он оправдывает английскую систему и привычку солдата к послушанию. Ведь английский солдат не стремится к офицерскому месту, а только к службе под началом лучшего офицера. Таким образом, он находится в особой зависимости от руководства.

Это налагает на офицеров большую ответственность, и думаю, что именно здесь Британская Армия была слабее всего. Я не хочу обвинять британского офицера; отнюдь, британский офицер в его лучшие времена — а таких было немало — был замечательным, отличным солдатом. Он был умен, и от рождения был воспитан и обучен первому главному навыку командования: самообладанию. Старые, кадровые офицеры, конечно же, прошли тщательную подготовку в Сандхерсте (британском Вест-Пойнте). Были и такие, кто получал звания, не пройдя этот курс обучения; но, все еще считаясь лучшими, они быстро приобретали приемлемую замену. Они вписались в традиции полка, с которыми, вероятно, уже были знакомы, и в прекрасные традиции британского офицерства, о которых нечего и говорить. Они были прекрасной партией, в любое время отличались тем, что, пожалуй, можно назвать самоуверенностью. Они всегда были на высоте, и не дрогнули в самых трудных и обескураживающих условиях.

Слабость, о которой я упоминаю, не имеет к ним никакого отношения — за исключением того, что, если она и проявляется так, как я думаю, то приводит к тому, что их ряды оказываются пронизаны большим количеством людей другого рода. Это слабость, которая, как мне кажется, присуща всей британской системе — хотя полагаю, что ее можно преодолеть, и, возможно, она уже преодолевается. Граница между офицерами и людьми в Англии не устанавливается военным декретом. Она была определена обстоятельствами рождения, привычками, обычаями — всем тем, что составляет английскую социальную систему — на протяжении тысячи лет. Это выражается в более широкой власти сержантов по сравнению с нашей. Сержанты, подчиненные главному сержанту-майору, занимаются почти всеми вопросами лагерной и строевой рутины, и любые специальные приказы выполняются через них, офицеры лишь указывают сержанту-майору, что нужно сделать. Идея заключается в том, что солдат, каким бы бедным он ни был, может проявить “ротный образ действий”, показать себя с лучшей стороны так, как он хотел бы сделать это дома, если бы его посетил кто-то из вышестоящих [командиров]. Это различие можно прояснить, сказав, что дело офицера — не обучать людей, а командовать и руководить ими. А люди должны быть в состоянии выполнять указания. Именно это и требуется. Ряды не заполняются, — как это, вероятно, происходит у нас, — лицами, которые считают, что они были бы лучшими офицерами, чем лейтенант, который ими командует. Они стремятся не к лидерству, а к тому, чтобы ими хорошо командовали. Граница между ними отмечает классовое различие, из-за которого и развилась та слабость, о которой я говорю.

Офицеры — по традиционной необходимости — происходят из высших классов. Такая традиционная линия более или менее поддерживается вопреки методам размножения госпожи Природы, которая продолжает с присущим ей равнодушием производить изрядное, сверхнормативное, количество придурков с минимальным количе-

ством серого вещества. Многие из них находят путь в офицерство. У китайцев есть поговорка: “Нельзя вырезать по гнилому дереву”. У этих парней есть форма, но не было изобретено способа придать им содержание. Посему форма становится карикатурой, отсюда и сценическое изображение “англичанина”. На сцене с ним все в порядке, за исключением того, что в Соединенных Штатах, где подлинная вещь не так хорошо известна, это [негативно] отражается на многих лучших в мире парнях.

Но поле боя — не место для шуток такого рода; хотя даже здесь, насколько можно судить по форме, они с этим неплохо справлялись. Они умели носить стек, и многие из них обладали необходимым самообладанием и спокойствием. Но этого, конечно, было недостаточно. В руках настоящего и великолепного офицера — а они были великолепны — стек был символом того, что его дело — руководить, командовать, а не сражаться. Это было славное зрелище. Вооруженные ничем другим, они шли впереди своих людей почти на верную смерть, потому что их легко было заметить и уничтожить. Потом это запретили. Офицеров обязали снять отличительную тесьму с рукавов и заменить ее тусклыми бронзовыми знаками отличия на плече, а также рекомендовали носить винтовку. В руках “бесполезных людей” стек был не только символом права командовать; он также становился символом их неспособности обладать чем-то большим, чем самоуправство. Такой офицер был хорошо вооружен, и если бы от этого не зависело ничего, кроме его собственной жизни, то его заметность была бы вполне уместна. Приказ снять бросающиеся в глаза знаки различия и носить винтовку стал триумфом здравого смысла над традициями. Офицеры, обладавшие этим редким качеством, оценили приказ, и не ради собственной безопасности, а потому что понимали, что живыми они ценнее, чем мертвыми — также, думаю, они понимали, что их слишком мало. Но приказ не мог наделить здравым смыслом придурка.

Конечно, он должен был находиться в строю, но это не всегда было возможно. В конце концов, традиция — живучий продукт, и, хотя она не могла перехитрить природу, она смогла перехитрить верховное командование. От нее было не только трудно избавиться, но и трудно ее заменить. Ибо, хотя Природа, производя придурков выше нормы, производила такую же изрядную долю прекрасного [человеческого] материала, его не всегда можно было использовать. Опять-таки традиция. Среди английских высших классов есть значительное число семей, которые всего лишь на поколение или около того отделились от состояния бедных пекарей, пивоваров, мыловаров и винокуров, и они каким-то образом и в какой-то приемлемой мере сумели получить одобрение традиции. [Время продолжительностью в] поколение и большие деньги могут творить чудеса, но в Англии, вообще-то говоря, вы не можете взять человека из рядовых и сделать его офицером. Он обладает здравым смыслом, но не может носить стек. И снова верховное командование беспомощно. В данном случае у него есть здравый смысл, но оно не может образ действий; оно не может замаскировать этого парня так, чтобы люди не узнали в нем человека, которого взяли из низов и засунули на более высокое место, нарушив порядок вещей: “Ах, да, я знал того парня, когда он был чертовым сержантом”.

Это, я полагаю, свидетельствует о реальной слабости английской армии. И это ситуация, с которой не столкнутся Соединенные Штаты. Вопрос квалификации здесь более строго касается отдельного человека, и у нас нет ограниченного офицерского класса, который может истощиться. Такой класс есть в Англии. В него входят как одни из лучших людей в мире, так и одни из величайших ослов. Во время войны этот класс,

к сожалению, лишился своих лучших представителей. Я подозреваю (и очень хотел бы получить информацию об этом из первых рук), что когда весной 1918 года утомленный войной Томми (чьи ряды также лишились лучших [своих представителей]) проявил признаки ослабления боевого духа, то такое состояние было во многом связано с этим моментом. Жаль, ведь Томми, если у него есть правильный офицер — даже если этот офицер погибнет в первую минуту атаки — практически непобедим.

Подобное настаивание на важности офицера не следует понимать так, что в Британской Армии считалось, что сражения выигрываются приказами, массами людей, обученных строгому повиновению и отправляемых вперед как машина, чтобы победить с помощью огромной массы. Напротив, для британцев было аксиомой, что величие армии заключается в ее людях, но не в их индивидуальных подвигах, а в тщательно организованных действиях. Такое, конечно, не обеспечивается постоянным руководством со стороны офицера, каким бы эффективным и вездесущим он ни был; это не вопрос строгого повиновения приказам. В значительной степени это зависит от различных качеств, охватываемых таким удобным понятием, как *esprit de corps*. Именно благодаря этому обеспечивается реальное единство действий. Это, конечно, истина, но очевидная вещь часто упускается из виду, а если и замечается, то, скорее всего, остается неоцененной и неадекватно понятой, — поскольку сама очевидность заставляет думать, что добиться такого эффекта проще простого.

Когда бы я ни проезжал мимо Ванкуверских казарм,<sup>183</sup> мне всегда кажется совершенно очевидным, что мы это упустили. В настоящее время там расквартирован Седьмой пехотный полк. В этом полку служил отец моего отца — погибший вместе с ним в Мексике. У этой части славный послужной список, возможно, сейчас это прекрасный полк, и он вполне способен этот послужной список продолжить; но этот послужной список не принадлежит, в частности, его нынешним солдатам. Полк больше не является старым Седьмым пехотным, сотканным из гордости и прекрасного духа конкретной местности, передаваемого из поколения в поколение, с готовой атмосферой для новобранцев, с минимумом расового антагонизма и социальных предрассудков. Генерал Першинг возражал — и [совершенно] справедливо! — против того, чтобы различные *части* армии Соединенных Штатов просто использовались в качестве источника пополнения для более старых и лучше обученных — но странных — организаций французской и британской служб; однако именно так поступали дома с нашими *людьми*. Не имело значения, прибывали ли они из Флориды или Орегона, их разделяли и прикрепляли к людям из Мэна и Канзаса. Возможно, это действие основывалось на предположении о *национальном* единстве. Такое единство прекрасно с гражданской или политической точек зрения, а также в качестве определения отношения гражданского населения к армии, но в качестве основы для создания хорошей военной организации оно хуже, чем просто бесполезно. Хорошая армия состоит не из людей, а из скорлупы армейских корпусов, состоящих из дивизий, каждая из которых гордится своими отличиями, — отличиями, которые покоятся на превосходстве ее командования, а также различных бригад и служб, из которых она состоит. И бригады смотрят не на людей, а на командование, на полки и некоторые другие части его структуры, и это

---

<sup>183</sup> Здесь автор имеет ввиду не канадский Ванкувер, а первый на американском северо-западе гарнизон, созданный в 1848 году недалеко от реки Колумбия рядом с торговой факторией Форт-Ванкувер на тихоокеанском побережье США (сейчас это город Ванкувер, штат Вашингтон).

является предметом гордости только тогда, когда на должной высоте находятся роты. Именно здесь, и даже в более мелких подразделениях, речь идет о людях. Люди гордятся не армией [в целом], а высокой выучкой и парадным видом своего отделения и роты. Если это привлекает внимание “Старика” и побуждает другие роты соответствовать этому, то у вас есть все шансы иметь хороший полк, а значит, и хорошую бригаду.

Конечно, это до боли очевидно; это просто основы организации; это неизбежно. И это [становится] в тысячу раз важнее, когда мы переходим от чисто механических действий к усилиям по достижению различных абстрактных и неопределенных качеств, которые и составляют то, что является *esprit de corps*. Однако здесь мы игнорируем это, исключаем существенное и устанавливаем произвольную схему для того, что, конечно же, не может быть навязано произвольно. И это не просто вопрос нашего отказа позволить военной организации легко и просто сформироваться из гражданской жизни, игнорирования естественного национального чувства и вмешательства социальных странностей и антагонизма. Делая так, мы также разрушаем преемственность полка. Солдаты умирают или становятся сверхсрочнослужащими, но традиции и история живут и развиваются с годами, накапливаясь и укрепляясь. Пусть Второй огайский [полк] навсегда останется Вторым огайским, всегда набираемым из тех же мест. Солдата мало волнуют личные качества солдата из другого подразделения, но его собственное превосходство в значительной степени зависит от того, кто [находится] рядом с ним. Если из этих двух человек один — деревенщина из Кентукки, а другой — еврей с Ист-Сайда, не стоит ожидать, что они будут хорошо ладить друг с другом. В мирное время можно рассчитывать на то, что они притрутся, оценят личные качества друг друга и преодолеют произвольные и глупые предрассудки. Но учреждения мирного времени должны обеспечивать основу для полноценных сил военного времени, и именно здесь проявляется ценность традиций. Если полк всегда набирается из одних и тех же мест, то новобранец, наспех обученный в чрезвычайной ситуации, плавно и гармонично вписывается в организацию, с которой он уже знаком; со стороны старослужащих его охотно принимают, а он сам стремится этот прием оправдать.

Ценность этого прекрасно показана на примере организации Британской Армии, и я собираюсь посвятить этому пару абзацев, — не потому, что считаю, что британский солдат превосходит нашего, а потому что убежден, что солдат Соединенных Штатов потенциально является самым лучшим солдатом в мире. Ему просто не дали шанса реализовать свои возможности. Но сначала, чтобы проиллюстрировать это утверждение, хочу вкратце привести тройное сравнение. В Германской армии упор делался на приказы, выполняемые массовыми формированиями. [Потом] они отказались от этого, или попытались отказаться, скорее всего, в значительной степени из-за трудностей траншейной войны. Но такова была теория; немецкий солдат был лишь единицей в общей массе, и когда масса распадалась, он был склонен сдаться. Он зависел не от себя и своих товарищей, как таковых, а от массы; даже если дивизии сохраняли свой территориальный принцип комплектования, германской *единицей морали* был Фатерланд, произвольная и претенциозная воля кайзера и его приспешников. После того, как масса оказывалась разбита, эффективного единства действий практически не было. В результате немецкие пленные большими партиями шли с поднятыми руками. Американцам же такое никогда не грозило. Но в чем же [состоит] опасность, к которой ведет это поспешное объединение людей, сильно отличающихся по темпераменту и характеру, враждебных по расовым и личным качествам, не имеющих за спиной общих тради-

ций и достижений? Какова была самая большая опасность, которой может подвергнуться такое плохо собранное подразделение, в котором половина людей не доверяет надежным качествам другой половины, когда атака будет остановлена, а вражеские пулеметы найдут свои цели для убийственного огня? Окей, вот что предлагалось: несколько человек, которые знакомы друг с другом, собираются вместе в таком количестве, чтобы установить связь — два, три или полдюжины — и начинают что-то делать: “Ладно, ребята, пошли; к черту эту банду; мы не можем оставаться здесь и быть уничтоженными кучкой проклятых жидов”. Они могут покрыть себя славой, но рота, несмотря на их героизм, может потерпеть катастрофическое поражение. В любом случае, разрушается необходимое единство усилий. За время своей недолгой службы я не раз задумывался над этим вопросом, часто представляя себе, что можно сделать с полком настоящих солдат, каждый из которых демонстрирует те индивидуальные качества, которые считаются типично американскими, и все они слаженно работают вместе, когда каждый зависит не только от себя, но и от дополнительной силы, которая проистекает от уверенности, что он может рассчитывать на каждого человека в роте. Такого эффекта мы *не добьемся* [до тех пор], пока будем стараться разрушить это твердое чувство взаимной надежности с самого начала.

Именно здесь кроется сила Британской Армии. Полки набираются по месту жительства, используя все общие ассоциации гражданской жизни. В военное время полк может выставить несколько батальонов, все они принадлежат полку. Их достижения становятся частью истории не только армии, но и конкретного населенного пункта. Новобранца не берут в наспех созданную организацию; его принимают в учреждение вместе со многими другими, чьи качества ему хорошо известны. Да, [сейчас] они сырые, и пока сержант превращает их в солдат, множество других вещей — не забываем о будоражающей потребности внутри себя — превращают их в единое целое. Их первая ночь в казарме не менее ценна, чем первый день на плацу, потому что именно там они начинают понимать, что значит “принадлежать к полку”. На полковых знаменах — названия ста сражений, история трех веков. Вместе с ним, возможно, погибал его прапрадед. Единство действий не может быть обеспечено просто командованием в поле, а *esprit de corps* не может быть навязан произвольно. Это вопрос развития.

В своих попытках использовать местный дух и гордость британцы идут гораздо дальше. Шотландец носит свой родной костюм. Это отступление [от правил], для которого у нас нет оснований, но его можно рассматривать как иллюстрацию силы, которую можно извлечь из социальных предрассудков и национальной гордости. Такое разрешение не является простым негативным моментом, уступкой местным чувствам. Шотландцев, вероятно, можно было бы заставить принять брюки цвета хаки, и тогда хайлендеры Гордона оказались бы в чем-то похожи на Девонширский полк. Но эта видимость единообразия во многом разрушила бы жизненно важное единство. Килт — это не прихоть, это не просто то, что добавляет красок и вызывает определенное любопытство на параде британских войск.

Кстати, килт вызывал немалое любопытство. Многие старые добрые француженки, у которых во рту не оставалось и шести здоровых зубов, стали часто появляться, как только Джоки<sup>184</sup> проходили через деревню. Женское любопытство могло принимать разные формы, но обычно оно выражалось — судя по лукавой улыбке — в не совсем

---

<sup>184</sup> Жаргонное прозвище шотландских солдат.



невинном удивлении [относительно того], что под ним скрывалось. Иногда она пыталась с помощью своей палки приподнять юбку, чтобы выяснить это. У истинных шотландцев, конечно, там ничего такого не было — то есть, ничего, кроме клетчатых штанов, потому что, хотя они и выдавались, их не всегда носили. Позже, я полагаю, во время войны было сочтено необходимым приказать носить их в Лондоне; иначе доблестного шотландца, приехавшего в отпуск, любезно просили занять внутреннее место в лондонском автобусе. Если вы не знаете об этом, то на верхнюю площадку этих транспортных средств ведет крутая винтовая лестница с задней платформы. Пассажиры на платформе и толпа на обочине без труда удовлетворяли любопытство относительно наличия или отсутствия клетчатых штанов под любым килтом, поднимающимся по этой лестнице. Мне рассказывали, что штаны были неприятностью, к тому же ненужной и оскорбляющей шотландское мужество и гордость. В качестве иллюстрации своей стойкости — а, возможно, и гордости — друг рассказал мне об одном ночном переходе через Ирландское море во время северо-восточной вьюги, когда на палубе одного из этих узких маленьких суденышек шел снег. Солдат-хайлендер провел весь переход на палубе. Мой друг тоже, но он был в добротном двубортном пальто, застегнутом на все пуговицы, которое он купил во время отпуска. Старое его пальто было под рукой, и через некоторое время он предложил его шотландцу, который, отказавшись, заверил его, что у него есть одно в рюкзаке, на случай, если оно понадобится, когда позже он отправится в Инвернесс.<sup>185</sup>

Но вернемся к важности килта: шотландец не только пришел в армию как личность и получил возможность служить с теми, кого он знал, но вместе с ним пришли килт, спорран, гленгарри<sup>186</sup> и все остальные атрибуты традиций, истории и национальной гордости Шотландии на протяжении тысячи лет. Насильственно лишенные этих вещей, погруженные в чужие полки, они потеряли бы немалую часть того боевого духа, который и создал репутацию этих “Адских легионов”. У нас нет ничего, сравнимого с килтом; но у нас есть национальное чувство и национальная гордость, не столь резко выраженные, как между Шотландией и Англией, но они все же есть, и в любом отношении их нельзя игнорировать, чтобы дать американскому солдату шанс полностью реализовать свои превосходные качества как боевого человека.

У нас есть оркестры — и какой же адский беспорядок мы из них делаем. Опять же, если взять крайний пример, шотландский полк был бы унижен, если бы от него потребовали маршировать под музыку, производимую людьми, собранными из кокни.<sup>187</sup> У него должны быть не только волынки, но и волынки, на которых играют шотландцы, а не новобранцы из лондонского водевиля. Почему? Потому что это необходимо для [внушения] гордости за свой полк и за себя лично. Все наши полки могут иметь духовые оркестры (хотя я лично равнодушен к трубам для военной музыки), но музыка и музыканты должны принадлежать полку. Оркестр может быть прекрасен сам по себе,

---

<sup>185</sup> Город на северо-восточном побережье Шотландии, расположенный в месте впадения реки Несс в залив Мори-Ферт. Самый крупный населенный пункт и культурная столица Шотландского высокогорья.

<sup>186</sup> Спорран — кожаная поясная сумка-кошель, неотъемлемая часть национальной одежды шотландцев. Гленгарри — национальный шотландский головной убор, сплюснутая с боков шерстяная шапочка наподобие пилотки, с лентами сзади.

<sup>187</sup> Коренной житель Лондона, особенно Ист-Энда.

но он не сможет дополнить совершенство организации, если не будет во всех отношениях единым целым с ней. У отряда избитых погодой теннессийцев навсегда останется заноза в боку, если они будут вечно сталкиваться с оркестром, состоящим из вопсов,<sup>188</sup> хотя и могут с готовностью признать превосходство этого оркестра в другом полку, к которому тот принадлежит. Спорить об этом кажется абсурдным; но условие существует, и мне кажется не менее абсурдным указывать на важность его исправления. Безупречная дисциплина — прекрасный боевой дух в роте — не только налагает обязанность и устанавливает идеал для солдата; она предполагает, что будет сделано все для реализации этого идеала. Если этого не делается, то это провал со стороны командования, и нарушение веры в негласный уговор с рядовым солдатом.

Именно в таких вещах Британская Армия завоевала мое восхищение. То, что люди были на первом месте, было не только газетным *cliché*<sup>189</sup> и сладкой фразой для домашнего потребления; это был факт. Британский солдат ворчал и брюзжал, говорил всевозможные вещи о всевозможном высоком начальстве; но в основе своей он испытывал большую привязанность к организации, которая проявляла разумное отношение к его особым качествам и чувствам.

Эта организация также не была настолько замкнутой и безнадежно преданной прецедентам и обычаям, как это принято считать. Королевские уставы и наставления (K.R.&O.) были Библией для всех британских солдат, и тем не менее, многие колонисты принимали их как некую точку отсчета, а не как строгое предписание — и им это сходило с рук. Вероятно, мы огорчали многих завязтых английских офицеров, но в целом система оказалась не такой уж неустойчивой. Она делала из сикхов и гуркхов британцев, но все равно оставляла их сикхами и гуркхами. И по большей части она позволяла канадцам без особых препятствий оставаться канадцами.

Необходимо сказать еще несколько слов о канадцах, поскольку так случилось, что за годы, прошедшие после войны, мне часто делали комплименты, обычно произнося при знакомстве: “Мак произвел впечатление на ‘Пэтс’” — и многое другое в том же духе.

Теперь, чтобы положить конец многим из этих “сказок”, мне хотелось бы зафиксировать тот факт, что я никогда, ни в какое время, не принадлежал к этой организации, как бы мне этого ни хотелось.

Канадская легкая пехота принцессы Патрисии была первой канадской организованной силой, которая активно участвовала в конфликте на Западном фронте. Членство в этой организации, даже после того, как она поредела в результате последовательных сражений, было знаком почета, который мы, представители других канадских контингентов, оценили в полной мере. Когда я покинул фронт, они были включены в состав Третьей дивизии под командованием генерала Шоу. Другой частью этой дивизии был кавалерийский полк короля Эдуарда. Остальные части были набраны в основном из Индии — своего рода беспородные, если так можно выразиться; но они точно были боевыми парнями.

За время войны у “Пэтс” сменилось ВОСЕМЬ командиров.

Следующий отдельный абзац вставлен для сведения непосвященных и в назида-

---

<sup>188</sup> “Вопс” (англ. сл. *Wops*) — выходец из Европы, кроме Англии, Франции и Германии, чаще всего из южных европейских стран (Италии, Греции).

<sup>189</sup> Клише, штамп (фр.)

ние “солдатам”.

Вы, читатель, возможно, не понимаете, почему я трачу столько времени на рассказ о подразделении, с которым я никогда не был связан. Что ж, я вам расскажу. Солдаты есть солдаты, и всем тем, кто чего-то сто́ит — что мы скажем? Преисподняя? — Так или иначе, они были нашим живым примером на протяжении всей оставшейся войны.

О, конечно, я знаю, что некоторые другие подразделения, возможно, потеряли больше людей и все такое. И, кроме того, вы можете вернуться назад и заметить, что эти самые “Пэтсы” получили чертовски хорошую взбучку, когда в первый раз попытались взять Сент-Элуа. А во второй день июня 1916 года им пришлось еще хуже. Но это же они вернулись в октябре того же года и взяли траншею “Регина”, не так ли?

Канадского солдата никогда *не колошматили*. Что бы мы ни говорили о наших прекрасных американских войсках, я, американец по рождению, с более чем двадцатилетней службой под звездно-полосатыми знаменами, готов подтвердить, что люди из-за нашей северной границы так же хороши в этой боевой игре, как и мы сами.

С первого дня, с того самого первого раза, когда канадские войска вышли на линию фронта у Сент-Элуа, и до конца войны, когда они заняли свою линию фронта к востоку от Монса, они никогда не терпели поражение. Единственный раз, когда им пришлось уступить немного земли, случился во время второй июньской операции в 1916 году. Это был удар, конечно, но я заявлю всему миру, что мы вернули все назад, не так ли? Да, парень, мы вернули все назад и даже больше — прежде, чем “фриц” успел даже подумать об этом, мы вернули все наши собственные траншеи на всем пути от Хоге до высоты 60. Именно тогда я написал своему отцу, старому офицеру времен Гражданской войны: “Помнишь, что сказал Кит Карсон в Шантильи? ‘Прекрасные бои по всей линии фронта: иди куда хочешь’”. Так и было: боев было много для всех нас.

Случайный американский читатель “военных историй” очень склонен думать, что “Пэтсы” были единственными солдатами, которых Канада отправила на войну. Что ж, я расскажу вам кое-что и об этом. Это примерно то же самое, что и история о том, как американские морские пехотинцы выиграли войну при Белло Вуд.<sup>190</sup> “Пэтсы” были великолепным боевым полком. Таковыми же являются и наши морские пехотинцы. Ни один человек на земле не уважает их качества больше, чем я, но в то же время, вы должны помнить, что они не сражались всю войну в одиночку. Вторая американская дивизия состояла из двух пехотных полков и двух полков морской пехоты. Какой-то предприимчивый военный корреспондент, рассказывая о боевых действиях в те критические дни, забыл упомянуть тот факт, что эти два полка морской пехоты были лишь частью Второй дивизии, а остальные, насколько я помню, были Девятым и Двадцать третьим пехотными полками.

По моему мнению — и я размышлял об этом на протяжении шестнадцати лет — люди, которые действительно *выиграли войну* (если она вообще была кем-то выиграна), были солдатами Первой канадской дивизии. Я не был членом этой дивизии, хотя изо всех сил старался им стать.

---

<sup>190</sup> Битва при Белло Вуд (*Belleau Wood*) — сражение, произошедшее в 1918 году между 2-й и 3-й дивизиями США, в компании с французскими и британскими войсками, против немецких дивизий. Первое крупное сражение американской армии в Первой мировой войне, и ключевое событие в истории Корпуса морской пехоты США.

Их исключительное мужество, с которым они выдержали первое испытание отравляющим газом, по моей оценке, является выдающимся событием войны.

Но мне не хотелось бы увлекаться этим. Это было захватывающее время — война в ее лучших и худших проявлениях, самая возвышенная и самая жалкая и ужасная; но я хотел дать вам некоторое представление о составе Канадских Экспедиционных Сил после тех первых частей, возглавляемых [полком] “принцессы Пэтс”, которые были отправлены сразу же, чтобы внести свой вклад, пока остальная Канада готовилась. Первая дивизия действовала в течение первой военной зимы. Вторая последовала за ней весной, а затем еще две, и так до тех пор, пока не была завершена и заполнена вся организация. Во Франции находилось четыре дивизии, а пятая постоянно находилась в процессе пополнения в Англии и так же постоянно отправлялась небольшими отрядами для усиления тех, кто находился в поле.

В Канаде служба была добровольной до последнего года войны, и новые подразделения постоянно утверждались и набирались в различных центрах по всему Доминиону. Я не располагаю официальной информацией, но подозреваю, что было гораздо легче найти рекрутов для формируемых в различных населенных пунктах подразделений, чем пополнение для уже действующих батальонов. В любом случае, было сформировано множество [частей], которые так и не добрались дальше Англии, хотя они покинули Канаду как полноценные [боевые] части, возможно не всегда доукомплектованные, но с полным офицерским составом. Когда эти части разбивались, они не разбрасывались безразлично по всем формированиям на местах. По мере возможности их держали вместе, и люди из одного нового батальона по мере необходимости направлялись для восполнения потерь в одном или в двух конкретных батальонах во Франции. Таким образом, делалось все возможное, чтобы сохранить и использовать узы общности, дать человеку все шансы плавно и гордо вписаться в свою военную организацию.

В этом же направлении было сделано еще одно отступление: мужчинам разрешили носить форму, к которой они были привязаны социальными традициями и национальными чувствами. Интересно, сколько американцев знают, что шотландец в Канаде может носить килт? Он не только мог носить килт, но ему было предоставлено несколько вариантов на выбор, так что, хотя он мог и не найти тартан своего клана, он мог, тем не менее, носить тот, к которому он был привязан сентиментальными или иными чувствами. Королевские горцы Монреаля отправили Тринадцатый батальон, одетый в килт, который носила шотландская “Черная стража” (Сорок второй полк). В той же Третьей бригаде (Первой дивизии) было еще два шотландских батальона, Пятнадцатый и Шестнадцатый. Пятнадцатый был из Торонто, отправленный Сорок восьмым полком хайлендеров, которые носили тартан Дэвидсонов, союзников Гордонов. Шестнадцатый прибыл из какого-то района на западе, я полагаю, и носил килт Сифортов. Такой же килт носило, по крайней мере, еще одно шотландское подразделение, также с запада. Из более поздних батальонов, которые так и не попали во Францию в качестве [боевых] подразделений, я помню еще два шотландских. Возможно, были и другие, но поскольку эта [книга] ни в коем случае не претендует на роль истории или полного отчета о канадской службе, я не стал утруждать себя поисками информации.

Но я информирован о мудрости, позволявшей военной организации как можно более естественно сформироваться из гражданской жизни. Идея о том, что она должна быть настолько самочинной и жестокой, насколько ее можно сделать, — и что ей можно навязать чувство жесткого единства, — созвучна представлениям мелочных умов

об авторитете. Мы все видели этих маленьких ребят, которые, не имея внутри себя спокойного осознания авторитета, стараются продемонстрировать его внешнее подобие, глупо полагая, что таким образом они не позволяют видеть себя такими, какие они есть на самом деле.

Что ж, вероятно, можно признать, что успехи канадцев имеют некоторое отношение к качеству их организации и подготовки. И одно из самых радикальных отступлений от этого драгоценного единообразия — это те шотландские батальоны, которые внесли свою лепту в завоевание и поддержание репутации “Адских леди”.

Однако мне пора возвращаться к ребятам — старым и молодым — моего собственного батальона. По возрасту они были от шестнадцати до пятидесяти двух лет. В обеих крайностях, вероятно, было много лжи, но это такая ложь, которую, полагая, не заметил бы даже сам Святой Петр. Мытьем ли, или катаньем, но эти мальчишки были полны решимости вступить в игру. Некоторые из них, которых я очень хорошо узнал впоследствии, показывали мне медали за Индейские кампании, закончившиеся задолго до рождения некоторых из этих молодых людей. Точно так же многие из настоящего молодых [людей] признавались мне, что им приходилось прибегать к разного рода ухищрениям, чтобы их приняли [на службу].

Очень большой процент как офицеров, так и рядовых служили в организованном ополчении, многие побывали в Южной Африке, Судане и на других кампаниях. Наш полковник начал свою действительную военную службу в 1885 году, с восстания Ризля; не уверен, но думаю, что майор Беннетт (его заместитель) может претендовать на такую же честь. Многие другие офицеры и сержанты носили ленточки, подтверждающие долгую и заслуженную службу, но то тут, то там в каждой роте можно было встретить очень, очень молодых.

Впервые я обратил особое внимание на этих ребят, когда во время обучения в Англии мы проходили курс сигнальщиков. Инструктор класса, к которому я был прикреплен — капрал — когда-то был руководителем скаутов, и он отобрал несколько бывших бойскаутов как вероятных кандидатов в сигнальщики. На первом же занятии мне и нескольким другим, которые ничего не знали о сигнальном деле, стало ясно, что нам придется поднапрячься. Те ребята уже знали алфавит Морзе, и большинство из них знали флажные сигналы, как одинарные, так и двойные, в то время как нам пришлось изучать все это дело с нуля. Однако благодаря упорству и выносливости нам удалось наверстать упущенное. Могу говорить только за себя, но готов признаться, что за эти несколько недель я занимался больше, чем когда-либо в своей жизни.

С тех пор я стал неравнодушен к молодежи. Конечно, у меня дома было несколько подрастающих племянников, которые были бойскаутами, и я, бывало, проявлял достаточный интерес к их работе, чтобы поддержать их всякий раз, когда возникали какие-то вопросы, связанные с походами, охотой, рыбалкой и тому подобными вещами, но никогда не относился к ним очень серьезно. Теперь, однако, я понял, что полученная ими подготовка была именно тем, что нужно для создания настоящих солдат. Ум, честность намерений, преданность долгу — все это у них было, и в последующие годы многие из нас, старших, имели основания радоваться тому, что нас поддерживали те самые мальчишки. Мальчишки? Да, они были таковыми по годам, но ни один человек, какого бы возраста он ни был, никогда не превосходил их в том патриотическом отношении, с которым они выполняли свой долг в хорошую и плохую погоду. Мужество? Они были образцом этого. С чистыми помыслами, стойкие, честные люди, они никогда не

уклонялись и не уходили от опасного предприятия, а рисковали вместе с лучшими [из нас].

Из этих мальчишек полностью состоял расчет первого пулемета, которым я командовал: Бушар, Вендт, Томс, МакФарлин и Шангроу. Суммарный возраст двух самых старших из них был по крайней мере на два года меньше моего возраста в то время. Я верю (и искренне надеюсь), что МакФарлин и Шангроу еще живы. Они оба были ранены и отправлены домой, и я не нахожу их в списке убитых. Остальные мирно спят в своих могилах, рядом с тем местом, где они принесли великую жертву — “За Короля и Отечество”.

Летом 1916 года, когда я вернулся в Англию и был прикомандирован в качестве инструктора к нашему резервному батальону в Сэндлинге, мне довелось водить многочисленные отряды на полигоны в Хайт для обучения стрелковому делу, и там я столкнулся с *настоящими* бойскаутами Англии. Они заняли место старых береговых охранников и несли регулярную и *активную* службу, патрулируя берега Ла-Манша. Я бы оценил их возраст между тринадцатую и семнадцатую годами, но каждый из них выполнял мужскую работу. Не одну немецкую подводную лодку удалось поймать благодаря их бдительности, и не сомневаюсь, что они также были ответственны за срыв многих попыток воздушных налетов.

Я часто думал, что, должно быть, во время своей эпохальной обороны Мафекинга<sup>191</sup> генерал сэр Баден-Пауэлл заметил, что молодые люди более восприимчивы к обучению, чем старшие мужчины из имевшихся у него сил, и что именно там он задумал свою идею организовать скаутское движение. Конечно, могу ошибаться, но мне кажется, что дело обстоит именно так. Молодые люди действительно учатся легче и быстрее, чем старшие (насколько я знаю).

Да, мне очень приятно вспоминать тех молодых людей — за прошедшие полтора десятилетия. Потом я понимаю, что не все из них сейчас живы, что в течение года, возможно, после того, как я видел их в последний раз, самые старшие из них ушли, чтобы присоединиться к полкам — и к мертвым. И тем не менее, воспоминания о них не удручают. Смерть солдата нас угнетает только тогда, когда он погиб без необходимости, когда его принесли в жертву неэффективности, отправили в бой плохо экипированным, неадекватно обученным или с шаткой поддержкой. Я не верю, что эти парни были принесены в жертву таким образом — и это несмотря на мое ощущение, что к последнему времени многим из их офицеров не хватало знаний и опыта, чтобы развить то вдохновляющее лидерство, хладнокровие и непревзойденное мужество и уверенность, которые были характерны для большого числа британских офицеров в начале [войны]. Но у батальона было нечто, что держало их вместе и толкало их вперед. Это нечто принадлежало батальону — и Британской Армии. Оно не могло быть уничтожено войной, которая уничтожала лучших людей и лучших офицеров.

Именно на это я пытался обратить внимание в этой главе о Британской Армии. И именно это я хотел бы донести — в дополнение к ценности стрелковой подготовки — по мере того, как пытаюсь разобраться с опытом и впечатлениями от своей “военной карьеры”. В этой карьере есть несколько лет, которые не нужно учитывать, за исключением того, что те годы познакомили меня с винтовкой и дали мне зачатки военной

---

<sup>191</sup> Одно из самых знаменитых событий Второй Англо-бурской войны 1899-1902 гг. Британцы удерживали город на протяжении 217 дней, что явилось крупным поражением буров.

подготовки. С этим снаряжением я отправился в Канаду, где кое-чему обучился, и многому научился сам. Небольшой период действительной службы позволил мне проверить все это — посмотреть, что важно, а что не важно. Затем я снова вернулся в эту страну — с не очень высоким мнением о себе как об инструкторе, но с очень определенным знанием того, что имеет значение на современном поле боя. У меня были радужные представления о великолепной армии, созданной для того, чтобы сражаться и выстоять, плечом к плечу, где каждый человек гордился каждым стоящим рядом с ним.

Контраст между ранними днями подготовки Канады и ранними днями нашей подготовки оказался болезненным для меня — как для американца, как для солдата и как для человека с толикой здравого смысла — и для моей зарождающейся гордости за эту грядущую американскую армию. Вернулся я с большим восхищением британцами; но не последнюю роль в моем чувстве играло предвкушение еще большего восхищения Соединенными Штатами. Я был уверен в этом. Я видел, что Британия может сделать с [человеческим] материалом, который не так хорош, как наш. Имея два года для наблюдений и тот огромный ресурс динамичной энергии, уверенности в себе и авантюрного духа, на который можно опираться, Соединенные Штаты, полагал я, вполне могут поразить мир образцовой и великолепной армией.

Вскоре я убедился, что те, кто руководил всем этим, каким-то образом потеряли всякую связь с реальностью. Самые лучшие зачатки настоящей армии были намеренно уничтожены. Это было похоже на сумасшедший дом. Главным казалось множество теорий, которые не обладали даже тем достоинством, которое должно быть присуще всякой теории: развитие на основе логического мышления. Они развились из множества перепалок, мелочной ревности, вражды — не знаю, из каких еще причудливых идей — и в результате в значительной степени разрушили саму основу, на которой строится хорошая армия.

Полагаю, что мне не удалось так уж сильно потрепать апостолов и сторонников этих теорий; но сожалею, что у меня не хватило сил потрепать их достаточно сильно. Мне бы хотелось вытравить их. В армии нет места групповщине и мелочной ревности, особенно когда армию спешно увеличивают для решения чрезвычайных задач. Должна была быть какая-то цель, которая в своем тонко закрученном, окольном намерении являлась хорошей, но мне неизвестно, что это было. Если она заключалась в устранении групповщины и раздробленности (той, которая, как можно предположить, может развиться между Корпусом морской пехоты, регулярной армией, Национальной гвардией и т.д.), то она не выдерживает всякой критики. Такой вид раздробленности как раз и проистекает из того материала, из которого делаются армии — если [ее] генералы соответствуют своей должности. Хороший офицер не принимает единообразие за единство, точно так же, как он не зависит от полномочий, закрепленных в приказе, в своем праве командовать. Единство принадлежит полку, а не форме; а право командовать — это качество офицера. Если он генерал, то он приветствует индивидуальность в различных частях своего соединения. Выражается ли эта индивидуальность в различиях в форме, для него значения не имеет, лишь бы она была. Именно из таких вещей и состоит боевой дух. И только от него и его подчиненных зависит, как ее использовать. Вот почему я хотел, чтобы это вдальбливалось сильнее. А если они не могут ее использовать, то давайте уберем их с дороги, и не будем жертвовать зачатками прекрасной армии (а позже буквально приносить в жертву получившуюся в итоге толпу) ради не-

скольких мелкотравчатых взглядов и представлений, и примитивной ревности. Я могу мириться с такими вещами в политике, но на войне от них зависят жизни.

Это один большой урок, который я усвоил у англичан. В Англии было полно всякого рода обструкционистов, забастовщиков и долговязых представителей оппозиции. Поставки боеприпасов надолго задерживались, отчасти по их вине. Но никто не считал нужным — а психи с повернутыми мозгами не получили свободу действий — реорганизовать армию, превратить шотландскую гвардию в батальон саперов, посадить королевских морских пехотинцев за руль грузовиков, а остальных собрать в соответствии с непрактичными или неискренними представлениями о причудливом и глупом национальном единстве.

И снова повторю: *моральный дух* и боевая эффективность зависят от малого. *Esprit de corps* начинается с гордости отдельного солдата за себя и за то, что он является одним из членов небольшого подразделения, от которых, как он знает, он зависит, и каждый из которых бросает вызов и поддерживает все лучшее, что в нем есть. Если вы предоставите офицеров для командования полками и бригадами, созданных из такого рода вещей, вы окажетесь на верном пути к тому, чтобы иметь армию, которая будет являться Армией Соединенных Штатов.

И вы, конечно же, не сможете добиться этого, просто смешивая сырых новобранцев, представляющих все слои самого разнообразного люда — разве что при наличии неограниченного времени и самого лучшего руководства. [Но даже] с ними все можно сделать неправильно. Но если бы у нас было достаточно мозгов и руководства в нужных местах, не было бы никакой необходимости делать все не так, как надо.

Что ж, война закончилась. Я бы хотел милостиво воздержаться от рассуждений о том, что произошло бы, если бы у Соединенных Штатов не оказалось целого года после объявления войны на то, чтобы начать действовать. В другой раз может случиться так, что нам придется воевать мгновенно, без иностранной державы, которая могла бы прикрыть наши растерянные приготовления. Если это случится, то надеюсь, кабинетные Наполеоны и маленькие ревнители единообразия овладеют своей техникой создания армий [в стиле] “раз! — и готово”, и что каждый из всякого поспешного набора жителей восточного побережья и ковбоев, бостонских ирландцев и вспыльчивых южан, вепсов, поляков и прочих деревенщин, будет гордиться своими товарищами по палатке, радоваться, что они сидят справа и слева от него, и что они будут держаться вместе и идти вперед так же хорошо, как [это делают] “лайми”.<sup>192</sup>

---

<sup>192</sup> “Лайми” (англ. сл. *Limey*) — жаргонное прозвище английского солдата или матроса.



## Глава 16

### Заметки о снайпинге

В этой главе я поделюсь некоторыми из своих личных впечатлений, а также опытом относительно ведения снайперской стрельбы в траншеях или со стационарной позиции в обороне; за этим последует глава, посвященная индивидуальному стрелку, который использует свою винтовку, передвигаясь на современном поле боя. Между этими двумя ситуациями существует огромная разница, как и в вооружении, снаряжении, способах работы, так и в том, что можно было бы назвать личными качествами, которые необходимо использовать.

Я не претендую на то, чтобы это был учебник, но, возможно, в этой главе будет нелишним дать моим читателям пару идей о том, как мы работали с тем, что оказалось самыми первыми усилиями, предпринятыми Британской Армией в том, что можно назвать организованной снайперской стрельбой. Так или иначе, я возьму на себя роль “ветеранского опыта” и расскажу вам некоторые подробности. В различных других главах этой истории мне доводилось много говорить о нашем опыте, и боюсь, что меня обвинят в том, что я очень многое повторяю просто для того, чтобы заполнить место. Тем не менее, я постараюсь, насколько это возможно, свести эти повторы к минимуму.

Существует распространенное, но ошибочное мнение, что единственная необходимая квалификация для снайпера — это умение точно стрелять. На самом деле это только половина, а может быть, и меньше половины [от его навыков]. Я знал и знаю многих опытных стрелков, от которых на войне будет мало проку или вообще не будет никакой пользы — по крайней мере, без дополнительной подготовки и опыта.

Прежде, чем снайпер сможет “снайпить”, он должен быть в состоянии занять позицию в пределах досягаемости врага, и поскольку эта игра работает в обе стороны, он должен быть в состоянии проделать это, не позволяя указанному противнику обнаружить его и не попасть под возможный выстрел первым, потому что, если такое произойдет, то вполне вероятно, что с *нашим* снайпером будет покончено прежде, чем он приступит к работе, — другими словами, это будет провал. Поскольку у нас больше нет открытого сезона [охоты] на индейцев, лучший способ приобрести умение продвигаться по разнообразной местности, не будучи обнаруженным, — это выслеживать дичь. Под выслеживанием я подразумеваю подойти вплотную к животному прежде, чем выстрелить, а не просто заползти на какую-то позицию на большом расстоянии, откуда можно сделать выстрел на открытой местности. Ползите, перекатывайтесь или продвигайтесь вперед, пока не окажетесь на относительно близком расстоянии от цели, и узнаете, какой индейской хитрости и терпения требует искусство правильного выслеживания. Практика может быть получена на чем угодно, от лося до гуся, оба из которых время от времени требуют значительного выслеживания.

Полагаю, что в наши дни самым доступным животным, на котором можно практиковаться, будет обыкновенный сурок или суслик. Из личного опыта могу засвидетельствовать, что отличную практику выслеживания может получить любой, кто действительно будет *выслеживать* сурка, а не просто использовать его в качестве мишени для дальнобойной винтовки. В последние годы я разговаривал со многими охотниками на сурков, которые рассказывали мне, какие они превосходные “охотники”, каких великолепных выстрелов и попаданий они достигали, в основном на дальних дистанциях, доходящих до трехсот ярдов. Я так и не удосужился объяснить им, что они получа-

ли *стрелковую* практику, а вовсе не охотничью. Те из вас, кто хочет научиться искусству выслеживания в таких условиях, должны воздержаться от огня, пока не пройдут вперед на расстояние тридцати или сорока ярдов; это можно легко сделать в любой холмистой или пересеченной местности, или там, где есть трава или другое [растительное] покрытие любой высоты. Слишком легкий выстрел, скажете вы? В таком случае используйте легкую винтовку .22-го калибра и выносите [точку прицеливания], или же стреляйте по движущейся мишени, когда сурок будет в нескольких ярдах от своего логова. Идея, которую я пытаюсь изложить, заключается в том, что вы должны попрактиковаться в стрельбе из винтовки по бумажной мишени и в выслеживании сурка или другой доступной живой дичи.

Когда британцы, наконец, дошли до организации чего-то вроде настоящего Снайперского корпуса (в 1916 году), они хорошо применяли егерей, проводников и людей из шотландских лесов. Они называли их “Скаутами Ловата”, возможно потому, что лорд Ловат мог сыграть важную роль в организации или снаряжении этих сил — не могу знать наверняка. Но я точно знаю, что майор Х. Хескет-Причард оказался тем человеком, который действительно продвигал и развивал эту тему. Далее мне доведется кое-что сказать о его организации и методах [работы].

Еще одним странным взглядом на эту снайперскую игру у многих опытных стрелков является вера в то, что их превосходные способности стрельбы из винтовки дадут им такие особые привилегии, как освобождение от неприятных обязанностей или тяжелой работы, а также [что они получают] дополнительную безопасность благодаря заботе или защите, предоставляемых вышестоящими начальниками, или же, говоря окопным языком, им поручат “бомбонепробиваемое” дело. Что касается первого из этих предположений, то могу только сказать, что как в канадской, так и на американской службе требуется очень высокое “звание”, чтобы заставить людей работать кирками и лопатами для кого-либо, кроме самих себя, и даже в этом случае они очень склонны уклоняться от подобного необходимого труда. Мой личный опыт на протяжении первых нескольких недель снайперской службы показал, что любая [снайперская] операция требовала с моей стороны огромного дополнительного тяжелого труда, и зачастую единственным способом выполнить эту специальную работу правильно, не говоря уже о том, чтобы сделать ее вообще, было сделать ее самому. Что касается снайперской работы, предлагающей снайперу дополнительную защиту — с чего бы это, черт возьми?! — то она требует гораздо бóльшей выдержки и риска, чем когда-либо выпадает на долю среднего солдата. Для снайпера это просто куча дополнительной работы и страданий, вот что. Так что, если вы ищете легкую работу в блиндажах, возьмитесь за что-то еще помимо снайперской стрельбы.

Когда в ноябре 1915 года мы начали свою первую серьезную снайперскую работу на Ипрском выступе, мы находились в непосредственной близости от немцев, и у них уже было множество опытных снайперов в боевой линии и на работе. Они опередили нас на старте, но лично я доволен, что в итоге мы обогнали их и превзошли. Насколько мне известно, в то время не было ни учебников по предмету, ни какой-либо другой литературы, которая могла бы нам пригодиться, поэтому нам пришлось выработать свою собственную систему и “методику”.

Именно в то время и в том месте впервые было решено организовать Корпус снайперов, и всем ротам и отрядам было предписано представить имена двух человек, которые должны были быть хорошо подготовлены для такой работы. Приказом преду-

сматривалось, что все должны быть “добровольцами”. Это сейчас, когда бы вы ни произнесли эту фразу, все сразу же наостряет уши и обратят [на нее] внимание. Естественно, она подразумевает, что такая обязанность чрезвычайно опасна, и можно было бы предположить, что средний солдат был бы только рад “позволить Джорджу сделать это”, но правда состоит в том, что все происходит как раз наоборот, — после нескольких месяцев монотонной рутинной войны почти каждому человеку не терпится внести какие-то изменения. Вопрос об “опасности” никогда не приходит ему в голову, он прекрасно знает, что все равно может умереть в любую минуту, что бы он ни делал, так что обдумывать такое никогда не приходится. Пример — мы набирали своих пулеметчиков из пехотных рот. В то время жизнь пулеметчика рассматривалась как очень рискованный страховый случай, на самом деле пулеметные команды обычно назывались “клубами самоубийц”, но тем не менее, в каждой роте всегда выстраивалась длинная очередь желающих попасть к нам.

Так получилось, что командиров рот, взводов и отделений завалили заявлениями от желающих стать снайперами. Должно быть, некоторым из них было трудно сделать свой выбор, поскольку в каждой роте было много настоящих “стрелков-экспертов”, однако, по моим наблюдениям, выбирали он со знанием дела, беря людей, которые, в дополнение к их известным способностям в стрельбе, имели значительный опыт охоты на крупную дичь. И тому поколению канадцев в этом отношении очень повезло.

На ум приходит, в частности, Джон Паудаш, индеец из племени чиппева. По рождению, наследству и склонностям он был охотником, никогда не желавшим иметь наблюдателя, предпочитая работать в одиночку, пробираясь окольными путями в тыл [врага], высматривая возможность сделать выстрел. У него редко (возможно, никогда) не было постоянных “гнезд”, но он постоянно передвигался. Каждый вечер он сдавал свой отчет, и я, например, ему верил, — чего не могу сказать ни о каком другом *одиночном* снайпере.

Его брат Джордж был в нашей пулеметной команде капралом, и его также выбрали — вместе со мной — представлять наше подразделение [в снайперской школе]. Мы вместе прибыли в нее и получили свои винтовки и снаряжение, но у бедного Джорджа никогда не было возможности воспользоваться ими. Видите ли, я был сержантом, а он капралом, так что у меня было преимущество перед ним, и он в основном оставался с пулеметами. Без сомнения, он справился бы [со снайпингом] так же хорошо или даже лучше меня, но я просто не мог отказаться от удовольствия, которое получал. Однако через несколько месяцев, когда снайперское дело было по-настоящему налажено, нам обоим пришлось сдать свои специальные винтовки и телескопические прицелы. Но с того времени у нас было много дел в нашей собственной боевой линии.

Ранее я упомянул о “Снайперской школе”. Что ж, так ей и суждено было быть, но в то время она находилась на первых этапах [своего] становления. Существовало импровизированное стрельбище ярдов в двести, и это было почти все, но нам этого оказалось достаточно. Все, что мы сделали, это провели выверку телескопических прицелов [вместе] с открытыми, и пристрелялись достаточно, чтобы понять, что у нас есть точные и надежные винтовки. Уйдя с линии фронта утром, мы пробыли там всего несколько часов, вернувшись вскоре после наступления темноты. Как я уже упоминал выше, мы вырабатывали свое собственное “лекарство” по ходу дела, и, в конце концов, оказалось, что оно работает очень хорошо.

Некоторое время назад я говорил о Джоне Паудаше, — снайпере-одиночке, — ко-

того я считал самым лучшим человеком из всех своих знакомых, работавшим самостоятельно. По моему мнению, одиночный снайпер далеко не уйдет, — за исключением коротких промежутков времени, например, на рассвете, или на закате, или [в случае] снайперской стрельбы на очень короткие дистанции, где укрытий может оказаться недостаточно. Для непрерывной снайперской стрельбы и наблюдения, продолжающихся на протяжении нескольких часов или дней, гораздо лучше, если снайперская команда будет разделена на группы по два человека.

Умственное и физическое напряжение, связанное с необходимостью постоянно находиться на чеку в течение длительных периодов времени, совершенно непосильно для любого человека, и это особенно верно, когда большую часть наблюдений приходится вести через мощную зрительную трубу. Ни одна пара глаз долго такого не выдержит. Имея двух людей, трубу можно брать по очереди, и один человек может расслабиться, в то время как другой держит врага под постоянным наблюдением. Кроме того, такое наблюдение часто приходится вести, пока стрелок прицеливается и выжидает, чтобы сделать выстрел. Очень часто стреляешь в голову, покачивающуюся вверх-вниз за траншеей или выглядывающую из какой-нибудь щели в мешках с песком, и, глядя в прицел, ты не можешь сказать, наблюдается цель четко или нет. В таких обстоятельствах вы “ловите в прицел”, отпускаете спусковой крючок и нажимаете его, когда ваш наблюдатель сообщает, что голова снова появляется в поле зрения.

Ситуация точно такая же, как у пары на соревнованиях в какой-нибудь стрелковой команде, стреляющей на 1000 ярдов при плохом ветре, или, что еще лучше, у человека, стреляющего свою серию с хорошим тренером со зрительной трубой. Вся работа и заботы ложатся на тренера, в то время как стрелок просто занимает устойчивое положение и стреляет, когда тот сигнализирует о подходящем ветре. Более того, — и это очень часто бывает со снайперской командой, — зачастую тренер (наблюдатель) может быть более важным из двух людей.

Нет, снайперу-одиночке — особенно тому, кто двигается вдоль линии фронта в поисках подходящей цели — зачастую приходится сталкиваться со слишком многим. Не в последнюю очередь его неприятностями могут стать увещевания какой-нибудь нервной “сестры Энни”, которая настаивает на том, чтобы из *этого* участка траншеи стрельба не велась из опасения, что “они ответят”.

Парные команды гораздо лучше подходят для снайпинга со стационарных позиций или в обороне, и в Канадском корпусе мы начали именно с такой системы, заработавшей с самого начала. В паре совершенно необязательно, чтобы оба человека были меткими стрелками — лучший стрелок может придерживаться винтовки и давать возможность другому человеку наблюдать через бинокль, сменяя его лишь на короткие промежутки времени. Огромная польза от пары, на мой взгляд, [состоит] в том, что она разрушает монотонность долгих часов, проводимых вдали от других войск, и дает двум родственным душам постоянную возможность поговорить о предметах их общего интереса — помимо иных тем. Опять же, условия могут быть такими, что обучать наблюдателей гораздо легче, чем тренировать стрельбу из винтовки. Что касается меня, то я стрелял все время, и большую часть времени держал Бушара у зрительной трубы, ведя основную часть своих наблюдений в бинокль. Нет, эти последние не выдавались — есть вещи, которые на действительной службе можно получить без ордера.

После того, как мы объединились в пары и вытащили снаряжение, [пришла пора] нашей команде приступить к снайпингу. Первое, что нужно сделать, — это убедить-

ся, что снаряжение в порядке, особенно в том, что телескопический прицел правильно установлен на винтовке и *правильно выверен*. Самым большим затруднением с такими прицелами является полное *незнание* чего-либо о них, которое неизменно демонстрируют руководящие органы, которые их выдают или пытаются рассказать вам, что с ними делать. Средний артиллерийский офицер или сержант, вероятно, почти ничего не знает об этом предмете снаряжения, и, наконец, люди, которым выдаются эти прицелы, могут не иметь ни малейшего представления об их применении или возможностях. Это было одним из наибольших препятствий на пути использования телескопических прицелов на британской службе; столько же их раздали на батальон и выдали людям, которые никогда прежде даже не видели винтовки с телескопическим прицелом. Дайте среднестатистическому человеку такую точную винтовку, он посмотрит сквозь стекло, увидит, как четко все “приближено”, и [даже] не поймет, как он может промахнуться. Такой человек может целыми днями стрелять из винтовки, линия прицеливания которой смещена на несколько футов, и при этом верить, что он ни разу не промахнулся. Последнее утверждение никоим образом не является преувеличением — его пули могут попадать настолько далеко от точки прицеливания, что оказываются за пределами поля зрения зрительной трубы, и именно потому, что каждая “цель”, по которой стреляют, естественным образом ускользает из поля зрения нашего “стрелка”, он скромно предполагает, что всех их поражает.

Я упоминаю об этих вещах, потому что они были недостатками, которые серьезно мешали снайперской игре во Франции на ее ранних этапах. К счастью, в Канадском корпусе у нас не было таких проблем, потому что у нас было много опытных стрелков, которые раньше пользовались зрительными трубами и знали их особенности, недостатки и достоинства. На самом деле даже один такой человек на дивизию может быть бесценным в военное время, а у нас, канадцев, таких было несколько на батальон. Наши винтовки “Росс” были сразу же *правильно* пристреляны как с телескопическим прицелом, так и с механическими прицелами — и оставались такими до тех пор, пока снова не были возвращены на оружейные склады.

Проверив выверку телескопического прицела и убедившись, что она правильная, а сам прицел установлен и *затянут*, теперь остается раздобыть подходящие боеприпасы — *и в достаточном количестве*. Не все патроны, выдаваемые войскам в полевых условиях, будут пригодны для использования; на самом деле, очень немногие из них, скорее всего, будут соответствовать требованиям точности, предъявляемым снайпером. В другом месте я рассказывал о наших проблемах в этой области, здесь достаточно упомянуть, что если вы *найдете* какие-то точные боеприпасы, *хватайте их* — в достаточном [количестве], чтобы тоже хватило надолго. Когда дело доходит до того, чтобы “отхватить” эти хорошие боеприпасы, может быть небольшая конкуренция. Среди моих ближайших соратников в Двадцать первом батальоне было много действительно хороших стрелков, опытных охотников на крупную дичь и проводников, которые сходу отличали хорошие боеприпасы от плохих. Эти люди всегда отбирали боеприпасы с величайшей тщательностью, и когда нам случалось находить ящик какого-нибудь надежного стандартного производителя, они тут же собирались и заряжали их, часто беря во много раз больше, чем требовалось. Они знали, что наступит время, когда будет невозможно достать хорошие боеприпасы.

Зрительная труба — важная часть снаряжения команды. Те, которые выдали нам, были великолепны, полагаю, 36-ти кратными, что было слишком много, поэтому мы

вставляли дополнительный окуляр, который прилагался с ней — и она становилась около 20-ти или 25-ти кратной, и работала нормально. Уходу и *правильному* использованию этой зрительной трубы нужно научиться, и некоторые парни становятся очень опытными с ней. Важным моментом является содержание объектива в чистоте и отсутствие на нем песка, жира или отпечатков пальцев. Также держите под рукой *чистый* кусок мягкой ткани, чтобы линза объектива могла поддерживаться в надлежащей форме. Царапины на ее поверхности быстро испортят ее четкую картинку. Слегка смажьте выдвижные трубы густой смазкой и отметьте положение первой из них, начертив линию линией, чтобы она указывала точное положение, в котором зрительная труба будет примерно в фокусе. Использование солнцезащитного козырька на передней части объектива имеет огромное значение, его необходимо *постоянно держать выдвинутым*, чтобы не выдать свое местоположение бликами от большого стекла. Это было крайне необходимо для нас ранним утром, когда Солнце светило прямо в глаза. Как только зрительная труба получена, ее следует замаскировать чехлом из ткани цвета хаки или коричневой мешковиной, и такой чехол лучше носить постоянно, не снимая. Всегда пользуйтесь трубой, располагаясь в удобном, устойчивом положении, нужно не торопиться и медленно и внимательно осматривать вражескую землю — понемногу за раз.

Непрерывное наблюдение в мощную трубу очень утомительно для глаз, и, по моему мнению, стреляющему члену пары лучше не слишком им увлекаться. Я предпочитал проводить основную часть своих общих наблюдений с хорошим биноклем, а большую трубу использовал только для проверки подробностей цели после того, как мой напарник ее обнаружил, но необходимость в этом возникала редко. Благодаря тому, что Бушар большую часть времени находился у трубы и я передавал ему личные наблюдения через свой бинокль, мы оба очень хорошо сработались. Время от времени стрелку может потребоваться внимательное наблюдение; но, как правило, это следует делать перед самой стрельбой и не слишком путать эти два действия. Хороший бинокль не так утомляет глаза, как зрительная труба, по крайней мере, таков мой опыт. Однако труба гораздо лучше подходит для настоящих, честных, черт возьми, наблюдений на больших расстояниях.

Получив свое снаряжение и приведя его в надлежащее состояние, теперь осталось отыскать несколько мест, откуда мы можем вести снайперский огонь. Это может оказаться серьезной работой, часто требующей больших напряженных усилий со стороны обоих членов команды. В общем и целом, снайпинг из окопа или оборонительной системы делится на два вида — стрельба с близкого расстояния: довольно ограниченная стрельба через бойницу или из гнезда, встроенных в передовую траншею или находящихся перед ней; и более сложные и претенциозные расположения, находящиеся дальше за линиями траншей, где обычно присутствует лучшее укрытие и гораздо более обширное поле ведения огня. Может быть, мне сто́ит немного обсудить оба подхода более подробно.

Стрельба из бойницы в передней траншее может быть весьма ограниченным предложением. Местность, которая может быть охвачена огнем, скорее всего, будет ограничена той частью позиции противника, которая находится непосредственно перед бойницей, и вполне возможно, что только его передней траншеей, а зачастую лишь несколькими ее ярдами. Естественно, это зависит от того, где именно она проходит. Такая снайперская стрельба скорее раздражает противника, чем представляет реаль-

ную опасность: вскоре он учится избегать этого участка или не высовываться из него, а если им станет слишком жарко, они вызовут артиллерию, чтобы разнести весь участок фронта, с которого ведется огонь. Я всегда считал, что снайперская работа такого рода, как “не высовывайся, аллеманд” лучше всего удастся рядовым бойцам и линейным подразделениям, причем на всем протяжении линии их траншей.

А когда дело доходит до того, чтобы ползать в одиночку перед своими собственными траншеями, возможно, нарядившись в один из этих “снайперских халатов”, то я тоже отказываюсь от этого — то есть, таково мое предпочтение — хотя сам проделывал довольно много таких трюков. Здесь человек находится строго “сам по себе” и, если что-то пойдет не так, он может оказаться в довольно тяжелом положении. Его участок для стрельбы сильно ограничен, передвигаться нельзя, и, как правило, можно сделать всего один или два выстрела, прежде чем представление на сегодня закончится. Затем наступает долгое, страшное ожидание, пока наступит темнота, прежде чем можно будет начать ползти обратно к своим траншеям. Человек чувствует себя довольно беспомощным, лежа весь день на открытом месте под жарким солнцем, — я знаю, потому что сам делал это и думаю, что у меня примерно столько же нервов, сколько у обычного человека. И тем не менее, время от времени приходится заниматься подобными вещами. Однако небольшое укрытие помогает чувствовать себя в большей безопасности на протяжении этой “вечности” от рассвета до темноты — даже если только для того, чтобы свернуться калачиком и заснуть.

Как я уже говорил, еще одна большая помеха для человека, работающего в одиночку, заключается в том, что он зачастую не может *увидеть*, когда нужно выстрелить. Обычно вы стреляете в какую-то очень маленькую лазейку или бойницу, и как только ваш глаз прильнет к прицелу, вы не можете определить, обнажил ли ваш человек голову или нет. [Находясь] в паре, вы держите оружие “наготове”, с прицелом, направленным на это место, и когда “цель” выставляет голову так, чтобы в нее можно было попасть, ваш наблюдатель подает сигнал, и вы немедленно производите выстрел. Но опять же, после выстрела ни один стрелок, — и мне не важно, насколько он добросовестен, — никогда не сможет правдиво сказать, попал он в своего человека или нет. [При отдаче] винтовка отскакивает в лицо и сбивает точку прицеливания, вокруг цели поднимаются пыль и грязь, и прежде, чем ваше зрение прояснится, цель исчезнет — подстреленная или просто пригнувшаяся, вы *не можете* сказать. А вот ваш наблюдатель зачастую может. В первые дни нашей снайперской деятельности меня весьма забавляла огромная “добыча”, добытая нашими различными снайперами-одиночками, которые работали вдоль и поперек траншей. Если послушать их рассказы, эти парни *никогда* не промахивались.

Нет, попробовав оба способа, я очень сильно склоняюсь в пользу команды из двух человек в качестве снайперского поста. На практике, пара находит и наблюдает в несколько раз больше целей, чем любой индивидуальный наблюдатель, и они могут вести наблюдение в течение гораздо более длительного времени. По этим и другим причинам, указанным выше, большую часть своей снайперской работы я предпочитал вести с наблюдателем и с позиций, которые мы специально готовили.

Обычно рекомендуется отодвинуться за линию передних траншей на одну-две сотни ярдов и соорудить в подходящих местах ряд снайперских постов. Подобным образом, можно неизменно выбирать выгодные позиции, с которых можно вести гораздо лучшее наблюдение как за траншеями врага, так и за его тыловыми районами. Кроме

того, участок ведения огня будет в несколько раз шире; у нас был один пост, который “контролировал” примерно 1200 ярдов системы немецких траншей. Дополнительные сто или около того ярдов дистанции, на которой приходится вести огонь, для настоящего стрелка не являются большим препятствием и с лихвой компенсируются гораздо большим количеством выстрелов, которые будут сделаны. Наблюдение со стороны противника и последующее обнаружение *вашего* гнезда значительно усложняется и, следовательно, становится менее вероятным. В целом, создание этих снайперских постов где-нибудь в глубине ходов сообщения гораздо предпочтительнее.

Итак, создайте ряд снайперских постов и не практикуйте использование какого-то одного из них на протяжении слишком долгого периода времени. Непрерывный огонь (если он эффективен) с одного определенного направления обязательно приведет к обширному наблюдению со стороны противника и шквальному артиллерийскому огню, когда пост будет окончательно обнаружен. Используйте одно гнездо в течение дня или двух, а затем переходите к другому, расположенному в другом секторе.

Я уже говорил о нецелесообразности размещения подобных постов в каком-либо здании, на вершине холма или на каком-либо другом заметном или господствующем участке местности. Враг *ожидает*, что они и будут расположены именно в таких местах, имеет точную дальность до каждого из них, и как только с этого направления прилетят неприятности, разнесет их своей артиллерией. Лучше всего располагаться в открытом поле, вдали от всего, что может обеспечить пристрелку и наводку его оружия. Для этого обычно требуется много тяжелой работы и [тщательная] предварительная подготовка, — все это делается, конечно, ночью, прежде чем пост будет надлежащим образом вырыт, замаскирован, и будут предприняты меры для того, чтобы попасть внутрь и покинуть его, не будучи замеченным с фронта или фланга.

После того, как [снайперские] посты оборудованы, и мы наконец-то оказались внутри, остается только отметить дистанции и пристреляться, прежде чем начнутся боевые действия. Это включает в себя составление *ваших собственных* карточек дальности с указанием точных расстояний до всех различных заметных объектов в нашей и вражеской системе траншей, а также в тщательной сверке их с более подробными официальными картами, которые окажутся в наличии.

Такое наблюдение является довольно обширным предложением. Сначала вы и ваш наблюдатель разбиваете всю систему траншей противника и его тыловые районы на сектора и присваиваете каждому из них обозначение. Самое главное — назначить достаточное количество ориентиров. Как правило, это заметные местные предметы, определенные объекты, или особенности во вражеской системе [траншей], знание которых вскоре становится второй натурой для обоих членов команды. Местоположение ваших целей будут указываться по отношению к этим предметам или объектам, например: “Канистра у новой траншеи, на девять часов, третий мешок с песком, видишь ее?”. Естественно, оба знают, где находится новая траншея, и видят канистру с бензином, но обнаружить точную цель через прицел будет не так просто. Кроме того, стрелок должен немедленно определить точную дальность до этой конкретной цели, (возможно) установить прицел и *быстро выстрелить*, потому что эта цель не будет стоять там весь день. У него будет только один “первый и последний зачетный выстрел”, который завершает этот конкретный матч на сегодня. Затем все начинается сначала — по другой цели в другом месте. Будет другая дистанция, возможно, значительно изменится угол стрельбы, и, что хуже всего, будут другими условия освещенно-



сти. Последнее я считаю в бою самым трудным, даже с телескопическим прицелом.

Команде будет несложно договориться о наборе ориентиров, и вскоре они станут настолько привычными, что их применение не потребует особых размышлений. Дальности до них становятся автоматически известны в течение короткого времени, и наведение на цель не занимает много времени. Времени на изменение установки прицела может и не быть, и обычно человек делает небольшой “вынос” и стреляет так быстро, как только возможно. Когда возникает необходимость указать на ориентир или цель кому-то еще, например, артиллерии или другому наблюдателю, есть только один способ — дать точные координаты из официальных карт.

Хорошо известная схема целеуказания с использованием циферблата часов применяется на новой местности, где ориентиры еще не назначены, а также иногда при указании на неясные места. В целом, эта часть довольно проста, и вскоре человек получает хорошее мысленное представление обо всем, что находится в поле его зрения, а также точную дальность до всего этого. Дистанция будет определяться как по карте, так и пробными выстрелами. Последнее гораздо предпочтительнее, и в течение дня можно делать их довольно много, чтобы не потерять прицел при различных изменениях освещенности. Это, как я уже говорил, самая серьезная вещь, с которой нужно бороться, и по мере того, как Солнце совершает свой путь вокруг позиции, нужно “держат прицел” в соответствии с разницей в освещенности.

Установки прицела пробным прострелом очень легко проверить практически в любое время дня. Может быть, с замаскированных позиций в непосредственной близости от противника это и не удастся сделать (а на коротких дистанциях это и не нужно), но с позиций в тылу это возможно почти всегда. Для этого используются небольшие воронки от снарядов, заполненные водой, или голый участок грязи в траншеях, или кирпичная стена — все, что может дать пыль или брызги при попадании. Наблюдатель может легко уловить всплеск в свою большую зрительную трубу. Это позволяет “держат прицел” все время.

В снайперской стрельбе есть множество маленьких хитростей, которым лучше всего научиться на собственном опыте — но зачастую подобный опыт очень дорого обходится, поэтому, наверно, лучше упомянуть о них прямо здесь. Для снайперской команды крайне важно избежать обнаружения противником, и часто есть маленькие и, казалось бы, незначительные вещи, которые могут выдать позицию. Распространенной ошибкой является отблеск объектива зрительной трубы, и я считаю, что по этой причине в тылу выдается больше позиций, чем из-за любого другого явления. Если свет падает спереди, линза будет бликовать на большом расстоянии. Кроме того, необходимо учитывать дульную вспышку и “дым” от горящего пороха. “Дым? — скажете вы. — От бездымного пороха?” Ну, может быть, не совсем дым, но довольно хороший его заменитель. Часто случается, что при выстреле из служебной винтовки перед дульным срезом возникает небольшой выхлоп тонкого темного дыма размером примерно с походную шляпу. Он совсем не похож на густой туман от старого дымного пороха, но все же достаточно заметен, чтобы его можно было обнаружить и определить, — и тем самым выдать свое местоположение. Этот феномен возникает не всегда, но лучше всего виден прозрачным холодным утром и часто в течение всего дня во время сырой, влажной погоды. Заметен он только тогда, когда дульный срез находится близко к земле или возле укрытия, и в некоторых видах боеприпасов этот дефект может быть более выражен, чем в других.

Во многих ситуациях необходимо принимать во внимание дульную вспышку, или горячие газы, с силой вырывающиеся из ствола. Иногда это может поднять тучу пыли, особенно из какой-нибудь бойницы или гнезда, где дульный срез недостаточно выступает — в таких случаях говорят, что стрелковую бойницу нужно “смачивать” водой, но лично я никогда не видел, чтобы так делали. Далее, если ствол винтовки, из которой производится выстрел, скрыт среди густой травы или растительности, эти газы вызывают сильное закручивание и покачивание растительности, что быстро выдаст позицию. Ошибки, о которых я только что говорил, могут быть замечены невооруженным глазом на расстоянии ста и более ярдов, а с помощью оптики и могут быть обнаружены на гораздо больших расстояниях, поэтому можно заметить, что они могут быть серьезной проблемой даже для снайперской пары в тылу от передовой линии. Для одинокого же снайпера, находящегося на открытой местности в непосредственной близости от противника, они легко могут стать трагическими.

Еще один момент, о котором всегда должен помнить наш снайпер, — это то, что он должен быть немного разборчив в выборе целей для прицеливания. Лучше “привязаться” к какой-нибудь имеющейся воронке с водой или к небольшому участку грязи в общем направлении, в котором вы ожидаете появления следующей цели. Избегайте стрельбы по канистрам с бензином, ведрам, жестянкам или коробкам, лежащим на вершине вражеских траншей — они могут быть выставлены именно с этой целью. Любые выстрелы в сторону или вблизи того места, где вы ожидаете появления цели, могут привести лишь к тому, что его обитатели проявят большую настороженность и нерешительность. Не выдавайте свою позицию неосторожными действиями, или беспорядочной стрельбой. Мишеней и так будет мало — используйте каждую возможность.

Чуть не забыл упомянуть, что снайперская команда также должна вести точную “зачетную книгу”. Безусловная вещь! В ней указываются настройки прицела и превышения [траекторий] для различных партий боеприпасов, которые вы сочли достаточно точными, дальности до всех основных ориентиров, официальные обозначения на карте и все такое. Вы можете даже отмечать “промахи”, по мере того, как вы их делаете — но зачастую это будет очень неопределенным делом, и вам придется много раз руководствоваться своей совестью.

Наряду с точностью, следующим самым важным качеством снайпера является способность быстро делать выстрел. Под этим утверждением я не имею в виду навык, необходимый для хорошей стрельбы “на скорость”, как это практикуется в Соединенных Штатах, а имею в виду способность “быстро делать выстрел”, как это практикуется опытным преследователем оленей, охотящимся в густом лесу. Те суетливые и требовательные “старушки”, которых мы все видели на некоторых матчах в Кэмп-Перри, которые настаивают на своих шести футах свободного пространства на огневом рубеже в 1000 ярдов и на полной минуте с половиной, отводимой на каждый выстрел, будут плохо справляться, когда дело дойдет до снайпинга. Вы *должны* уметь быстро прицелиться и сделать *один* выстрел в течение нескольких секунд после целеуказания. Сначала точность, потом скорость — таково правило снайпера.

Естественно, если противник находится на большом расстоянии, или во время коротких периодов, когда освещение очень плохое (например, на рассвете или в сумерках), и ваш человек считает себя невидимым, выбранная цель *может* стать видимой на протяжении нескольких минут. Но время появления средней мишени, как правило, очень короткое, всего несколько секунд — это особенно актуально, если в это

время или в этом месте недавно велась стрельба. Я бы сказал, что тот стрелок, который не может найти свою цель, прицелиться по ней и произвести выстрел менее чем за десять секунд, будет безнадежным снайпером. Десять секунд — это гораздо больше, чем зачастую выпадает, и нашему будущему снайперу лучше постараться достичь того момента, когда он сможет прицелиться и выстрелить в течение трех секунд, что можно легко сделать, если дистанция не слишком большая.

Можно сказать, что стрелок в нашей паре должен быть в постоянной готовности *думать и действовать мгновенно*, но для наблюдателя правилом является *спешить медленно*. Точное наблюдение со зрительной трубой — это долгий, затяжной процесс. Лучше всего разделить вражескую позицию на небольшие участки местности и медленно и осторожно пройти по каждому участку, понемногу за раз; проработать его каждый фут, дюйм за дюймом, и убедиться, что там нет ничего, по чему можно было бы стрелять. Не ждите, пока появится враг, идите вперед и ищите его. И продолжайте искать.

Работа снайпера не сводится исключительно к стрельбе. Если он действительно квалифицирован для такой работы, он, вероятно, принесет столько же пользы, сообщив о своих наблюдениях о том, что происходит в рядах и за линией фронта противника, как и убив несколько человек. К сведению, снайперы в Канадском армейском корпусе были частью разведывательной секции, — работая непосредственно под началом тех, кого сначала называли “офицерами-разведчиками”, а позже “офицерами разведки”.

Любой человек, который ежедневно, тщательно и добросовестно, осматривает определенный участок местности и тщательно отмечает все заметные ориентиры, обязательно заметит и любое изменение [на нем]. Возможно, противник строит дополнительные оборонительные сооружения или подводит новые войска. Возможно, подкрадывается артиллерийская батарея. Я лежал день за днем, наблюдая в зрительную трубу за строительством бетонных укреплений, рытьем новых траншей и перемещениями людей далеко за линией фронта противника. Хуже всего было то, что когда мы докладывали о многих из этих вещей, наши начальники не слушали и не верили [нам].

Это было одним из преимуществ, которое “выпускники” более поздних снайперских школ обладали перед нами, предшественниками; у них за спиной была признанная организация со значительным официальным положением и “весом”, поэтому когда они сдавали отчет о своих наблюдениях за день, то он удостоивался реального внимания со стороны тех, кто управлял делами из тыла. Много раз я сдавал отчет своим собственным офицерам [пулеметной] команды или батальона, в отношении которого они полностью признавали его точность и большую ценность. Но когда отчет отправлялся в тыл для рассмотрения или принятия мер вышестоящим командованием, его игнорировали и выбрасывали на ветер просто как “фантазии какого-то солдата”. Однако Скауты Ловата докладывали непосредственно своим собственным офицерам разведки, которые знали, насколько можно доверять наблюдениям каждого человека, и которым другие штабные офицеры были обязаны уделять должное внимание.

На протяжении нескольких недель мы, “добровольные” снайперы, пытались заставить нашу артиллерию уничтожить некоторые немецкие орудия, которые были замечены нами во время наших дневных наблюдений. В частности, одна батарея, которая, как мы знали, была спрятана во фруктовом саду в месте, обозначенном на картах как “ферма Хиеле”, вела с этой позиции огонь (она находилась всего в 800 ярдах) каж-

дую ночь, обстреливая одну из наших дорог, по которой прибывали наши обозы снабжения и санитарные машины. Но, в конце концов, мы получили возможность немного пострелять по ним за свой счет, о чем уже упоминалось в этом рассказе.

Иногда я вел снайперскую стрельбу по людям в районе фермы Хиеле, но у нас не было никаких наблюдений, которые могли бы подтвердить, что мы хоть раз попали. Хотя это место находилось всего в 800 ярдах от линии фронта, от нашего снайперского и наблюдательного поста оно находилось по меньшей мере в 1200 ярдах. Основываясь на своем опыте, я считаю, что пытаться вести снайперскую стрельбу на таких дистанциях бесполезно. На расстоянии до 1000 ярдов человек *может*, очень редко, попасть в цель, но результаты в конечном итоге не оправдывают расход боеприпасов. Полагаю, что это сравнительно легко [делать] до 600 или 700 ярдов, а на более дальние расстояния вряд ли стоит, если только у вас нет широких возможностей для прицеливания и условия не благоприятствуют вам, — тогда вы, возможно, *сможете* попасть [на дистанции] до 1000 ярдов. Я много раз пытался поразить людей из винтовки с телескопическим прицелом на дистанциях до 1500 ярдов, но, хотя мне и удавалось в таких случаях предварительно прицелиться, должен признаться, что на таких дистанциях мы *никогда* не были уверены в попадании. Однако в пределах от 500 до 600 ярдов это был “утиный суп”,<sup>193</sup> мы также достигали большого процента попаданий на расстоянии 700 ярдов или около того.

После войны в нашей стране я встречал много опытных стрелков, и в разговорах с ними и другими стрелковыми авторитетами в Соединенных Штатах обнаружил, что преобладает мнение, будто специализированная снайперская винтовка должна быть только однозарядной, и что снайпер редко будет нуждаться в быстрой стрельбе, и что нет необходимости иметь на таких винтовках магазин в рабочем состоянии, так как он все равно никогда не будет использоваться. Мой опыт реальной снайперской работы говорит прямо противоположное.

Даже в окопной войне часто возникает возможность сделать три или четыре быстрых выстрела по цели. В двух или трех случаях в этой книге я описывал, как мне представилась возможность обстрелять работавшую группу, причем с довольно близкого расстояния, которая считала себя хорошо скрытой от глаз. После моего первого выстрела в цель, который мог и не стать попаданием, вся группа просто выскочила отсюда, изо всех сил стараясь убежать. Когда возникает такая возможность, снайпер всегда может сделать еще два-три быстрых выстрела, — если винтовка, которую он использует, может быть перезаряжена путем манипуляций с затвором и нет необходимости рыться вокруг да около и заряжать другие патроны вручную.

На мой взгляд, нелепо думать о том, что винтовку можно использовать только для одиночного выстрела, и одна из причин, почему мне нравились прицелы “Warner & Swasey” и им подобные, имевшие боковые крепления, заключалась в том, что с ними вы всегда могли вести быструю стрельбу, используя патроны в магазине, и выбрасывающаяся [стреляная] гильза не вызывала заклинивание затвора. С прицелом, установленным поверх [затвора], это невозможно, такие винтовки можно использовать только для производства одного выстрела; и к тому времени, когда вы вручную вложите в патронник очередной патрон, ваша цель уже исчезнет.

Возможность сделать два или три быстрых выстрела по цели у снайпера возника-

---

<sup>193</sup> “Утиный суп” (англ. жарг. *Duck soup*) — нефиг делать, проще пареной репы.

ет довольно часто. Иногда вы застаёте человека на открытой местности и можете выстрелить несколько раз, пока он бежит к ближайшему укрытию. Или же снаряд может разрушить укрытие или маскировку оружейного расчета, работающей группы или пулеметного гнезда и заставить нескольких человек убежать в укрытие. В таких случаях магазин, полный патронов, — отличная вещь, которую нужно иметь под рукой, и с его помощью можно добыть три или четыре трупа врага. Такие возможности запоминаются надолго.

Большим преимуществом возможности заряжать винтовку из магазина в таких случаях является не только большая скорострельность, но и то, что при перезарядке винтовки не приходится отвлекаться от цели. Это реальное преимущество, скажу я вам. Скорее всего, вы стреляете через небольшую бойницу или из какого-то скрытного места, и чтобы иметь возможность хоть что-то видеть, должны оставаться в определенно ограниченном положении, — стоит вам отодвинуть лицо от приклада или хоть немного изменить положение, как все ваше “пригодное для стрельбы” поле зрения может исчезнуть. Для того чтобы снова поймать цель в прицел, требуется секунда или две, а секунды в такие моменты очень дорого стоят.

После того, как вы пролежали в снайперском гнезде или просидели у бойницы почти весь день — а может быть, и несколько дней — напрягая глаза в поисках того, во что можно было бы выстрелить, очень приятно иметь возможность заняться настоящей стрельбой, если *представится* удобный случай. Очень часто этого не происходит. Любую цель обычно трудно найти, а когда она найдена, основополагающее правило — не спускать с нее глаз, пока она не будет поражена или не скроется из виду.

Наши телескопические прицелы устанавливались с левой стороны [винтовки] таким образом, чтобы не мешать ни заряданию [ее магазина], ни манипуляциям с затвором и выбросу стреляных гильз. Кроме того, они не мешали пользоваться открытыми механическими прицелами, и это было еще одним большим преимуществом. Я всегда старался проверять оба прицела каждый день, чтобы иметь возможность выстрелить как с открытого, так и с телескопического прицела в любую секунду. Это было легко, так как у нас всегда было множество “пристрелочных мишеней” в виде кусков кирпичной стены или многочисленных заполненных водой воронок от снарядов, расположенных на известных расстояниях за вражеской передовой линией. Наблюдатель почти всегда мог засечь удар пули, [и определить], попала ли она в мишень или в грязь рядом.

Всегда полезно иметь на винтовке один комплект прицельных приспособлений, которые, как вы знаете, будут “оставаться неизменными”, а также иметь их в готовности к использованию в любой момент. Я помню одно утро, когда мой первый выстрел был сделан сразу же после того, как мы заняли позицию в “Снайперском амбаре”, в очень сложных условиях освещенности и [окружающего] фона, и был сделан по солдату, который стоял за немецкими траншеями примерно в шестистах ярдах от нашей позиции. Времени на пристрелочные выстрелы не оставалось, поэтому я просто дал себе волю и уложил его на месте. В другой раз я точно так же попал в офицера, который стоял прямо за тыльным траверсом их траншеи, прислонившись спиной к дереву, вероятно считая себя невидимым; мой первый выстрел в тот день свалил и его. Тот парень был офицером морской пехоты, мы хорошо видели это в зрительную трубу, и я получил большое удовлетворение от этого выстрела, потому что по общей наглости эти морпехи превосходили всех остальных в немецкой организации, даже баварцев и прус-

саков, что говорит о многом.

Я никогда не слышал ничего хорошего о телескопическом прицеле “Warner & Swasey”, но собираюсь замолвить [несколько слов] о нем прямо сейчас.<sup>194</sup> Имея значительный опыт работы со всеми различными их “видами”, выпускавшимися до этого времени, включая “Winchester 5-A”, я обнаружил, что этот самый W. & S. был таким же надежным, как и любой из них, и намного лучше, чем большинство. Мне пришлось лишь немного подправить крепление, чтобы оно не болталось; на своей винтовке я ослабил все винты и закернил их, а затем, вбив тонкий клин или “прокладку” (сделанную из лезвия безопасной бритвы) между основанием прицела и его крепежной “лапой”, я в конце концов закрепил его настолько туго, чтобы нельзя было снять. Это позволило должным образом его “закрепить”, и в дальнейшем прицел работал нормально. Мы все знаем, что прицелы того времени были грубоватыми по сравнению с более поздними типами, но не верю, что тогда были созданы прицелы лучше, — если только это не были приборы, использовавшиеся немцами. У них были хорошие прицелы, не сомневайтесь. Прицел “Winchester 5-A” был лучшим из имевшихся тогда в Соединенных Штатах, и любой, кто имел большой опыт работы с ними до 1918 года включительно, может подтвердить, что они могли “капризничать” самым безобразным образом, и действительно иногда так делали.

Если освещенность была хорошей, я использовал телескопический прицел, если нет — то открытый. Штатные механические прицелы на винтовке “Росс” были настолько хороши, что через большую прорезь [целика] можно было видеть вблизи цели большой участок местности — очень важный момент, поскольку “цели” в таких случаях обычно представляли собой не более чем маленькие круглые “тпятна” размером примерно с небольшую обеденную тарелку и всегда какого-то тусклого, нейтрального цвета. Как всем известно, телескопический прицел не всегда лучше открытого. Он никогда не бывает также хорош в тумане, а иногда даже и в яркие дни, когда есть сильный мираж. Телескопический прицел все преувеличивает, включая дымку у земли и искажение цели миражом. Те из вас, кто стрелял на дистанции 1000 ярдов в Кэмп-Перри, знают, каким размытым и “волнистым” может быть тот круглый центр мишени при сильном “кипении”, хотя он находится на высоте всего около десяти футов над поверхностью земли. Подумайте, насколько хуже может быть, когда ваша цель находится прямо на земле и имеет цвет, сливающийся с ней. Все настолько искажено, что ее невозможно выделить из окружающего фона, и в таких условиях ваш открытый прицел намного лучше телескопического. Но при средней освещенности, особенно рано утром и поздно вечером, последний только выигрывает.

Это та вещь, на которой я постоянно настаиваю со времен войны: вопрос прицелов. Большая часть моей критики была адресована [фирме] “Спрингфилд”. Я не могу понять, почему в стране, где разработаны одни из лучших прицелов для спортивных винтовок, мы не можем создать такой же хороший прицел для винтовки служебной. Мне было бы все равно, если бы они не ставили ничего, кроме “боевого целика” — установленного прямо на верхнюю часть перемычки ствольной коробки — при условии, что в нем была бы большая прорезь и он был бы расположен на нужном удалении

---

<sup>194</sup> Прицел выпускался одноименной компанией, находившейся в Кливленде, в штате Огайо. Последняя предвоенная модификация этого прицела была выпущена в 1913 году. Сам прицел был призматическим, 6-ти кратным и имел вес почти 2,5 фунта.

от глаза. Такой прицел вкупе с достаточно широкой мушкой был бы вполне удовлетворителен для боевого применения. Для точной стрельбы на расстояниях свыше трехсот ярдов, прицел, конечно, должен быть регулируемым по вертикали и по горизонтали,<sup>195</sup> но, если не считать снайпера, солдат редко когда видит врага на расстоянии, которое можно назвать “охотничьим”, а наши охотники на оленей хорошо знают, что это такое.

У немцев траншеи всегда были оборудованы гораздо лучше, чем у нас. Канадский солдат ненавидит все, что похоже на обычный ручной труд, и скорее смирится с большим дискомфортом, чем проведет несколько часов с лопатой. Вследствие этого, у нас было мало достойных снайперских позиций на передовой, в то время как у противника было много очень изобретательно оборудованных бойниц, через которые можно было вести огонь. Они почти всегда использовали какой-нибудь из многочисленных и разнообразных предметов, которые всегда украшали переднюю часть бруствера, — всегда считал, что они были сделаны именно с этой целью.

Там были старые ботинки, жестяные банки всех форм и размеров, ошметки ношенной одежды, старые ранцы и куски досок — все, что угодно, лишь бы разбить и размыть ровное пространство и однородный фон насыпи, и снайперские амбразуры обычно скрывались в том или ином из этих предметов, которые, — хотя с нашей стороны и казалось, что их просто выбросили туда, — на самом деле были надежно закреплены с передней части хорошо подготовленной бойницы. Во время моих ночных вылазок на [вражеский] бруствер мне удалось обнаружить несколько таких мест, а также засечь их с помощью зрительной трубы с наших наблюдательных пунктов и снайперских позиций. Одна такая бойница, как я помню, находилась в подошве старого сапога, а по крайней мере еще две, — в больших консервных банках.

Однако такие позиции, где траншеи расположены так близко друг к другу, дают лишь ограниченное поле обстрела — ограничиваемое, фактически, пространством между траншеями и, конечно, верхним краем нашего бруствера. Понятно, что это заставляло наших людей держать головы ниже края — хотя некоторые из них пытались это проверить. Ну и проверяли... Это был один из вернейших способов самоубийства.

Мы [тоже] оборудовали пару таких мест и использовали их время от времени, но не часто. Было забавно выстрелить в пулеметную бойницу или амбразуру наблюдательного пункта, чтобы услышать, как пуля ударяется о стальную плиту, — [то есть] “звякнуть в колокольчик”, — но пользы от этого было немного, и я предпочитал стрелять с позиций в тылу, с которых мы могли действительно наблюдать свои цели, и иногда видеть, как они падают.

Теперь, для разнообразия, давайте поговорим о другой важнейшей части работы снайпера — контрснайпинге, или уничтожении вражеских снайперов. Самой важной частью этой операции является обнаружение вражеского снайпера до того, как вы его уничтожите, и бывают случаи, когда это само по себе является значительной работой. Во-первых, снайпер может работать уже несколько дней и завалить немало ваших людей, прежде чем солдаты на этом участке поймут, что им противостоит хороший снайпер. Чтобы вы поняли, что это такое, лучше я поясню.

Факт этот весьма странен, и вряд ли он понятен среднему гражданскому человеку, но после первых нескольких дней, проведенных в окопах, солдаты обращают очень

---

<sup>195</sup> Т.е. иметь возможность вносить поправки на превышение и на ветер.

мало внимания на летающие вокруг пули. Они и так постоянно летают вокруг: шальные выстрелы, прилетающие Бог знает откуда, пулеметный огонь издали, выстрелы из установленных на месте винтовок, которые то и дело происходят тут и там, “блуждающие” и случайные выстрелы, выпущенные неумехами по вражеским траншеям и бойницам. Все это объединяется под общим названием “шальные выстрелы”, и вы постоянно теряете [от них] по человеку то там, то здесь. Кроме того, днем, когда, как правило, ничего не предпринимается, люди остаются в блиндажах и спят, оставляя вдоль траншеи на [определенных] интервалах часовых с теми немногими людьми, которые по тем или иным делам должны быть на ногах. В результате, когда случайный человек получает ранение, никто не видит, как он падает, и может пройти довольно много времени, прежде чем кто-нибудь спустится в этот участок траншеи и найдет его. Когда его обнаруживают, вердикт, скорее всего, будет такой: “убит шальной пулей”. Затем, когда на том же месте убивают еще одного или другого человека, подразделение просыпается и понимает, что это место прикрывается снайпером, и начинает против него работать.

Самый напряженный час для снайпера — рассвет. В это время в траншеях многолюдно; утренний подъем только что закончился, и все различные пулеметные и минометные расчеты, а также специалисты того или иного рода заняты своим оружием, привозят пайки на завтрак, люди идут в уборные, возвращаются для доклада офицеры с наблюдательных постов, и так далее. И должен признаться, что, как правило, немцы имели преимущество над нами в это время, потому что на рассвете свет полностью работал в их пользу. В ясное утро, пока Солнце не уберет блики с наших линз, мы мало что могли сделать; это было все равно что участвовать в одной из ранних [стрелковых] смен в Си-Гирте. Но вечером все было наоборот: свет был в нашу пользу, и, как правило, очень сильный. В пасмурные или дождливые дни условия были примерно равными.

Определив, что на фронте находится снайпер, который работает против определенного участка нашей траншеи, теперь оставалось выяснить, где именно находится его снайперский пост. Это можно сделать с помощью более тщательного наблюдения, а также немного “подманить” его, чтобы он выстрелил еще несколько раз. Получив общее представление о том, откуда летят пули, предложите ему мишень для стрельбы и, наблюдая за углом попадания его пуль, проследите их до источника. Показывая мишень в различных местах по верху траншеи, можно использовать две такие точки в качестве основания треугольника и определить местонахождение [снайпера] в его вершине. Это утвержденный “книжный” метод, но должен признаться, что применялся он редко, — обычно мы придерживались одного места и вели тщательное наблюдение вдоль траектории полета пуль, пока не находили нужного нам человека.

На самом деле, когда речь идет о снайперской стрельбе с близкого расстояния, снайпер довольно часто бывает сильно ограничен в “секторе обстрела”, по которому он может вести огонь. Его снайперское гнездо будет неизменно устроено так, что его бойница будет охватывать только очень ограниченную область, и только по этой области он может вести огонь. Обычно они строят очень маленькую щель, практически нору, заползают внутрь, а затем закрывают ее за собой. Оказавшись на позиции, они “замирают на месте” и настолько не могут шевельнуться, что не в состоянии делать выстрелы во фланги или с другой позиции, но могут прикрывать только определенный ограниченный участок перед собой. Таким образом, хорошо известный из учебника метод



триангуляции не всегда хорошо работает на практике. Вместо этого, как правило, вы определяете местонахождение своего человека путем многочасового, а часто и многодневного наблюдения с одной точки.

На дальних дистанциях все по-другому, и в этих случаях ситуация похожа на ту, что была на нашем основном посту в “Снайперском амбаре”. Здесь вы устраиваете большое и удобное место, откуда можно вести огонь по значительному участку фронта противника, где есть место для работы двух или более человек и все [обустроено] достаточно удобно. Такие места либо встраиваются в систему передовых траншей, либо, что еще лучше, располагаются в паре сотен ярдов позади них и на возвышенности. Когда вы обнаружите такое гнездо, не пытайтесь определить его бойницы или стрелять в них, просто позовите артиллерийского корректировщика (F.O.O.), и попросите офицера разровнять его для вас своими пушками.

У опытного стрелка есть несколько факторов, которые помогут ему в этой работе по обнаружению своего “приятеля”. Первый — это, несомненно, звук снайперской винтовки; в тихий день, когда мало дел, может пройти два или три часа без выстрела; тогда случайный выстрел довольно легко отследить. Удар пули о бруствер или о другое место, куда она может попасть, говорит о многом. Даже звук пули, когда она пролетает над головой, может подсказать вам, стреляет ли человек с близкого расстояния или находится в глубине от вражеских траншей.

Если наблюдение выявит, что наш “приятель” стреляет из какой-нибудь бойницы в противоположной траншее, то мало что можно сделать, кроме как вызвать артиллерию, чтобы “разровнять” это место. Эти бойницы могут быть закрыты стальными пластинами таким образом, что пуля не может в них попасть, поэтому нет смысла пытаться стрелять по ним, если только вы не хотите “звякнуть в колокольчик”. Однако бóльшую часть [своей] снайперской стрельбы противник будет вести с позиций в своей передней траншее или из укрытых на открытой местности мест, и против нее одна винтовка [будет] не хуже другой.

Я помню случай, который произошел ранним прохладным туманным утром; в воздухе не было густого тумана, но землю окутывало медленно дрейфующее и струящееся покрывало из легкой “дымки”. Нас часто беспокоил снайпер, который работал перед этим определенном участком траншеи, и я отправился туда рано утром, чтобы попытаться его обнаружить. Тщательный осмотр противоположных траншей и вероятных мест с помощью зрительной трубы ничего мне не дал, и я передал ее своему напарнику, чтобы наблюдение вел он, а сам взял бинокль, чтобы посмотреть в то же самое время еще раз. Я осматривал местность перед немецкими траншеями, когда снайпер сделал еще один выстрел — и так получилось, что в это время я держал бинокль направленным на его позицию, и ясно увидел, как перед дульным срезом его винтовки за клубился дымок. Через пять минут мы разнесли это гнездо очередями из двух пулеметов и больше ничего не слышали об этом “фрице”.

В другом случае я осматривал открытую местность между траншеями с помощью того же бинокля. Поблизости действовал особенно докучливый снайпер, и мы выяснили, что он находится где-то перед системой немецких траншей. Прямо перед ними находились остатки старой каменной подпорной стены, которая была взорвана и практически сровнена с окружающей местностью. После нескольких часов наблюдения и внимательного осмотра траншеи и верхней части этой каменной опоры, я случайно глянул на основание груды камня, когда снайпер во что-то выстрелил, и я легко увидел

вихрь песка и грязи, взметнувшийся от дульного выхлопа его винтовки, подхватившего горсть этой грязи и закружившего ее, подобно какому-то миниатюрному циклону. Еще несколько секунд наблюдения с помощью “большого стекла”, — и мы точно определили местонахождение этого парня, а один выстрел из винтовки с расстояния около ста пятидесяти ярдов покончил с ним окончательно. Странно, но после того, как он свалился [замертво] в своем гнезде, мы все отчетливо увидели большое темное отверстие, из которого он стрелял; должно быть, у него было какое-то хитрое приспособление, чтобы закрывать или прятать его, когда он не находился в положении для стрельбы. Или же, возможно, он был одним из тех, похожих на репейник, снайперов, которые одеваются так, чтобы походить на свое окружение — если это так, то в этом он, конечно, был весьма хорош.

Очень часто этот трюк с обнаружением вражеского снайпера оказывается довольно сложной задачей, и его невозможно выполнить с места, откуда “подманиваешь” парня, чтобы он стрелял по ложной цели. Иногда необходимо провести полевой телефон от передней траншеи в тыл и попросить одного-двух наблюдателей встать далеко позади линии фронта или там, где возвышенность обеспечивает лучшие условия наблюдения не только за местом, откуда, как вы предполагаете, стреляют, но и [за местом], где вы можете получить представление о траектории полета пули, когда она попадает — или промахивается. (Это один из тех матчей, где промах стоит *для вас* столько же, сколько и попадание в “яблочко”, а возможно, и больше). Во многих случаях люди в окопе или в укрытии, откуда высовываются мишени и где проводятся другие манипуляции [с ними], могут вообще ничего не видеть; они должны постоянно держать голову опущенной, иначе будут подстрелены. Поэтому может потребоваться целое отделение бойцов и много времени, прежде чем удастся выяснить, откуда стреляют.

Во время моего более позднего опыта во Франции мы получили несколько очень сложных и реалистичных полых манекенов, сделанных из папье-маше или какого-то подобного материала, которые можно было использовать для того, чтобы высовывать из-за бруствера и выманивать вражеских снайперов, заставляя их выдать [свое] местонахождение. В то время все это казалось мне очень забавным, просто очередная рухлядь, выпущенная для того, чтобы бедному солдату было невыносимо жить, и чтобы ее таскали взад-вперед по траншеям. Проблема со всеми подобными вещами в том, что когда появляется время и подворачивается случай использовать трюк, манекен находится где-то в другом месте — вероятно, в нескольких милях позади. Все это очень хорошо работает в снайперской школе или тренировочном лагере — добавляет интереса и выглядит очень практично — но не всегда срабатывает где-то еще.

Здесь я могу упомянуть, что время от времени вы будете сталкиваться с довольно умным снайпером, которого вы не сможете одурачить этими приманками, шлемом на палке или подобными уловками. Некоторые из них похожи на проповедников, которых я знал, — клюют только на живца. У немцев были такие люди, и в особенности я помню одного “голландца”, который пробрался примерно на расстояние в сотню ярдов от нашей передовой линии и стрелял оттуда несколько дней. Этот парень находился так близко, что мог отличить настоящую цель от приманки, и располагался так, что было невозможно вести наблюдение без перископа. Если уж на то пошло, он мог легко отличить перископы или что-нибудь подобное, и даже когда мы установили большой и сложный траншейный перископ, он так и не выстрелил в него, пропустив шанс [пой-

мать] настоящий. Тот “фриц” проявил здравый смысл, он не собирался выдавать свое местоположение ради дурацкой стрельбы из винтовки. Не припоминаю, чтобы мы вообще нашли этого парня, — во всяком случае, пока я был там, [этого не произошло]. Возможно, против него и поработал бы один из этих “манекенов” в натуральную величину, не знаю.

### Стрелок в бою

До сих пор мы рассматривали почти исключительно снайперскую работу со стационарной позиции в условиях осады или траншейной войны. Существует еще один аспект работы снайпера, который в значительной степени отличается от такого рода снайпинга, и [происходит] это во время боя, когда его войска находятся на открытой местности и наступают или отступают.

Тогда у него нет возможности или времени обустроить скрытые [снайперские] посты, и он должен использовать любое естественное укрытие, которое может найти. При изматывающем, сметающем огневом налете, когда необходимо, чтобы [стрелковая] цепь продолжала наступление, он рискует наравне со всеми. Он может быть уничтожен прежде, чем он успеет сделать выстрел, и часто так и происходит. На этом первом этапе атаки он “просто еще один солдат”.

Но если он проживет достаточно долго, чтобы вступить в контакт с врагом, когда сопротивление усилится, и наша цепь начнет разрываться под огнем скрытых пулеметов, тогда у него может появиться шанс показать, насколько он хорош на самом деле. Его работа, а она очень важна, заключается в том, чтобы занять такие позиции, с которых он сможет вести наблюдение и стрелять по отдельным солдатам противника, — а не забиться от страха в самую удобную снарядную воронку. Если грязную работу делает пулемет, он должен постараться занять позицию, с которой он сможет уничтожить пулеметчиков анфиладным огнем. Каким бы трудным, а может быть, и невозможным это ни казалось, это делалось так часто, что стало почти обыденным делом. Все слышали о сержантах Вудфилле и Йорке,<sup>196</sup> но сейчас я расскажу вам еще об одном — капитане МакКриммоне из Двадцать первого батальона. Он был сержантом, как и я, и дослужился до командира роты “В”. В битве при Аррасе, достигнув объекта атаки, он обнаружил, что на его фланге находится батарея из трех полевых орудий, поэтому, взяв винтовку и позвав с собой сержанта (к сожалению, не помню его имени), он принялся *подавлять* эти орудия. Затем они вдвоем бросились на позицию, перестреляли еще несколько артиллеристов, а потом стояли спина к спине, сдерживая остальных врагов, пока не подошли его люди. После этого он спокойно достал из кармана кусок мела и написал на орудиях: “Захвачено ротой ‘В’”. Он уже проделывал множество подобных трюков, как в качестве офицера, так и в качестве рядового.

Нет, каким бы невозможным это ни казалось, но хладнокровный, находчивый человек *может* обойти [противника] с фланга и фактически уничтожить большое количество врагов.

Но если оставить в стороне эти блестящие подвиги, то *стрелку* в бою приходится выполнять свою собственную работу. Это нелегко, и отнюдь не просто. Ничто не дается

---

<sup>196</sup> Известные герои американской армии Первой мировой войны. Сэм Вудфилл, когда его подразделение было вынуждено остановиться перед удачно расположенными позициями немецких пулеметчиков, выдвинулся вперед и искусно используя имеющиеся укрытия, огнем из своей винтовки подавил вражескую позицию; Элвин Йорк во время Мёз-Аргоннского наступления 1918 года из-за гибели старших офицеров взял на себя командование отделением пехоты, после чего атаковал действующее вражеское пулемётное гнездо вместе с семью другими солдатами, убив в ходе атаки 25 и взяв в плен 132 немецких солдата (в том числе четырех офицеров).

легко, когда человек спотыкается, ползет и крадется сквозь ад летящих, воющих и визжащих снарядов; по пыли или грязи, напрягая все мышцы, чтобы продвигаться [вперед], — возможно, в противогазе, который *запотеет и загрязнится*, несмотря на все [защитное] покрытие, которое может быть на него нанесено. Нет, нет, это очень нелегко.

Я прочитал книгу майора Хескета-Притчарда “Снайпинг во Франции” и нашел ее чрезвычайно интересной.<sup>197</sup> Он подробно описывает методы, используемые при подготовке снайперов в “имперских” школах. Летом 1918 года, находясь на службе в Кэмп-Перри, я также имел возможность наблюдать за работой снайперской школы, которую проводил майор Годар, получивший свою подготовку в одной из вышеупомянутых школ.

То, как они разрабатывали искусственные укрытия — камуфляж и все такое — все это было очень интересно и очень умно, но я не мог тогда, да и сейчас не могу согласиться с тем, что их система была надежной. Для использования на постоянных местах — возможно так и есть, но для войск, которые постоянно передвигаются — нет. Она требует слишком много реквизита. По моему мнению, настоящий снайпер должен “путешествовать налегке”, чтобы иметь возможность использовать все *естественные* укрытия в любой ситуации, в которой он может оказаться. Это, полагаю, и определяет суть, которую я пытаюсь донести, — что приучение людей к убеждению, что у них всегда будет “снайперский халат”, длинная трава и репейник, или другой подобный материал, с помощью которого можно обустроить скрытые позиции, — все это уменьшает их способность занять укрытие там, где ничего этого нет. Кроме того, когда вы открыты, как например, при наступлении, у вас нет целого дня, чтобы подготовить позицию, занять ее или даже сделать выстрел. Условия меняются очень быстро, и снайпер должен быть обучен действовать и стрелять сразу — или упускать такую возможность.

Под использованием преимуществ “естественного” укрытия я не имею в виду возможность забраться в какое-нибудь старое здание и устроить там маленькое гнездышко для стрельбы, хотя я много раз упоминал о том, что сам неоднократно так делал. Когда такие места в наличии, это прекрасное дело — до тех пор, пока враг не заподозрит неладное и не начнет обстреливать такое место — но они, как правило, редки, а снайпер должен быть на позиции, чтобы “делать дело” даже с середины пустого поля. Даже когда у нас было гнездо в “Снайперском амбаре”, мы имели множество других мест снаружи — за живой изгородью или даже за несколькими веточками кустарника — где не было никаких укрытий, кроме нескольких необычно длинных пучков травы. Враг всегда посвящает большую часть своего времени тщательному изучению тех мест, которые он считает *вероятными* для укрытия человека. Это может быть пень, камень, бревно — все, что может послужить укрытием. Редко когда он будет тратить время на наблюдение за тем, что кажется ему открытым пространством.

Вся моя снайперская работа велась из этого участка — я имею в виду обычную *снайперскую работу*, а не боевую стрельбу — и мы старались использовать эту позицию в амбаре, потому что она была очень удобной, хотя знали, что “фрицы” будут обстреливать ее каждый день. То, что нас там не убили, не было нашей виной. Просто

---

<sup>197</sup> Первое издание на русском языке: Майор Х. Притчард. Снайпинг во Франции. Возникновение и развитие боевой службы сверхметких стрелков (снайперов и наблюдателей-разведчиков) в английской армии в 1915-1918 г. М.: Государственное военное издательство, 1924 г. — 164 с., 29 ил.

удачей.

При любом продвижении вперед тип местности и ее окружения может сильно измениться. Из сровненной местности с воронками от снарядов и разрушенными зданиями человек переходит на сравнительно открытую местность, с растущей растительностью и стоящими зданиями — множество укрытий совершенно другого цвета и вида. То, что хорошо работало в десяти милях позади, в новых условиях навлечет [на себя] огонь. “Ну и что? Приготовьте что-нибудь *подходящее* [для этих условий]”, — скажете вы. Эй, а кто вообще все это будет таскать? Ну не Корпус же квартирмейстеров, черт возьми, — нет, они сейчас в пятнадцати милях в тылу. Нет, конечно, тащить все это на себе должны мы с тобой, — что означает, что нам придется оставить все это на исходном рубеже атаки, и нести с собой только свои винтовки, боеприпасы и, возможно, пару биноклей.

В подобных условиях стрелку редко удастся занять общепринятые огневые позиции, которые он освоил дома на стрельбище. Он должен уметь приспосабливаться ко всем видам ограниченных позиций и при этом вести точный огонь из винтовки. Обычным местом для стрельбы будет воронка или небольшое углубление в земле, при этом для пуль, которые будут летать вокруг, должно быть открыто как можно меньше анатомических подробностей. В таких условиях стрелок для производства выстрела неизменно опирает свою винтовку на край воронки, и вскоре учится пользоваться любой возможной помощью подобного рода. Я часто полагал, что на стрельбище мы не даем достаточно инструкций по стрельбе из [других] положений, в которых также можно опереть винтовку. Иногда приходится становиться на колени или на корточки, или даже вставать во весь рост, чтобы увидеть цель. В наступлении часто приходится занимать такие, менее безопасные, положения [для стрельбы], чтобы видеть или вести огонь поверх укрытия перед собой. Размышляя над этим, я не могу припомнить, чтобы когда-либо стрелял из положения сидя, — а оно тоже неплохое.

При стрельбе из траншей наш обычный способ состоял в том, чтобы встать на стрелковую ступеньку и опереться локтями на верхнюю часть бруствера, что обеспечивало очень устойчивое положение. Но верх бруствера — это точка прицеливания для всего, что только может стрелять с вражеских позиций — пулеметов, “свистелок”, стрелков и так далее, и в таком уязвимом положении долго не продержишься. Поэтому вскоре мы научились выбирать место, где брустер был разрушен, или вытаскивали пару мешков с песком со своих мест и складывали их так, чтобы обеспечить хоть какую-то защиту от огня с фронта. Затем открывали огонь по одному из флангов.

Что касается использования ремня — я сомневаюсь, что это вообще можно делать во время атаки или наступления на поле боя. Он слишком сильно сковывает человека и мешает его движениям и наблюдению; кроме того, чтобы быть действительно полезным, он должен быть подогнан так плотно, чтобы работать только в одном определенном положении [тела], а в бою вы очень часто его меняете. Но ремень очень помогает тем, кто находится на оборонительных позициях, или тем, кто может закрепиться в хорошем месте и оставаться там. В нашем сообществе я видел многих старожил, которые длительное время тренировались на стрельбище, закрепляя свои ремни для стрельбы, и оставляя их в таком положении. Для тех, кто не знаком со штатным ремнем на винтовке “Росс”, могу добавить, что он была разработан в основном для переноски оружия, и [при использовании] для стрельбы его необходимо снять с антабки приклада, пробить в нем новые отверстия, а затем стянуть так, чтобы сделать петлю

только у верхней антабки. Это делало ремень бесполезным для переноски винтовки, но в нашем сообществе всегда фиксировали и держали его в таком положении для стрельбы. Ремень — это очень ценный помощник в точном прицеливании, и войска всегда должны быть обучены его использованию.

По ходу войны для меня стал очевидным один факт, который становился все более заметным по мере того, как шли бои на Сомме и к нам стали прибывать все более и более многочисленное пополнение. Наши старослужащие бойцы, — то есть те солдаты первоначального состава батальона, которые прошли длительное и тщательное обучение стрельбе из винтовки на полигонах Канады и Англии, — помнили и извлекали пользу из своих занятий на стрельбищах. Эти ветераны всегда старались занять хорошую позицию перед стрельбой, а затем они *на самом деле искали цель, в которую можно было стрелять*. Но новички, которые практически не тренировались на стрельбище, просто падали в ближайшую воронку, высовывали ствол винтовки за ее край и пускали ее в ход. У этих парней всегда у первых заканчивались патроны. Одно это, по моему скромному мнению, является достаточным основанием для наших занятий на стрельбище и соревнований по винтовочной стрельбе.

На этапе наступления стрелок (снайпер) лучше всего работает в одиночку. Один человек может проскользнуть через множество воронок, где отделение было бы мгновенно обнаружено, а именно *отделения*, группы, интересуют вражеских пулеметчиков. Им нужна цель, на которую стоит потратить сотню или более пуль, а не один человек. И именно тогда, когда их внимание сосредоточено на какой-то вероятной цели — то есть на группе — у “одинокого охотника” появляется шанс обойти их. Конечно, у врага тоже есть свои “охотники”, и мы должны остерегаться их. Полагаю, что в немецкой армии таких стрелков называли “егерями”.

Самой аккуратной и удобной военной винтовкой, которую я когда-либо видел, [как раз] и была та, которую я подобрал у одного из этих немецких егерей, и когда я положил ее рядом с моей “Росс” для сравнения, этот наглый маленький негодяй рассмеялся мне в лицо, — и при этом у него была пробита рука. Признаю, что выглядело это смешно — то есть, рядом с маленьким аккуратным “спортером”, которым он пользовался, [винтовка] “Росс” выглядела как большая, длинная, тяжелая *дубина*. Его винтовка была изготовлена для чего-то иного, чем просто служить рукояткой для штыка. Я хотел сохранить эту красоту, но потерял ее так, как почти всегда терял все свои трофеи — потому что мы не могли носить их с собой и должны были доверять их какому-нибудь небоевому человеку на базе. Возможно, они благополучно возвращались в Канаду, но тот, кто их подбирал, редко имел удовольствие увидеть их снова.

Для эффективного использования в бою в качестве *винтовки*, оружие должно быть настолько компактным и “удобным”, насколько это возможно сделать, сохранив при этом точность и поражающую способность. Вероятно, невозможно создать мощную винтовку с продольно-скользящим затвором, которая была бы столь удобна, как маленький карабин калибра .30/30 или “седельный пистолет”, но это [лишь] мое представление о том, какой должна быть удобная винтовка. Нет, с продольным затвором и коробчатым магазином невозможно добиться такого же “баланса”, а это имеет большое значение для удобства любой винтовки. Возможно, спортер “Спрингфилд” можно было бы несколько и уменьшить. В том виде, в каком он есть, этот спортер неплох, но даже он показался бы “неуклюжим” рядом с тем маленьким “Маузером”, который я подобрал в тот день.

Сможет ли снайпер в бою выполнять работу с винтовкой, оснащенной телескопическим прицелом, — вопрос будущего. Никогда не слышал, чтобы это было успешно выполнено. Дело в том, что стрелку приходится изворачиваться и пролезать в любую дыру, которую он только может найти; зачастую продираться через глубокую грязь и воду, через камни и кустарник. Можно быть уверенным, что у него будет “адская работа” по сохранению прицела от поломки или настолько сильной разрегулировки, которые могут сделать его бесполезным. Конечно, были и будут сражения на местности, где условия позволяют сравнительно легко “носить с собой” телескопический прицел, но мы не можем на это рассчитывать — это будет исключением, а не правилом. Оптика, конечно, была бы большим подспорьем в выборе неясных целей — если бы ее можно было носить с собой.

После войны я много читал о новых типах оптических прицелов и их усовершенствованных креплениях. Многие наши ведущие спортсмены и охотники на крупную дичь утверждают, что они так же надежны и прочны, как и механические прицелы. Я ни в коем случае не могу согласиться с этим утверждением, поскольку мой личный опыт, полученный в окопах и в бою, говорит об обратном.

Телескопический прицел требует много внимания, ухода и заботы, чтобы поддерживать его в надлежащем состоянии и заставить его “оставаться неподвижным”. Я уже рассказывал о том, как много занимался снайперской стрельбой с нашей основной позиции в “Снайперском амбаре”, и как часто мы стреляли оттуда, когда шансы на то, что немецкая артиллерия обрушится на наши головы, были очень велики. Одной из главных причин, почему мне так нравилось стрелять из “Снайперского амбара”, было то, что, находясь там, можно было *правильно* ухаживать и обращаться с телескопическим прицелом. Во-первых, во время стрельбы я оставлял винтовку (и большую зрительную трубу) прямо там, укрывая под старыми тюками табака, и не было никакой опасности, что ее уронят и прицел собьется. У меня было несколько широких полос старого шерстяного одеяла, и я использовал их для закутывания всего прицела и его механизма, когда убирал винтовку. Там я мог держать объектив сухим и чистым. Под дождем работать с оптикой невозможно, даже легкий туман или дымка постоянно замутняют линзы. Винтовку нельзя пронести через мокрый или покрытый росой подлесок, не забрызгав линзы водой. Даже при выносе винтовки из сравнительно “теплого” блиндажа на открытый воздух в прохладный или сырой день, линзы могут запотеть настолько, что через них невозможно будет наблюдать. В туманное утро линзы приходится часто протирать, чтобы хоть как-то смотреть. И, наконец, нужно учитывать пыль и грязь, а вытирать крупинки грязи или песка с линз прицела нужно с большой осторожностью и чистой мягкой тряпкой, иначе вы скоро испортите стекло царапинами.

НЕТ. Я хранил свою винтовку с телескопическим прицелом вдали от грязи и дождя, где мне не пришлось бы класть ее на ночь на голую землю и [потом] обнаружить, что линзы запотевают от конденсата влаги и становятся бесполезными — причем внутри, где я не мог бы до него добраться. Подобное может очень быстро произойти с любым оптическим прибором — и биноклем тоже.

Нет, просто не всегда все происходит так, как написано в книге. Этот вопрос об использовании телескопических прицелов в военных действиях я изучил настолько, насколько смог — и даже вернулся к [вопросу] их использования “стрелками Бердана”



на нашей Гражданской войне<sup>198</sup> — и обнаружил, что у всех опыт был практически таким же, как и мой. Если вы правильно расположились, прицелились и хорошо настроили телескопический прицел — *все хорошо*, и можно идти вперед, как на пожаре, *пока есть время*. Но если что-то выбивает вас из колеи — а некоторые мелочи *могут* сбить телескопический прицел — вам исключительно не повезло, пока у вас не появится время пристреляться снова.

Повторюсь еще раз — именно поэтому я предпочитал, чтобы на винтовке были установлены и закреплены открытые прицельные приспособления, чтобы можно было использовать либо их, либо телескопический прицел. Если условия не позволяли его использовать, или он “барахлил”, я начинал *прямо с этого места, где находился*, и использовал эти открытый прицел. Выдавайте вторую винтовку только с открытыми прицелами, говорите? Слушайте, вы, сегодня утром я оставил эту винтовку в блиндаже, а [сейчас] мы здесь, в этой воронке от снарядов, сидим целый день, и не сможем вернуться [обратно] до темноты. К тому же, если подумать, [допустим], я “потерял” вторую винтовку, — так какого черта, вы что считаете, что я буду чистить винтовки для всего батальона?

Мне лично никогда не доводилось выступать на поле боя в роли современного стрелка, будучи вооруженного винтовкой “Росс” с телескопическим прицелом “Warner & Swasey”, поэтому я не могу поделиться никаким реальным опытом относительно того, как телескопический прицел *мог бы* работать в таких условиях. Не думаю, что он выдержит необходимое грубое обращение, а для настоящей точной стрельбы — между прочим, единственного вида стрельбы, который хоть чего-то стоит, — он быстро выйдет из строя. Но дополненный обычными открытыми механическими прицельными приспособлениями, он будет работать, и даже если в нем сойдет наводка, или его перекрестие расшатается, такой прицел все равно будет великолепно подходить для ведения наблюдения. Можно было легко искать цель в сбитый [телескопический] прицел, а затем поражать ее с помощью открытого прицела, как только она найдена, — ведь обнаружить цели на поле боя очень трудно. Кроме того, для таких условий, как сейчас, винтовка должна быть оснащена магазином, который можно использовать в любое время; ни один современный стрелок, каким бы хорошим он ни был, с однозарядной винтовкой в руках далеко не продвинется.

Мое собственное представление о подходящем [телескопический] прицеле для такой боевой стрельбы — это прицел с абсолютно *жестким* креплением, который выдержит любые условия эксплуатации. Если уж на то пошло, то жесткое крепление — это единственный вид крепления, который можно рассматривать для всякого рода снайперской работы, и [в качестве одного] нельзя использовать обычный кронштейн, где прицел сдвигается вперед от отдачи и должен оттягиваться назад рукой после каждого выстрела. Вся конструкция должна быть *прочной и жесткой*, без всяких внешних пружин, амортизаторов или других подобных приспособлений. Если без них не обойтись, поместите их внутрь прицела, где они не будут мешать, а также в них не будут попадать грязь и пыль. Для изменения угла возвышения и бокового смещения должны быть предусмотрены достаточно крупные устройства, за которые можно ухватиться и

---

<sup>198</sup> Пехотная бригада, сформированная во время Гражданской войны в США полковником Хайремом Берданом в составе Потомакской армии федеральных войск (т.н. “Стрелки Соединенных Штатов”), и комплектовавшаяся лицами, умеющими метко стрелять.

которые показывают настройки как простыми цифрами, так и “щелчками”. Я не хочу, чтобы на линзе объектива были какие-либо приспособления для определения дальности, выгравированные риски, боевые лозунги или что-либо подобное — главное, что необходимо, это максимально возможное, совершенно ясное и четкое поле зрения с определенным перекрестием в нем — и ничего более.

Что касается увеличения, или кратности. Для прицела общего назначения, который будет использоваться при любой погоде и в любых условиях — а также наступающими войсками — считаю, что трехкратное [увеличение], это примерно столько, сколько требуется, возможно, достаточно будет и двух с половиной. Широкое поле [зрения] и четкая видимость в большинстве случаев важнее, чем кратность. Но когда дело доходит до настоящей честной снайперской стрельбы, с подготовленной огневой позиции и с наблюдателем в помощь, где дальность стрельбы может достигать семи и даже восьми сотен ярдов, можно использовать значительно бóльшую кратность, и даже восьмикратный прицел — это не слишком много.

Много написано о различных типах “прицельных нитей” для телескопических прицелов. Что ж, пусть спорят. Неважно, какой у вас тип, будь то перекрестие, “пеньки” или что-то еще, — человек, который попытается поймать маленькую, неясную цель, которая настолько заляпана грязью и пылью, что выглядит как любая другая часть пейзажа, вскоре обнаружит, что эта штука мешает и закрывает часть поля зрения, который он хочет рассмотреть. Найти голову сурка на расстоянии одной-двух сотен ярдов — проще простого по сравнению с поиском маленького круглого, покрытого грязью шлема на расстоянии двух-трех сотен. Отчасти эта проблема связана с тем, что после того, как поле [боя] в течение часа или двух взрыхляли и перепахивали снарядами, [на нем] ничто не будет выглядеть естественным. Все сбивается в кучу, и остается лишь безумная, футуристическая картина, не похожая ни на что.

Поле боя вскоре приобретает странный и гротескный вид, а обычные предметы и объекты, такие как деревья, кусты, каменные стены, здания и т.д., становятся настолько искаженными и выкрученными, что выглядят как вещи, которые можно увидеть лишь в безумном сне. Люди, ползущие на таком фоне и в таком хаосе, становятся как бы частью всего этого “безумного лоскутного одеяла”, и вычленив отдельного человека на любом расстоянии, кроме самого близкого, практически невозможно. Но у стрелка есть чем заняться. Он может без особых проблем обнаружить отдельных людей в бинокль или зрительную трубу, — но при попытке найти того же человека через прицел, его проблемы только начинаются. Можно заметить своего человека рядом, или над, или под определенным пнем, столбом забора или кустом, но когда стрелок попытается поймать эту конкретную точку, даже при использовании телескопического прицела, прицельные нити, “пенёк” или определенное перекрестье, которые он использует, могут перекрывать достаточно окружающего пейзажа, чтобы было трудно или невозможно с уверенностью [определить], что он целится в того человека, в которого хочет попасть.

В таких условиях практически любой вид прицельных сеток имеет свои недостатки, и я не уверен, но обычное перекрестие не лучше любого другого. С одной стороны, горизонтальная линия перекрестья очень помогает удерживать винтовку от сваливания, а при стрельбе с ограниченной позиции или из амбразуры завалить винтовку очень легко. С другой стороны, на поле боя нет ничего, что могло бы сочетаться или выглядеть так же, как эти точно нарисованные нити перекрестья, неизменно распо-

женные под прямым углом — они *всегда* выделяются на фоне пейзажа. Многие отдают предпочтение перекрестью [в виде] “пенька” из-за его бóльшей видимости и солидности, но бывают случаи, когда он сливается с целью или окружающим фоном, а средний “пенёк” загораживает слишком большую часть цели, особенно если вы вынуждены “брать высоко” для дальнего выстрела. Установите прицел выше, говорите? Черт возьми, сейчас на это нет времени.

Я говорю об этих различных моментах для тех, кто использует прицел типа “Winchester”, где [прицельные] сетки можно менять по своему усмотрению. На многих прицелах выбора нет, так как сетка выгравирована на линзе, и это имеет свои преимущества — нет опасности, что ваши нити перекрестья сломаются. Во всяком случае, мне выдали прицел с перекрестием, и хотя оно было намного тоньше, чем у многих других типов телескопических прицелов, не раз случалось, что оно загораживало цель, по которой я хотел стрелять. Поэтому после многих испытаний и мучений (не знаю, что означает это слово, но звучит оно хорошо) я пришел к выводу о целесообразности выбора своей “точки прицеливания” прямо в верхней правой стороне перекрестия, во внутреннем углу, а вовсе не по его центру. И это сработало — единственное, что нас волновало в те дни. Теории и теоретические рассуждения хороши, когда у тебя много времени на выстрел и в тебя никто не стреляет, но когда ты вступаешь в активную войну, важны обычные, повседневные, практические вещи.

Самым лучшим устройством, с которым я когда-либо сталкивался в этой области, был немецкий оптический прицел, который мы добыли у пленного пулеметчика, и в котором не было ничего, кроме пирамидки янтарного цвета в нижнем секторе. Очевидно, точкой прицеливания была вершина пирамидки, которая находилась точно в центре поля [зрения]. Можно было навестись на цель или на любое ее место, и ничего не загораживалось. Мне показалось, что это очень хорошо, но у меня так и не появилась возможность опробовать [его]. В те дни на этом участке [фронта] все происходило слишком быстро, чтобы уделять время экспериментам, поэтому я сдал его на “склад артиллерийско-технической службы” и получил заверения, что он будет оснащен креплением для использования на одном из наших пулеметов. Однако этого так и не произошло, и вскоре я забыл о нем.

Все, что я написал до сих пор, было основано на моем личном опыте, полученном в 1915-1918 годах, когда я использовал доступные на то время телескопические прицелы. С тех пор многие квалифицированные стрелки спрашивали меня, не считаю ли я, что в новых и более совершенных прицелах уже преодолены все проблемы и недостатки тех ранних образцов, которыми пользовались мы. Мне трудно обсуждать достоинства современных телескопических прицелов, потому что, как сказал бы Уилл Роджерс: «Все, что я знаю, это то, что я читаю в газетах».<sup>199</sup>

Впрочем, это не совсем точно. Я пользовался некоторыми из них со времен войны, но последний раз это было примерно в 1930 году, с тех пор было сделано много улучшений, и все, что мне известно об этих улучшенных прицелах, это то, что я прочитал в различных спортивных журналах. Однако, зная большинство людей, которые писали об этих новых прицелах, могу смело верить им на слово [в том], что телескопический прицел наконец-то определенно *появился* и подходит для использования повсюду

---

<sup>199</sup> Уильям Пенн Эдер «Уилл» Роджерс (англ. *William «Will» Penn Adair Rogers*, 1879 – 1935 гг.) — американский ковбой, комик, актёр и журналист.

ду — даже против бегущей дичи и в густом лесу.

То, что в 1915 и даже в 1918 году это было далеко не так, хорошо известно всем, кто имел хоть какое-то отношение к оптическим прицелам того периода. Те, что были у нас тогда, были капризны, как киноактрисы, и с ними нужно было нянчиться примерно в той же степени. У нас был “Winchester 5-A”, и я считаю его лучшим на тот момент, но и он доставил нам немало хлопот во время использования в стрелковой школе в Кэмп-Перри. Это был единственный тип [прицела], который у нас там был, но до этого я экспериментировал с несколькими другими, которые были выпущены нашим Артиллерийско-техническим управлением, а во время снайперской работы во Фландрии я использовал призматический прицел “Warner & Swasey”, о котором я так часто упоминал на протяжении всего этого повествования, и нашел его по крайней мере не хуже любого другого, который попадался мне до того времени.

Я всегда утверждал, что в дополнение к телескопическому прицелу у человека на винтовке должны быть открытые механические прицельные приспособления, готовые к использованию в любой момент, и я не собираюсь отказываться от этого утверждения сейчас, даже если телескопические прицелы ничуть не хуже того, что о них рассказывают. Мне все равно, насколько они хороши и надежны; они всегда были и будут довольно хрупкими инструментами, которые нужно носить и таскать по полю боя, и я уверен, что иногда они будут выходить из строя в результате грубого использования.

Когда это произойдет, стрелку нужно будет на что-то опереться, а если [открытый] прицел был снят, чтобы освободить место для крепления телескопического прицела, то ему просто не повезло (S.O.L.), вот и все. Лишь по этой причине я предпочитаю прицел с боковым креплением, позволяющим в любой момент использовать либо телескопический прицел, либо открытый. Теоретически, по мнению наших экспертов, если прицел установлен прямо над стволом винтовки, вероятность ошибки меньше. А теперь объясните мне, какая разница, где находится прицел — на два с половиной дюйма выше, или сбоку, или даже под стволом? Знают ли они хоть одного человека, который может вынести [точку прицеливания] на такую величину на любой дистанции от двухсот ярдов и далее? Я не знаю.

В реальном снайпинге — [то есть] на войне — самая большая трудность это найти цель через прицел. Именно поэтому на протяжении всей книги я твержу о необходимости иметь “большую-пребольшую” прорезь в целике, если вы пользуетесь открытым прицелом, или широкое поле зрения при использовании телескопического прицела. Наблюдатель (или ваше собственное зрение) описывает “цель” в привязке к какому-то заметному близлежащему объекту-ориентир, и если стрелок не видит этот объект и значительную часть окружающей [его] местности, он, скорее всего, вообще не сможет определить местонахождение указанной цели, когда посмотрит через прицел. Вражеские люди не показываются и не подвергают себя риску больше, чем это абсолютно необходимо, когда находятся в пределах легкой снайперской дистанции. Во всяком случае, не после того, как несколько из них будут сбиты с ног. Если в них не стреляли, как это было с нами, когда мы только начинали снайперскую кампанию, они, вероятно, будут очень беспечны, но не потребуется много времени, чтобы они научились держаться в укрытии. Когда мы только стали вести снайперскую работу и на протяжении нескольких недель после начала, у нас было много хороших выстрелов каждый день, однако перед тем, как я ушел, примерно через два месяца, было много дней, когда мы не видели ни одного немца. Когда же нам все-таки *выпал* шанс, то обычно

это было всего лишь попадание в одну из маленьких круглых “пятен”, которые настолько сливались с окружающим пейзажем, что были практически незаметны. Часто я стрелял, просто отмечая через сильную зрительную трубу или бинокль некоторые приметные объекты вблизи цели и “вынося” потом от них [точку прицеливания] — не видя в прицеле само “яблочко мишени” — и иногда мне удавалось попасть в нужную точку.

После того, как все сказано и сделано — еще одна красиво звучащая фраза, или, может быть, песня, не помню, — остается лишь одно крупное препятствие в деле подготовки отдельных стрелков, обученных использованию всех этих новых и сложных винтовочных телескопических прицелов и креплений, оценке дальностей, постройке скрытных снайперских постов, зачистке вражеских пулеметных гнезд и иным способам успокоения, ослабления и “укокошивания” врага. Остается одна большая трудность, которую очень трудно обойти, и я давно задаюсь вопросом, что можно с этим сделать.

Человек, который обучен всем этим вещам, оказывается бесценным парнем в роте; гораздо, гораздо лучше, чем сотни других, которых мы поспешно собрали вместе в попытке сформировать то, что станет нашей следующей американской армией военного времени. Он выделяется среди остальных, будучи одним из немногих, кто знает, что делать самому, а также знает, как научить этому других. В этом и заключается вся сложность. [Какой] результат? Этим обученным стрелкам редко разрешают продолжать пользоваться винтовкой, их повышают в звании или ставят на должность и поручают более важную работу или назначение. Ибо общепризнанным фактом является то, что человек, обладающий мозгами и способностью учиться делать то, что требуется от современного индивидуального стрелка, быстро оказывается там, где эта способность якобы представляет бóльшую ценность — на каком-нибудь командном посту.

Что с этим можно сделать? Единственное, что я вижу, это обучать и развивать такое чертовое количество этих парней, чтобы на всех просто не хватило [аттестационных] комиссий. Тогда мы сможем удержать нескольких из них в строю — и использовать эти винтовки. [Поймите правильно], не то чтобы это принесло вред, если все эти стрелковые способности и знания будут в высших чинах — отнюдь нет.

Есть и еще одна мысль. В наши дни, в современной войне мы обычно видим, что противоборствующие армии примерно равны по численности — по крайней мере, среди тех частей, которые вступают в реальный контакт на поле боя. Вы когда-нибудь думали, что произойдет, если в нашей следующей войне мы сможем вывести в поле американскую армию, в которой все пользователи винтовок достаточно обучены [для того], чтобы каждый из них мог попасть и убить одного вражеского солдата. Всего ОДНОГО. ПОДУМАЙТЕ ОБ ЭТОМ.

### “Эмма Джис” (Пулеметы)

Вплоть до начала мировой войны пулемету уделялось мало внимания — как бы странно это не казалось, учитывая тот факт, что оружие подобного типа использовалось уже около сорока или пятидесяти лет. Не знаю, когда была опробована первая *mitrailleuse*,<sup>200</sup> но знаю, что к тому времени, когда я стал достаточно взрослым, чтобы замечать такие вещи, где-то в начале 80-х годов, доктор Гатлинг усовершенствовал свой пулемет, и что он очень эффективно использовался во время Испано-американской и Южно-африканской войн.

По какой-то причине тот, кто написал первый учебник по этому предмету, вставил в него утверждение, что: “Пулеметы — это оружие случая”. Что именно он имел в виду, я судить не берусь, но эта фраза, похоже, пришлась по вкусу другим авторам подобных учебников; а их читатели, взяв пример с учебника, вероятно, решили, что эти пулеметы — всего лишь некая побочная тема, которую вряд ли стоит принимать во внимание всерьез, когда речь идет о реальной схватке между конными или пешими солдатами.

Но совсем по-другому обстоят дела с нашим кузеном “фрицем”. Он “достаточно подкован” в этом деле, и когда Германия вступила в последнюю большую войну, у нее оказались лучшие пулеметы и в бóльшем количестве, чем все союзные войска смогли разработать и произвести за все четыре года конфликта. У кого-то это может вызвать вопли, но есть факты, подтверждающие это утверждение. Ни на одном этапе игры у нас не было ни такого количества, ни таких хороших пулеметов, как у немцев. Хочу, чтобы [вы] поняли, что под *хорошими пулеметами* я имею в виду как треноги и станки, так и их стрелковую часть. Эти основательные немцы поняли — в какое-то время до 1914 года — многое из того, до чего мы так и не смогли допереть. Конечно, мы их победили, но не потому, что у нас было лучшее снаряжение — просто его было чуть больше, а потом стало намного больше.

Я не так много знаю обо *всех* различных типах пулеметов, использовавшихся во время войны, но о *некоторых* из них я знаю достаточно много. Мы (мое подразделение) были вооружены пулеметами “Кольт” — с длинноногими треногами и всем остальным. Ну, конечно, первым делом мы отпилили у треноги ножки, опустив их до приемлемого уровня. Затем один из наших механиков-гениев придумал приспособление, с помощью которого наводчик мог откидывать рычаг, не бегая перед пулеметом.<sup>201</sup> Позже у нас появился “Виккерс-Максим” с гораздо лучшим станком,<sup>202</sup> но я

---

<sup>200</sup> Митральеза или по-русски — картечница. Происходит от французского слова *mitraille* — картечь. Употреблявшееся во второй половине XIX века французское название скорострельного многоствольного артиллерийского орудия, которое вело залповый огонь патронами винтовочного калибра и имело полностью ручную перезарядку. Впоследствии во французском языке словом *mitrailleuse* стали называть (и называют поныне) любой пулемёт. В английском языке этот термин утвердился лишь в своём изначальном значении, и используется для обозначения ведущего огонь залпами многоствольного орудия винтовочного калибра.

<sup>201</sup> Имеется ввиду пулемет “Кольта-Браунинг” образца 1895 года. Первый образец пулемета, в котором использовался принцип отвода пороховых газов. Характерной особенностью пулемета был массивный рычаг газового поршня под стволом, качающийся при стрельбе и буквально взрыхляющий землю

никогда не встречал ни одного пулемета, который был бы настолько безопасен для стрельбы поверх голов [своей] наступающей пехоты, как “Кольт”. Другими словами, у него меньше рассеивание по вертикали, чем у любого другого оружия, которое я только видел — и это вплоть до нынешнего благодатного 1932 года. Этот старый “Кольт” уверенно держал превышение. Часто я стрелял очередями по десять выстрелов по мишени на тысячу ярдов, и видел, как стреляли другие, при этом ни одна пуля не выходила за пределы “яблочка”.

И, кстати, если я не забыл, есть еще один хороший аргумент в пользу пулемета “Кольт”, — он имеет воздушное охлаждение. Говорите, что хотите, но добывать воду там, где ее нет, и держать этот устаревший конденсатор, шланг и все остальное при себе, готовое к подключению, когда вы ползаете по всему загроможденному хламом полю боя, не так-то просто. А как эта вода выкипает! Несмотря на самое осторожное использование конденсатора, она быстро испаряется, и тогда возникает проблема, как ее восполнить. Даже если действие происходит буквально на берегу реки, пройти несколько футов и вернуться обратно может оказаться непосильной задачей; и часто на мокрых от дождя полях Фландрии, где все просто *вымокало*, нам не удавалось раздобыть достаточно воды, чтобы наполнить кожух [ствол]. По многу раз членов расчета призывали “сделать воду”, и есть своего рода мрачный юмор в том, что в таких случаях мало кто мог предоставить товар: нет, ни капли. Еще одна — психологическая или, возможно, патологическая — проблема.

Немецкие пулеметы более тяжелого типа — полагаю, что это были пулеметы типа “Максим-Норденфельд” — имели станки, которые включали в себя полукруглые лимбы как вертикальной, так и боковой наводки, проградуированные в градусах и тысячных. У них также были встроенные в раму спиртовые уровни, точно такие же, как на любом геодезическом теодолите. Кроме того, у них были внушительные щитки, которые обеспечивали значительную защиту наводчиков и еще бóльшую защиту самого пулемета. Наши станки, даже на [модификации] Mark IV, являвшейся самой последней из тех, о которых я знаю лично, не имели всех этих усовершенствований, и все поправки нам приходилось делать с помощью простого компаса, который держали в руке, и клинометра или квадранта, точно таких же, которые использовались в артиллерии. Что касается защиты пулемета или расчета, то ее не было вовсе.

Одна шальная пуля могла — и часто выводила — наводчика из строя, но, конечно, наводчики, как и лейтенанты, являются “расходным материалом”, поэтому это было не так серьезно, но если пуля попадала в казенную часть пулемета, это было очень плохо. Даже если пуля пробивала только водяной кожух, это выводило оружие из строя за короткое время. Чтобы выстрел спереди приводил к попаданию в какую-либо часть оружия, за исключением нескольких дюймов от дульного среза, — в немецких пулеметах такое было невозможно. Единственным способом *подавить* их ружейным огнем, было занять позицию на фланге или в тылу.

В армии США пулемет “Льюис” классифицируется как “легкий пулемет”, и я не могу возразить против этого названия. Мы считали их — и называли — автоматическими винтовками, но я не склонен спорить с теми, кто предпочитает относить их к классу собственно пулеметов. Это замечательное эффективное оружие, как бы вы его

---

при низкой установке пулемета, из-за чего его прозвали “картофелекопалкой”.

<sup>202</sup> Пулемет “Виккерс” (англ. *Vickers*) под британский патрон .303-го калибра различных модификаций, в основе которого лежит усовершенствованная конструкция пулемета Хайрема Максима.

ни называли, и мы были очень рады получить его для использования в наступающих войсках. Это оставило пулеметы более тяжелых типов — *настоящие* пулеметы! — для ведения прицельного и неприцельного огня по линиям коммуникаций противника, в то время как люди с пулеметами Льюиса могли продвигаться вместе с пехотой.

Единственными французскими пулеметами, которые я когда-либо встречал, были “Гочкисс” — *ток, ток, ток!* — в которых использовались обоймы, кажется, на тридцать патронов.<sup>203</sup> Некоторые из легких немецких пулеметов, относящихся к семейству автоматических винтовок, имели схожую конструкцию, но в дополнение к ним был еще один, называемый “Парабеллум”. У этого пулемета ствол был закрыт фланцевым алюминиевым кожухом и внешним кожухом из легкого металла, очень похожим в некоторых отношениях на ствол пулемета “Льюис”, но более длинным и тонким, и с отверстиями в этой внешней оболочке. Скорострельность этих пулеметов была выше всех остальных, которые я когда-либо видел.<sup>204</sup>

Что же касается пулеметов “Браунинг”, то вынужден признаться в своем полном неведении.<sup>205</sup> Насколько мне удалось узнать, лишь немногие из них использовались в реальных боевых действиях. По общему виду и конструкции они очень напоминают различные типы “Максимов” — либо “Виккерс-Максим”, либо более легкий “Максим-Норденфельд”. Обладают ли они какими-либо заметными преимуществами перед этими пулеметами, я не знаю; и если они не выдержали испытания длительной и напряженной [военной] кампанией в условиях современной войны, можно с уверенностью сказать, что этого не знает никто другой. Настоящее испытание любого *боевого средства* возможно только в реальных условиях его службы.

Наша пулеметная подготовка в Канаде состояла из, во-первых, очень подробного курса по изучению конструкции и механических особенностей самих пулеметов, способов быстрой и эффективнейшей замены сломанных или поврежденных частей, выявлению и устранению многочисленных неисправностей, которые перечисляются под всеобъемлющим названием “отказы”; во-вторых, из ежедневных энергичных тренировок, принимавших форму соревнований, по быстрой установке, снятию и перемещению пулеметов, сопровождавшихся корректировкой прицела и отработкой прицеливания, и, в-третьих, из многодневных практических стрельб служебными боеприпасами на полигоне Барьефилд. Эти стрельбы были ограничены стрельбой прямой наводкой, но поскольку они включали в себя все виды медленной и быстрой стрельбы, как по круглым, так и по силуэтным мишеням, на всех дистанциях от двухсот до тысячи ярдов, и поскольку запас боеприпасов был не ограничен, каждый человек имел достаточно возможностей для того, чтобы досконально ознакомиться со всеми этапами фактического обращения с оружием и стрельбы из него, а также со снаряжением лент, как с помощью машинок, так и ручным способом.

Пулеметный расчет состоял из шести человек, имевших номера с первого по ше-

---

<sup>203</sup> Гочкисс (фр. *Hotchkiss*) — французский станковый пулемёт под патрон 8×50R Лебель. Первоначально в нем использовались обоймы в виде жёсткой латунной ленты. Оружие изготавливалось французской фирмой «Гочкисс и К°», имело многочисленные модификации.

<sup>204</sup> Автор имеет ввиду немецкий пулемет MG 14/17 (или просто MG 17) — пехотный вариант легкого пулемета LMG 14 образца 1917 года с воздушным охлаждением.

<sup>205</sup> Пулемёт “Браунинг” M1917 с водяным охлаждением был принят на вооружение в 1917 году и использовался в американской армии вплоть до войны во Вьетнаме.



стой, каждый из которых выполнял определенные обязанности. Первым номером назначался ланс-капрал, он был командиром расчета и вел реальную стрельбу. Однако во время обучения нас часто меняли местами, так что каждый человек по очереди выполнял обязанности каждого номера. Постоянных назначений в пулеметных расчетах не было до тех пор, пока мы не отправились из Англии на фронт.

В Англии курс обучения был расширен и включал [в себя] практику на миниа-  
тюрных мишенях различных видов с траверсированием: горизонтальным, диагональ-  
ным и вертикальным.<sup>206</sup> Затем мы возобновили стрельбу на полигоне Хайт, сначала  
по круглым мишеням, а затем по длинным рядам отдельных силуэтов, устанавливае-  
мых на упорах, которые падали при попадании. Обычно это был огонь в целях под-  
держки атаки, который начинался короткими очередями примерно с шестисот ярдов, а  
затем пулемет быстро переносился вперед, устанавливался снова и продолжал вести  
огонь. Два пулемета работали вместе, один из них вел огонь, в то время как другой вы-  
двигался вперед, как это делается при “броске вперед” пехоты. У нас редко возникали  
трудности с уничтожением всех целей в короткие сроки, но я видел несколько других,  
неопытных подразделений, которые проходили через ту же самую демонстрацию, на  
том же самом стрельбище, когда им приходилось выводить оба пулемета на дистанцию  
в двести ярдов, прежде чем закончить работу.

Но вопрос огня непрямой наводкой все еще оставался лишь вопросом теории. Некоторые из нас тщательно его изучали, но не имели возможности опробовать свои идеи на практике, пока во время нашего последнего посещения стрельбища, за не-  
сколько дней до отплытия во Францию, мы не провели несколько часов в эксперимен-  
тах. Нашими единственными “инструментами”, помимо карты, угломерного круга и  
компаса, были обычный плотничный угольник и уровень. С их помощью и за счет, в ос-  
новном, силы и выносливости нам удавалось попадать в мишени на дистанциях от 900  
до 1100 ярдов. На следующий день мы получили клинометры — квадранты — такие же,  
какие используются в легкой артиллерии. Они, вместе с призматическими компасами,  
угломерными кругами, картами и таблицами превышений, составляли все оборудова-  
ние для ведения огня, с которым мы вышли на поле боя. Конечно, существовали мно-  
гочисленные и порой удивительные приспособления, создаваемые и предлагаемые для  
упрощения проблем пулеметного офицера, но многие из них не имели практического  
применения, и ни одно из них не оправдало надежд изобретателей.

Я собрал довольно много этих новинок, и у меня до сих пор есть несколько. Одна  
из них сейчас передо мной: “Угломерный круг пулеметного офицера” капитана Х.К.  
Чартериса, управление полигона Хайт. Он очень сильно напоминает мне угломерную  
линейку, которая была введена в нашей (американской) армии несколько лет назад.  
По сравнению с той линейкой, которую я видел, этот круг в одном отношении улуч-  
шен, так как имеет небольшой металлический диск на конце прицельной нити, с не-  
большим отверстием, через которое можно вести прицеливание. Его градуировка но-  
сит название “угломерная сетка” вместо тысячных, но назначение [ее] то же, — она  
должна быть полезной для определения любой заданной дистанции. Теоретически эти  
инструменты, включая угломерную линейку, все хороши, и их использование в учеб-  
ных классах может быть оправдано из-за умственных упражнений и тренировок, кото-  
рые возникали вследствие обнаружения и определения отдельных видимых объектов

---

<sup>206</sup> То есть с переносом огня.

на местности; но когда дело доходит до вопроса их практического использования на войне, то насколько я могу судить, это просто лишний багаж. Даже если бы человек мог стоять во время боя на открытом месте достаточно долго, чтобы взять хоть один тщательный прицел с помощью одной из этих проклятых штуковин, то мне представляется, что единственное, что они делают, так это заменяют множество неопределенностей одним хорошим предположением — другими словами, у человека чертовски больше шансов сделать одно хорошее предположение на [данной] дальности, не возясь с одной из этих штуковин, чем получить надежные ответы на все “если” и “может быть”, которые влечет за собой их использование. Например: какого роста человек? (Он может быть шестифутовым гвардейцем или солдатом бригады “бенгам”).<sup>207</sup> Какой высоты дерево, дом или церковь? Какова длина вагона, грузовика или тележки? Какое расстояние между телефонными столбами? Если вы можете дать правильный ответ на любой из этих вопросов, то вам придется столкнуться с тем фактом, что вряд ли два человека могут смотреть через одно и то же отверстие и видеть совершенно одинаковые вещи. Различия в остроте зрения, степени устойчивости, с которой держится прибор, характере игры света и теней и т.д. — все это исключает вероятность единообразия результатов, получаемых разными людьми. Это было убедительно доказано мне во время занятий в армейской стрелковой школе в Кэмп-Перри в 1918 году, когда из группы в тридцать с лишним офицеров от силы четверть [из них] смогла получить одинаковый результат, даже при прицеливании по водонапорной башне, высота которой была известна с точностью до фута.

Когда я уезжал в Канаду, я прихватил с собой одну из линеек управления огнем Хитта-Брауна, полагая, что она может оказаться полезной. Однако я был разочарован, поскольку печать в ней настолько мелкая, что даже тогда, когда у меня было отличное зрение, я не мог прочитать буквы или цифры без использования лупы. В любом случае, вся информация на линейке приводилась для американского патрона 1906 года, поэтому она не подходит для британского патрона .303-го калибра.<sup>208</sup> На том приспособлении капитана Чартериса была начертана полезная информация — углы превышения и понижения [траектории], конусы рассеивания и т.д. — все это иногда было полезно, но вскоре я его выбросил, поскольку все эти таблицы у меня были на целлюлоидном угломерном круте, который я считал более подходящим для моей работы по сбору и накоплению данных о стрельбе. Во всей нашей работе, при обозначении целей, внесении поправок на дальность и т.д., мы использовали градусы и угловые минуты, как в артиллерии. С системой “тысячных”<sup>209</sup> я был знаком с тех пор, как она была вве-

---

<sup>207</sup> Бенгам (англ. *Bantam*) — словечко, используемое в Британской Армии для обозначения солдата ростом ниже минимально установленного для военнослужащего. Во время Первой мировой войны минимальные требования к росту призывников были снижены с 5 футов 3 дюйма (160 см) до 5 футов (150 см), что позволило призвать физически крепких и здоровых молодых людей невысокого роста и сформировать из них несколько подразделений.

<sup>208</sup> Такая линейка (*Hitt-Brown Fire Control Rule*) представляла собой пластиковый прямоугольник с вращающимся кругом, на котором были нанесены все баллистические данные для стрельбы валовым американским патроном .30-го калибра. Линейка позволяла быстро определять поправки при стрельбе на различных дистанциях.

<sup>209</sup> В нашей стрелковой и артиллерийской практике — тысячная, в англоязычных странах — мил (*mil*, сокр. от *milliradian*).

дена в Армии США, но должен признаться, что до нынешнего 1932 года, так и не смог составить ни малейшего представления о том, *зачем* она нужна, и есть ли в ее использовании хоть какое-то реальное и *практическое* преимущество, — мне или в моем присутствии этого никогда не объясняли. Каждый стрелок в Соединенных Штатах и в британских владениях знаком с *[угловой] минутой*, как мерой, используемой для изменения превышений или отклонения по горизонтали. Возможно, некоторые из них не знают, что это всего лишь шестидесятая часть градуса или что угол, равный одной минуте, на расстоянии в одну милю соответствует [дуге] в восемнадцать дюймов, но зато *все знают*, что изменение в одну минуту равно одному дюйму на каждые сто ярдов дистанции. (Миля равна 1760 ярдам, а минута на такой дистанции равна восемнадцати дюймам, что достаточно близко для всех практических задач). Когда бы нам ни пришлось создавать настоящую армию для войны, мы будем брать людей из всех слоев общества; но независимо от их обычного [гражданского] призвания, они будут иметь общее представление о структуре круга и его делениях, используемых астрономами, навигаторами, инженерами и геодезистами во всем мире, — и действительно *понятных* основному составу стрелков, с которыми нам придется начинать. В чем же состоит преимущество попыток заставить их изучать что-то совершенно другое, что, по моему скромному мнению, не сможет ни в малейшей степени повысить их эффективность? Времени на обучение и подготовку в лучшем случае будет слишком мало, так зачем усложнять ситуацию больше, чем это необходимо?

Изобретательность, время и деньги, потраченные впустую образованными теоретиками, при правильном применении могли бы помочь выиграть почти любую войну. Я не смею и пытаться перечислить все чудесные и удивительные устройства, которые попадались мне на глаза во время войны как на британской, так и на американской службе. Нам даже выдали множество тщательно изготовленных матерчатых масок и шейных повязок из похожего материала цвета хаки для использования во время ночных рейдов. Никто, конечно, никогда ими не пользовался: намазаться грязью было гораздо лучше и проще. Затем появились стальные щиты, установленные на двух маленьких колесах, которые бойцы должны были толкать перед собой, когда шли в атаку. Я видел их в разных местах за линией фронта, но никогда не видел на передовой, так как было очевидно, что люди не могут тащить их по ничейной земле. Самые дорогие дальномеры — полезные в нужном месте — часто попадались во всем своем сверкающем метровом великолепии яркой и блестящей латуни торчащими в грязи рядом с траншеями, куда их бросали непутевые люди, которые с трудом притащили их из тыла.

Когда мы, наконец, добрались до фронта, напротив Мессин, у нас появился шанс потренироваться в стрельбе из пулеметов — в смысле, в стрельбе прямой наводкой. Немецкая позиция располагалась вдоль Мессинского хребта, а наша — на такой же высоте, через долину речки Дув. Расстояние от гребня до гребня составляло около мили, но передовые траншеи обеих сторон были выдвинуты так, что их разделяло всего триста ярдов. С тщательно укрытых наблюдательных пунктов, расположенных вдоль гребня, мы смогли обнаружить несколько важных складов и пунктов сбора на вражеских позициях. Эту работу начал пулеметный офицер уходящего [полка] суррейцев, и мы продолжили ее [с того места], где он ее закончил. Там мы использовали только один пулемет, расположенный достаточно далеко от гребня холма, чтобы он был в безопасности от прямого наблюдения противника. В качестве карт использовались точные официальные карты этого района, на которых была нанесена «координатная сет-

ка” с квадратами стороной в 1000 ярдов, разделенными на четверти, и эти пятисотярдовые квадраты размечались вдоль линий штриховыми отметками, которые как по горизонтали, так и по вертикали должны были обозначаться при описании местоположения цели цифрами от одного до десяти. По такой системе мы могли определить местоположение любой цели с точностью до пятидесяти ярдов и, используя дополнительную серию цифр, довести ее до пяти ярдов. Горизонтالي на картах отмечались в метрах.

Перед началом стрельбы мы составляли карточки дальностей, используя одну из обычных карт и нанося на нее линии, идущие от позиции пулемета к различным целям, которым присваивались буквы алфавита. Линии прицеливания определялись по компасу и проверялись, по возможности, путем отправки человека в тыл, где с высоты он мог визировать и пулемет, и цель. Затем другой человек, выползая перед пулеметом, вбивал колышек в месте, указанном наводчиком, на прямой линии от пулемета к цели, и на колышке четко прописывалась буква определенной цели. Уходящие “сurreйцы” уже обнаружили несколько важных мест в пределах немецких траншей. Одно из них, которое мы называли “Привал поваров”, был местом, куда ночью для людей на передовой прибывали полевые или передвижные кухни с пайком на следующий день, и где каждый вечер вскоре после наступления темноты собирались продовольственные партии. Это была наша первая цель, и наш первый ночной обстрел был очень успешным, о чем свидетельствовали мертвые лошади и люди, перевернутые кухни и передки, которые хорошо были видны утром. Должно быть, это место для “фрицев” было очень горячим в течение нескольких минут. Крики, вопли и общий шум были хорошо слышны людям в нашей передовой траншее, о чем они и сообщили. С тех пор их кухни на высотах больше не появлялись, и нам пришлось искать другие цели. Время от времени появлялись, располагались и рассредоточивались его рабочие группы, и это было практически единственным развлечением, пока однажды днем, наблюдая за траншеей противника с одного из наших наблюдательных пунктов, я не обнаружил длинную вереницу грузовиков, въезжавших во двор фермерского дома, где с них разгружались ящики и тюки с припасами, характер которых на таком расстоянии определить было невозможно.

После небольшой спешной работы по определению дальности и направления мы открыли по ним огонь с расстояния около 1800 ярдов — и как же они разбежались! Один грузовик, вероятно, разбитый, остался стоять на виду, но все остальные быстро ушли назад и перевалили через холм, оставив несколько человек лежать на земле.

В течение всех последующих месяцев, как там, так и в других местах вдоль передовой линии, мы всегда держали один или несколько пулеметов для ведения беспокоящего огня. [Огневая] практика с ними не только наносила определенный урон противнику, но и готовила людей, управлявших пулеметами, к более важной работе — ведению огня на подавление по ходам сообщения противника во время боя.

В связи с этим обстрелом я вспоминаю забавный случай. Однажды офицер Йоркширского полка случайно спустился в ход сообщения как раз в тот момент, когда я выходил в нее из боковой траншеи, которая вела к одной из наших пулеметных позиций. Поскольку я знал, что он был офицером “Эммы Джис” своей части, я пригласил его вернуться со мной и осмотреть позицию, и там я объяснил ему, что мы делаем в этой траншее. Он был новичком, недавно прибывшим из Англии, и, хотя он смутно слышал о таком виде пулеметной работы, но никогда не наблюдал ее в деле. Я все

очень подробно ему объяснил, показывая наши карты, карточки дальности и приборы для стрельбы. У него, казалось, было все необходимое оборудование, и, воодушевившись, он поклялся, что удивит своего командира, начав [делать] что-то подобное в своем подразделении.

Что ж, он так и сделал, все было в порядке, поскольку в тот вечер, незадолго до наступления темноты, когда я шел вдоль хода сообщения, отделявшей их участок от нашего, я заметил группу людей, устанавливающих пулемет примерно в пятидесяти ярдах позади их передовой траншеи. Любопытствуя, я остановился, чтобы посмотреть, и вскоре увидел своего знакомого офицера, который был занят тем, что давал указания по установке пулемета. Вскоре он заметил меня и подошел.

Его рапировало от энтузиазма, и он рассказал мне, что получил информацию от артиллерийского корректировщика местной батареи, что они (артиллерия) собираются в семь часов обстрелять определенный перекресток, и что он собирается присоединиться к этой группе со своим пулеметом, который только что установили. На своей карте он показал мне местоположение цели, а также все свои данные для стрельбы. Я некоторое время изучал ее, затем взглянул на местность в направлении цели, но ничего не сказал. Тем не менее, я постарался быть поблизости в семь часов и стоял в строенке, пока они отстреливали четыре ленты (1000 патронов) в сторону “Фермы Пикадилли”, примерно в двухстах ярдах от нас. При расчете своей стрельбы он не учел разницу в превышении. Его цель находилась на плоской возвышенности, на высоте примерно десяти метров над позицией его пулемета, а край возвышенности — упомянутого холма — находился прямо перед оружием. С тем оружием и боеприпасами, которые он использовал, было физически невозможно поразить указанную цель с этой точки. *Наши* пулеметы, то есть наши дежурные пулеметы для ведения беспокоящего огня, располагались на расстоянии от трех до пятисот ярдов позади нашей передовой траншеи и на местности, имевшей такую же высоту, как та, которую занимал противник.

Такая беспокоящая пулеметная стрельба была лишь одним из многих новшеств, введенных канадцами. Оно было быстро подхвачено всеми остальными [подразделениями] и вскоре стало общепринятой практикой. Некоторые подразделения использовали ее лишь время от времени, но мы (Двадцать первый батальон) сделали ее регулярной частью нашей деятельности, и, имея шесть пулеметов вместо положенных четырех, смогли занять все обычные передовые позиции, и еще оставить два ствола для ведения беспокоящего огня. Надеюсь, что эти строки дойдут до сведения некоторых из тех, кто участвовал в предоставлении этих двух дополнительных пулеметов, чтобы они знали, что их подарок был непосредственным и важным вкладом в боевую мощь батальона.

Все наши оригинальные пулеметы были “Кольтами”. Представляю, как слышу фыркание и лошадиный смех. *Считаете*, что “Кольт” — плохое оружие, да? Что ж, позвольте мне сообщить кое-что для вашего сведения и наставления. Этот пулемет — наилучший и самый безопасный из когда-либо изобретенных для стрельбы поверх голов своих войск с небольшим превышением; возможно, из-за более тяжелого ствола. Какова бы ни была причина, он стреляет по цели очередями по десять-двадцать выстрелов с меньшим рассеиванием, чем любое другое оружие, которое я видел. У него есть свои недостатки — они есть у всех, — но они компенсируются множеством положительных моментов. Например, вам не нужно таскать с собой конденсатор, не говоря уже о том, что трудно добыть воду, когда она так необходима. Кожухи многих пулеметов

тов заполнялись мочой членов расчета, — так же, как носок, пропитанный той же жидкостью, выполнял функцию противогаза, — но полагаться на такой источник [охлаждающей жидкости] не рекомендуется. Сравнительно низкая скорострельность “Кольта”, на мой взгляд, не является серьезным недостатком. Войска редко наступают крупными массами, а для разрозненных и слабо связанных между собой групп, которые обычно составляют современную боевую линию, слишком высокая скорострельность не только не нужна, но и означает лишь пустую трату боеприпасов. Одной пули вполне достаточно, чтобы остановить человека, а я видел, как в некоторых попадали пять и более пуль, прежде чем они успевали упасть. Зачастую свои “Кольты” мы использовали для стрельбы одиночными выстрелами — [своего рода] снайпинга, — что практически невозможно было сделать ни с одним другим более скорострельным типом. В результате многочисленных испытаний на полигонах, как в Канаде, так и в Англии, мы обнаружили, что можем пристреляться одиночными выстрелами, а затем оставить пулемет на месте, вернуться позже и отстрелять очередями, по-прежнему попадая при этом в “яблочко”. Это оказалось очень важным, когда мы устанавливали оружие на позиции, находящейся в поле зрения противника, потому что могли сделать пристрелочный выстрел, и никто не мог догадаться, что это не винтовка.

Конечно, у нас случались поломки, но их, вероятно, было не больше, чем у тех, кто использовал “Виккерсы”. Большинство этих проблем было вызвано, как я полагаю, дефектными боеприпасами. Патроны, развивающие избыточное давление, почти всегда что-нибудь ломают, а когда вы используете боеприпасы, изготовленные на сотне различных маленьких и наспех оборудованных фабриках, девушками, которые никогда раньше не понимали разницы между пулей и гильзой, так чего, черт возьми, можно ожидать? Экспериментальным путем вы настраиваете возвратные пружины на какую-нибудь известную и надежную марку боеприпасов, а потом, прямо в разгар боя, перво-наперво получаете кучу бутафорских патронов, и сразу же что-то идет “в разнос”, весь пар уходит в свисток и наступает время ремонта. Даже разница в толщине закраины патрона .303-го калибра в несколько долей дюйма выводила экстракторы из строя настолько быстро, что их едва успевали заменять. Другие разнообразные отклонения, настолько мелкие, что их невозможно было обнаружить невооруженным глазом, вызывали задержки и поломки мелких деталей. В течение первых нескольких месяцев мы практически не знали, что такое запасные части и от пулеметного расчета требовалась максимальная изобретательность, чтобы сымпровизировать и использовать те материалы, которые можно было найти на месте, или менять некоторые из мелких, но важных деталей, которые составляли механизм пулемета.

Приходилось использовать детали от сепараторов для взбивания сливок, швейных машинок, детских колясок, велосипедов и частей сельскохозяйственной техники, брошенных и валяющихся вокруг бельгийских ферм. Немного работы ножовкой и напильником, и вот уже есть запасная часть; члены пулеметных расчетов провели многие часы, вытачивая те детали, которые, как показал опыт, могли сломаться, и вскоре общепринятым стало мнение, что [на месте] можно изготовить любую часть пулемета, кроме ствола. У французов в их армии было много военных велосипедов, на которых устанавливалось крепление для винтовки. На нем стоял определенный болт, который был точной копией одной важной детали нашего оружия, поэтому всякий раз, когда удавалось обнаружить один из этих брошенных старых сломанных велосипедов, мы находили время, чтобы снять этот болт и носить его с собой на всякий чрезвычайный

случай. Я также помню несколько болтов, которые были сняты с еще целых велосипедов.

Все автоматическое огнестрельное оружие, будь то оружие на основе отвода [пороховых] газов или отдачи затвора, естественно, является очень тонко сбалансированным механизмом. Используемые боеприпасы должны обладать достаточной мощностью, чтобы преодолеть обычное трение рабочих частей, выбросить пустую гильзу, правильно подать новый патрон в патронник, произвести выстрел и продолжить цикл стрельбы, пока остается нажатым спусковой крючок. Боеприпасы, не обеспечивающие должного давления, или патроны, которые из-за некачественного изготовления вызывают излишнее трение при досылании патрона или выбрасывании гильзы, вскоре приведут к “заклиниванию”. Кроме того, патроны, развивающие слишком большое давление или создающие слишком малое трение, приводят к поломкам из-за избыточного давления и ударных нагрузок.

Поэтому скоро мы научились проверять все боеприпасы и определять, как они будут работать еще до того, как какое-то важное [мероприятие] будет сорвано либо нами, либо немцами. Мы заряжали несколько лент патронами определенной партии и стреляли ими по относительно второстепенным целям, таким как верхняя часть бруствера немецких траншей во время утреннего подъема или давали короткую очередь при ночном обстреле. Вскоре мы выясняли номер конкретной партии патронов, и если они были хорошими, то быстро предпринимали необходимые меры для получения резервного запаса этих боеприпасов и хранения их для использования во время длительной стрельбы при отражении атаки на наши позиции или для прикрытия огнем наших собственных войск во время наступления.

И вот что я скажу вам, ребята: нам просто пришлось придумывать эту игру по ходу дела, и это тоже было нелегко. Многие люди, более достойные, чем я, положили свои жизни на то, чтобы научить этому остальных. Жаль, что я не могу вспомнить имена некоторых из этих людей, служивших в пулеметной команде Двадцатого канадского батальона; вы помните, что мы чередовались с ними, сменяя и помогая друг другу, всю ту зиму 1915-16 годов. Пулеметы всегда шли впереди пехоты. Так или иначе, мы, команда “Эмма Джис”, как они называли всех пулеметчиков в Британской Армии, шли и учились игре единственным способом, которым можно научиться любой игре — просто играя в нее.

Во время войны мы использовали все виды боеприпасов. Те, что изготавливались в Англии и в Канаде (большая их часть), снаряжались кордитом,<sup>210</sup> однако в основной части продукции американских заводов использовался тот или иной вид нитроцеллюлозного или пироглицеринового пороха, производимого компанией “Дюпон”. Конечно, все они были разработаны для обеспечения требуемой начальной скорости в 2440 фт/сек., и полагаю, они действительно приближались к этому стандарту, но когда дело дошло до пулеметной работы, где мы должны были стрелять поверх голов наших собственных войск, обнаружилась огромная разница.

Естественно, во всех наших бедах мы винили боеприпасы, но, поскольку у меня было время подумать об этом, я склонен полагать, что, по крайней мере, часть проблем

---

<sup>210</sup> Кордит — название одного из видов нитроглицеринового бездымного пороха. Был изобретен в Англии в 1889 году, и после надлежащего испытания принят на вооружение как метательный состав для личного стрелкового оружия и артиллерии.

была вызвана изношенностью стволов.

У нас было по два ствола на каждый пулемет, и пока мы могли менять стволы после каждых двух лент (500 выстрелов) и тщательно чистить использованный ствол, у нас не возникало трудностей с удержанием превышения в пределах, требуемых для обеспечения безопасности, но бывали случаи, когда такая замена была невозможна, и через один ствол без чистки проходили многие тысячи выстрелов. Сейчас среди гражданских лиц, да и среди солдат тоже, распространено мнение, что пулемет просто стреляет, стреляет и стреляет, и что все, что делает наводчик — это нажимает на спусковой крючок и выпускает ленту за лентой без перерыва. Конечно, все это неверно. По-настоящему эффективный пулеметчик стреляет короткими очередями с соответствующими паузами между ними. В редких случаях, когда в бою становится жарко, а враг наступает в подавляющем количестве, ему приходится просто “валить их”, но при этом он прекрасно понимает, что жертвует своим оружием.

Время от времени мы получали новые стволы, а старые отправляли обратно в артиллерийско-техническую службу, где, полагаю, их проверяли или, возможно, просто калибровали, чтобы понять, насколько сильно они изношены. Мы всегда старались иметь хотя бы один хороший пулемет для использования в своей работе по ведению беспокоящего огня, где точность на дальних дистанциях была очень важна.

Есть один этап пулеметной работы, о котором я никогда не встречал упоминаний в печати, — это перебивание [колючей] проволоки. Когда планировался рейд или даже небольшая атака на ограниченном участке фронта, было принято поручать определенным людям идти вперед и прорубать проходы через вражескую проволоку. У британцев даже было несколько разных приспособлений, которые устанавливались на дульный срез винтовки для перерезания колючей проволоки. Одно из них чем-то напоминало удлиненные секаторы, которые используют садовники, но оно было недостаточно прочным для некоторой более прочной “колючки”. Другое представляло собой два “рога”, которые подводили проволоку прямо к дульному срезу винтовки, где ее можно было перебить выстрелом. Но когда готовилось общее наступление, и было желательно сохранить некое подобие цепи, требовалось перебить, свернуть или взорвать как можно больше “колючки”.

Долгое время эту работу выполняла артиллерия, в основном легкие полевые батареи. При наличии времени они, конечно, могли навести беспорядок, и обычно ровняли заграждения, чтобы люди могли проложить себе через них путь. Затем некое смышленное [подразделение] “Эммы Джис” обнаружило, что пули перебивают проволоку, и с тех пор эта работа стала одной из функций пулеметчиков. Мобилизовав группу пулеметов — от четырех до дюжины, — они могли за несколько часов прорвать любое проволочное заграждение.

Мы, канадцы из Второй дивизии, первоначально были вооружены пулеметами “Кольт”. Впоследствии — в разное время — мы научились использовать и другие типы, все на основе пулемета “Максим”. Задача пулеметчика, насколько я понял, заключалась в том, чтобы либо уберечь пехоту от неприятностей, либо вытащить ее из них после того, как пехотинцы переоценили свои силы.

В начале войны, как в британской, так и в американской армии, пулемет рассматривался — и так описывался в учебниках — как “оружие случая”: что-то, на что можно опереться, или что-то, что можно использовать, когда условия кажутся благоприятными. Очевидно, никто не ожидал, что такая возможность будет представляться



очень часто, потому что в каждом полку было всего два пулемета. При посещении различных армейских постов и из разговоров с офицерами регулярных частей в годы, предшествовавшим 1914 году, у меня сложилось мнение, — и думаю, что оно было вполне обоснованным, — что пулеметная команда была местом для ссылки нежелательных лиц из различных рот или батальонов — попросту удобной свалкой для всех бесталанных солдат и бездельников, которые не вписывались в стройные ряды регулярных подразделений и частей. Такое же отношение я имел возможность наблюдать и во время периода обучения у канадцев.

Полагаю, что в моем собственном подразделении, в команде “Эммы Джис” Двадцать первого батальона, было больше счастливчиков и дьявольски осторожных людей, чем во всем остальном батальоне. Некоторые из них были переведены к нам, потому что их ротные командиры устали от того, что им приходилось покрывать непокорные и совершенно недисциплинированные поступки своих подчиненных; но многие другие согласились на эту службу добровольно — и даже охотно, — потому что она давала больше шансов на проявление эмоций, чем монотонная рутина пехотных рот. Как бы там ни было, но именно такая смесь авантюрного духа, пренебрегающего личной опасностью и постоянно ищущего возможности затеять драку, создает хорошую и эффективную пулеметную организацию — крепко ругающиеся, крепко дерущиеся и, да, иногда крепко пьющие мужчины. Это место не для слабаков или неженков.

Если кто-то из моих читателей из вышесказанного может сделать вывод, что пулеметчики по природе своей были развращенными и неисправимыми людьми, я спешу опровергнуть любое подобное утверждение. Среди них было много наилучших в своем роде представителей “джентльменов и ученых” — людей образованных и утонченных, которые скрывали [внутри себя] сильное и жгучее стремление к рискованным приключениям. Другие, возможно, лишённые даже самого элементарного образования, были одержимы той же неопределенной тягой к возбуждению, присущему первобытному бою. Несколько месяцев совместной работы в условиях реальных боевых действий, — и стороннему наблюдателю трудно было обнаружить [между ними] какую-либо существенную разницу. Все были сплавлены в идеальное, синхронизированное подразделение, к которому вполне можно применить лозунг: “Один за всех и все за одного”. Жестко? Да, это правда; скажу, что они были жесткими, но, в то же время, они не были злыми или “раздражительными”. Их жесткость являлась той закаленной в делах натурой, которая абсолютно необходима, если люди вынуждены долго выдерживать страшные ужасы и отчаянные, неумолимые испытания яростной жизни и внезапной смерти, которые являются их ежедневным уделом. На самом деле, внешне они были суровы, но под этой искусственной оболочкой скрывался щедрый запас человеческой доброты. Выпускник Оксфорда и бездомный бродяга встретились на общей земле, где единственное, что имело значение, — это врожденное мужество и честная дружба.

## Глава 19

### Солдат в бою

Война вызывает всеобщий интерес. Довольно примечательно, что из всех значительных первичных человеческих импульсов, постоянно проявляющихся в виде воли к жизни, этот импульс, импульс к убийству, является единственным высокоорганизованным. В вопросах приема пищи и спаривания мы идем своими индивидуальными путями; но война — это самое грандиозное дело на земле. Оно наиболее высоко организовано и наиболее щедро финансируется; оно превалирует над любой другой социальной деятельностью, и женщины, которые никогда в жизни не организовывали ничего, кроме посиделок за чаем, развлекая гостей по выходным, *en masse* выходят на улицы, чтобы собрать средства и стимулировать патриотический пыл. Причуда человеческой природы хорошо известна: нам нравится делать то, что запрещено, а когда дело доходит до нарушения заповеди “Не убий”, наши усилия становятся боевой музыкой, и темп жизни в стране претерпевает заметные изменения.

Но не подобные рассуждения побудили меня взяться за эту книгу. Не знаю, почему я начал ее писать; но как только взялся за дело, меня охватило желание ответить на множество вопросов, в основном задаваемых друзьями-солдатами, которые в ходе той войны практически ничего не видели. Эти вопросы свидетельствовали о практическом любопытстве. Меня можно считать практичным солдатом, которого не волнуют моральные или этические аспекты войны, но факт состоит [в том], что это так и есть. “Что насчет винтовки ‘Росс’? Она вас подводила? Как насчет ее работы, из-за чего она выходила из строя? Волнение или испуг угрожали свести на нет вашу способность держать себя в руках, и добиваться результата с каждым выстрелом? А что насчет пистолетов?” — Именно на такие вопросы, а их было множество, и не только о винтовках, я и решил ответить. Не будучи профессиональным рассказчиком, я понимаю, что предыдущие главы не составляют плавную историю, но надеюсь, что где-то в них можно найти ответы на часть из этих вопросов — как [найти] и провокацию, чтобы задать и честно попытаться ответить на многие другие; ведь национальная оборона по-прежнему остается важным вопросом. Что касается [всего] остального, то история может закончиться где угодно. В лучшем случае это лишь разрозненный и бессвязный отчет о наблюдениях и переживаниях стрелка, побывавшего на войне. На войне, о которой написано множество книг, но которая по-прежнему остается чем-то вроде аномалии в человеческом опыте, интерес к которой никогда не был удовлетворительно обобщен или воплощен, даже самими теми, кто принимал в ней реальное и деятельное участие.

Конечно, я и не пытался этого сделать, и буду [вполне] доволен, если мне [удалось] ответить на несколько вопросов и частично удовлетворить интерес многих людей, искренне заинтересованных в ответах на них. Однако то, что я написал, настолько фрагментарно и неполно, что нужно подвести некоторый итог, поскольку, отвечая на эти вопросы, я очень часто подчеркивал один момент — ценность стрелковой подготовки. И сказав еще пару слов о стрелке, я перейду к более важным последствиям такого рода обучения. Полагаю, что то, что такое внимание было оправдано, вскоре станет очевидным.

Стрелками не рождаются, ими становятся. На ранних этапах американской истории они появились в силу самой необходимости обеспечить себя и свои семьи пищей и

защититься от диких и воинственных владельцев земли, которую они, вторгшиеся белые люди, намеревались захватить.

В то же самое время, когда молодежь того времени училась метко стрелять, она также осваивала искусство маскировки и жизни в лесу, что позволяло ей незаметно подкрадываться к добыче, будь то человек или четвероногий.

Стрелки Моргана и Мариона,<sup>211</sup> “Ноличаки Джек”,<sup>212</sup> люди, которые следовали за Джонсом Роджерсом Кларком в Каскасию и далее прошли через неописуемо опасный путь, — путь, который выиграл Винсеннес,<sup>213</sup> а вместе с ним и весь Северо-Запад; люди, которые выиграла битву при Кингс-Маунтин у лучшего стрелка, который когда-либо носил королевскую форму, капитана Патрика Фергюсона,<sup>214</sup> — все они прошли начальную [военную] подготовку при выполнении обычной рутинной работы в своей повседневной жизни. Олени, индейки и, в самом начале, буйволы и лоси составляли большую часть их запасов. Чтобы успешно преследовать и убивать эту дичь, они неизбежно должны были научиться скрытности, присущей индейцам или самой дичи. [Именно] от этих людей и их достижений и пошел лозунг: “Американцы — нация стрелков”.

Да, именно так и было. Но что же [происходит] сейчас?

Эти люди с их крайне несовершенным, по современным меркам, оружием успешно побеждали своих противников-людей во многом потому, что *каждый* из них был стрелком; и их умение заключалось не только в меткости, но и в знании навыков жизни в лесу, бдительности, инициативе и уверенности в себе при любых обстоятельствах. Как много американцев сегодня смогут хоть приблизиться к тому состоянию совершенства, которого достигли те наши предки в стрельбе из винтовки? (Мы называем это игрой, а для них это было делом [их жизни] — или призванием).

---

<sup>211</sup> Дэниел Морган (1735/36 – 1802 гг.) — американский пионер, солдат и политик из Вирджинии. Во время Войны за независимость США, в своем штате Вирджиния набрал роту добровольцев (96 человек), которая получила название “Стрелки Моргана”. Френсис Мэрион (1732 – 1795 гг.) организовал другое знаменитое подразделение времен Войны за независимость, известное как «Партизаны Мэриона», успешно действовавшее против англичан в болотистых районах Южной Каролины. Считается одним из основоположников стратегии и тактики партизанской войны, за свои действия получил прозвище “Болотный Лис”.

<sup>212</sup> Джон Севьер (1745 – 1815 гг.) — американский солдат, пограничник, политик и один из отцов-основателей штата Теннесси. В 1770-х годах, когда европейские поселенцы начали заселять земли племени чероки в долине реки Ноличаки на территории будущего штата Теннесси, Джон Севьер, будучи молодым офицером местного ополчения, активно участвовал в стычках с индейцами и получил за свои подвиги прозвище “Ноличаки Джек” или “Чаки Джек”.

<sup>213</sup> Джордж Роджерс Кларк (англ. *George Rogers Clark*; 1752 – 1818 гг.) — американский военачальник, герой Войны за независимость США, также известен как основатель поселения, позднее развившегося в город Луисвилл. Брат знаменитого путешественника Уильяма Кларка. В июле 1778 года Кларк организовал экспедицию к северу от реки Огайо в область, известную как Северо-западные территории (территорию современных Огайо, Индианы и Иллинойса). К февралю 1779 года он занял ряд британских фортов, однако главная цель Кларка — занятие форта Детройт — так и не была выполнена из-за нехватки сил.

<sup>214</sup> Патрик Фергюсон (англ. *Patrick Ferguson*; 1744 – 1780 гг.) — офицер британской армии шотландского происхождения, сторонник применения лёгкой пехоты и изобретатель винтовки Фергюсона. Известен службой на Южном театре Войны за независимость США. Погиб в сражении между американскими ополченцами и лоялистами при Кингс-Маунтин.

Мы обучаем мужчин искусству — или, лучше сказать, науке — стрельбы из винтовки. Мы обучаем их на полигоне, где все идет по жестко установленному и быстрому графику. В восемь часов мы знаем, что можем идти на стрельбище на шестьсот ярдов и, подойдя к мишени №69, найдем там руководителя стрельб и наблюдателя, подсчитывающего очки, который выдаст нам десять патронов и скажет, что у нас есть всего десять минут, чтобы избавиться от них. Мишень закреплена на том же месте, что и вчера; она не сдвинется с места и будет стоять, пока мы не произведем десять выстрелов, и, более того, кто-то внизу будет подсказывать нам, куда именно попадает каждая пуля.

Что ж, это прекрасно. Это отличная игра, и мы можем в ней многому научиться. Мы можем узнать, чего можно ожидать от этих винтовок на известных дистанциях, и можем выяснить, как прицеливаться, держать и нажимать на спусковой крючок и все такое.

Но — и из всех “НО” в этом мире это самое серьезное — [что будет], когда мы вступим в войну? Что мы будем делать тогда? Там нет ни наблюдателя, ни руководителя стрельб, ни стоящей неподвижно мишени. Просто в нас стреляет чертова уйма других парней. Вот только не знаю, где они — где-то там, в лесу, наверное.

Если помимо умения поражать четко видимую цель на приблизительно известном расстоянии, стрелок не научился использовать все имеющиеся защитные укрытия, ему точно не повезет (сокращенно S.O.L.). Он должен, ради защиты собственной шкуры, лично суметь обнаружить противника и индивидуально занять позицию, с которой он сможет вести эффективный огонь по этому противнику. В противном случае ему сто́ит просто помолиться, зная, что его благодарная страна поставит на его могиле маленький белый крест.

С появлением танков, пулеметов, траншейных минометов, гранат — как ручных, так и винтовочных, — автоматических винтовок *et cetera*,<sup>215</sup> кажется, что стрелок снова загнан в свою последнюю канаву, из которой он вышел в те дни, когда Америка *была* “нацией стрелков”. И если он вообще выживет, то только благодаря своей способности идти в бой *как отдельный человек*, даже если его окружают и идут на флангах тысячи других сражающихся солдат. Чтобы принести хоть какую-то практическую пользу, он должен уметь пользоваться укрытиями, уметь выискивать отдельных *людей* противника и, посреди всей суматохи боя, стрелять *и поражать* эти отдельные цели.

Это нелегко. Я пробовал, я знаю.

Но, клянусь всеми богами войны, это можно сделать, и это зависит от американских стрелков, настоящих стрелков, которые действительно и по-настоящему стремятся подготовить себя к военной службе; не только получить свою квалификацию, но и поощрить развитие системы, которая делает подготовку, способствующую росту и развитию основных качеств, присущих настоящему стрелку, доступной как можно большему числу мужчин.

Далее, какой бы тщательной ни была эта подготовка и как бы хорошо она ни была приближена к боевым условиям, солдат все равно будет удручающе неподготовлен к бою. У меня было много лет, и я оказался не готов, и как раз здесь, прежде чем продолжить обоснование настойчивой необходимости обучения эффективному использованию винтовки в любых условиях, могу кое-что рассказать об этой неизбежной непод-

---

<sup>215</sup> И так далее (лат.)

готовленности. Это касается не только реакции мужчин на усталость, дискомфорт и неминуемую смерть во всевозможных фантастических и жутких условиях (все эти “ужасы войны”) — не только этого; но и чисто практического вопроса о нашей неспособности заранее знать способы и методы, которые неожиданно появятся в следующей войне.

Первое из этих соображений, конечно, в значительной степени психологическое; но они тесно связаны, и акцент в следующей войне вполне может быть сделан на методах нагнетания “психологического ужаса”. Однако пытаться сказать, какой будет та следующая война, практически бесполезно, да это и не входит в мои намерения, — никто еще не сказал нам, какой была последняя. Стратегам и тактикам предстоит ее изучить, но рядовые бойцы уже вполне могут это делать.

Какой она *была*? Несколько моих друзей, прочитавших отрывки из этих страниц, критиковали меня за “хладнокровие”, как они выразились, и настаивали на том, чтобы я подробно описал душевные и физические страдания действующих лиц. Они — как мужчины, так и женщины — изводили меня этой темой до тех пор, пока я не стал опасаться, что кто-то из них меня посетит. Но всего несколько минут назад один из моих хороших друзей выразил это новыми словами. “Черт, Мак, — сказал он, — это прекрасно, но тебе следовало бы вложить в это больше страданий”. Поскольку он был солдатом и прошел через несколько крупных сражений, то, вероятно, имеет смутное представление о том, о чем говорит; но такая фраза не совсем верно определяет все это. Ни для одного из нас страдание не было доминирующей нотой. Не было никакой доминирующей ноты. Это была невероятная симфония, начинающаяся утомительной, бесконечной и неопределенной увертюрой, проходящая через бесчисленные вариации и заканчивающаяся для многих из нас не финальным, грохочущим крещендо, а просто ничем. Нас подхватили и выбросили, а мы даже не можем вспомнить, что это было. Я хотел бы снова услышать обстрел, настоящий добротный артиллерийский обстрел.

Когда я ушел на войну, меня вполне можно было считать старым солдатом (на стрельбище и на параде). Я был подготовлен к сражениям и стрельбе, и мне не терпелось вступить в бой. После долгой предварительной подготовки я вскоре втянулся в дело, и мне не составило труда быть полезным. Но у меня не было времени — или возможности — посмотреть, что происходит. (У вышестоящего командования тоже [этого] не было). Мы все были полны энтузиазма и целеустремленности. Мы шли с винтовками и пулеметами, сражались и отлично проводили время. И вдруг мы перестали понимать, что мы делаем. Война была намного больше, чем каждый из нас. Помню, когда это чувство поразило меня. Случилось это в один из периодов бездействия в Лондоне. До того времени я никогда не задумывался всерьез о том, как выжить — или умереть. Не думал об этом и тогда, но [уже] не испытывал такого интереса и страсти, как раньше. Война для меня перестала быть зрелищем, я в значительной степени был сыт ею по горло. Было что-то еще — гораздо большее. Я не анализировал это, а просто как бы рухнул под такой тяжестью.

И теперь, когда приходит время рассказать о событиях, предшествовавших последним месяцам войны, я чувствую ту же апатию.

Вернувшись из Англии и угодив прямо в сражение на Сомме, я постарался, — и думаю, что мне это удалось, — сделать одну из лучших и самых полезных работ, которые были мне позволены за весь период моей службы. Бой у Комбле, сам по себе, оказался самым лучшим. Это был всего лишь собранный наспех пулеметный расчет, со-

стоящий из добровольцев из “Оксов и Баксов”, а также нескольких уорвикширцев, — и меня, чужака, колониста. Что ж, во всяком случае, французы это оценили, и несколько человек из нашей группы получили за это свои медали, независимо от того, сделали ли наши собственные люди когда-либо из этого достижение. Французы, со своими 37-миллиметровыми пушками, стреляли прямо по амбразурам немецких пулеметных постов, а мы в это время работали с левого фланга и всаживали пули в их задние двери. Вот что [позволило] взять Комбле, и пусть никто не пытается доказать вам обратное.

Но я обнаружил, что слабею. Не то чтобы я позволял кому-то другому видеть это, но в глубине души чувствовал, что, насколько мне было известно, игра закончена. И здесь, пока я не забыл об этом, мне хотелось бы встать и выкрикнуть три одобрительных возгласа тем, кто выстоял и играл в эту игру все четыре года. Они бойцы лучше меня, и я снимаю перед ними шляпу.

В те последние несколько месяцев весь мир приобрел для меня гротескный и странный вид. Ничто не было нормальным: мы все просто жили в каком-то необычном месте, за гранью общепринятых условностей. То, что мы делали, находясь за передовой линией, вероятно, противоречило всем общепринятым правилам и нормам обычного человеческого общения. Я не приношу никаких извинений — ни за себя, ни за других, потому что чувствую, что в них нет необходимости. И мужчины, и женщины либо поднимались на более высокий уровень мышления, либо опускались на более низкий — решайте сами — но результат был совершенно одинаковым в любом случае. Мы были просто людьми, пытавшимися наслаждаться [всеми] удовольствиями и страстями человеческой расы в течение короткого времени, отведенного нам, прежде чем нас так же скосит коса старого мрачного призрака — Смерти.

Как стрелок, я не сделал ровным счетом ничего за месяцы, прошедшие между окончанием битвы на Сомме и тем временем, когда меня в 1917 году окончательно уволили как “непригодного к службе”, но надеюсь, что, будучи офицером, мне удалось сделать немного хорошего.

Больше года мне удавалось избегать госпиталей. Хотя мне несколько раз удавалось попадать туда с ранениями, которые считались достойными Блайти,<sup>216</sup> у меня складывалось впечатление, что я смогу продержаться до тех пор, пока не появится тот, кто закончит за меня все дела. Пожалуйста, не заблуждайтесь. Это не было проявлением какой-то особой храбрости с моей стороны — я вернулся на войну, чтобы быть убитым, если вы хотите знать об этом, и у меня никогда не возникало ни малейшей мысли, что мне не придется “отправиться на Запад”.<sup>217</sup> Но в этом и заключалась ирония надомной — этого не произошло, и, получив семь ударов в челюсть, я, наконец, оказался под опекой R.A.M.C. Нет, это не значит “Ограбь всех моих товарищей”, как некоторые хотели бы вас убедить; это просто “Королевский Армейский Медицинский Корпус”, благослови их Господь.<sup>218</sup>

Я довольно хорошо узнал госпитали. Начиная от “Норт-Чимнейз” (перевязочный пункт) в Альбере, далее через полевой госпиталь в Брикфилдсе, затем через Варлуа, Фревен, Сент-Поль, до Ле-Трепора и, в конце концов, в госпиталь королевы Алексан-

---

<sup>216</sup> Т.е. ранения, требующие для своего лечения эвакуации в Англию.

<sup>217</sup> “Отправиться на Запад” (англ. сл. *Go West*) — умереть, скончаться.

<sup>218</sup> Аббревиатура от фраз “*Rob All My Comrades*” и “*Royal Army Medical Corps*”.

дры в Англии, — госпиталь мисс Поллак. Да, мой случай оказался довольно известным. Выглядело все так, что если ты получил свое первое ранение, то обязательно получишь еще несколько. Однако я вернулся вовремя, чтобы внести свою лепту в подготовку юношей к сражению у Вими-Ридж, и в тот день, когда они выиграли этот бой, я уже был на борту корабля, плывущего в Нью-Йорк. После этого я только и делал, что мотался по разным [военным] лагерям — Форт Бенджамина Харрисона, Кэмп-Шелби и Кэмп-Перри — пытаюсь принести пользу, но все еще находясь под проклятием несчастья, которое не покидало меня в течение нескольких лет после объявления мира.

Я простой, обычный “Хузер”.<sup>219</sup> Не помню, чтобы у меня были какие-то особенно сильные внутренние переживания, когда я находился под огнем. Я всегда был занят, и мне удавалось сохранять умственную концентрацию на выполняемой работе. Однако было много случаев, когда действия других людей пробуждали во мне чувство — пожалуй, я не смогу точно его описать, но это то же самое чувство, которое я испытываю сейчас, когда слышу флейту и барабанный бой и вижу старый флаг, проносимый по улице, за которым следуют разрозненные остатки *настоящих* “старых солдат”, ветеранов Великой Армии Республики. Один из таких случаев произошел, когда гордонцы пришли со своими волынщиками; другой — во время битвы за “Лес Святилища”, когда наши артиллеристы прогрохотали по дороге мимо наших траншей, на виду у всех и под прямым огнем немецких орудий. О, Боже, вот это было зрелище, от которого щемило сердце. Все было совсем как на старых фотографиях, на которых [запечатлена] артиллерия, идущая в бой, и полагаю, это очень напоминало многое из того, что действительно происходило во время отступления от Монса.<sup>220</sup>

Мы находились прямо перед старым замком — он назывался Шато-Сегар — немного в стороне от перекрестка дорог у Крюйсстраатхука, и немцы отлично пристрелялись. Время от времени они попадали в цель, и лошади, люди и грузовики летели в кювет, но это не имело никакого значения для остальных. Они продолжали “продолжать”. Они неслись вперед: вокруг них рвались снаряды, возницы, привстав на стременах, нахлестывали лошадей, а [артиллерийские] передки подпрыгивали на изрытой снарядами дороге. Мы забыли обо всем остальном, выпрыгивали из траншей и радостно кричали, когда они проезжали мимо. Весь день в то воскресенье они не останавливались, подвозя боеприпасы к орудиям, которые теперь были выдвинуты далеко за пределы обычных артиллерийских позиций из-за того, что противник отбросил нашу линию фронта примерно на семьсот ярдов назад, и мы оказались прижаты к нашей линии G.H.Q. (Мы вернули все обратно через неделю или около того).

Я искренне скорбел о своих товарищах, когда они погибали, но боюсь, что это было в основном эгоистическое чувство, — это была скорбь о своей собственной потере, а не о них. Много раз после войны я сожалел, что не “получил своё”, чтобы мирно покоиться с ними под маками. Это было старое чувство — чувство утраченного времени. Теперь я начинаю понимать, что это было: когда возбуждение прошло, осталось серьезное дело победы в войне; мы повеселились, и до меня начало доходить, чем мы за

---

<sup>219</sup> Хузер (англ. сл. *Hoosier*) — деревенщина, мужлан, житель или уроженец штата Индиана (особенно в официальных документах).

<sup>220</sup> Возле бельгийского города Монс во время Пограничного сражения 1914 года британский экспедиционный корпус нанёс наступающей германской армии значительные потери, но был вынужден отступить.

это заплатили. Сколько всего было в этом деле — и сколько жизней было принесено в жертву?

Ну, все это уже *post mortem*.<sup>221</sup> Вернемся к нашим тогдашним чувствам; о своих я уже рассказал достаточно, но были и миллионы других. Они, конечно, бывают разных видов: от нервного от природы человека, который, вероятно, был предусмотрительно уволен как “контуженный снарядом” или, как это было принято на канадской службе, “по состраданию”, до твердого, флегматичного человека, который никогда не моргнет глазом и не проявит никаких видимых признаков того, что ему “не все равно”, что с ним происходит. Между этими двумя крайностями находится огромное количество людей, которые тем или иным образом, по тем или иным сложным причинам “продолжают” выполнять свою работу.

Недавно в журнале “*Adventure*” был опубликован рассказ, написанный одним из военнослужащих конных стрелков, который я считаю самым лучшим и самым ярким реалистичным военным рассказом из всех, мной прочитанных. Однако в одном вопросе я вынужден категорически не согласиться с автором. Он много говорит о своих душевных муках и все такое прочее и утверждает, что те, кто не чувствует — и не показывает на виду, что чувствует то же самое, — в той или иной мере [являются] тупицами, лишенными более тонких инстинктов, которые ими движут. Если его история правдива, и ему было всего шестнадцать лет, когда он поступил на службу, мы можем списать это на юношескую неопытность.

Я знал многих людей самого высокого интеллектуального калибра и тонкой душевной организации, которые прошли через адский огонь многих сражений, не проявив ни словом, ни делом ни малейшего признака душевного волнения. В память о хорошем друге и доблестном офицере я называю имя одного из них: подполковник Элмер Уотсон Джонс, D.S.O.,<sup>222</sup> убитый в бою 8-го августа 1918 года в Амьенском сражении, после того как он был ранен во время атаки на хребет Вими в апреле 1917 года.

Чтобы понять индивидуальные реакции солдата, необходимо жить с ним, пить и разговаривать с ним в казармах и в лагерях, знать его в массе; а затем испытать условия, в которых он живет — и умирает, — когда он движется к фронту и забирает фронт с собой. Хорошо бы остаться на неделю в казармах, но давайте поспешим вперед, на звук снарядов, и пока мы идем, понаблюдаем за ним в массе.

Когда-то очень давно одно наблюдательное и активное перо написало последнее слово о “том, у кого нет музыки в душе”. Психологи и психиатры, исследующие в последнее время эту универсальную и малоизвестную сферу, возможно, могут добавить многое к нашему пониманию, но лишь немного к истине, и то, разве что в виде обоснования; не осуждая [при этом] многих людей, “способных для грабеж, измену, хитрость”, которых сейчас считают не музыкальными, но раскрыв чуток музыки в их душах.<sup>223</sup> Они могут даже преуспеть в том, чтобы предоставить им возможность про-

---

<sup>221</sup> Дословно: после смерти. В переносном смысле: разбор полетов, анализ произошедшего, подведение итогов.

<sup>222</sup> Кавалер ордена “За выдающиеся заслуги” (*Distinguished Service Order*).

<sup>223</sup> В этом предложении автор цитирует фрагмент из драмы У.Шекспира “Венецианский купец”:

Тот, у кого нет музыки в душе,  
Кого не тронут сладкие созвучья,  
Способен на грабеж, измену, хитрость;



явить ее, возможно не на слух, но по существу. Именно это и делает [военный] оркестр, оформляя ее в ритм, который облегчает как шаг, так и сердце. Это очень многое значит — пробудить “внутреннего” человека и привести его силы в унисон с внешним во время долгого марша.

А когда нет оркестра, с этим справится — да и справлялась — неспешная песня. Вряд ли нашлась бы хоть одна рота, в которой не было бы двух или трех человек, из которых хотя бы один оказался бы не готов в нужный момент затянуть песню. И не всегда это делал сам исполнитель; это мог предложить или организовать так, чтобы это было сделано, какой-нибудь старый суровый мужик, который всем своим видом показывал, что уже давно разочаровался в этом мире.

— Как насчет небольшой песни, Скотти? — говорил он следующему человеку.

Он знал, что этот Скотти не очень-то пел, но тут же повышал голос:

— Так как насчет песенки?

Может быть, тогда ничего и не выходило, еще не пришло время. Не было ни той бодрости духа, которая требовала найти выход в песне, ни той усталости или монотонности, которые требовали песни, чтобы себя рассеять. Возможно, кто-нибудь и начинал, но, не найдя отклика, быстро сдавался. Если бы он смог внятно объяснить, то сказал бы, почему благочестивые певцы не смогли навязать свои красивые шаблоны и не смогли переплюнуть продукцию “Улицы дребезжащих жестянок”,<sup>224</sup> когда этот центр стал активно заниматься военными балладами. Вся заслуга в том, что мудрые и тонко чувствующие люди разучили то, что было под рукой. Песни должны быть спонтанными.

Через полчаса кто-то повышает голос:

*“Keep your head down, Allemand”*.<sup>225</sup>

Со второго такта ее подхватывает десяток голосов. Мудрый командир взвода вышел из строя посмотреть на свое отставшее подразделение. К тому времени, как до него дошли замыкающие, почти все уже пели, ряды подтянулись, отставшие взяли себя в руки. Когда песня закончилась, по колонне пробежала рябь шутливых разговоров. Потом зазвучала еще одна песня.

*“Mademoiselle from Armentieres, parlez-vous...”*<sup>226</sup>

Иногда я встречал мнение, что эта песня возникла в войсках Соединенных Штатов. Подозреваю, что она появилась у канадцев, — Армантьер находился на их терри-

---

Темны, как ночь, души его движения  
И чувства все угрюмы, как Эреб;  
Не верь такому... (Перевод Т. Щепкиной-Куперник)

<sup>224</sup> “Улица дребезжащих жестянок” (англ. *Tin Pan Alley*) — собирательное название американской коммерческой музыкальной индустрии. Первоначально название относилось к 28-й улице на Манхэттене, на которой с 1900 года были сосредоточены ведущие нотоиздательские фирмы, торговые и рекламные агентства, специализирующиеся на развлекательной музыке. Поскольку на улице стоял разноголосый музыкальный шум — звуки многочисленных фортепиано, на которых проигрывались новинки легкой музыки, то в 1903 году американский журналист М. Розенфельд сравнил ее с громадной кухней, где что-то торопливо готовят, грохоча сковородками и кастрюлями. С тех пор это название употребляется как синоним коммерческой музыкальной “кухни”.

<sup>225</sup> “Не высовывайся, немец” — американская солдатская песня Первой мировой войны.

<sup>226</sup> Английская песня “Мадемуазель из Армантьера”, очень популярная среди солдат во время Первой мировой войны. Имела великое множество откровенно непристойных вариантов.

тории, и она, конечно, намного старше, чем срок участия в войне Соединенных Штатов. Должно быть, на этот мотив были положены сотни строф, возникавших в таком же количестве кабачков, лагерей, борделей и блиндажей, у французов, янки и англичан. Возможно, что ее истинное происхождение было известно французам еще до войны.

Уверен, авторство многих самых популярных песен невозможно установить. У них не было [автора]. Случай запоминался для фразы, фраза превращалась в шутку, шутка совершенствовалась, разрасталась и становилась песней. Хотел бы упомянуть об одной из них под названием “Сувенир”. Кажется, она так и не стала популярной; но она была хороша, хотя слова, приличетствующие ей, так и не нашли подходящей музыки — по крайней мере, для марша, — и она не сохранилась. Это была очаровательная вещь, и надеюсь, что кто-нибудь даст нам возможность получить ее в том виде, в каком она должна быть.

Трудно сказать, что стало причиной принятия или отклонения той или иной песни. Некоторые песни с этой стороны — те, что вдохновлялись теми же чувствами, что и звезды на небе — стали популярными. Другие были адаптированы, сатиризированы, стали вульгаризированы или презираемы. На марше часто звучало песнопение “*God Save The King*”,<sup>227</sup> в основном, как мне иногда казалось, из-за того, что это доставляло удовольствие ворчащему солдату, подкреплявшему слова соответствующими замечаниями. Но позвольте мне добавить, что Его Величество был популярен и уважаем.

Существовала песня под названием “*Вест-Сэндлинг*”, которую распевали в Англии и которую я помню лучше всего. Подозреваю, что это одна из тех песен, которые родились на бумаге, ведь учебный лагерь — это не то место, где рождаются солдатские песни, и усилия певцов там были в основном тщетны. Канарейка поет, когда хочет и когда есть ради чего петь. К примеру, при выходе из расположения, отправляясь на фронт, как правило, было бесполезно пытаться затянуть песню. В начале мог быть отрывок, в котором упоминались события, — любовные, дружеские и другие, произошедшие за последние несколько дней, которые как бы встряхивали. Затем, в течение некоторого времени, марширование заботилось о себе само. И вот когда все становилось однообразным, начинались песни.

*“Sing a song of bonnie Scotland,*

*Any old song will do...”*<sup>228</sup>

И почти любая песня подходила — если только она не была одной из тех, которые однозначно отвергали заимствования. Что касается ритма, то его почти всегда можно было привести в надлежащее состояние. Помню, была одна популярная песня, но когда я впервые услышал ее, она показалась мне очень далекой от маршевой, хотя в точности соответствовала шагам певца того времени — если это были шаги. Он дрейфовал в неторопливых поисках, похоже, на волнах прилива, который должен был доставить его к месту службы, и бормотал ее тонким и неясным фальцетом:

*“What a blow to Rotten Row when I go over the sea!*

*I know I can do without London; but can London do  
without me?”*

Это был вернейший признак того, что не было ни одного свободного места, где можно было бы еще выпить. Это был последний вечерний звон, последнее громоглас-

---

<sup>227</sup> “Боже, храни Короля” — национальный гимн Великобритании.

<sup>228</sup> Популярная песня “Бонни Скотланд”, появившаяся в 1913 году.

ное “до свидания”, и произнесение его заняло много времени. Это было искреннее провозглашение для всех, что отец провел удачный вечер. Их у него было много, во многих частях света, и все они оставили свой след на его сером старческом лице, обесцветили волосы и лишили большей части зубов. Но утром он был счастлив, когда кто-то подхватывал его песню, ускорял ее движение и немного подшучивал над ним.

Иногда человек, вернувшийся из отпуска, приносил что-нибудь из того, что было актуально в лондонских мюзик-холлах. Помню, как один из них напел:

*“Don’t pity a man disabled, find him a job”.*

И снова:

*“He’s a father for your children, give him a job”.*

Случилось это примерно в то время, когда я уезжал, поэтому не знаю, сохранилась ли она.

Французский национальный гимн был хорош, но большинству людей вместо слов приходилось прибегать к изображению звуков. Другими популярными [песнями] были: *“There’s a Long, Long Trail a Winding”*; *“Pack Up Your Troubles in Your Old Kit-Bag”*; *“I Want to Go Home”*, со всеми своими интересными и бесконечными вариациями; *“John Brown’s Body”*, а чаще его незаконнорожденная сестра, *“Mary Ann McCarthy, She Went Out to Gather Clams”*; также *“The Pride of Dundee”*. Не следует забывать и о бесконечных стихах, воспевающих бродяжничество [одинокого] быка, и, возможно, о *“Bang Away My Lulu”*. Несомненно, бессмертны трагические, немного печальные, но весьма эзотерические и приятные приключения Кристофера Коломбо, неизвестные школьникам. Каждый может добавить [сюда] несколько любимых гимнов. А еще *“Loch Lomond”*; *“Annie Laurie”* и *“The Irish Jauntin’ Car”*.

Я всегда забываю лучшие шутки, и возможно уже позабыл лучшие из этих песен. Но думаю, их стоит помнить — для военного стратега, наверно, они не имеют ценности; но для человека с винтовкой, который выигрывает войны, они делают булыжники на мостовой мягче.

Песни утихают, когда батальон достигает окрестностей линии G.H.Q., что происходит, как правило, как можно быстрее после наступления темноты. Если солдаты пришли раньше, то остановились в каком-то месте вне наблюдения [со стороны противника] и дождались темноты. Если они продвинулись очень далеко, то здесь будут полевые кухни, и люди развалятся [на земле] и получают горячий ужин. Если же они идут на свой старый участок фронта или по какой-либо другой причине были расквартированы поблизости, то перед уходом они в последний раз едят в полевых кухнях. Бойцы располагаются на обочине дороги в удобных позах, безразлично болтая о пустяках, подобно группе людей у себя дома в ожидании пригородного поезда. Если идет дождь, некоторые из них достают свои накидки, чтобы использовать их как пончо, остальные нет. Главным признаком того, что им известно, что идет война, являются краткие замечания, которыми они отмечают характер обстрела: “О! Какого черта ему надо? У нас, наверное, батарея застряла вон в той гряде развалин”.

Гряда развалин — это остатки знакомого четырехугольника, который когда-то был французской фермой. Высотой он примерно на уровне пояса человека, и то тут, то там торчит бревно. Удивительно, но почти никто не задается вопросом, где находятся хозяева или то, как они живут. Они даже не задумываются о том, что это дом, или что это был дом. [И подобное отношение] лучше, чем что-либо другое, иллюстрирует странную безличность войны, ее полный отрыв от повседневного опыта, отрыв

настолько тонкий, что никто не знает, как и когда он был сделан. В самых крайних “пограничных” деревнях странно не то, что здесь, в этих населенных пунктах, им не принадлежащим, есть солдаты, а то, что здесь бродит несколько гражданских лиц. Женщина или старик открыли маленький магазинчик в углу разрушенного здания. Солдат заходит сюда за плиткой черного шоколада или несколькими свечами для использования в траншеях; и это похоже на то, как если бы исследователь наткнулся на крошечный торговый пост далеко за полярным кругом в стране, где нет никого, кроме исследователей. Но нет, это страна людей в форме, пушек и винтовок, снарядов и пуль, и в этом нет ничего загадочного. Но было нечто таинственное в том, что я наткнулся на пожилую женщину, тыкающую палкой в воронки от снарядов, сразу за маленьким серым участком, усыпанным несколькими красными плитками. (Это был ее огород, и она пришла посмотреть, нельзя ли найти немного чеснока или пучок лука-порея). Было что-то смешное, нелепое в этом явлении, которое сейчас ковыляет по дороге и возвращается в ближайшую деревню, достаточно уцелевшую, чтобы укрыть ее от дождя.

Но нет ничего нелепого и в сцене, происходящей некоторое время спустя, когда батальон перестал передвигаться как единое целое — штаб ушел на свое место, а различные роты или взводы расходятся каждый своим путем, ведомые проводниками, в условиях и на расстояния, которые сильно различаются. Район может быть совершенно спокойным, или слабо обстреливаемым снарядами и пулями, большую часть которых солдаты определяют по времени и локализуют без труда и почти не задумываясь. Но вдруг прилетает неудачный снаряд, или на открытом протяженном участке кого-то останавливает пулеметная пуля. Здесь нет ни растерянности, ни волнения. Война — вот что здесь происходит, а смерть настолько привычна, насколько это вообще возможно для живых. Сейчас темно. Тихо, просто для ориентира, произносится несколько слов:

— Носильщики! Сюда!

— О, все в порядке. Я не буду его перевязывать; подождите, пока не вернетесь туда, где есть свет. Скажите им, чтобы послали за ним; спешить некуда, у него снесена половина головы.

— Кто это?

— Джонсон.

— Передай мне свечи из его рюкзака.

— Кто-нибудь еще ранен? Хорошо, ребята, смыкаем ряды. Держим связь.

И они идут дальше. Шаг вниз. Шаг вверх. Дыра. Здесь проволока; спокойно проходим вперед; хорошо, идем дальше. Здесь перебежкой, сорок футов, следите за небольшими воронками. Все на месте? Держим связь.

В нескольких ярдах впереди на высоте ста футов в темноте вспыхивает оранжевое пламя. Неторопливое шипение быстро нарастает и резко заканчивается взрывом: шрапнель. Но они идут дальше, ожидая следующего [выстрела], чтобы понять, стоит ли укрываться.

Через некоторое время они прибывают на свою позицию, которая находится не в Берлине, не в Санкт-Петербурге, как предполагалось несколько раз *en route*<sup>229</sup> — для ушей проводника; это передовая траншея.

Сравнительно тихий участок фронта дает наилучшую возможность наблюдать за

---

<sup>229</sup> По пути следования (фр.)

солдатом и отмечать мелкие события и обрывки разговоров, которые указывают на его отношение. И если они кажутся вам совершенно недраматичными, лишенными волнения, ужаса и жуткой нереальности, то вы на правильном пути. Они касаются, [к примеру], таких вещей, как посмертная карьера Адольфа. Когда-то Адольф был баварским лейтенантом, и когда я впервые увидел его, знаки отличия с него были сняты, — мне сказали, что его разжаловали, но в тот же день состоялось заседание другого суда. Его судили за то, что он был хорошим солдатом. Жаль, что у меня нет полного отчета о представленных доказательствах и выводах, не только этого, но и десятков других судебных заседаний, через которые он прошел и все еще продолжал проходить, — просто потому, что от него почти ничего не осталось, чтобы похоронить. Как я понимаю, первоначально он был похоронен в блестящем шлеме, да и все, и никто не знает, когда это произошло. Насколько нам известно, его первое появление произошло прекрасным утром в разгар завтрака, когда его выбросила из земли *minnie*,<sup>230</sup> очевидно, предназначенная для блиндажа. Раскидало его сильно, но как только завтрак закончился, Адольфа сгребли в кучу и снова похоронили, а каску с соответствующей надписью и указанием звания и полка прикрепили поверх могилы.

Через несколько дней он вновь оказался на свободе. Вряд ли стоило пытаться удержать его. Осталось от него немного: полдюжины костей, череп, часть штанины от брюк и фрагмент шинели с красными клочьями ткани. Кто-то привел его в надлежащий вид, нанизав останки на старой проволоке и водрузив на место его потрепанный шлем. Снаряды полностью разрушили тыльный траверс рядом со входом в блиндаж, и его так никогда и не восстановили, так что баварец стоял на виду — всего в нескольких футах — у всех, кто проходил вдоль траншеи или останавливался у входа, чтобы глотнуть свежего воздуха или допить чай. Большинство бойцов знали его, но с каждым новым движением в траншее появлялись новые люди, которые проявляли любопытство, и их вопросы в итоге сложились в довольно длинную и несколько противоречивую историю. С ним обращались очень любезно, а иногда так блестяще, что он переставал быть старой потрепанной шинелью, реликтом комедии войны, и становился великолепным молодым баварцем с горящими глазами и быстрой мимолетной улыбкой, с шиком носившим свою новую красивую форму, прощавшийся приятной шуткой и обещавший скоро вернуться.

Кто-то, видя его полную беззащитность, вовремя снабдил его старым штыком. По утрам после подъема, в ожидании завтрака, парни останавливались, чтобы обменяться с ним приветствиями или поздравить его с тем, что он чертовски удачно выпутался, или поинтересоваться, что ему известно о планах верховного командования. Но в его судьбе не было ничего странного, и он не был постоянным напоминанием о том, что в любую минуту подобная участь может постигнуть кого-то из них. Люди не нуждались в подобных напоминаниях; смерть была их делом, и они относились к ней привычно, потому что были с ней знакомы, и просто забывали обо всем этом, с нетерпением ожидая возвращения продовольственной партии с овсянкой, беконом и чаем.

— А вот и мы, ребята; “фриц” прислал нам на завтрак несколько “ананасов”.

Звук был похож на звук винтовки, стреляющей бракованными патронами. Когда граната взорвалась, очевидно, недалеко от траншеи, в тридцати ярдах справа, раздались другие восклицания, и в течение, возможно, пяти минут продолжался маленький

---

<sup>230</sup> Мина (англ. сл.)

обстрел. Затем он затих, но [потом еще раздавался] то один, то другой, с большими неравномерными интервалами, наверно по прихоти какого-то немецкого солдата, которому нечем было заняться.

— Эй, ребята, вы вдвоем — идите сюда и помогите с пайком.

Двое людей отправились без всяких вопросов, сначала позвонив в блиндаж:

— Эй, там, внизу! Все в порядке! Можете съесть свой хлеб с джемом и открыть мясную консерву. Сегодня утром в чае были мозги.

Но чай был хорош. И овсянка с беконом тоже, хотя сбоку на котелке виднелась большая вмятина:

— Кто это был?

— Смит и МакГрегор. С Маком покончено, а Смиту оторвало коленную чашечку.

— Черт возьми, почему они не держат глаза открытыми?

— Да ладно, ребята, я не собираюсь торчать здесь весь день, выясняя это.

После того, как все перешло в долгую осаду траншейной войны, на тихих участках фронта подобные случаи были весьма редки. В последние несколько недель моего пребывания во Франции нередко случалось, что батальон выходил на передовую линию с таким малым количеством потерь, что они оставались почти незамеченными. Но как бы часто не случались потери, они, как правило, не приближали смерть к оставшимся в живых. Каждый продолжал заниматься своим делом, словно был уверен, что доживет до окончания войны и вернется к мирным делам. И это не было вопросом веры или вопросом знания. Это можно было бы назвать надеждой, но то была надежда без ее противоположности — сомнения или страха. Человек мог в какой-то момент задуматься и откровенно признать возможность того, что не пройдет и дня, как он будет “растить маргаритки”,<sup>231</sup> но при этом он продолжал жить с совершенно определенным предположением, что этого не случится. И это была крайне необходимая [жизненная] позиция. Без нее человек не мог противостоять граду пулеметных пуль и разрывам ноющей шрапнели, а вместе с ней он встречал их, не думая об опасности. Он пригибался только для того, чтобы снова подняться и идти дальше. Но ему не нужно было вспоминать список потерь или смотреть на людей, падающих по обе стороны от него, чтобы понять, что это было всего лишь отношение к жизни. Поэтому в то мгновение, пока он ждал, человек сталкивался с возможностью никогда больше не подняться. Это мгновение могло быть наполнено тысячью реакций, настолько краткими, мимолетными, что, возможно, были заметны лишь две из них — это могло быть, во-первых, мгновенное съеживание от удивления при мысли, куда попадет эта проклятая штука, и, во-вторых, тусклое горькое размышление о том, что это чертовски хороший конец для человека. Но это было всего лишь мгновение; земля содрогнулась, взрыватель снаряда взвизгнул и зарылся в грязь под его носом, а он поднялся и пошел прочь, с причудливым, возбужденным, коротким смешком или криком своим товарищам. И может быть, уже в следующей воронке он скажет кому-нибудь из них: “Этот проклятый бош думал, что в тот раз ему выпал мой номер”.

И такое стало очень распространенным выражением подобного отношения. Иногда оно настолько глубоко овладевало нами, что доходило почти до суеверия; и я легко могу себе представить, как такое могло происходить от наблюдения за снарядами, летевшими по навесной [траектории], в те моменты, когда человеку нечего было делать,

---

<sup>231</sup> Ориг. *pushing up daisies*. Что-то вроде русского “склеить ласты”, или “откинуть копыта”.

кроме как наблюдать за ними, к примеру, в бездеятельный полдень, когда “фриц” решил немного оживить обстановку, попытавшись найти пулеметное место или отбить несколько ярдов траншеи. Он пускал в ход *minnenwerfer*. Нужно было следить за его минами, чтобы в момент, когда они начнут падать на землю, оказаться в другом месте, потому что если одна из больших мин приземлялась в двадцати футах от тебя, то тебя сразу отправляли на кладбище. В противном случае — если только ты не находился очень близко, — они с трудом могли тебя отыскать. Необязательно, чтобы в тебя попали; тебя могли прихлопнуть без следа.

Но для полного и потрясающего эффекта их нужно было видеть ночью, когда наши орудия вели интенсивный обстрел, или ради [огневого] налета или в качестве демонстрации, когда артиллерия начинала подготовку к атаке на другом участке фронта. Этого было достаточно, чтобы “фрицы” как следует разогнались и в дополнение к ливню из сигнальных пистолетов вывешивали еще несколько осветительных снарядов на парашютах. Когда все происходило как надо, воздух над передовыми траншеями и между ними освещался, словно сцена из примерно двадцати тщательно продуманных фейерверков на Четвертое июля, собранных воедино, хотя ничто, — ни взрывы смеха и аплодисментов, ни ровные зеленые лужайки, усыпанные шезлонгами и людьми в ярких полосатых пиджаках, — не указывало на то, что это не мрачное и неземное дело. Была только эта пропасть, рожденная громовым и пронзительным грохотом, окутанная клубами черного, белого или желтоватого дыма и оранжевыми отблесками разрывающихся снарядов, а над ней — осветительные артиллерийские снаряды, дрейфующие поодиночке, парами или тройками, белые, зеленые, красные, и повсюду следы и вспышки сигнальных ракет с белыми отблесками парашютов. Когда человеку удавалось стать свидетелем такого зрелища, это было редкое везение, и ему почти нечего не оставалось делать, кроме как наблюдать за ним; особенно новичку, который мог таким образом получить свое боевое крещение, не получив в то же время крещения кровью. Ему ничего не оставалось делать, кроме как слушать шипение и треск пуль (если вы их слышали, то могли быть уверены, что они близко) и уворачиваться от того, что падало в траншею. [В тот момент] не существовало ни боев, ни кипучей деятельности, ни обязанностей, которые отвлекали бы внимание. Некоторые люди молчали, другие постоянно кричали, обращаясь к тем, кто находился рядом с ними. Трудно сказать, что отражалось на их лицах. Возможно, это были отблески яркого света.

Когда такое представление было в самом разгаре, можно было часто заметить такие маленькие объекты, как “ананасы”, — если вы случайно ловили их в нужный момент, — а *minnie* можно было увидеть почти всегда. Они взмывали вверх, и их можно было засечь прежде, чем они достигали вершины своего полета. Казалось, они никуда не спешат. В сероватых отблесках их бока блестели, как тусклая медь. На вершине полета они чуть зависали и медленно разворачивались вниз, двести фунтов стали и Т.Н.Т., рыская вокруг, как что-то неуловимо живое, вынюхивающее добычу. Ветерана или любого другого человека, полностью контролирующего себя, мало волновали те из них, которые виднелись по сторонам: “Да ладно тебе, грязный ублюдок; старушка Крупп даже не знает моего номера”, — но он следил за теми, которые находились прямо перед ним, заметить которых было [гораздо] труднее. Иногда на вершине своего полета они исчезали из виду или становились лишь тусклыми тенями: “Так, приятель, следи за этой”. Если они были длинными или короткими, то, вообще говоря, их было гораздо легче увидеть, чем когда угол снижения приводил их на позицию наблюдате-

ля. Но в лучшем случае, пока люди состязались в умении противостоять видимой смерти, в конце траверса мог раздаться мягкий, сотрясающий землю толчок, и они тут же оказывались в грязи как можно глубже, не имея никакой возможности что-либо сделать с той шутовщиной, на которую они смотрели, и которая в любую секунду могла приземлиться на спину.

После такого опыта не нужно было быть нервным или робким человеком, чтобы выработать в себе нечто вроде суеверного благоговения перед этими чудовищами. Стоя снова у бруствера, наблюдая, как они взлетают в серый воздух и скользят вниз к траншее, человек вдруг вспоминал те пять минут, в течение которых он все это проделывал, не обращая внимания на то, что могло в любой момент упасть незамеченным. Нетрудно было представить, что на зловещей поверхности [мины] выгравирован номер его полка. Но его не было ни на той, ни на другой, и возможно, номера выпадали одной из них там, в дыму над ним. Но ничего не прилетело, и человек снова наблюдал за свистящими пулями, иногда резко заканчивающимися тихим *шмяканьем*. Любой из них мог выпасть его номер. Но у той, которую он слышал, его не было, потому что роковую [пулю] услышать было невозможно.

Люди, конечно, привыкали к ним. Когда можно было, вы пригибались, но когда нужно было идти, вы могли идти так, как будто вокруг не было пуль. Когда вы были видны, или находясь на известном опасном месте, вы спешили; но ночью, идя по открытой местности на позициях поддержки или за их пределами, человек мог пригибаться, только если прямо перед ним открывал огонь пулемет, и когда по звуку понимал, что тот стреляет по нему. Затем, когда он поворачивался в другую сторону, человек мог встать, чтобы быть сраженным пулей, прилетевшей под большим углом из пулемета, который он едва слышал. Некоторые люди всегда пригибались или стремились к этому; другие не обращали никакого внимания на блуждающий пулеметный огонь, и шли дальше так, как будто [по ним] стреляли холостыми. Иногда по открытой местности приходилось преодолевать большие расстояния, и из группы идущих таким образом людей половина могла опуститься в любой неглубокий окоп, который попадался им на пути, и идти по нему до тех пор, пока это было возможно; другая половина придерживалась вала, пока не достигала полноценной траншеи.

Припоминаю, как однажды ночью перехватил группу, доставлявшую воду для пулеметного расчета, чей привычный адрес был на передовой линии, но в ту ночь находившегося примерно в двухстах ярдах позади. Траншея поддержки была едва ли лучше кривой грязной канавы, в которой никто не останавливался. Я прошел вдоль нее примерно до того места, где к ней должны были подойти водовозы, идущие по открытому участку. Местность периодически простреливалась пулеметами с обоих флангов и с фронта. Фронтальный огонь велся здесь поверх голов, и, вероятно, был безопасен, так как предназначался для того обширного ночного движения, происходившего дальше. Я сидел и слушал пулеметы и их шипящие маленькие пули, пока не показалась группа — шесть смутных пятен в темноте немного правее от того места, где я сидел. Четверо из них сразу же спустились в маленькую траншею, а двое других повернули вдоль вала. Когда я заговорил и предложил им свои шесть пустых фляг из-под воды, они остановились.

— Ну добро, — произнес первый из двух человек на валу. Я забыл его имя, но очень отчетливо помню его телосложение и черты лица, а также то, что он был родом



из какого-то места в лесах Онтарио, около Кокрана.<sup>232</sup> Я подождал, пока он спустится в траншею, где остальные уже прислонились к стенке, желая отдохнуть несколько минут и скоротать время. Но он не спускался.

— Давай по одной, — сказал он. Я передал фляги, отдав ему одну за другой. И как раз в эту минуту, как будто пулеметчик видел, что человек остановился, раздался резкий отчетливый выстрел, который говорил о том, что [его] ствол направлен точно сюда. Я сразу же заметил, что это не тот пулемет, который был слышен мне с той стороны, — тот, о котором подумал я, стрелял поверх голов. Я также заметил, что он стрелял с рассеиванием по фронту, в то время как другой, как я предполагал, был зафиксирован.

— Ты, придурок, — произнес кто-то, — тебе лучше пригнуться.

— Черт, если они не попадут, то и вреда не причинят. — Затем, повернувшись ко мне, он добавил: — Ты когда-нибудь видел тот колодец, откуда мы брали воду? Там есть небольшой кусок кирпичной стены, и они почти изрешетили ее из пулемета. Приходится ждать на небольшом расстоянии, чтобы кирпичная пыль не попала в глаза; а потом, пока ждешь, какая-нибудь другая проклятая партия пробирается вперед.

Тем временем они начали наполнять мои фляги. Человек наверху поднял одну из своих жестянок из-под бензина, зажал ее между коленями и, наклонившись, держал флягу, чтобы налить воду. Для этого ему пришлось опустить голову довольно низко, чтобы он мог хоть немного видеть, что делает. Затем пулемет снова выстрелил, и первая очередь была короткой. Теперь, казалось, он приступил к делу, и пули в медленном темпе рвались в нескольких метрах справа от нас, а нарастающий звук выстрелов говорил нам о том, что ствол идет в нашу сторону.

— О, попал, чертов болван, — произнес человек. А затем: — Ну, я... Эй, ребята, наполняйте фляжки из этой жестянки, в ней две лишние дырки.

Траншейная война вскоре превратилась в рутину, хотя каждый новый участок [фронта] предлагал свои маленькие вариации в плане условий жизни, снабжения, связи, пулеметной и артиллерийской деятельности, возможностей для наблюдения и т.д. И каждый день, почти каждый день, приносил с собой какой-нибудь странное происшествие, причуду судьбы или незначительное обстоятельство, которое выбирало между жизнью и смертью. Некоторые из них заняли в окопных сплетнях место, сравнимое со многими нашими традиционными суевериями; но полноценными суевериями они так никогда и не стали, [поскольку] им никогда не придавали больше значения, чем они того стоили. Самым известным примером, пожалуй, является карманный оберег, который отводил в сторону пулю, направленную в сердце. Другим любимым талисманом было стальное карманное зеркальце. Человек перекладывал его из рюкзака в карман, всем своим видом показывая, что он вот-вот его забудет:

— Черт возьми, эта чертова штука, возможно, спасет мне жизнь; не то чтобы мне было на это наплевать; просто подыщу себе хорошенькую женщину в Мэдсин-Хэт.<sup>233</sup>

— Мэдсин-Хэт, ну надо же! Ты превратишься в растущие маки в Байёле, когда наступит новая весна.

Нет, ребята не очень беспокоились об этом, а те, кто был к этому склонен, не смогли бы продолжать в том же духе. И еще одно: не думаю, что мы когда-либо брали с

---

<sup>232</sup> Город в канадской провинции Онтарио.

<sup>233</sup> Город на юго-востоке канадской провинции Альберта.

собой в траншеи Господа Бога. Известно, что немцы вырезали над входом в свои блиндажи такие надписи, как *“Gott mit uns”*, [наносимые] на пряжках ремней. Возможно, это и хорошо, но думаю, что большинство из нас оставили Бога в стороне. У тех же из нас, кто был очень религиозен, Бог был лучше; в крайнем случае, мы могли обратиться к нему за помощью, не обвиняя в пристрастности в этом деле.

О более захватывающих боевых действиях писать не так просто. Прежде всего, есть битвы и “битвы”. Есть огромная разница между таким неприятным событием, как дело у Сент-Элуа — хотя оно и было небольшим — и Соммой, которое было значительным. Из этих двух случаев, думаю, любой бы выбрал полдюжины Сомм, а не одну Сент-Элуа. На Сомме мы куда-то пошли, покончили с этим, собрались и были отведены. При Сент-Элуа мы ползли или прорывались вперед и назад по одной и той же местности ежедневно и еженощно на протяжении нескольких недель. Было несколько великолепных моментов, но в них, неоднократно заканчивавшихся ничем, кроме еще большей крови и грязи, есть что-то удручающее и жалкое. Как вели себя люди? Они просто продолжали [работать].

Но даже при рассмотрении тех сражений, которые, как и планировалось, привели к реальным успехам, есть огромная разница в условиях. И в одном и том же сражении многое зависит от того, начали вы его или закончили, или пришли к середине. Часто те войска, которые начинают атаку и овладевают первыми целями, действуют лучше, чем те, которые переходят в наступление в последующие дни. Обычно первые атакующие войска выходят с довольно удобных позиций, которые становятся непригодными только к моменту ухода с них на восток, в сторону немецкой линии фронта. Они могут сталкиваться с такими же тяжелыми боями, как и все остальные, но обычно в начале находятся в лучшей форме. Они пришли после менее тяжелого марша и с меньшим количеством изнурительных задержек; и этот маленький вопрос ожидания, как правило, более труден, чем бой. Подразделения точно знают, когда должны начать, и, как правило, им не нужно беспокоиться об обстреле с обоих флангов. Им остается только дожидаться переноса огневого вала, и этот промежуток времени обычно используется для проверки и просмотра всех необходимых особых распоряжений. Однако обычно условия не способствуют любого рода разговорам, а когда же противник устраивает встречный заградительный огонь, разговоры становятся почти невозможными. Время от времени люди будут кричать в уши тем, кто находится рядом с ними, и иногда во время этих слов могут быть краткие взаимные напоминания, чтобы удостовериться, что те, кто вернется домой, будут знать о том, что в конце не было ничего особо печального, — ведь большинство людей в это время сталкиваются с возможностью того, что их оставшееся на земле время может исчисляться минутами. Я редко когда замечал какие-либо признаки особой озабоченности по этому поводу. Конечно, существует нервное напряжение, более сильное, чем многие осознают; но оно вызвано не самой неизбежностью смерти, а лишь тем, что именно в терминах смерти должны быть указаны результаты следующего броска игральных костей; напряжение здесь отличается лишь степенью точно такого же [чувства], которое возникает перед любым важным событием, от которого многое зависит, которое является окончательным, после которого не могут быть исправлены никакие ошибки.

Те же, кто помудрее, спокойно изучают практические аспекты; они уже отметили характер вражеского заградительного огня. Выявив в нем разрывы, они указывают на них остальным как на благоприятные места для броска. Если условия благоприятству-

ют этому, то все люди уже выведены на передовую позицию, где затаились, ожидая последней команды. Таким образом, это не является особенно плодородным полем для психологического анализа. В основном, это простой вопрос того, что бойцы чувствуют себя в форме, что они в полном порядке. И хотя сказать об этом просто, такое состояние трудно достичь и поддерживать.

И именно в этом заключается смысл моей песни о стрелках. Когда у вас есть хороший стрелок, у вас есть человек, который уверен в своей способности позаботиться о себе; и это качество относится не к винтовке, а к самому человеку. Тем самым у вас есть средство, которое можно быстро настроить на выполнение любого дела. Никто не может сказать, какой будет следующая война, какие условия будут складываться и какое оружие будет разработано для их удовлетворения; но совершенно точно одно, — потребуются люди, и будет как никогда важно, чтобы эти люди были отлично подготовлены. Винтовка, конечно, является основным оружием. Она принадлежит исключительно отдельному солдату; она идет везде, куда бы не отправился он; она не расходуется, не выводится из строя так, что ее невозможно вовремя привести в боевую готовность. Человек, который глубже всех понимает ее применение и ценит ее возможности, первым же признает ее ограничения и, когда это необходимо, приспособится к чему-то другому. Его учат не тому, как выиграть войну с винтовкой, а тому, как выиграть войну. Он охотник и боец, а не специалист, который теряется, когда его специальность его подводит.

Такой человек оказался примерно так же хорошо подготовлен к развитию траншейной войны, как и самый тонкий стратег или студент в военном деле; ибо эти люди совсем не были к ней готовы, несмотря на то, что, по крайней мере, в двух странах, эти люди готовились к конфликту сорок лет. Германские легионы были брошены вперед плавно, по плану, и развернулись по дуге, которая через шесть недель должна была принести им победу. Были приведены в движение французские армии. Британия выслала свою горстку солдат. Бельгия храбро защищала свои форты и отступила. И вскоре где-то к северо-востоку от Парижа целая британская армия прошла между двумя немецкими, причем ни одна из них не знала, что происходит. Затем они разобрались между собой, и мы получили поле боя длиной в пятьсот миль, осадную войну нового типа. И пока разрабатывались и поставлялись соответствующие осадные орудия, стрелок выполнял свою работу. Когда он не мог использовать свою винтовку, то изготавливал подручные гранаты из консервных банок из-под бобов.

Он сыграл главную роль в предотвращении катастрофы при отступлении от Монса. И он остался в работе. Никогда нельзя будет узнать, что случилось бы, если бы не произошло что-то другое, но не менее интересно порассуждать о том, сколько было случаев, когда быстрое решение простой нештатной ситуации предотвращало наступление чрезвычайной ситуации, которая могла оказаться далеко не простой. Такие мелочи могут возникать внезапно, на продвинутой стадии сражения, на третье серое утро, перед восходом Солнца, когда связь плохая, а видимость нулевая. Тонкая линия людей только что вошла в траншею, но еще не овладела ею, когда бдительный глаз обнаруживает, что масса врага выходит на открытую местность для сильной контратаки, вливаясь через обширный ход сообщения или вдоль скрытого дефиле. Об этом не знает никто, кроме человека, который это видит, и полудюжины тех, кем он может быстро командовать. Нужен не только меткий стрелок, но и охотник, чей инстинкт, или хорошо привитое обучение, заключается в том, чтобы перехитрить и преодолеть [врага],

позабывшись о себе. Он сражается с мешками с песком, колючей проволокой, вражескими пулеметами, вражескими гранатами, тихим призывом о помощи, но больше всего с находчивостью и уверенностью в себе. Именно это оправдывает настойчивые требования к стрелковой подготовке, поскольку винтовка — это индивидуальная рука, и акцент [здесь] делается на человеке; в других же вещах акцент делается на [воинской] специальности, и правильном времени и способе ее использования.

Я хочу, чтобы вы поняли, — это не следует рассматривать как точку зрения, с которой я шел на войну. Это, как и многое другое, истинная правда. Я был стрелком, но я не задумывался о более широких и практических последствиях того, что означает хорошая и тщательная стрелковая подготовка. Но теперь, когда я пытаюсь собрать [воедино] и изложить некоторые из своих впечатлений и наблюдений, то обнаруживаю, что главное, что здесь появляется, — это демонстрация ценности такого рода подготовки. Если эти замечания имеют хоть какой-то интерес, то он должен быть практическим. Меня интересовали не тени, а предметы, которые их отбрасывают; меня интересовали не узоры, а силы, которые их создают; меня интересовали не теории, а опыт, который их проверяет или опровергает.

Большую часть времени я был пулеметчиком. Все мои успехи в обращении с этим оружием были в значительной степени обусловлены моей предыдущей подготовкой и опытом стрелка, и эту подготовку не могли заменить никакие специальные инструкции. То же самое можно сказать и о моих наблюдениях за другими. Эта глава началась со смутного намерения рассказать что-нибудь о реакции солдат на условия современного поля боя. Это поле, прекрасное поле, достойное пера драматурга. Чистый результат моих наблюдений для практических целей можно свести к одному замечанию: люди вели себя хорошо ровно в той мере, в какой они чувствовали себя соответствующими случаю. И опять же, о стрелке. Человек, который *знает*, что он может *стрелять* и *попадать*, вытащит себя из любой плохой ямы. А если он не сможет выбраться, то сможет умереть в бою, но [при этом] не будет того окончательного отчаяния от сознания бесполезности своей смерти; я знаю, что люди умирали безропотно и великолепно ровно в той мере, в какой они не смогли обнаружить, что своей смерти можно было бы избежать путем получения более адекватного обучения и подготовки. И если вы думаете, что слишком многое приписывается проницательности среднего, не слишком умного, солдата, [возникающего] в его последнюю минуту, то вы ошибаетесь. В критических обстоятельствах на лице каждого умирающего появлялось откровение. И не нужно было быть мистиком, чтобы прочесть его.

## ПОСЛЕСЛОВИЕ

Пятнадцать лет. Большой срок, но кажется, что всё было только вчера. Как легко вспоминаются старые лица, старые голоса, старые характерные привычки — так легко, что не сразу понимаешь, что большинство из них выплывают из потустороннего мира. [Вот] этот живет, может быть, где-то в средних годах, а тот — уже почти старик, но на каждого из них приходится полдюжины тех, кто ушел туда, где уже не постареешь.

Куда и как они ушли? Жертвы войны...

О некоторых из них мы знаем все подробности, последние слова. О других мы помним из первых рук — пуля, ноющий осколок стали, мина траншейного миномета, упавшая незамеченной в общей суматохе. Но подавляющее большинство — просто потери, подтвержденные цифрами.

Как весело маршировали и пели они по заснеженным дорогам Канады! А в Англии они шли, с еще неугасшим энтузиазмом, но с мятежным нетерпением ожидая начала боевых действий. Потом — ах, потом! Парадные часы остались позади; в окопах наступила ночь; некоторые погибли. Переход от учебного плаца к полю боя был сделан так легко, что внезапно бесконечные задержки показались далеким прошлым, а война — старой игрой. Первый разбитый снарядами дом был трагическим курьезом; но вскоре они двигались мимо них как среди вполне естественных явлений. Первые погибшие оставили странную брешь, но остальные просто исчезли. Батальон вошел — и некоторые не вышли. А потом снова, и снова.

Общий эффект не осознается, если только по какой-то случайности не оказаться в тылу, когда батальон снова собирается вместе. Он “сомкнул ряды”; возможно, кто-то запланировал на ужин “яичницу с чипсами” с бутылкой *vin ordinaire*,<sup>234</sup> чтобы отпраздновать это краткое возвращение к цивилизации; и кое-кто из предполагаемых участников вечеринки отсутствовал.

Но только после возвращения из увольнительной человек с тревогой осматривал ряды в поисках знакомых лиц, и отсюда они казались изменившимися. Затем человек понимал, что изменилось, что появилось много новых лиц. Вернувшийся неуверенно ждал тот или иной взвод, чтобы переброситься парой слов с одним или другим бойцом о визите в Лондон: “Он сошел с ума, Мак”... “Умер”... “Нет, в Блайти, но на время, а потом — оттяпали ногу”...

У десятка-другого людей, также только что вернувшихся, были похожие переживания:

— Где Рэд?

— “Отправился на Запад”.

— Скажи, связист, твой давний друг отправился в дальний поход.

— Да; могу тебе все рассказать, если ты захочешь написать его жене.

Все было очень просто. Через день-два ряды пополнялись. И время от времени вновь появлялось старое лицо, чуть побледневшее и такое неловко-посвежевшее в новой форме. Это было медленное дело войны. В конце концов, в Канаду из первоначального состава [батальона] вернулось около двух сотен. Более тысячи погибло.

Но ни разу среди людей не было заметно беспокойства или даже осознания того,

---

<sup>234</sup> Ординарное вино (фр.)

чем закончится эта постепенная децимация.<sup>235</sup> Они продолжали выполнять свою работу. Батальон был всего лишь одним [из многих] — и далеко не первым. Этим людям никогда не придется пережить то, что пережила Первая дивизия, беззащитная и не знавшая, чего ожидать.

\* \* \* \* \*

Тем читателям, которые интересуются историей, знакомы [проявления] человеческой стойкости, примером которой являются греки при Фермопилах; все мы читали о “Горации на мосту”<sup>236</sup> и других подобных легендарных примерах сурового мужества.

Я далек от того, чтобы оспаривать или пытаться принизить подвиги этих древних героев, но смиренно заявляю, что позиция канадцев под Ипром, когда они подверглись испытанию ядовитым газом — адским составом, придуманным такой совершенно непостижимой вещью, как немецким разумом — должна занять первое место в качестве эпоса человеческого мужества и преданности долгу.

Там, [оказавшись] в меньшинстве, [при соотношении] более чем четыре к одному, при слабой артиллерийской поддержке и небольшом количестве пулеметов, они встретили и остановили продвижение вражеской орды.

*И сделали они это с помощью винтовочного огня.*

Там, в те знаменательные дни с 23-го апреля по 8-е мая 1915 года, погиб цвет канадского рыцарства, среди которых был и доблестный джентльмен, безупречный стрелок, подполковник Харт МакХарг, пришедший в 1913 году с канадской стрелковой командой в Кэмп-Перри и завоевавший приз “Palma” в индивидуальном зачете у лучших стрелков, которых мы смогли выставить против него.

Для людей, сражавшихся под кленовым листом Канады, история достижений этих бессмертных бойцов Первой дивизии так же священна, как Евангелие. В последующие годы войны каждая дивизия, прибывая на фронт, старалась подражать подвигам Первой.

Ипр; Сомма; Вими-Ридж; Пасшендель; Амьен; Аррас; Камбрэ; Валансьенн; Монс — все они золотыми буквами выписаны на канадском геральдическом щите. Но величайшим из них был ИПР.

---

<sup>235</sup> Децимация (от лат. *decimatio*, от *decimus* — “(каждый) десятый”) — высшая мера дисциплинарных наказаний в римской армии, представляющая собой смертную казнь каждого десятого по жребию. Здесь, в переносном смысле: постепенное выбывание из строя военнослужащих, из-за которого подразделение “тает”, пополняясь новичками.

<sup>236</sup> Публий Гориций Коклес (лат. *Publius Horatius Cocles*) — полулегендарный древнеримский герой, якобы живший в конце VI века до н. э. и защитивший римский Свайный мост во время войны с царём этрусков Порсеной. История его подвига вдохновляла многих деятелей литературы и искусства эпохи Возрождения и Классицизма.



**Герберт МакБрайд**

Герберт МакБрайд (*Herbert W. McBride*) родился в городе Ватерлоо, штат Индиана, в 1873 году в семье военнослужащего. С детства увлекался охотой и стрелковым спортом, принимал участие в национальных стрелковых соревнованиях. В юности, переболев туберкулезом, по совету врачей переехал на запад США (Колорадо и Нью-Мексико) для смены климата. Впоследствии, во времена Золотой лихорадки 1898-1900 годов, посетил Клондайк.

Был призван в Национальную гвардию штата Индиана, в 1907 году получил звание капитана. Перед Первой мировой войной путешествовал по Британской Колумбии, где, узнав о начале войны, пошел добровольцем в канадскую стрелковую роту г. Оттава. Первоначально подтвердил свое офицерское звание, однако из-за ряда инцидентов, связанных с чрезмерным употреблением алкоголя, был разжалован в рядовые.

После боевой подготовки в Англии, принимал участие в кровопролитных боях на Сомме и в районе Ипра. Являлся командиром пулеметного подразделения, больше известного как "Эмма Джис", одновременно занимаясь снайпингом. В качестве снайпера уничтожил более 100 немецких солдат и офицеров.

В феврале 1917 года, из-за хронического пьянства, вызванного боевым стрессом, был исключен из состава Канадских экспедиционных сил, после чего служил в Армии США на должности инструктора по снайпингу в Кэмп-Перри до 1918 года. После войны работал в Орегоне.

Скончался 17 марта 1933 года в Индианаполисе от сердечного приступа.

Является автором двух книг: "*The Emma Gees*" (1918) и "*A Rifleman Went to War*" (1935).